

© С.А. Иванов, 2009

С.А. Иванов

ПЕТР, КАРЛ, ИВАН.

К 300-летию Полтавской битвы.

Запорожье, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. КТО ЕСТЬ КТО ПЕТР, КАРЛ, ИВАН?	
Петр Алексеевич Романов - русский царь	7
Карл XII – шведский король	16
Иван Степанович Мазепа - украинский гетман	21
ГЛАВА 2. РОССИЯ И ЕВРОПА В КОНЦЕ XVII ВЕКА	
Южный вектор России	40
Шведская политика в отношении России	42
Европейская geopolитика	44
Внешняя политика гетманской Украины	47
ГЛАВА 3. НАЧАЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ	
Первые поражения и первые успехи	53
Украина глухо волновалась...	65
Правобережные проблемы	71
ГЛАВА 4. ПОЛЬСКИЙ ПОХОД КАРЛА XII	
Шведская армия уходит в Польшу	78
Польская кампания гетмана Мазепы	85
Поражение русско-казацкого войска в Литве	89
Новые разочарования гетмана	93
Отречение и предательство Августа II	98
ГЛАВА 5. ПЕРЕД ВТОРЖЕНИЕМ	
В поисках союзников. Совет в Жолкве	102
Тайные переговоры Мазепы	108
История Кочубеевского доноса	118
Народные восстания в России	125
ГЛАВА 6. НАЧАЛО РУССКОЙ КАМПАНИИ	
Первые победы	133

Разгром Левенгаупта под Лесной	143
Октябрь 1708 года. Уход Мазепы	151
Реакция Петра и разрушение Батурина	163
ГЛАВА 6. ОТ БАТУРИНА ДО ПОЛТАВЫ	
После Батурина. Информационная война	183
Страшная зима	189
По Слободской Украине	195
Восстание запорожских казаков	202
ГЛАВА 7. ПЕРЕД ПОЛТАВОЙ	
Укрепление Полтавы	218
Осада Полтавы	225
ГЛАВА 8. ПОЛТАВСКАЯ БИТВА. ТРИУМФ РУССКОГО ОРУЖИЯ	
Расположение войск и планы сражений	238
Перед боем	243
Начало боя. 27 июня, второй час ночи	247
Прорыв поперечных редутов. Конец первого этапа	259
Перед решающей схваткой	261
Девятый час утра. Началось...	264
Триумф Петра и русского оружия	270
ГЛАВА 9. БЕГСТВО И ЭМИГРАЦИЯ ПОБЕЖДЕННЫХ	
Капитуляция Левенгаупта	276
Бегство побежденных. Смерть Мазепы	280
Эхо победы	285
ЭПИЛОГ	289
Хронология	291
Список использованной литературы	297
Карты	
Персоналии	
Памятники	
Баталии	

ВВЕДЕНИЕ

Трудно найти в истории взаимоотношений между Россией и Украиной события более значимого, чем Полтавская битва. Военный триумф русского царя Петра I, ужасающее поражение шведского короля Карла XII, политическая катастрофа гетмана Ивана Мазепы вот уже триста лет будоражат воображение историков, политиков, художников и писателей. Множество научных исследований, диссертаций, монографий, поэм, кинофильмов посвящено событиям начала восемнадцатого века. Беззастенчиво эксплуатируя доверчивость читателей, многие авторы выдают свои личные симпатии за истину в последней инстанции. Зачастую действия тех или иных исторических персонажей рассматриваются под углом зрения существующей политической конъюнктуры, а не с позиций того времени, того положения, в котором они оказались. Конечно, легко навешивать ярлыки типа: Мазепа – предатель, Карл – авантюрист, Петр – душитель украинской государственности. Гораздо сложнее умственно потрудиться и разобраться в тех далеко не простых событиях, в которых причудливым образом переплелись и geopolитические процессы, и личные судьбы.

Как это ни странно выглядит, но профессиональные исследователи вполне обоснованно утверждают, что в истории Северной войны еще очень много белых пятен. Кроме того, большинство авторов книг, посвященных Петровской эпохе и Гетманщине, нередко противоречат друг другу, вследствие чего часто трудно бывает понять, что же происходило на самом деле. К этому можно добавить практически полное отсутствие военно-топографических карт, способствующих пониманию хода войны и особенно Полтавской битвы.

Какую же задачу ставит перед собой автор? Прежде всего, попытаться ответить на вопросы "ЧТО, КАК И ПОЧЕМУ", стремясь понять смысл событий той исторической драмы, которая развернулась на просторах Европы, понять те причины, вынуждающие главных героев действовать так, а не иначе. Автор надеется, что ему удастся дать читателю достаточно ясное

представление об участниках великой эпопеи, приведшей к перемене судеб России, Швеции, Украины, да и всей Европы, без политических интерпретаций и эмоционального окрашивания. История – не служанка политики, а ее мудрый наставник.

В конце текста приведены карты, что должно значительно облегчить понимание событий того времени. Крайне желательно, чтобы читатель по этим картам сверял передвижения персоналий и войск.

Вполне возможно, что читатели предложат свои находки в виде оригинальных исследований, иллюстраций, карт, памятников и т.д. Автор будет благодарен за их присылку.

Во всяком случае, автор искренне благодарит всех, кто взял на себя труд прочитать эту книгу.

ГЛАВА 1

КТО ЕСТЬ КТО ПЕТР, КАРЛ, ИВАН?

Петр Алексеевич Романов – русский царь

Первый российский император Петр родился 30 мая 1672 года. Его родителями были царь Алексей Михайлович и 21-летняя дочь незнатного дворянина Наталья Кирилловна Нарышкина. Через четыре года Алексей Михайлович скончался, и русский трон занял болезненный Федор, сын от первой жены – Марии Ильиничны Милославской. С детских лет будущий император рос в условиях вражды между двумя дворцовыми партиями – Милославскими и Нарышкиными. Короткое царствование Федора закончилось ранней смертью в апреле 1682 года, после чего сразу же возникла критическая ситуация, вызванная борьбой за власть между двумя группировками. Жестокая схватка совпала с восстанием стрельцов и солдат московского гарнизона, подхваченная низами столичного населения. В результате кровавых беспорядков восставшие захватили Кремль и стали диктовать свою волю правительству. Стрельцы настояли на объявлении 16-летнего Ивана, младшего брата Петра – первым царем, а десятилетнего Петра – вторым царем, Софью же, их сестру – регентшей при них. При общем изумлении Европы в Московском государстве возникло уникальное явление – троевластие.

Реальная власть оказалась в руках умной и честолюбивой Софьи, царствование которой продолжалось семь лет. Иван и Петр, номинально являясь царями, принимали участие только в посольских приемах и дворцовых церемониях. Опальная Наталья Нарышкина, будучи по статусу вдовствующей царицей, фактически была отправлена Софьей в загородное село Преображенское. Отстраненный от московских дел юный Петр посвящал все свободное время воинским играм и потехам. Приставленный к нему чиновный люд собирал детей дворян в батальоны "потешных" войск, добавляя туда молодых ребят холопского звания. "Потешные" были одеты в

настоящие мундиры и по приказам неугомонного Петра овладевали азами солдатской выучки. Сам Петр прошел все солдатские чины, начиная с барабанщика.

Первое знакомство и сближение с иностранцами произошло в Немецкой слободе, недалеко от села Преображенское, где селились иноземные мастеровые, военные специалисты, приехавшие в Россию при покойном Алексее Михайловиче. Петр, вызывая осуждение тогдашней московской знати, включая патриарха Иоакима, считавших "немцев" богомерзкими еретиками, ломал традиции и назначал иностранных офицеров капитанами, майорами и полковниками в свои "потешные" батальоны.

В отношении образования юный царь не мог похвастать какими-либо успехами. В детстве к нему приставили подъячего Приказа Большой казны тихого Никиту Моисеевича Зотова, который научил смышленого Петрушу азбуке, чтению и письму. За время обучения Петр выучил назубок Евангелие, часослов и псалтырь. Любознательный мальчик пристрастился к книгам с картинками исторического содержания. Недостаток раннего образования всю свою жизнь огорчал царя, он так и не научился грамотно писать, делая чудовищные ошибки, и с трудом выражал свои мысли в письменном виде.

Софья, наблюдавшая за братом из Кремля, неодобрительно относилась к забавам "озорников", как она называла "потешное" войско. Ее семилетнее правление было примечательным тем, что она привлекла к управлению Посольским приказом первого русского западника, князя Василия Васильевича Голицына. Именно он и его сторонники сделали все что могли, чтобы подготовить почву для реформ, которые впоследствие так широко и успешно реализовал Петр.

Юный царь, хотя и отдавал большую часть своего времени "потешному" войску, внимательно и с очевидным неудовольствием следил за старшей сестрой и ее фаворитом. Конфликт между Петром и Софьей, разжигаемый матерью, опальными Нарышкиными и другими преданными Петру людьми из числа знати, недовольными своим положением, назревал и разразился в

1689 году. В январе царица Наталья Кирилловна женила Петра, подыскав ему невесту, красавицу Евдокию Лопухину. Женитьба царя означала его зрелость, дававшая ему право царствовать единолично. После двух неудачных Крымских походов, которые возглавлял князь Голицын, московской знати и самому Петру стало ясно, что мирного исхода не будет. Инициатива наступления, по всем признакам, принадлежала Петру. Он, испугавшись слухов о возможном перевороте и посланных к нему для ареста стрельцов, бежал в Троице-Сергиев монастырь и оттуда послал приказ явиться к нему солдатских и стрелецких начальников со своими полками. Софья, ходившая в тот день на богомолье, сделала попытку остановить их, но безуспешно. Не помог ей по ее просьбе и патриарх Иоаким, приехавший в Троицу и оставшийся там. Софья поняла, что проиграла, сама поехала в Троицу, но ее туда не пустили, передав повеление Петра возвратиться в Москву и ждать решения. Окончательно ситуация разрешилась только через месяц. Заговорщики были выданы Петру и после допросов и пыток казнены, саму Софью отправили в Новодевичий монастырь.

После своей победы Петр продолжал свои "потешные" забавы, а власть перешла в руки матери, Натальи Кирилловны и ее окружения, правление которых, по оценкам современников, было "весьма непорядочное" и сводилось к "*мздоимству великому и краже государственной*".

Только в 1693 году Петр начал осознавать свою роль и предназначение в российском государстве. Оказавшись в Архангельске, единственном морском порту России, он впервые увидел море и настоящие большие корабли. Но тогда первой внешнеполитической задачей юного царя было все же южное направление. Петр мечтал отомстить туркам и крымским татарам, захватившим древнерусские земли. Подталкивали его и союзники по антитурецкому Священному союзу: Австрия и Польша.

Первый петровский поход на Азов был неуспешен. Наверное, он вспоминал князя Голицына, также не достигшего успеха в этом направлении. Но именно после этого похода царь продемонстрировал свою способность не

опускать руки и свою волю в достижении поставленных целей. В Воронеже началось строительство флота, была собрана новая армия, в которую приглашались даже холопы, которым обещалась воля. Менее чем через год русская армия вновь подошла к Азову, и на этот раз турецкий гарнизон капитулировал. 19 июня 1696 года Петр праздновал свою первую победу.

А после началось знаменитое Великое посольство в Европу 1697-1698 годов, целью которого, по словам русского историка В.О. Ключевского, было "*все нужное там высмотреть, вызнать, перенять европейское мастерство, сманить европейского мастера*". Сам царь ехал в составе посольства под именем волонтера Петра Михайлова. Прибыв в мае 1697 года в Кенигсберг, царь учился артиллерии и даже получил аттестат, удостоверяющий, что он – искусный артиллерист. В июне Петр отбыл в порт Пилау, направляясь в Нидерланды, но задержался по причине срочного вмешательства в польские дела, результатом чего стало избрание польским королем саксонского курфюрста под именем Августа II. В дальнейшем имя этого курфюрста будет часто встречаться читателю, поскольку именно он подтолкнул Петра выступить против шведов, затем вел двойную игру, изменил русскому царю, отрекся по настоянию Карла XII от польской короны в пользу Станислава Лещинского, а после Полтавской победы вновь вошел в доверие к Петру, который вернул ему польскую корону.

Прибыв в Голландию, Петр инкогнито поселился в домике кузнеца, работавшего ранее в России и узнавшего его. Царь учился корабельному делу как простой мастеровой, но вскоре весть о том, что на верфи работает русский царь облетела всех жителей. В августе 1697 года Петр переезжает в Амстердам, туда же прибывает и Великое посольство. Специально для него закладывается новый корабль, чтобы "*знатная особа, пребывающая здесь incognito*" могла изучить все этапы его постройки и оснастки. Вместе с ним работали русские вельможи, включая А. Меншикова и Г. Головкина.

Одновременно с работой на верфи царь руководит Великим посольством. Впервые царь знакомится с хитросплетениями европейской

политики, познает горечь осознания того, что он не воспринимается как равный другим государям, что Россия не является многообещающим торговым партнером. Когда же корабельная практика была освоена, и Петр узнал "*что подобало добруму плотнику знать*", он решает ехать в Англию для изучения теории кораблестроения. В январе 1698 года Петр по приглашению английского короля Вильгельма III прибывает в Лондон., крупнейший город и порт мира, который в том году посетило тринадцать тысяч кораблей. Более четырех месяцев провел в Англии царь, постигая новые науки и знакомясь с жизнью передового европейского государства. Специально для него устроили на главной базе английского флота учения самых мощных в мире на тот период военных кораблей.

Приближалось время возвращения в Россию, оставалась еще Венеция, куда стремился царь для продолжения изучения корабельного мастерства, где были арсеналы и большой галерный флот. На этом пути Петр прибыл в Вену и там 19 июня 1698 года произошла его встреча с австрийским императором Леопольдом I, "*величайшим государем христианского мира*", по выражению самого Петра. Впрочем, надо сказать, что дипломатическая часть Великого посольства практически не удалась, Россию не воспринимали всерьез, относясь к ней как к третьестепенному государству, которым правит пусть достаточно умный, но грубый и не очень образованный правитель.

Но попасть в Венецию было не суждено. Из Москвы пришли известия о восстании четырех стрелецких полков, и царь ринулся домой. В короткие сроки он провел личное расследование, вернул высланных по предыдущему приговору более тысячи стрельцов-повстанцев и жесточайшим образом расправился с ними, казнив многих на плахах и виселицах. Других стрельцов сослали вместе с семьями. Царь планировал вообще расформировать стрелецкие полки, но помешала начавшаяся Северная война. Наряду с подавлением стрелецкого бунта царь добился развода с женой, отправив несчастную Евдокию инокиней в сузальский Покровский монастырь. Тогда

же начались знаменитые петровские реформы, начавшиеся с бритья бород и отрезания рукавов длинных кафтанов.

В задачи книги не входит описание всего царствования Петра Великого, наша цель скромнее – дать характеристику русскому царю в самых общих чертах в период до начала Северной войны. Поэтому перейдем к личным свойствам и особенностям Петра. Внешне он был высок и красив, смотрел на всех живо и самоуверенно. Но уже к двадцати года в результате сильного психического расстройства во время конфликта с Софьей, а также после нескончаемых пьяных кутежей у него стала трястись голова. Большие блуждающие глаза придавали ему резкое, даже иногда дикое выражение, пугавшее собеседников. Походка была широкая, размашистая, что делало его абсолютно узнаваемым не только у себя дома, но и в странах его пребывания.

Об образовании русского царя уже говорилось. Несомненно, он не получил соответствующих будущим реформам знаний во время своей юности. Петр и не мог получить европейского образования не только по причине отсутствия учителей, но и потому, что оно в боярской Руси считалось за зло. Впрочем, недостаток образования восполнялся невероятной любознательностью Петра, способностью к наукам, здравым смыслом и великими трудами.

В одежде Петр был невзыскателен: носил подолгу одно и тоже платье и башмаки, сшивал иногда до дыр. Дома ходил и принимал посетителей в стареньком халате, выезжал в незатейливом кафтане грубого сукна, шляп не любил, выезжал на такой паре лошадей и в таком кабриолете, в каком не всегда позволяли себе выезжать московские купцы. Вообще был крайне неприхотлив, расходы на содержания его двора сократились в десятки раз. Даже на церемонию венчания императрицей Екатерины Скавронской государь, не любивший лишних расходов, явился в стоптанных башмаках и кафтане, расшитом серебром, к чему приложила руку сама виновница торжества.

Пагубная страсть царя Петра к крепким напиткам общеизвестна: он, по словам современников, "пил непрестанно". Но ни в юности, ни повзрослев, царь уже не пытался положить конец этим затянувшимся возлияниям. Достаточно вспомнить "заседания" знаменитого Всесштейшего и Всепьянейшего собора, после которых у государя припадочно тряслась голова.

Известна и простота нрава русского царя. Он мог запросто придти на свадьбу или на родины детей простых мастеровых, исполнял обязанности распорядителя пира, на зимних ассамблеях, заведенных им, запросто играл в шахматы с матросами, пил с ними пиво и курил из длинных трубок их махорку. Но при этом всегда оставался истинным государем и жестоко наказывал за неподобающее поведение, пресекая ссоры и брань, мешающие беседе.

И в то же время современников потрясает грубость нравов петровского окружения, которая была просто поразительной для европейцев. Например, после трехмесячного пребывания в частном доме в Дептфорде (Англия) домовладелец увидел заплеванные полы и стены, мебель поломана, картины на стенах порваны, так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду затоптаны. Вообще, изучая передовые науки, русские не додумались хотя бы в чем-то перенять элементы европейской культуры. Как пишет тот же В.О. Ключевской, "...они не заметили, что у себя в немецкой слободе они знались с отбросами того мира, с которым они теперь встретились лицом к лицу в Амстердаме и Лондоне...".

В отношениях с женщинами Петр отличался нахрапистостью и даже грубостью. Как замечают историки петровского периода "...царь был не особенно разборчив в связях. В Лондоне девицы легкого поведения обиделись по поводу совсем не царской оплаты их услуг. Петр отреагировал немедля: "какова работа, такова и плата". Вообще после Европы у Петра произошла переоценка ценностей: В боярской России "блуд" осуждался православной церковью, а в европеизированной светской культуре, которую

постарался перенять Петр, почтился чуть ли не нормой. С этим пристрастием мужа пришлось смириться и Екатерине, которая достаточно просто и даже с юмором относилась к частым поездкам царя к "метрессам".

Правда, необузданная страсть Петра не мешала ему испытывать чувства сначала к Анне Монс, дочери немецкого виноторговца, а затем – к Марте Скваронской, будущей императрице Екатерине Алексеевне, которую царь встретил в 1703 году. Ровный нрав, веселость и душевное тепло простой чухонки, бывшей прачки пастора Глюка привлекало к ней царя. До конца дней своих Екатерина составляла часть его жизни, давая ощущение семейного уюта. Но даже царственные особы не властны над семейными невзгодами. Казнь предавшего его сына царевича Алексея, история измены его супруги императрицы Екатерины с одним из братьев Анны Монс – камергером Виллином Монсом, ускорили кончину императора.

Трудолюбие Петра общеизвестно, для него труд был необходимостью и жизненной потребностью. Известно, что государь в совершенстве знал до четырнадцати ремесел. После Петра труд стал обязанностью каждого государя, причем труд не ограничивался просто государственными делами, какими они были по долгу, но вменялся в обязанность также простой труд. Что касается государственных дел, то поражают, в частности, масштабы царской переписки. Историк М. М. Богословский для иллюстрации взял для примера один день из жизни Петра – 6 июля 1707 года. Среди тем перечня его писем значатся: уплата в Московскую ратушу сумм из адмиралтейского, сибирского и поместного приказов; перечеканка монеты; комплектование рекрутами драгунского полка и его вооружение; выдача хлебного провианта; сооружение оборонительной линии в дерптском обер-комендантстве; перевод Митчелова полка; предание суду изменников и преступников; новые назначения; устройство подкопов; предание суду астраханских мятежников; присылка в Преображенский полк писаря; пополнение офицерами полков Шереметева; контрибуции; поиск переводчика для Шереметева; высылка

беглых с Дона; посылка обозов в Польшу к русским полкам; расследование конфликтов на Изюмской линии.

И, наконец, о религиозности Петра. Отношение к религии у царя было в значительной степени двойственным. С одной стороны, он не испытывал никакого уважения к церкви, за что церковь платила ему тем же, вплоть до распуска слухов о "царе-антихристе". Его всешутейшие соборы были прямым пародированием и издевкой над старыми порядками. В то же время царь – верующий человек, но веру воспринимает к государственной пользе. Святое писание и саму церковь он рассматривал как составляющие гармонии государственного устройства, видимо, зная о теории симфонии власти. Но, в то же время царь жестко и быстро реорганизовал русскую церковь, ликвидировав патриаршество и введя принцип синодального управления, что, по сути, означало преобразование церкви в простое ведомство по духовным и нравственным делам при императоре.

Умер император Петр I в страшных мучениях 28 января 1725 года, но похоронен только через сорок дней. Во время погребения его ближайший помощник по церковным делам, первенствующий член Святейшего Синода Феофан Прокопович произнес знаменитую речь, настоящий реквием: "*Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!...*" Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимою, любима и будет; сделал врагам страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славною, славная и быть не перестанет. *Оставил нам духовные, гражданские и воинские исправления*".

Карл XII – шведский король

Карл XII, шведский король родился 17 июня 1682 г. Его родители – король Карл XI и королева Ульрика Элеонора после смерти в младенческом возрасте трех своих сыновей воспитывали Карла как единственного наследника. Они постарались дать сыну хорошее по тем временам воспитание. Однако он с младенчества обладал крайне своенравным характером, был болезненно упрям, отвергая даже самые очевидные доводы, если они были высказаны не им. Но параллельно с упрямством существовало и упорство в достижении намеченных целей. Известен эпизод, когда юный король не хотел и слышать об изучении латыни, но, узнавши о том, что датский и польский монархи знают «мертвый» язык, принялся усердно трудиться и в совершенстве овладел им. Вероятно, эта черта характера также связана с его убежденностью в своей избранности. Истинное восхищение в малолетнем Карле вызывали великие цари и полководцы прошлого. Прочитав жизнеописание Александра Македонского, наследник воскликнул: «Я стану таким же, как он!». «Но Александр прожил лишь 33 года», — сказали ему наставники. «А разве этого мало для покорителя стольких царств?» — возразил Карл.

Карл получил по тем временам достаточно хорошее образование. Его отец лично составил план и программу его обучения, его учителями были самые толковые чиновники, профессора, лучшие шведские математики. И в то же время ему была свойственна вплоть до фанатичности глубокая религиозность, привитая материю-протестанткой и учителем – университетским профессором теологии. Даже в горячие дни военных походов Карл не расставался в Библией, перчитывая ее по нескольку раз. Карл был уверен, что является орудием Всевышнего, проводником божественной воли, что в войнах с противниками он является "карающей дланью Господа", призванной наказывать государей вражеских держав за клятвопреступление и вероломство. Религиозное мировоззрение Карла

формировалось в условиях господства в Швеции протестантских богословов и университетских философов, обосновывавших "божественное" происхождение и неограниченность королевской власти. Самое раннее, что сохранилось из написанного Карлом – цитата из Евангелия от Матфея: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам".

Карл остался без отца в возрасте 15 лет, по малолетству страной управляла его бабушка – Ядвига Элеонора Гольштейнская, но наследник достаточно быстро добился собственной коронации. В ноябре 1697 года он был провозглашен королем Швеции. При этом он более чем на столетие предварил вызывающий жест Наполеона: не придерживаясь установленного церемониала, он собственноручно возложил на себя королевскую корону, выхватив ее из рук архиепископа.

Правда первое время молодой король не очень-то старался вникать в государственные дела: его отец оставил сыну процветающую, могущественную державу с сильной экономикой и армией. Неуемная энергия молодого монарха, обладающего абсолютной властью, растрачивалась на охоту, забавы и дикие развлечения, наводившие буквально ужас на шведских обывателей. Герцог гольштейн-готторпский Фридрих, будущий жених сестры Карла, по приезду в Стокгольм быстро нашел общий язык с юным королем на почве сумасбродного хулиганства. Здесь были не только безобразные выходки внутри дворца, среди которых выбрасывание мебели из окон и выбивание блюд с кушаньями из рук королевской челяди занимали далеко не последнее место, но и крушение скамей в стокгольмской церкви, битье стекол на улицах и срывание париков с прохожих. Чего стоит только устроенная ими охота на зайца в стенах шведского сената!

Вскоре молодой король осознал, что свою через край брызжащую энергию он может более плодотворно расходовать на полях сражений, будучи абсолютно уверенным в том, ему нет равных в ратном деле. Да и случай представился: против Швеции выступила коалиция трех монархов –

датского короля Фредерика IV, саксонского курфюрста и по совместительству польского короля Августа II и русского царя Петра I. Втайне от родственников 18-летний король подготовил армию к походу и однажды, находясь в гостях у своей бабушки и сестер, Карл неожиданно обронил фразу, что собирается поехать «развлечься». Исходя из предшествующего опыта, родственницы подумали об очередной гулянке. Однако они ошиблись: Карл выехал на войну, Северную войну, которая привела, в конечном счете, и его и страну к военной катастрофе. Эта страсть к авантюрным выходкам сопровождала всю его короткую жизнь. Академик Е. Тарле пишет: *"В Карле XII всегда сидел отважный азартный игрок,... его славолюбие было особого характера: хотя ему очень приятно было бы приращение своих территориальных владений, но еще более льстило ему, когда его свита и армия восхищались самыми отчаянными его поступками, абсолютно ненужными, не имевшими и тени смысла выходками, когда он ставил на карту свою жизнь, свою свободу, все достигнутые успехи, все будущие надежды"*. Эта черта характера дорого обойдется ему 16 июня 1709 года, за 11 дней до Полтавского сражения, когда он, затеяв абсолютно ненужную перестрелку, получил серьезную рану ноги, что лишило его возможности командовать войсками.

Несколько слов о внешности и привычках Карла XII. Судя по описаниям английского дипломата Томаса Вентворта и француза Обри де ля Мотрэ, Карл был светловолосым, высоким и статным человеком с тонкими чертами лица. Оба отмечают его крайнюю неопрятность и неряшливость, например, его шляпа была всегда смятой, поскольку король часто носил ее под мышкой. Одевался всегда по-военному: мундир рейтарский, только сукно лучшего качества, на ногах – высокие сапоги со шпорами. Многие, кто не знал короля в лицо, принимали его за рейтарского офицера, причем не самого высокого чина.

По воспоминаниям современников Карл ел самую простую пищу, предъявляя к ней только один критерий – способность насытиться. Во время

еды углублялся в свои мысли так, что мог в задумчивости мазать пальцем масло по хлебу. В отношении алкоголя Карл был весьма сдержан. Известно, что после одного обильного возлияния в годы безрассудной юности, король дал зарок не пить и максимум, что позволял себе – слабое темное пиво. Когда запорожцы прибыли в шведский стан и предавались привычной гульбе, генералы страшно беспокоились, чтобы Карл не увидел их в пьяном виде.

В поведении Карл был груб, однако эта грубость искусственная, порожденная желанием быть ближе к солдатам. Так он вел себя в поверженной Саксонии, следуя тогдашним правилам ведения войны: проигравшие должны платить по счетам. По его приказу расстреливались и калечились русские военнопленные, он, не задумываясь, карал местных жителей за нанесение малейшего ущерба своим солдатам. Однако по отношениям к родным Карл был внимателен и предупредителен, что видно из его писем.

Шведский король не был женат и не оставил наследства. На протяжении всей своей короткой жизни Карл избегал женщин. Он был одинаково равнодушен и к знатным дамам и к тем, кто на правах женщин "для всех" сопровождал в обозах его воинство. Такое отношение к женскому полу тревожила его родных, они не раз пытались склонить Карла к браку, но всегда безуспешно. Вдовствующая королева-бабушка Хедвига-Элеонора однажды добилась от внука обещания вступить в брак к 30 годам. Но, когда этот срок наступил, и бабушка напомнила Карлу об этом, он, находясь в Бендерах, ответил в коротком письме, что "*совершенно не в состоянии припомнить своего обещания подобного рода*". И вообще, ему не до этого, до окончания войны он будет "*перегружен сверх меры*".

Карлу XII отличался трудолюбием как и его отец, бывший для наследника образцом во всех отношениях. Трудолюбие прививали и его просвещенные воспитатели. В промежутках между военными походами день Карла был заполнен до отказа: он очень рано просыпался, разбирал бумаги

и отправлялся с проверками в государственные учреждения или в войска. Во время военных походов весь день Карла был заполнен заботами. Привычка к труду во многом определяла его невзыскательность в одежде. В этом он был схож с Петром I.

Характернейшей чертой шведского короля была страсть к риску, основанная на безудержном стремлении к ощущению полноты жизни, безумной храбрости и твердом убеждении, что им руководят Высшие силы. Ни в юности, ни в зрелые годы он не испытывал страха. Даже когда всему высшему составу шведской армии стала очевидной неизбежная катастрофа вдали от Родины, он, ничуть не сомневаясь в успехе, искал решающей битвы. Его неуязвимость от пуль была легендарна, солдаты считали его заговоренным, и, увидев его в Полтавском бою на земле после того как ядро попало в носилки раненого короля, буквально поддались панике. Тяжелые поражения не выводили его из себя, – так было после известия о разгроме шведского обоза под командованием генерала Левенгаупта, так было и после Полтавы. Буквально через месяц после разгрома и пленения своей армии он писал своей сестре Ульрике-Элеоноре: "*У меня все хорошо. И только совсем недавно случилось по причине одного особого события несчастье, и армия понесла урон, что, я надеюсь, вскоре будет исправлено*".

Погиб Карл в ночь на 1 декабря 1718 г. при осаде норвежской крепости Фредериксгаль в войне против Дании, когда он, так же как и прежде, рискованно высунулся во время осмотра строящейся траншеи. Произошло это после длительного отсутствия в родной стране и через четыре года возвращения в Швецию.

Иван Степанович Мазепа – украинский гетман

Иван Степанович Мазепа был самым старшим из трех героев нашего повествования. Родился он 20 марта 1639 года (возможно в 1640 году) в шляхетском хуторе Мазепинцы недалеко от Белой Церкви, который был подарен в 1572 году польским королем Сигизмундом-Августом деду Ивана Мазепы – шляхтичу Михаилу Мазепе-Колядинскому. Его отец Адам-Степан, не последний человек в окружении трех гетманов: Б. Хмельницкого, И. Выговского и П. Тетери, одно время исполнял обязанности белоцерковского казацкого атамана. Мать Мазепы – Марина – была представительницей известного украинского православного шляхетского рода Мокиевских. Активная и высокообразованная по тем временам женщина, обладающая твердым и решительным характером, она сыграла определяющую роль в воспитании и образовании своего сына. У родителей кроме Ивана была еще дочь Александра. После смерти мужа в 1665 году мать Мазепы приняла постриг под именем Марии Магdalены и стала настоятельницей самого влиятельного женского монастыря – Печерского Киевского Вознесенского, а после одновременно и Глуховского Успенского монастыря.

Детство будущего гетмана известно не так подробно как венценосных Карла и Петра, однако его можно представить, поскольку оно было довольно типичным для украинских шляхтичей. В раннем возрасте воспитание заключалось в умении скакать на лошади и владеть оружием. Обучался юноша в Киево-Могилянской академии, именно в тот период, когда ректором в ней был будущий архиепископ Черниговский Лазарь Баранович, сторонник казацких вольностей. Студент Мазепа обучался по классу риторики, откуда вынес прекрасное знание языков, истории и литературы. Кроме свободного владения родным языком, русским и польским, Мазепа владел итальянским, говорил по-немецки и по-татарски, а блестящее знание латыни поражало даже отцов-иезуитов. В академии молодой казак читал Платона и Аристотеля, впоследствии цитировал по памяти Овидия и Горация, его любимым произведением был "Государь" Макиавелли. Изучение

классических произведений сделало свое дело, Мазепа, даже будучи гетманом, писал стихи, наполненные романтикой и философскими рассуждениями. После обучения в академии молодого казака отправили на Запад, где он побывал в Голландии, Италии, Германии, во Франции. За это время (примерно в 1657-1659 годы) он приобрел знания по артиллерию и прошел курс по философии.

Это были именно те годы, когда потерпел сокрушительное поражение гетман Иван Выговской, инициатор Гадячского договора, предусматривавшего создание Великого Княжества Руського в составе польского королевства. Против этой идеи категорически выступили запорожские казаки и большинство населения Украины, вследствие чего Выговской и его сторонники, в том числе Степан Мазепа, были лишены политического влияния. Желая обезопасить сына, Степан отправил его с рекомендациями от Выговского ко двору польского короля Яна-Казимира, где он получил официальную и довольно почетную должность *покоевого*, примерно соответствующую званию камер-юнкера в будущей императорской России.

Стоит уделить внимание Яну-Казимиру, сыну Сигизмунда III и Констанции австрийской, чтобы представить в какую атмосферу попал юный Мазепа. Ян-Казимир провел свою молодость в боях против Франции в составе испанской армии. Попав в плен, он был по приказу кардинала Ришелье заточен в Венсенском замке, откуда его выпустили после настойчивых просьб брата польского короля Владислава IV. После освобождения в 1643 году Ян-Казимир жил в Италии, стал кардиналом и вернулся в Польшу, призванный шляхетством на польский престол.

Двадцатилетний юноша по замечаниям современников выделялся среди придворных особ своей образованностью и внешностью: обладая способностью привлекать к себе женщин, есть сведения, что им увлекалась даже королева Мария Людовика. В то же время положение православного казака при католическом короле и польской шляхте было всегда

неустойчивым. Известна история конфликта Мазепы с Яном Пасеком, также входившим в королевское окружение. Дело дошло до того, что они подрались в "последнем покое, где был король". В этом конфликте Мазепа был, видимо, прав, но присутствовавшие придворные встали на сторону Пасека. Этот эпизод был отражен в знаменитом произведении "Памятник", автором которого был сам Пасек, и которое разошлось по всей Европе, сделав Мазепу знаменитым, хотя и в несколько сомнительном аспекте. Был еще известный вымысел того же Пасека, выставляющего Мазепу в самом неподобающем свете, но вряд ли стоит его описывать по причине бездоказательности самого факта.

И все же король ценил молодого Мазепу, давая ему ответственные поручения сначала к правобережному гетману Павлу Тетере и левобережному Якиму Сомко. Миссия к Тетере, которому король поручил вручить гетманские клейноды, оказалась неудачной. Тетеря отказался принять знаки гетманского отличия из рук Мазепы как от "*лица вовсе незначительного, своего брата-казака...*".

Словом, сложилось так, что он для поляков был "недавноnobilitированным казаком", а для казаков – никому не известный лях. Двадцатичетырехлетнему Мазепе предстояло сделать выбор: оставаться в Польше на третьестепенных и сомнительных ролях или заново начинать свою карьеру в Украине. Во всяком случае, как утверждает российская исследовательница Т.Г. Таирова-Яковлева, "*на всю свою долгую жизнь он сохранит неприязненное отношение к "шляхетской республике", не сумевшей оценить его по достоинству, и будет с тайным удовольствием наблюдать начало падения Речи Посполитой*".

Так или иначе, но в 1663 году Иван Мазепа, будучи при короле во время похода поляков на Левобережье, принял решение остаться в родовом имении у своего отца. Через два года Степан Мазепа умер, и события стали разворачиваться столь быстро, что о возврате в Польшу нечего было и думать. Через год новый правобережный гетман Петр Дорошенко заключил

договор с Турцией, фактически направленный против Речи Посполитой. Затем умирает королева Мария Людовика, явно симпатизировавшая красавцу казаку, а еще через год отрекается от престола польский король Ян Казимир. Путь назад был отрезан, возвращение Ивана в Польшу стало просто невозможно и нужно было начинать все сначала.

Обладая недюжинными способностями и знаниями, честолюбивый Иван решил проблему отсутствия общественного статуса очень просто. Он женился по расчету на вдове Ганне Фридрикевич, которая была несколько старше его и имела двух детей от первого брака. Ее отец – Семен Половец – был казацким старшиной, белоцерковским полковником еще при гетмане Богдане, при Петре Дорошенко он занимал должность генерального есаула, а после – генерального судьи. Родная сестра Ганны была замужем за самим Дорошенко, вследствие чего Мазепа сразу же попал в ближайшее окружение гетмана. Родственная близость к гетману сыграла свою роль. Дорошенко имел возможность внимательно присмотреться к Мазепе и, оценив его образованность, расторопность и способности, стал поручать исполнение важных дел, преимущественно дипломатических. Фактически он стал связным гетмана Дорошенко в его переговорах с крымско-турецкими союзниками, оставаясь по-прежнему без официальной должности. Или, по выражению самого Дорошенко "*верный нам приятель, господин Мазепа*".

Это время было временем Руины, когда после Андрушовского мира (январь 1667 год) Малороссия была разделена, все враждовали между собой за гетманскую булаву и искали сильных покровителей в соседних странах.

Следующим ударом для Мазепы был эпизод, после которого он на протяжении всей своей жизни будет хранить неприязнь к запорожским казакам, за исключением, разумеется, последнего, полтавского периода. Дорошенко направил Мазепу к турецкому визирю с очень ответственной миссией, послав последнему в качестве подарка 15 пленных казаков. Это было вскоре после избрания в марте 1674 года единственным гетманом Украины Ивана Самойловича, на что Дорошенко вначале согласился, а после

передумал, сохранив свои отношения с Турцией. Случилось так, что запорожцы напали на дорошенковских послов, перебили часть сопровождавших татар, освободили пленных и привели захваченного Мазепу к кошевому атаману Ивану Сирко. Жизнь Ивана Мазепы оказалась под угрозой, но неожиданно за Мазепу вступились, во-первых, тогдашний гетман Иван Самойлович, а, во-вторых, русский воевода Григорий Ромодановский. Кошевой атаман уступил просителям и отправил Мазепу в Черкассы, правда после того, как грозный воевода пригрозил арестовать жену Сирко, если он не освободит Мазепу.

Можно только догадываться о тяжелых предчувствиях Ивана, счастливо избежавшего смерти и направляющегося к гетману Самойловичу – врагу Петра Дорошенко. Но помогло умение Мазепы очаровывать людей, чем он пользовался множество раз в своей жизни. Как писал мазепинский преемник Филипп Орлик "*Никто не мог лучше обойти человека, привлечь его к себе*". Буквально через несколько дней после своего прибытия гетман Самойлович уже обращался к нему "*мой ласковый господине Мазепо...*". Очаровал он и князя Ромодановского, которому поведал многое из того, что ему было известно от Дорошенко. Буквально через девять дней после приезда Мазепы (25 июля 1674 года) Ромодановский счел за нужное отправить Мазепу в Москву. А гетман Самойлович даже написал царю сопроводительное письмо с уверениями в верности мазепинского слова. Конечно же, дьяки Посольского приказа обратили внимание на образованного казака, демонстрировавшего полную преданность его Царскому Величеству. Царь воспользовался информацией, подарил бывшему пленнику соболей и отпустил Мазепу в Украину с повелением жить на Левобережье. В тот год ему исполнилось 35 лет.

Генеральная старшина, окружающая гетмана Самойловича, а также большинство полковников представляли собой тесное сплетение ограниченного круга фамилий, основанного на родственных связях. Правобережный шляхтич-казак Мазепа, совсем еще недавно чудом

избежавший расправы со стороны запорожцев, был для них чужаком. На фоне достаточно зажиточной казацкой левобережной элиты Мазепа был просто беден, тем более, что его имение осталось на Правобережье. Вероятно, в этот период особенно ярко проявилась такая черта характера Мазепа как скрытность. Как писал тот же Орлик: "*Никому не верил*".

Пробиться в казацкую элиту в таких условиях было далеко не просто. И все же гетман Самойлович был вынужден опираться на бедного шляхтича, которого считал обязанным ему своим спасением. Знание языков, умение очаровать собеседника сделали свое дело: Мазепа стал часто бывать в Москве, выполняя поручения гетмана. А через два года после своего появления у Самойловича Мазепа возглавляет посольство в Москву в качестве "товарища войскового знатного".

В 1676 году Мазепа знакомится с выдающимся, но малоизвестным сегодня историческим лицом, князем Василием Васильевичем Голицыным. Оба стали друг для друга настоящей находкой. Князь, пожалуй, был первым просвещенным реформатором Московского государства. Блестяще образованный, предвестник Петровской эпохи, сторонник западной культуры не мог не видеть в лице Мазепы человека близких представлений. После смерти царя Алексея Михайловича (февраль 1676 год) князь Голицын стал "боярином и воеводой, наместником черниговским", а при царевне Софье – практически канцлером, получив в управление Посольский, Малороссийский и Рейтарский приказы (тогдашний прообраз министерств). К тому времени, Мазепа, продвигаясь по службе, получил в 1681 году звание "войскового есаула", что вводило его в состав "генеральной старшины", и стал важным звеном в украинской политике Голицына.

Главной внешнеполитической задачей князя Василия Васильевича было участие в объединенных европейских усилиях в борьбе против Турции. В мае 1686 года был подписан Вечный мир, по которому Левобережье, Киев и Запорожье остались за Москвой, Брацлавщина и Киевщина превращались в нейтральную зону, Волынь и Галиция отходили Польше, а Подолье

подпадало под власть Турции. После подписания Вечного мира Москва вступила в Священную лигу европейских государств, и князь Голицын начинает первый Крымский поход. Гетман Самойлович, будучи ярым противником Вечного мира, всячески противодействовал Голицыну в его планах, но был вынужден подчиниться и принять участие в войне. Отношения между гетманом и всесильным фаворитом были крайне напряженными. Поход был неудачен, 150-тысячное войско даже не вошло в Крым вследствие страшных степных пожаров. Московская знать была недовольна Голицыным, требовалось найти виновного, которым и оказался гетман Самойлович. Он был обречен, кроме того, казацкая старшина была крайне недовольна зарвавшимся гетманом, что выразилось в доносе, поданном Голицыну. В нем старшина обвиняла гетмана в сговоре с татарами, подпалившими степь по его совету, в самоуправстве и сребролюбии, в попытках превратить гетманство в династию. Мазепа знал о заговоре, своей подписи не поставил, но и гетмана не предупредил.

16 июля 1687 года в казацкий обоз над рекой Коломак прибыл царский гонец с указом от Софьи арестовать Самойловича и избрать нового гетмана. Самойлович, догадавшись о происходящих событиях, провел всю ночь в молитвах, а утром был посажен на телегу и отправлен в стан Голицына. Выборы происходили в крайне напряженной обстановке. Голицын окружил гетманский походный двор двумя московскими полками. 24 июля казацкая старшина собралась у князя Василия чтобы выяснить его намерения. На гетманство претендовали несколько человек: генеральный обозный Василий Дунин-Борковский, полковники Прокопий Левенец и Василий Кочубей. Но, к их глубокому разочарованию, Голицын указал на Мазепу, рассчитывая на последующую личную преданность.

Утром следующего дня из походного шатра вышел князь Василий Васильевич Голицын в сопровождении бояр. Вместе с ним вынесли знаки гетманского достоинства и царское знамя. В выборах нового гетмана приняли участие около двух тысяч казаков – 800 конных и 1200 пеших.

Вначале в походной церкви освятили "клейноды" (бунчук и булаву), а после богослужения князь Голицын обратился к казакам и зачитал царский указ о выборах нового гетмана. Место казацкой рады было окружено московскими стрельцами. По традиции казаки крикнули "*Рады за великих государей умирать и кровь свою проливать и в подданстве у них желаем быть вечно*". Тогда Голицын призвал собравшихся назвать имя гетмана. Несколько минут длилось молчание, а после в тишине прозвучало "Мазепа". Одинокий глосс назвал Борковского, но имя Мазепы уже звучало в казацкий рядах: "*Мазепа, Мазепа, нехай, буде гетман!*" По обычаю Голицын несколько раз спрашивал казаков, и те неизменно кричали Мазепу.

Свершилось! Сорокавосьмилетний Иван Степанович Мазепа опередил более именитых соперников и стал новым гетманом Украины. Он получил клейноды, присягнул царской короне и подписал "коломацкие статьи", представляющие собой договорные условия между царским правительством и малороссийскими гетманом и старшинами. По сравнению с предыдущими аналогичными договорами "коломацкие статьи" усиливали власть русского царя на украинских землях, находившихся в сфере влияния России согласно пунктам Вечного мира. В добавление к существующему запрету на осуществление какой-либо самостоятельной внешней политики, левобережному гетману запрещалось освобождать казацкую старшину от руководящих должностей без прямого согласия царя, а старшинам не разрешалось самостоятельно выбирать гетмана.

В целях полного политического контроля старшина и простые казаки могли и даже были обязаны фактически доносить великим государям на гетмана. По предложению самого Мазепы было предусмотрено расположение в Батурине Московского стрелецкого полка для "*охранения и целости*". Особым пунктом коломацких статей гетману вменялось в обязанность "...народ Малороссийский всякими мерами и способами с Великороссийским народом соединять", для чего малороссийским жителям позволялся свободный переход в великорусские города, а также поощрялись

смешанные браки. Наконец, договор явно был направлен на утверждение в Малороссии мысли, что Украина является частью "*Их Царского Пресветлого Величества Самодержавной Державы*". Но юридически этот пункт не был оформлен, фактически Гетманщига находилась в вассальной зависимости от Москвы, что подчеркивалось гарантиями военной защиты "*войско Запорожское и Малороссийский народ держать в милости своей государской и от неприяителя вло всякой обороне*". Желание получить гетманскую булаву было так велико, что Иван Степановияч, долго не раздумывая, подписал новый договор и перед святым Евангелием произнес присягу, в которой он фактически признавал себя подданным московский государей. Более того, в этой клятве гетман твердо обещал, что не изменит государям и не перейдет на сторону польского короля, турецкого султана и крымского хана. В этом перечне не было шведского короля, поскольку тогда об этом не было и речи...

Став гетманом, Мазепа, прежде всего, позаботился о финансовом положении. Тогда не существовало бюджета в том виде, в каком принято его представлять, все средства были в войсковой казне, которая находилась в личном распоряжении гетмана. Именно туда и поступили огромные средства, накопленные предыдущим гетманом. Справедливости ради следует сказать, что Мазепа проявил определенную гуманность по отношению к опальным родственникам Самойловича, в частности, помог его жене, дочери и зятю.

Новый поворот событий в жизни Ивана Мазепы начался после второго, также неудачного Крымского похода 1689 года, под руководством все того же князя Голицына. Вместо рекомендованного Мазепой срока выступления – ранняя весна – войско выступило только в конце апреля. А 21 мая союзное войско уже повернуло от Перекопа и двинулось обратно. Здесь произошел эпизод, который свидетельствует о переданности Мазепы русскому престолу. На обратном пути гетман получил послание от крымского хана Селим-Гирея, находившегося с войском всего в каких-нибудь десяти верстах от русско-украинских обозов. В послании содержалось два предложения. В

первом хан предлагал Мазепе совместно ударить на русские полки и разгромить их. В случае если Мазепа не согласится на первый вариант, хан предлагал второй – отступить от войска Голицына и дать возможность татарам расправиться с ним. Казалось бы у гетмана появилась прекрасная возможность воспользоваться обстоятельствами и попытаться освободиться от "московского гнета". Что же делает Мазепа? Он немедленно передает это послание Голицину и заверяет его в верноподданности. Более того, он подает челобитную, в которой просит царей приказать, чтобы в малороссийских городах на башнях и ратушах поставили царский герб!

После окончания второго азовского похода в Москве начались события, приведшие, в конечном счете, к отстранению царевны Софьи и заточению ее в монастырь. Случилось так, что в конце июля 1689 года Мазепа был вызван по приказу Голицына в Москву. И гетман выехал, но не один, а в сопровождении свиты, состоящей из генеральной старшины и 150 человек разного звания, включая музыкантов. Мазепа выехал 10 августа, а двумя днями раньше царь Петр бежал из Москвы в село Преображенское, так что гетмана встречали только царевна Софья и царь Иван, брат царя Петра по отцу Алексею Михайловичу. Вначале гетман, ничего не зная о московских событиях, превозносил перед царевной Софьей роль князя Василия Васильевича в крымском походе. А буквально на следующий день, получив необходимые сведения о судьбоносных для него событиях, затаился в отведенном ему помещении в большом Посольском дворе и ждал развязки событий. Ждал долго, почти целый месяц. Впрочем, вполне возможно, что не просто ждал, а активно принимал участие, встречаясь с участниками переворота. Этот короткий период биографии гетмана до сих пор остается "белым пятном" в русской и украинской истории.

Во всяком случае, для гетмана настутили напряженные и тревожные дни. Большая часть стрельцов склонялась к переходу на сторону Петра, поэтому, как утверждает Т.Г. Таирова-Яковлева, Софья и Голицын рассчитывали на военную помощь казацкого войска. Но Мазепа, видимо, уже

сделал ставку на молодого Петра и его решение, как и прежде, оказалось дальновидным. Имея в Москве обширные знакомства, он встречался в долгих беседах, в частности, и с думным дьяком Лопухиным, отцом первой жены Петра, и с другими знатными особами Нарышкинского окружения, противников Софьи и Голицына. В конце августа того же 1689 года напряженность спала: Петр победил, Софья была низложена, виновные наказаны вплоть до пыток и казней, а князь Василий Васильевич Голицын отправлен в ссылку.

Только в начале сентября гетману поступил приказ прибыть в Троицкий монастырь для царской аудиенции. 9 сентября Мазепа и старшины прибыли в село Воззвиженское, где провели еще один день в томлении духа. Памятуя о судьбе предыдущих гетманов, Мазепа был вправе ожидать своей отставки, может быть даже ссылки в Сибирь, поскольку был слишком явным ставленником князя Голицына. Старшинское окружение тоже подумывало о возможности избрания нового гетмана, вероятно у Василия Кочубея вновь ожили тайные вожделения стать гетманом. Но все вышло как нельзя лучше для Мазепы.

10 сентября гетмана, наконец, пригласили к царю. Для украинской делегации был приготовлен великолепный шатер, куда и вошел гетман во всем своем великолепии, в сопровождении богато убранной свиты и, естественно, с богатыми подарками для самого царя, для его жены и царицы-матери. Для Мазепы настал момент истины, и он постарался продемонстрировать все свое обаяние, знание языков и приемы культурного обхождения. Петр, не получивший и малой толики воспитания, был, видимо, очарован Мазепой и через думного дьяка Украинцева дал понять гетману, что он, осудив князя Голицына, не обвиняет ни самого Мазепу, ни его казаков в неудачном Крымском походе. В ответной речи гетман дал обещание верно служить царю и, как пишет историк Н.А. Костомаров " ... бил челом, чтобы великий государь держал его всегда в своей милости со всеми старшинами и со всем народом малороссийским". Мазепа не только

остался при должности, но и добился уверений, что Москва не будет выдавать жалованных грамот малороссийским шляхтичам на землю без его, гетмана, предварительного согласия. Кстати, именно тогда в значительной степени было положено начало формированию малороссийского дворянства и, как следствие, закрепощению крестьян.

Рискованная поездка в Москву обернулась блестящим успехом мудрого гетмана. Ранняя осень 1689 года положила начало почти двадцатилетнему служению малороссийского гетмана Ивана Мазепы русскому царю и Украине. Вплоть до роковой осени 1708 года, когда в силу обстоятельств почти семидесятилетний старик впервые в своей многотрудной жизни ошибся в своем прогнозе. Все эти годы Мазепа правил Малороссией, испытывая иногда нелюбовь соотечественников и прямое сопротивление врагов, избавляясь от конкурентов, стараясь развивать промышленность и торговлю, вкладывая огромные средства в духовность и образование. Его деятельность в этот период достаточно полно описана в научных работах и литературных произведениях.

Совсем недавно стало известно о существовании так называемых "Московских статей Ивана Мазепы", на которые ссылается российская исследовательница Т.Г. Таирова-Яковлева. Прежде всего, в соответствии с Московскими статьями снова вводились аренды, отмененные после отставки Самойловича, что фактически обеспечивало финансовую автономию Гетманщины. Затем Мазепа добился проведения переписи казаков, что было весьма существенным для создания необходимых условий для укрепления его власти. Поскольку отсутствие такой переписи всегда грозило социальной нестабильностью на Украине: постоянно появлялась масса людей, объявлявших себя казаками. Серьезным шагом по упрочнению личной власти был пункт 10 Статей, согласно которому любые назначения в Украине без его указания запрещались. Наконец, Мазепе удалось получить разрешение царя устанавливать постоянные дипломатические контакты с польским двором, молдавским господарем и представителями крымского

хана. Впоследствие, логика создания великой империи, приобретенный опыт привели царя, в конечном счете, к перемене взглядов даже на относительную автономность Украины. Однако малороссийскому шляхетству не навязывались ни российские порядки, ни государственного строя, ни нового платья европейского покроя.

В военно-административном отношении Гетманщина была разделена на десять полков: Гадяцкий, Киевский, Лубенский, Миргородский, Нежинский, Переяславский, Полтавский, Прилуцкий, Стародубский и Черниговский, которые, в свою очередь, делились на сотни: от семи до двадцати в каждом. На территории Гетманщины было 11 больших городов, 126 местечек, и почти 1800 сел с населением не более 1,5 миллиона человек. После Богдана Хмельницкого гетмана выбирали на войсковой раде с последующим утверждением в Москве. При гетмане существовала генеральная старшина, в состав которой входили генеральный обозный, судья, писарь, два асаула, хорунжий, казначей и бунчужный.

Внутренняя политика гетмана Мазепы была целиком направлена, во-первых, на укрепление личной власти, прежде всего, в глазах казацкой старшины, долгие годы считавшей его высокочкой. Это в особенности относилось к Василию Кочубею, который с точки зрения казацкой шляхты имел очевидные преимущества перед Мазепой в деле получения гетманской булавы после отстранения И. Самойловича. А, во-вторых, социальная политика гетмана в последней четверти XVII века отражала неумолимую тенденцию к закрепощению посполитого крестьянства если не формально, то фактически.

Представители казацкой верхушки стремились стать крупными землевладельцами, захватывали земли, зачастую выживая старых крестьян с панской земли, заменяя их, как бы теперь сказали, лицами без определенного местожительства, готовых терпеть любую эксплуатацию и притеснения со стороны пана. Политика Мазепы в этом отношении всячески поощряла устремления казацкой элиты. В то время еще не было деления на

личную казну гетмана и гетманского бюджета, поэтому Иван Степанович не был исключением, сосредоточив в своих руках огромную финансовую власть. Он прекрасно знал, что деньги и земля являются мощным инструментом проведения выгодной ему политики. Именно поэтому он так ревностно следил за надлежащим пополнением своей казны.

С огромным трудом, преодолев затяжной социально-экономический кризис, вызванный национально-религиозной революцией под руководством Б. Хмельницкого и разрушительным периодом Руины, Мазепа всеми силами способствовал развитию производительных сил на территории Гетманщины. При его личном содействии интенсивно развивались аграрная отрасль и промышленное предпринимательство. Строились мельницы, крупорушки, практически была введена монополия на производство и торговлю горилкой (Гуральництво). Важной отраслью промышленности являлось производство селитры, применявшейся для изготовления пороха и считавшейся стратегическим товаром. Экономически поощрялось развитие новых отраслей промышленности: литейной, стекольной, текстильной, кирпичной, даже, бумажной. Огромные прибыли давали различные финансовые операции, в первую очередь, водочная, табачная и дегтярная аренды.

Экономически Гетманщина была независима от Московского правительства. Все налоги и таможенные сборы, собранные на ее территории, расходовались по усмотрению гетмана и в пользу единого государства не поступали. Русские войска, находившиеся в Малороссии, были на полном государственном обеспечении Москвы, дополнительных средств из гетманской казны не выделялось.

Социальная политика Мазепы была направлена на укрепление экономической базы казацкой старшины. Продолжалась практика наделения казацкой элиты основным капиталом, находящимся в руках гетмана – землевладениями вместе с крестьянами, жившими на этих землях и обязанных отбывать соответствующие повинности в пользу хозяина. Если до Мазепы земля давалась, выражаясь русским термином "на кормление", то

есть за службу и на срок службы, то Иван Степанович добился от русского правительства права закреплять полученную землю в полную собственность. Следствием такой политики было сосредоточение огромных площадей плодороднейшей земли в руках относительно небольшого числа знатных казацких родов. По оценкам историков за весь период гетманства Мазепы казацкой старшине и монастырям было передано и закреплено сотни сел с десятками тысяч крестьянских дворов.

Украинский историк Д.В. Журавлев указывает на три волны раздачи земельных универсалов. Цель первой (1687-1689 г.г.) – отблагодарить старшину за содействие в избрании гетманом и обеспечить поддержку на начальном этапе своего правления. Цель второй (1699-1701 г.г.) – задобрить казацкую старшину, получившую в результате боевых заслуг в войне с Турцией и Крымом возможность выставлять перед гетманским правительством более широкие социально-экономические и политические требования. Третья волна приилась на промежуток между 1706 и 1708 годам, когда Мазепа стремился любыми способами привязать к себе казацкую старшину в условиях сложной военно-политической обстановки перед планируемым переходом на сторону шведов.

Появление новых землевладельцев из числа казацкой элиты сближало их с шляхетским землевладением, сохранявшимся с времен вхождения Украины в состав Речи Посполитой. Такая политика не могла не вызвать стихийного молчаливого протesta со стороны посполитых селян и громогласного – со стороны запорожских казаков, считавших себя истинными выразителями народного духа, "казацкой мечты", заключающейся в стремлении жить без каких-либо обязанностей и повинностей. Поэтому трудно искать в народном самосознании того периода иного отношения к гетману Мазепе, чем как к вождю зародившейся украинской шляхты, практически не отличающейся от ненавистной польской шляхты, память о которой никуда не исчезала.

Теперь перейдем к описанию личности Ивана Степановича, его характеру, привычкам, религиозности. Прежде всего, в отличие от Петра I и Карла XII, Мазепа был очень скрытен, после него не осталось ни воспоминаний, ни мемуаров. Образ Мазепы более известен по характеристикам А.С. Пушкина, однако и эти характеристики носят двойственный характер. С одной стороны русский поэт писал о герое поэмы "Полтава": "*Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...*". Но после отмечал обратное: "*Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня*".

Разошлись взгляды и литераторов на личность Мазепы. Если для российского читателя Мазепа – коварный изменник, то на Западе он известен по произведениям Байрона и Вольтера. У Байрона он предстает суровым, несгибаемым степным рыцарем, у Вольтера – одиноким героем, преодолевшим на пути к свободе невыносимые муки. Русский литератор польского происхождения Фаддей Булгарин в своем романе "Мазепа" (вышел в свет в 1833–1834 годах) создал образ стойкого бойца, человека с острым умом и знанием людей, и в то же время — виртуозного интригана, не брезгующего ни кинжалом, ни ядом, ни клятвопреступлением.

Вероятно, наиболее ценными свидетельствами о личности Мазепы являются воспоминания генерального писаря Филиппа Орлика, который писал: "*От покойного Мазепы научился я, что когда в свою очередь нужно высказать свое мнение, то нередко бывает совсем промолчать*". Француз Жан де Балюз, сын французского посла при польском короле, пишет, что когда Мазепа разговаривает, то "...*больше любит молчать и слушать других. ... Он принадлежит к тем людям, что предпочитают или вообще молчать, или говорить и не сказать*".

Особенности характера Мазепы формировались в годы Руины, когда доверие к кому бы то ни было могло стоить жизни. На протяжении двадцати

лет гетману приходилось постоянно лавировать между различными слоями украинского общества, расправляться с противниками и соперниками, реагировать на доносы, оправдываться перед царем, одевать на себя различные маски, двусмысленно произносить и писать, часто задаривать, льстить и угоджать. Что лежало в основе такого поведения: эгоистическое начало, стремление стать полновластным владетелем Украины или искренняя дума об Украине, вопрос, который вряд ли будет решен историками. К сожалению, за лепку образа Мазепы взялись "пластилиновые политики", которые в угоду своим политическим интересам формируют тот или иной имидж гетмана.

Мазепа был весьма образован и воспитан, значительно лучше, чем Петр и Карл. Его манеры, умение привлечь к себе собеседников, использовать ситуацию для достижения своих целей поражают. Например, он сумел дважды использовать один и тот же эпизод – бой под деревне

Лесная, где потерпел поражение шведский генерал Левенгаупт. Вначале он поздравил с победой русского царя, а после своего бегства – шведского короля. Его владение латынью, использование в речи образов греческой мифологии, прекрасное знание европейской геополитики внушали уважение западным дипломатам. Свободно ориентируясь в московской "политической кухне", одаривая своих друзей роскошными подарками, Иван Степанович в течение многих лет сумел создать собственную информационную сеть, которая помогала ему избегать крупных неприятностей, связанных с доносами.

Достоверных портретов Ивана Степановича Мазепы не сохранилось, а сохранившиеся сильно отличаются друг от друга: большинство из них было написано уже после Полтавской катастрофы и в значительной мере отражали авторское видение. Во всяком случае, изображение гетмана на 10-гривневой украинской купюре носит черты собирательного образа. Поэтому внешность гетмана можно представить себе только по описаниям тех людей, кто непосредственно общался с ним. Тот же Жан де Балюз пишет о Мазепе в

его молодые годы так: "...в молодости видел пана Мазепу , красивого и стройного, при дворе..." А через много лет, в 1704 году, он же увидел другого Мазепу: "...Взгляд у него суровый, глаза сверкающие, руки тонкие и белые, как у женщины, хотя тело его крепче, чем тело немецкого рейтара, всадник из него знаменитый". Хронист Карла XII Густав Алдерфельд осенью 1708 года нарисовал словесный портрет гетмана таким образом: "Мазепа, в возрасте 64 лет, среднего роста и очень стройный, с суровым взглядом, носит усы на польский манер, приятного обхождения и очень захватывает своими жестами. Говорит с достоинством и всегда к месту; высокообразованный, очень хорошо владеет латинским языком".

В отношении к женщинам Мазепа далеко не оправдывал тот образ, по которому он знаком европейскому читателю, благодаря поэме Байрона. Правда, по многим свидетельствам в юности он обладал способностью легко привлекать к себе женщин, даже королева, француженка Мария Людовика покровительствовала ему. Но, видимо, гетман предпочел карьеру любви, как уже было сказано, женившись по расчету на вдове Ганне Фридрикевич. От этого брака не было детей, Ганна занималась хозяйством в многочисленных имениях и умерла в 1702 году. Никаких свидетельств в пользу его "сластолюбия" не существует. Знаменитая история любви 65-летнего гетмана и 16-летней красавицы Мотри относится в 1704 году. Судя по всему, это была действительно страсть стареющего человека, тяга к молодости и красоте. Их взаимные чувства, несомненно, повлияли не только на их судьбы, но и на отношения между гетманом и ее родителями, о чем речь пойдет позднее.

Личностные качества Ивана Мазепы становятся более понятными, если учесть тот факт, что его настольной книгой был "Государь" Никколо Макиавелли. Складывается впечатление, что каждый свой шаг гетман сверял с рекомендациями великого флорентийца, естественно с учетом конкретной обстановки. Чего стоит с этой точки зрения следующий фрагмент "вечного" произведения: " ради сохранения государства часто приходится нарушать

свои обещания. Так что в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы изменить направление, если изменятся обстоятельства или ветер удачи начнет дуть в другую сторону". Заветы Макиавелли были "апрельскими тезисами" для многих правителей Европы, и не только правителей. Далее мы увидим как "менял направление" украинский гетман Иван Степанович Мазепа.

ГЛАВА 2

РОССИЯ И ЕВРОПА В КОНЦЕ XVII ВЕКА

Южный вектор России

Северная война, так много значившая для судеб всей Европы и, в первую очередь, для Швеции, России и Украины, началась в 1700 году и завершилась Ништадтским миром в 1721 году. Двадцать один год неимоверных усилий нарождающейся империи, десятки тысяч загубленных жизней, обнищание народа были брошены на алтарь победы во имя главной цели – выхода России к Балтийскому морю. Говоря точнее, перед русскими царями всегда стояла задача получить выход не только к Балтийскому, но и Черному морям. Как уже говорилось, еще при царевне Софье были предприняты два похода в Крым во главе с князем Василием Голицыным.

В первом походе, начавшемся летом 1687 года, русско-украинские войска не смогли пробиться через степи, выжженные ордынцами, и повернули обратно. Но именно в этом походе были решены задачи не меньшей значимости, чем овладение Крымом. Нужно учитывать тот факт, что этот поход в значительной мере был следствием заключенного в 1686 году "Вечного мира" России с Польшей. По этому договору Россия, а вместе с ней и украинские казацкие войска, обязывались участвовать в борьбе против Турции в союзе с рядом европейских государств (Венеция, Австрия и Польша), составивших антитурецкую коалицию (Священную лигу). Движение 100-тысячного войска на Крым полностью парализовало правое крыло крымской и белгородской орд, огромная армия, собранная для наступления на Польшу, осталась в турецких пределах. В результате Россия с превышением выполнила свои обязательства перед союзниками, получив за это официальные благодарности и поздравления. Одновременно с этим князь Василий возвел на ордынских шляхах цепь деревянных фортов, вооруженных мощной по тем временам артиллерией, полностью лишив Крымское ханство возможности прямого удара по Московскому государству.

Кстати сказать, в отношениях к крымской орде интересы гетманской Украины полностью совпадали с интересами Москвы.

Однако, как уже говорилось, в среде московских противников князя Голицына Крымский поход был объявлен неудавшимся, виновником неудач был признан гетман Самойлович, после чего гетманом стал Иван Мазепа. Во втором крымском походе, состоявшемся весной 1689 года, регулярные войска были вооружены гораздо лучше, плотный огонь стрельцов и солдат не позволял приближаться неприятелю к их строю. Русско-украинское войско под командованием князя Голицына и гетмана Мазепы загнало крымчаков за Перекоп. Но на вторжение в Крым Голицын снова не решился. Как военный, он понимал всю рискованность такого шага, а как дипломат – считал, что его задача по обеспечению безопасности южных границ полностью выполнена: Дикое поле больше не было плацдармом для набегов на Москву. Более того, Голицынская система укреплений не давала хану продолжать строить экономику ханства на основе военной добычи, которая затем обменивалась на продовольствие. Завоевание Крыма стало только делом времени, но уже не при участии Голицына.

В 1689 году царь Петр, низложив Софью, был вынужден продолжать борьбу за выход к Черному морю. Более того, по условиям подписанныго со странами Священного союза "Трактата о вечном мире" Россия обязывалась выступить против Крымского ханства. В январе 1695 года Петр объявил о походе к турецкой крепости Азов в устье Дона, которая запирала Московскому государству выход из Дона в Азовское и Черное моря. Этот поход царя Петра окончился неудачно. Сказались плохая подготовленность, спешность штурма, неумение управлять войсками, а также отсутствие флота. В результате, в октябре Петр был вынужден издать приказ об отступлении, которое сопровождалось большими потерями людей. Военная задача не была выполнена, но имела свои последствия: буквально через месяц в Воронеже и его окрестностях началось строительство русского флота. И уже в мае следующего 1696 года вновь собранная армия подошла к

Азову и начала осаду. На Дону казаки на челнах уничтожили турецкие корабли, а русская эскадра вышла в море и закрыла устье Дона. Турецкий гарнизон капитулировал, и 19 июня русские вошли в разрушенную крепость.

После завершения празднеств по случаю взятия Азова Петр начал подготовку к знаменитому Великому посольству, "командировке" молодого царя в Европу, заставившей резко сменить внешнеполитические ориентиры России. Отчетливо понимая, что государство, которое он принял, в существующих условиях неспособно достичь успеха в овладении Крымом, Петр поставил себе другую задачу: вернуть захваченные Швецией в начале XVII века российские земли. Молодому царю нужна была Балтика для торговых связей с развитыми странами Северной Европы, для начала грандиозного переустройства дремлющего в косности царства.

Не забудем, что семнадцатый век в Европе – это время научной деятельности европейских светил мысли – Паскаля, Лейбница, Ньютона. А что могла противопоставить Россия? Своих ученых нет, удалось лишь привлечь грамотеев из Киева, воззрения которых в области естествознания были весьма далеки от европейского уровня. Да и Православная вера с ее неприятием ничего сверх того, что написано в священных книгах, никак не способствовала движению к прогрессу в области науки и техники.

Шведская политика в отношении России

Главным препятствием для России на северном направлении была Швеция - наиболее мощная держава в балтийском регионе. Шведская армия и флот считались лучшими в Западной Европе; в отличие от наемных войск большинства европейских стран шведские вооруженные силы, насчитывающие до 150 тысяч человек, формировались на национальной основе. На протяжении почти всего XVII века шведы вели захватнические войны с соседями, прежде всего с Данией, за доминирование на Балтике, ее могущество прирастало за счет захватов Прибалтики, Карелии, земель на севере Германии. Передовая военная стратегия шведской армии была

заложена еще королем Густавом II Адольфом (1594 – 1632 г.г.), одним из крупнейших военных деятелей и полководцев своего времени. Военная мощь Швеции создавалась на основе солидного индустриального фундамента, прежде всего, на основе развитой металлургии, ориентированной на литье пушек.

Борьба за море между московским государством и Швецией имела давнюю историю. Еще в 1595 году по русско-шведскому мирному договору русские вынуждены были оставить княжество Эстляндию со всеми замками, среди которых значились, в частности, Нарва и Ревель. Старая Новгородская "Водская пятна" переходила шведам по Столбовскому договору 1617 года. Катастрофа Смутного времени, русско-польская война надолго отложили вековые надежды России получить доступ к морю.

Здесь очень важно отметить, что конечная цель королей, занимавших шведский престол до Карла XII, никогда не состояла в захвате Москвы и уничтожении Московского государства. Их внешняя политика в корне отличалась от политики Карла XII, которому было суждено навеки похоронить под Полтавой глобальные планы властовования в Европе. Когда, например, Карл IX решил во времена Великой смуты начала XVII века воспользоваться затруднительным положением русского правительства, то его расчеты не шли дальше стремления упрочить шведские позиции на Прибалтике, овладеть городом Корелой (Кексгольмом) и установить влияние шведов в Новгородской земле. Вместе с тем, Швеция сулила Москве военный союз и помочь для борьбы против грозной опасности со стороны польского короля Сигизмунда III, не отказавшегося от программы обширнейшей агрессии против восточного соседа. По мере усиления разрухи в Русском государстве аппетиты Карла IX, конечно, росли, он уже думал о прямом завоевании Новгородской земли, но никогда даже не мыслил о завоевании или хотя бы установлении вассалитета Московского царства. Более того, после овладения Новгородом и падения царя Василия Шуйского шведское правительство задумало поставить на царство принца шведского Карла

Филиппа. Но шведский король Густав Адольф, преемник Карла IX, всячески стремился убедить своих русских контрагентов, что брат его Карл Филипп, в случае избрания, будет совершенно самостоятельным от Швеции русским царем, и русский народ нисколько не утратит своего суверенитета. Завоеванный шведами Новгород король рассчитывал оставить за собой, но о покорении или вассалитете остальной России не было и речи.

Европейская геополитика

Главными врагами Швеции в Европе были Дания и Польша. Шведский король Карл X Густав в 1658 году вынудил побежденную Данию заключить мир и уступить датские земли к востоку от пролива Эресунн (Зунд). Война продолжалась еще два года до внезапной смерти короля, и регенты, правившие от имени его малолетнего сына Карла XI, заключили мир и постарались удержать большую часть земель, завоеванных Карлом X. Так что у Дании были все основания ждать момента, когда можно будет вернуть потерянные территории.

Отношения Швеции с Речью Посполитой перед Северной войной, определялись внешней политикой короля Карла XI, отца Карла XII. В середине 70-х годов XVII века, воспользовавшись затяжной борьбой между Речью Посполитой и объединенными силами русского войска и гетманских казаков, шведская армия вступила на польскую землю и быстро заняла Варшаву и Краков. На борьбу с захватчиками поднялась часть шляхты, стихийно возникло партизанское движение, в результате которого большую часть захваченных польских земель удалось освободить. После смерти короля Яна Казимира, оставившего опустошенную и внутренне расколотую Польшу, королем был избран Михаил Вишневецкий. В 1672 году на Речь Посполитую обрушилась еще одна беда – турецкое нашествие. Турки заняли Подолию, юго-восточные земли Польши и подошли ко Львову. В решающей битве под Хотином турецкая армия была разгромлена польско-литовским войском во главе с гетманом Яном Собеским, которого за эту победу вскоре

избрали польским королем. Однако война с турками была далеко не закончена, и Ян Собеский был вынужден заключить оборонительно-наступательный военный союз со Священной Римской Империей. Терпя поражения от польского полководца, турки вторглись в Австрию, входящую в состав Империи, и король Ян по призыву папы римского Иннокентия XI поспешил на выручку к осажденной Вене. В этой знаменитой битве, состоявшейся 12 сентября 1683 года, соединенные австрийские и польские войска одержали решительную победу. Затем последовал относительно спокойный 13-летний период, был заключен "Вечный мир" с Россией, но Польша так и не стала сильным централизованным государством. Началось угасание роли и влияния на европейскую политику Речи Посполитой вкупе с Великим княжеством литовским.

После смерти Яна Собеского в 1696 году королем был избран саксонский курфюрст Август II Сильный, победивший с помощью своих агентов и щедрых подарков французского принца Конти - другого кандидата на польский трон. В период предвыборной кампании Август обещал полякам возврат земель, отнятых Швецией. Однако часть польских магнатов не желала войны, вследствие чего Августу II пришлось готовиться к борьбе со шведами на свои средства. Избрание Августа II еще более разделило Польшу, поскольку его методы единоличного правления, принятые в Саксонии, совершенно не соответствовали польской традиции. Оставшись наедине с сильным противником – Швецией – Август II начал переговоры о заключении военного союза "Северную лигу" с Данией и Россией.

Политические события в Европе конца XVII века происходили под знаком назревавшей борьбы за испанское наследство. Престарелый испанский король Карл II не имел наследников, за право обладания обширными владениями испанской короны в Европе и за ее пределами выступили, с одной стороны, Франция, а, с другой – коалиция в составе Австрии, Англии и Голландии. Для этого странам коалиции нужно было срочно закончить противостояние с Турцией. Мира жаждал и Стамбул,

крайне ослабленный предшествующими военными поражениями от России, Австрии и Польши.

В октябре 1698 года под Белградом состоялся Карловицкий конгресс для заключения мира между государствами, входившими в "Священную лигу" (Австрия, Венеция, Польша, Россия), и Османской империей (Турцией). Между членами "Священной лиги" возникли серьёзные противоречия: европейские страны противодействовали усилению позиций России в бассейне Чёрного моря. Это привело к тому, что вместо общего договора союзников с Турцией были подписаны два отдельных мирных договора: 16 января 1699 года Турции с Польшей, а 26 января Турции с Австрией и Венецией. России же удалось подписать лишь соглашение о перемирии на 2 года, замененное впоследствии Константинопольским мирным договором 1700 года.

По этому договору Польша получала часть Правобережной Украины, бывшую ранее за Турцией, и Подолию. К Австрии отошли большая часть территории Венгрии, Трансильвания, Хорватия и почти вся Славония. Венеция получила Морею, острова Архипелага, крепости в Далмации. За Россией по условиям перемирия оставался Азов.

Однако летом следующего года смерть испанского короля резко изменила геополитическую ситуацию, обострившаяся борьба за испанское наследство отвлекла всех союзников от балтийского противостояния. Основным военно-политическим игрокам на европейском поле, Франции, Австрии и Англии было не до балтийских проблем. Это способствовало планам Петра, поскольку Швеция уже не могла в полной мере рассчитывать на помочь традиционного союзника Францию, для Англии более важным вопросом было доминирование в Средиземном море и в проливе Ла-Манш. Австрийские Габсбурги также не желали отвлекать свои силы на войну с Россией до разрешения испанской проблемы.

Швеция тоже могла принять участие в дележе испанского наследства, поэтому в ее планы входило обезопасить свои восточные границы путем

заключения мира с Россией. Однако царь Петр всячески тянул время, не желая подтверждения Кардисского договора 1661 года, по которому Балтийское побережье оставалось за Швецией. С другой стороны, он не хотел показать шведам свои истинные намерения. Одновременно царь вел переговоры с саксонским курфюрстом, польским королем Августом II, который настаивал на немедленном начале военных действий против Швеции. 11 ноября 1699 года Петр заключил договор с саксонским союзником, однако польская сторона в лице представителей сейма в переговорах участия не принимала. По этому договору Август II должен был начать войну в этом же году, а Петр – только после подписания окончательного мира с Турцией. Чуть позже на таких же условиях был заключен договор с Данией. Теперь все внешнеполитические усилия Петра были направлены на заключение мира с турками.

Если Турция еще и сомневалась в возможностях России продолжать войну, то неожиданное появление на рейде Стамбула устрашающей русской эскадры, на которой 28 августа 1699 года прибыл московский посол Емельян Украинцев, ускорило заключение мирного договора. По этому договору, подписенному 14 июля 1700 года в Константинополе, Россия передавала Турции ряд захваченных у нее в ходе войны территорий в Поднепровье, а Турция обязалась срыть на них укрепления и разорить городки. Территория по обеим сторонам Днепра от границ Запорожской Сечи до Перекопа и Очакова должна была оставаться незаселенной зоной, свободной для

промыслов. По Константинопольскому миру Россия, наконец, освобождалась от уплаты ежегодной дани крымскому хану. Только теперь русский царь мог двинуть свои полки к Балтийскому морю. Начиналась Северная война...

Внешняя политика гетманской Украины

Сразу же следует оговорить, что в соответствии с Коломацкими договорными статьями возможности малороссийского гетмана в проведения

автономной внешней политики были крайне ограничены. Практически Украина являлась вассально зависимой автономией в составе Московского государства, и гетману вменялось в обязанность все письма, присылаемые иностранными государями, пересылать в Малороссийский приказ в Москву, не распечатывая и не отвечая на них. В конце XVII века Гетманщина фактически входила в антитурецкую Священную Лигу, целью которой было доминирование в Черноморском регионе. Важно заметить, что на тот период внешнеполитические цели гетманской Украины целиком совпадали с внешнеполитическими целями России и других стан Священной Лиги. В проигрыше были только запорожские казаки, лишенные возможности не только торговать с Крымом, но и совершать грабительские набеги на полуостров.

Вообще, после народно-религиозного восстания под руководством Богдана Хмельницкого существовало две концепции отношений Украины с соседними государствами. В соответствии с первой, главную опасность представляли Польша и Россия, для достижения баланса сил с которыми, требовались почти союзнические отношения с Турцией и Крымским ханством. Практически во всех сражениях Хмельницкого с Речью Посполитой в составе казацких войск участвовали крымские татары. Их же использовал и гетман Выговской против московского государства. Гетман Дорошенко делал ставку на крымчан и против Польши и против России. За проведение такой внешней политики приходилось расплачиваться тем, что администрацию на значительных территориях Причерноморья возглавляли представители Османской империи. Но в конце XVII века украинская политическая и военная элита, будучи вовлеченной в орбиту интересов Священной Лиги, постепенно склонялась к другой концепции – объединения всех христианских народов против доминирования в Черноморском регионе мусульманской Турции и ее сателлитов, в первую очередь, Крымского ханства.

Став гетманом, прекрасно разбираясь в хитросплетениях европейской политики и учитывая свои весьма ограниченные возможности, Мазепа не видел иного политического и военного существования, как только в вассальной зависимости от Московского государства. Постепенно сложился треугольник разносторонних интересов "царь – гетман – казацкая старшина". Московская бюрократия стремилась, с одной стороны, укреплять авторитет гетмана в глазах старшины, а, с другой – держать на "коротком поводке", поощряя и даже стимулируя старшину писать доносы на гетмана. Мазепа, в свою очередь, с помощью различных ухищрений, включая способности очаровывать людей, стремился обезопасить себя со всех сторон. С этой целью он заводил в Москве полезные знакомства, которые не раз выручали его в критических ситуациях и даже спасали от царского гнева. Да и с самого знакомства с Петром вплоть до начала Северной войны влияние Мазепы на царя было весьма значительным, недостаточно образованный царь нуждался в толковых советниках. Мазепа как нельзя лучше подходил для этой роли. Не случайно многие исследователи жизни Мазепы указывают на то, что гетман был талантливым учеником великого флорентийца Николо Макиавелли и точно следовал его советам тем, кто был близок к государям. Например, такому: "*Следует придерживаться одной из двух крайностей, то есть либо сблизиться с государем, либо отдалиться от него... но если для открытой борьбы сил не хватает, нужно всемерно стремиться заполучить ласку государя. Кто делает иначе, тот должен жить в постоянном страхе...*".

Итак, Мазепа был в фарватере московской внешней политики, которая в отношении Турции полностью совпадала с geopolитическими устремлениями стран, входивших в Священную Лигу. Картина несколько "подпортил" старший канцелярист Генеральной войсковой канцелярии Петро Иваненко (Петрик), который после побега на Сечь, вместе с несколькими сотнями казаков появился в Крыму. Там он был провозглашен "гетьманом України з ханського боку" и заключил в мае 1692 года договор, в котором Украина провозглашалась свободным государством, а хан

обязывался помочь освободиться из-под власти Москвы и Речи Посполитой. Интрига заключается в том, что Петрик был тесно связан с полтавской старшиной, которая противилась проведению Мазепой внешней антиханской политики. Полтава была крайне заинтересована в торговых отношениях с Крымом и Турцией. Сам Петрик был женат на внучке полтавского полковника Федора Жученко, приходившейся племянницей Василию Кочубею, соратнику и недругу Мазепы.

Вначале Петрику удалось склонить на свою сторону часть запорожских казаков, которые на своей, не вполне законной раде, провозгласили его гетманом. Гетманские клейноды – булаву, бунчук и хоругвь – ему вручил крымский хан. В июле 1692 года Петрик с двадцатитысячным татарским отрядом выступил на Украину, но был отброшен объединенными силами московского войска и казаков гетмана Мазепы. Петрик с татарами отступил к Перекопу, где попытались создать на землях между Бугом и Днестром так называемую "Ханскую Украину". Восстание Петрика окончилось плачевно для него и его соратников. Сам Петрик был зарублен запорожским казаком в начале 1696 года во время очередного татарского набега.

Для нас в этом эпизоде представляет интерес фрагмент письма Мазепы Петрику *"А что ты, брехун, в поганом своем письме пишешь, вроде бы нам делаются какие-то тягости и неволя, то весь мир знает, что ты лжешь и врешь, ибо под великодержавной рукой наших пресветлых монархов, их царского пресветлого величества, ни одной никому нет неволи"*. Петрик же, в свою очередь, обвинял гетмана, что вся его душа там, в Москве, а здесь только его тень. Вообще интересно, что содержание универсалов Петрика и его аргументация против Москвы практически совпадает с подобными документами самого Мазепы после перехода на сторону шведов. Это дало повод украинскому историку С. Павленко думать, что гетман Мазепа все-же был причастен к авантюре Петрика, по крайней мере, на первом ее этапе. Но существуют и аргументы в пользу причастности к этому делу и Василия

Кочубея. Вполне возможно, что и Мазепа и Кочубей могли попробовать разыграть крымскую карту, но, убедившись, что это невозможно, решили завуалировать свое участие. Могло быть и так, что сам Петрик начал ощущать себя "настоящим гетманом", что породило определенные опасения у Мазепы. Странно и то, что после открытого военного выступления Мазепы против Петрика, последний не пытался уличить гетмана в двурушничестве. Да и в отношении Мазепы с трудом верится, что он, зная переменчивость крымского хана и его вассальную зависимость от турецкого султана, мог всерьез надеяться на протекторат Крыма.

И все же гетман осуществлял контакты с иноземными государями, преследуя, прежде всего, цель получения информации о военных планах Турции. Так он по поручению царя вел переговоры с послами Молдавии и Валахии по поводу совместных действий против турок. Особый интерес представляет дипломатическая деятельность Мазепы во взаимоотношениях с Польшей, которая всеми силами старалась переманить гетмана на свою сторону. Недруги гетмана старались опорочить его, обвиняя в связях с поляками, обосновывая это тем, что его родная сестра Александра была замужем за поляком Войнаровским и жила в Польше. Правда, в конце 1691 года она оставила мужа-католика и уехала в Киев вместе с детьми, а затем ушла в монастырь к матери, вызвав тем самым небольшой международный скандал. Поляки требовали возвращения ее и ее детей.

Главной проблемой украинско-польско-российских отношений была Правобережная Украина, которая по условиям "Вечного мира" принадлежала полякам за исключением Киева. Совершенно естественно, что Мазепа стремился стать полноправным гетманом обеих берегов Днепра, как он себя официально называл. Он всячески оказывал помощь и поддержку правобережным казакам, они вместе ходили против турок. Мазепа даже предлагал переселить правобережных казаков на Левобережье, но московское правительство выступило против этого плана, не желая обострять отношения с Польшей.

Словом, сложившиеся обстоятельства способствовали тому, чтобы начать новую серию азовских походов, в которых Мазепа преследовал цель защиты южных границ Гетманщины. План военной кампании против Крыма был разработан лично Мазепой и блестяще реализован совместно с командующими русской армией, в первом походе генералом Борисом Петровичем Шереметевым, во втором – князем Яковом Федоровичем Долгоруковым.

Азовские походы конца XVII века закончились двухлетним перемирием с турецким султаном и крымским ханом. Заметим, что хан неоднократно делал попытки уговорить Мазепу разорвать отношения с русским царем и не содействовать российским планам выхода к Черному морю. Гетман отвечал отказом. За "тридцатилетние успехи над крымцами" украинский гетман был награжден по указу Петра I недавно учрежденным орденом святого Андрея Первозванного. Мазепа стал вторым кавалером этого ордена после Федора Головина, учителя и наперсника царя, а сам царь получил "Святого Андрея" только седьмым по счету.

ГЛАВА 3

НАЧАЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Первые поражения и первые успехи

Северная война начиналась крайне неудачно для России и ее союзников. Позже Петр признавался, что начал шведскую кампанию "*как слепой, не ведая ни своего состояния, ни силы противника*". Шведская армия считалась лучшей на континенте и, в отличие от большинства европейских стран, комплектовалась на национальной основе. Швеция располагала также сильным военно-морским флотом, который насчитывал 42 линейных корабля и 12 фрегатов с личным составом 13 тысяч человек. Военная мощь этого государства покоялась на солидном индустриальном фундаменте. В частности, Швеция имела развитую металлургию и была крупнейшим производителем железа в Европе. Вооруженные силы московского государства в конце XVII века находились в стадии реформирования, хотя по численности они намного превосходили шведскую армию (около 200 тысяч человек).

Фактически Северная война началась после того, как польский король, саксонский курфюрст Август II, не обеспечив вступления в войну Речи Посполитой, в феврале 1700 года вторгся с саксонскими войсками в Лифляндию и осадил Ригу. В марте 1700 года датские войска вступили на территорию союзника Швеции княжества Гольштейн, и голштинский курфюрст был вынужден искать спасения в Швеции. Шведский король Карл XII при активном содействии англо-голландского флота неожиданно высадился во главе 15-тысячного войска у стен Копенгагена и заставил датского короля Фридриха IV под угрозой обстрела столицы капитулировать. Дания была вынуждена заключить 7 августа 1700 года Травендалльский мир. Известие об этом пришло к царю Петру на следующий день; история

распорядилась так, что одновременно царь получил письмо о подписании долгожданного мира с турками.

Буквально на следующий день Петр объявил Швеции войну и двинул 35-тысячное войско прямо к Нарве, или, как ее называли в Московском государстве, Ругодиве. Нарва представляла собой сильную шведскую крепость на берегу Финского залива, овладение которой давало возможность русским действовать против шведов как в Прибалтике, так и бассейне Невы. Крепость защищал гарнизон под командованием генерала Горна (около 2 тыс. чел.). Первые русские полки численностью в 10 тысяч человек, преодолевая осеннее бездорожье, достигли Нарвы только в конце сентября. Остальные медленно подтягивались к крепости, и их сосредоточение завершилось лишь к середине октября. Гетман Мазепа по приказу царя направил на помощь русскому войску гетманские казацкие отряды под командованием полтавского полковников И. Искры и черниговского Ю. Лизогуба. После этого к ним начали подтягиваться и другие левобережные и слободские полки. Всего на момент Нарвской битвы, общая численность казацких полков составляла, по разным оценкам, от 7 до 10 тысяч человек.

Царь Петр лично распоряжался расстановкой батарей и осадными работами. Бомбардировка крепости началась 20 октября и продолжалась ровно столько, сколько хватило пороха, ядер и бомб. Правда, эта бомбардировка успехов не принесла. Вообще, вряд ли можно назвать в истории России более неподготовленную военную кампанию. Русской армией, состоявшей из солдатских и стрелецких полков, а также дворянской конницы, командовали генералы-иностранные во главе с герцогом де Кроа, французом на австрийской службе.

А тем временем 15-тысячная шведская армия, развязав себе руки на Севере, неожиданно высадилась в Прибалтике, в районе Пернова (Пярну). Карл XII напал на русскую армию, осаждавшую Нарву и нанес ей тяжелое поражение. Это произошло 18-19 ноября 1700 года. Бездарные наемные генералы, казалось, сделали все возможное для создания благоприятных

условий шведскому войску. Осадные пушки, ранее купленные у тех же шведов, оказывались негодными к употреблению, кроме того, просто не хватало пороха. Расположив русские войска самым неудачным образом, растянув их в один ряд, генералы предоставили шведскому королю полную свободу действий. В холодную, вьюжную ноябрьскую ночь "каролинцы" (как называли шведских солдат в Европе) подкрались к русскому лагерю и ранним утром, под прикрытием метели и тумана, атаковали русские позиции. Натиск шведов был настолько неожиданным и сильным, что русское войско просто растерялось, а большинство иностранных офицеров во главе с генералом де Кроа перешло на сторону шведов.

Измена командования привела к панике в русских частях, началось беспорядочное бегство к мосту через реку Нарва. Под тяжестью людских масс мост рухнул. На левом фланге конница под командованием воеводы Шереметева, увидев бегство других частей, поддалась общей панике и бросилась через реку вплавь. Как после писали историки, самым удивительным оказался тот факт, что все же нашлись стойкие части, благодаря которым русские продержались до ночи. В этой сумятице лишь три полка (Семеновский, Преображенский и Лефортовский) проявили упорство и не поддались общему настроению.

Русская армия находилась в катастрофическом состоянии, но в результате переговоров стороны заключили соглашение, по которому русские получали право свободного пропуска домой. По различным оценкам царь потерял в Нарвском сражении от 8 до 12 тысяч ратных людей и практически всю артиллерию – 120 пушек, а шведы – только около 3 тысяч солдат. Сам Петр I не был свидетелем полного разгрома, – он, получив известие о приближении шведской армии, неожиданно уехал в Новгород, якобы для ускорения отправки остальных войск к Нарве, поручив командование генералу де Кроа.

Вся Европа со злорадством писала о позорном "поражении московских варваров". Однако нужно заметить, что неспроста Карл согласился на

свободный выход оставшейся части русских войск, видимо, оказанное сопротивление даже в таких масштабах удержало его от продолжения боя. Сам Петр впоследствии писал о Нарвском сражении прямо и откровенно: "*Итако шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно; но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский был (который пред тем назывался Шепелева); два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, полевых боев, а наиપаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, самые были рекрутами, как выше помянуто, к тому ж за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно, и единственным словом сказать, все то дело яко младенческое играние было, а искусства ниже вида. То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию?.. Но когда сие нещастие (или лучше сказать великое щастие) получили, тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила*".

Царь Петр принял жесточайшими мерами создавать новую армию, вводя непомерные налоги и конфискуя четвертую часть всех церковных и монастырских колоколов для литья пушек. Этот этап истории Петра I прекрасно изложен у многочисленных авторов и его описание не входит в задачу настоящей книги. Ясно одно неудача под Нарвой только укрепила царскую волю превратить Россию в мощное государство и победить грозного противника.

После легкой победы над русским войском у Карла XII остался только один соперник – польский король Август II Саксонский, и шведская армия отправилась в Польшу, предоставив царю Петру столь необходимую ему передышку. И сейчас и в дальнейшем Карл оказывал подобные "услуги" Петру, как будто смотрел на русского царя как на малоспособного ученика, которого следует наказывать, но не уничтожать. К тому же шведский король

не мог предпринять поход на Москву, имея за спиной достаточно сильного врага в лице Августа II.

Тем не менее, через несколько месяцев, в июне 1701 года Карл предпринял попытку нападения на Архангельск, имея намерение сжечь город, корабли, верфи и запасы и уничтожить или разрушить все, что могло быть приспособлено к обороне. Подойдя к устью Северной Двины под флагами нейтральных стран (английскими и голландскими), шведские суда попытались неожиданной атакой произвести диверсию: разрушить строящуюся здесь крепость, а затем пробраться к Архангельску. Однако голландские купцы, ведущие торговые отношения с Архангельском, предупредили о готовящемся нападении, и высадка не удалась. Более того, шведские корабли понесли тяжелый урон. Два русских лоцмана Иван Рябов и Дмитрий Борисов, взятых для проводки шведских кораблей, посадили их на мель, после чего шведы были вынуждены их взорвать. Пострадали и другие корабли.

Помимо забот первоочередных забот, связанных с поиском средств для продолжения войны и обучением людей военному и инженерному делу, у Петра были еще две важнейшие задачи. Прежде всего, он делал все возможное, чтобы его единственный союзник польский король Август II не последовал примеру Дании и не оставил бы Россию наедине со шведами. Здесь было решено подключить гетмана Мазепу, поскольку в переговорах с польским королем не мог не быть затронут украинский вопрос. Дело в том, что многие проблемы польский король не мог решить без Сейма, без польских магнатов. Внешнеполитической задачей царя было склонение польской шляхты к войне со Швецией, а для этого требовалось решение Сейма, и чтобы добиться его, царь был готов на любые уступки в отношении украинских территорий.

Царь направил в гетманскую столицу Батурина думного дьяка Бориса Михайлова, который привез Мазепе тексты договоренностей с Августом II. В обмен на участие в войне со Швецией поляки просили царя дать обещание

передать Польше часть Правобережной Украины и разрешить заселение земель вокруг Чигирина. Опытный и мудрый Мазепа, прекрасно знавший кухню польской политики, прямо указал на недостаточную проработанность присланных договоренностей. Иван Степанович согласился с передачей Польше городков Трахтемиров, Стайки и Триполье, но только при условии, что польский сейм внесет в свою конституцию подтверждение условий Вечного мира с Россией. А после гетман, отбросив привычную любезность, недвусмысленно указал Михайлову на пробелы русской дипломатии, представители которой не знали, как составляются договоры такого рода, в частности, кем должен был быть подписан договор со стороны Польши, чтобы он имел законную силу.

Советы Мазепы были учтены во время переговоров Петра и Августа в белорусском местечке Биржи в феврале 1701 года. Август II, учитывая трудное положение русского царя, требовал все большие и большие уступки для Польши, но, с другой стороны, боялся потерять единственного союзника в борьбе с Карлом XII, поскольку тот твердо обещал отнять у Августа польский трон в пользу своего ставленника.

На этом этапе войны украинский гетман строго выполнял все предписания царя Петра. Наказной атаман Иван Обидовский, племянник Мазепы был послан под Нарву, но не успел к началу сражения. Находясь под Печорами, с трудом сдерживал шведские войска и даже смог добиться некоторого успеха. А через два месяца, когда царь Петр повелел воеводе Борису Петровичу Шереметеву "*...итти в даль, для лучшего вреда неприятелю*", началась серия локальных побед над шведскими отрядами. Тогда же гетману последовал очередной царский указ гетману о посылке 8 тысяч конницы и 10 тысяч пехоты под Псков. Возглавлявший казацкое войско Обидовский разбил шведские отряды под Дерптом (ныне Тарту). Но в феврале 1701 года жизнь племянника гетмана Мазепы, видевшего в нем своего преемника, неожиданно оборвалась. Обидовский то ли умер от простуды, то ли погиб.

Весной 1701 года Мазепа получил новый приказ выступить с казаками в Лифляндию. Гетман выступил в поход, но вскоре последовал новый приказ: гетману вернуться, а вместо него направить пять полков под командованием наказного атамана миргородского полковника Павла Апостола. Гетман совершенно искренне был расстроен, писал главе Посольского приказа Федору Алексеевичу Головину, что ему хотелось доказать государю свою верность "*не на словах, не на бумаге, а самим делом*", а вынужден возвращаться "*с жалостью и стыдом*".

В начале января 1702 года русскому войску вместе с малороссийскими казаками впервые удалось одержать победу над шведами. Случилось это так. После Нарвской победы король Карл XII отправился в Польшу с целью заставить капитулировать польского короля, курфюрста саксонского Августа II. Для охраны шведских владений в Прибалтике он оставил 15-тысячный контингент, поручив генералу Шлиппенбаху командовать отрядом в Эстляндии, а генералу Кронхиорту — в Ингерманландии. Кроме того, Карл поместил в Риге особый гарнизон под начальством генерал-майора Стюарта. Когда Шереметеву, находившемуся в Пскове, стало известно о том, что в Дерпте и его окрестностях находится генерал Шлиппенбах с отрядом в семь тысяч человек кавалерии и пехоты, он решил немедленно атаковать шведов. Шереметев двинулся из Пскова к Дерпту во главе восьмитысячного войска в сопровождении кавалерии и артиллерии. Вначале русский авангард справился с передовым отрядом шведов. Получив нужные сведения от пленных, 1 января Шереметева буквально разгромил шведский корпус. В течение четырехчасового упорного боя шведы потеряли почти половину своего состава против тысячи убитых в русском войске.

Успех в этом сражении воодушевил русских, царь Петр щедро наградил победителей, самому Шереметеву было присвоен чин фельдмаршала, он был награжден высшим орденом Святого Андрея Первозванного и царским портретом, усыпанным бриллиантами. Гетману Мазепе, прибывшему в Москву с поздравлениями по случаю победы, также

были вручены богатые подарки. Кроме того, царь послал с Мазепой тысячу червонцев, несколько штук сукна, других материй и соболей для войска запорожского.

Это была не единственная победа русского оружия над шведским. 17 июля 1702 года произошло новое серьезное столкновение: между городком Гумельгоф и Загнитш генерал Шлиппенбах потерпел новое жестокое поражение от войск Шереметева. Шведы потеряли две тысячи солдат, пятнадцать орудий, в плен попало 238 человек. После этого сражения Шереметев стал фактически хозяином положения в Лифляндии. Однако он по указанию Петра должен был вернуться в Псков и устроить там свою армию, готовую по первому сигналу выступить против шведских сил, где бы они не находились. Казалось, что Карл XII должен был серьезно пересмотреть свои возможности в отношении России, но этого не случилось. Что касается русских, то после второй крупной победы в открытом столкновении они почувствовали, что могут на равных противостоять врагу. Июльской победе предшествовали два фактора, способствовавших решимости Петра наносить локальные удары шведам. Во-первых, он видел, как Карл углубляется в пределы польской территории в южном и юго-западном направлении, а во-вторых, ему стало известно о начале войны за дележ испанского наследства.

Наступил момент, когда Петр получил возможность решить одну из ближайших военно-политических задач – вернуть исконно русские земли в устье Невы и на Ладоге. Для этого Петр в самые короткие сроки создал озерный флот, который уже в лету 1702 года мог оказывать серьезное сопротивление шведам. Первой задачей было взятие старой русской крепости Орешек, захваченной шведами и переименованной в Нотебург. Штурм крепости, в котором принимал участие сам царь в чине "капитана бомбардирской роты", начался 11 октября 1702 года и длился 12 часов. Комендантом шведского гарнизона был генерал Густав Вильгельм фон Шлиппенбах, командовавший 450 защитниками. В штурмовом отряде,

которым командовал князь Голицын, было две с половиной тысячи солдат и офицеров. На помощь Голицыну прибыл из Пскова Шереметев. Шведскому гарнизону требовалась немедленная помощь, но отряд, высланный оставленным в Ингрии генералом Кронхиортом, до крепости не добрался, поскольку был разгромлен русским отрядом Апраксина.

Сражение за Нотебург отличалось крайним ожесточением, высота каменных стен крепости достигала 8,5 метра. Отряд Голицына потерял больше половины своего состава, шведский гарнизон – более двух третей. И все же комендант Шлиппенбах был вынужден сдать крепость. Поразительно то, что Петр проявил огромное уважение к поверженному противнику, предоставив всем оставшимся в живых почетные условия капитуляции. Шведы были выпущены из крепости с распущенными знаменами и музыкой. Более того, им было разрешено присоединиться к войскам, стоявшим в Нарве. Местному населению была предоставлена свобода остаться или уйти. Радость взятия первой крупной шведской крепости царь Петр образно выразил в письме: "*Правда, что зело жесток сей орех был, однако ж, слава Богу, счастливо разгрызен*". Петр переименовал Нотебург в Шлиссельбург, т. е. "ключ-город". В честь взятия крепости была выбита медаль с надписью: "*Был у неприятеля 90 лет*".

После зимней передышки натиск русских продолжился. На очереди была шведская крепость Ниеншанц, которую защищал гарнизон численностью в 600 человек под командованием полковника Апполона. 1 мая 1703 года русские войска в количестве 20 тысяч человек под командованием фельдмаршала Шереметева осадили эту крепость. На предложение сдаться комендант ответил отказом. После артиллерийского обстрела, длившегося всю ночь, русские пошли на приступ, завершившийся взятием крепости. Военные цели были достигнуты, русские вернулись в устье Невы. А через неделю после сдачи крепости, 7 мая, к ней приблизились два шведских корабля "Астрильд" и "Гедан", капитаны которых не могли даже предположить, что крепость находится в руках противника. Корабли вошли в

устье Невы и были неожиданно атакованы. Два русских отряда на тридцати небольших ботах подошли к кораблям и взяли их на абордаж. Замечательно то, что одним отрядом командовал сам "господин бомбардирский капитан Петр Михайлов", а вторым – поручик Меншиков. Шведская эскадра, потеряв два корабля с 18 пушками, ушла в открытое море. Это была первая русская морская победа над непобедимыми доселе шведами. Счастливый царь писал: "*Два неприятельских корабля взяли! Небывалая виктория!*" А еще через неделю, 16 мая 1703 года на острове Лустон (Луст-Эйланд) в районе взятой крепости царем Петром Алексеевичем Романовым была заложена будущая столица России – Санкт-Петербург. В том же благоприятном мае русские войска взяли шведские крепости Ямбург и Копорье.

Через два месяца шведы предприняли попытку отбить у русских устье Невы. В июле 1703 года с севера, со стороны Карельского перешейка двинулся четырехтысячный шведский отряд под командованием генерала Крониорта. В районе реки Сестры их встретили шесть русских полков под командованием самого царя. В кровопролитном сражении шведы потеряли половину своего состава и были вынуждены спешно бежать к Выборгу. Теперь уже окончательно Нева от истоков до устья (Ингрия) оказалась в руках русского царя. На очереди была Нарва.

К взятию Нарвы царь Петр стал готовиться загодя. Но вначале нужно было вернуть Дерпт (для русских – Юрьев). В середине лета 1704 года была полностью уничтожена довольно значительная шведская озерная флотилия, включая экипаж. Сразу же после этого русская армия под командованием фельдмаршала Шереметева осадила Дерпт. Город защищал пятитысячный шведский гарнизон и 133 пушки, в составе русской армии было 23 тысяч человек и 46 орудий. Чтобы ускорить взятие Дерпта, сюда в начале июля прибыл царь Петр, который возглавил осадные работы. Штурм начался в ночь с 12 на 13 июля после мощной артиллерийской подготовки. В пробитые ядрами бреши в стене бросилась русская пехота, овладевшая основными укреплениями. После этого гарнизон капитулировал, вся артиллерия

досталась русским, и Петр разрешил защитникам с честью покинуть крепость. Более того, шведов снабдили в путь месячным запасом продовольствия и телегами для вывоза имущества. Шведские потери составили около 2 тысяч человек, русские – около семисот.

Наконец, настала очередь Нарвы, под которую после взятия Дерпта пришла армия Шереметева. Нарву защищал шведский гарнизон в количестве 2 тысяч человек под начальством коменданта Рудольфа Горна. Нарву пытался спасти стоявший в Риге полковник Шлиппенбах, но был наголову разбит русским генералом Реном, шведы потеряли почти тысячу человек из 1200 кавалеристов. Судьба Нарвы сложилась иначе, чем у Дерпта, комендант Горн решил защищать крепость до последней возможности. Царь Петр предлагал Горну капитуляцию на самых выгодных условиях, но шведский комендант заносчиво отказался. 13 августа 1704 года после кровопролитного штурма русские ворвались в город одновременно с двух концов. Шведы отчаянно сопротивлялись, они взорвали мину, унесшую жизни сотен русских. Но сопротивление было бесполезно, разъяренные русские солдаты, ворвавшись в крепость, устроили настоящую бойню. Бесчинства, вызванные бессмысленной гибелью русских солдат в результате подрыва мины, с трудом мог остановить только сам царь, бросившись на солдат со шпагой и даже заколов одного из них. После боя царь с укором сказал захваченному коменданту Горну, показывая окровавленную шпагу: "*Смотри, это кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтобы удержать бешенство, до которого ты довел моих солдат своим упрямством*".

Таким образом, умело воспользовавшись уходом Карла XII в Польшу, царь Петр I укрепил свои позиции в Прибалтике. Были возвращены практически все крепости, начала строиться северная столица России, для прикрытия устья Невы вблизи её южной судоходной протоки была заложена крепость Кроншлот, а на острове Котлин сооружена артиллерийская батарея, которая позже превратилась в крепость Кронштадт. Цель, ради которой велась война, была достигнута: отвоеван выход к морю, положено начало

флоту. Там же в Нарве 19 (30) августа 1704 года был подписан Нарвский союзнический договор между представителями Августа II и Петра I, по которому оба государства обязались вести войну со Швецией и не заключать с ней сепаратного мира. В договоре буквально было записано: "...по силе того союза против короля Свойского до скончания сея войны всеми силами воевать, и друг друга не оставлять, и особливого мира с неприятелем не чинить...". Через два года Август II нарушит этот договор...

В Москве победителям Нарвы 14 декабря 1704 года была устроена торжественная встреча. Впереди шли пленные шведские генералы во главе с комендантом Нарвы Горном. Мимо восторженных москвичей пронесли шведские штандарты и провезли 80 пушек. Столица ликовала, Европа была смущена неожиданным успехом русского оружия. Английский посол Витворт сообщал в Лондон: царь "*мощью собственного гения, почти без посторонней помощи, к 1705 году достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей*".

Все время, начиная с 1704 года, наряду с овладением балтийским побережьем, конница Шерemetева осуществляла систематические нападения на Лифляндию. Целью этих военных операций заключалась в лишении Швеции опорных пунктов и продовольственной базы для нападения на новые русские приобретения в Ингерманландии, на Псков, Новгород и Литву, являвшихся воротами к прямой дороге на Москву. Более того, лифляндское дворянство получило возможность первыми в Европе усомниться в том, что непобедимая Швеция может легко справиться с Россией.

Естественно возникает вопрос, почему Карл XII не озабочился растущей силой русских и фактически потерял Прибалтику? Ведь ему было прекрасно известно о событиях, описанных выше. Знали об этом и в Стокгольме. Уже в мае 1703 года "комиссия обороны" в шведской столице получила предостережение от генерала Шлиппенбаха, что если король немедленно не явится на выручку, то остзейские провинции будут потеряны

для Швеции. Особо обращалось внимание на то, что русские закрепляются на захваченных землях и их изгнание будет с каждым годом проблематичней. Но что был сейм для юного и крайне самоуверенного короля! Как пишет шведский историк Фердинанд Карлсон "*До конца король не допускал даже мысли, что здесь налицо большая опасность. Неслыханно возрастающую силу России он не хотел или не был в состоянии видеть и для большой опасности со стороны русского флота у него тоже не было глаз*". Сам же Карл XII отозвался об успехах русских в Ингрии весьма легкомысленно: "*Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их*".

Все это время шведский король был занят в Польше, он преследовал Августа II, где и застрял на несколько лет....

Украина глухо волновалась...

Эта строка бессмертной "Полтавы" Пушкина как нельзя более точно отражает настроения украинского общества на первом этапе Северной войны. Малороссийские казаки, имевшие огромный воинский опыт в южном направлении, на Севере оказались в чужой, непривычной обстановке. Неприятности начались после победы при Эрестферской мызе, когда пять казацких полков под командованием наказного гетмана Павла Апостола в составе армии Шерemetева разгромили генерала Шлиппенбаха. А поскольку шведы всегда свое добро возили с собой в обозе, то трофеи были богатыми. Для казаков военная добыча была частью хозяйственной жизни, тем более, что они были вынуждены отрываться от собственного хозяйства. Во всяком случае, так всегда было во время крымских походов и набегов. Но на этот раз, несмотря на строгие запреты Шерemetева не обижать казаков, русские командиры начали отбирать у них добытое в бою, оскорбляя и унижая казаков. Более того, казаки с трудом обеспечивали себя фуражом в псковских селах, где их, случалось, били и даже топили. Недовольство еще более усилилось после того, как большую часть казаков оставили зимовать в

Лифляндии, а самых боеспособных – компанейцев и сердюков – задержали в Печерской крепости. Многие даже перебежали к шведам, что вызвало озабоченность царя. Он даже был вынужден направить малороссийским и запорожским старшинам "увещевательную" грамоту, в которой просил беглецов вернуться, иначе их ждала смертная казнь и "проклятие от потомства".

Более того, в самый неподходящий момент, в конце 1701 года, когда Петр через своего посла П.А. Толстого всеми силами удерживал Турцию и Крымского хана от нападения с юга, запорожцы чуть не поссорили гетмана с царем. Они напали на караван греческих купцов, турецких подданных, прибывших с товарами в Украину, и ограбили их. Награбленные товары привезли в Сечь и поделили по куреням. Гетман сообщил обо всем этом в Москву, куда в то время приехали запорожские посланцы – бывший кошевой Крыса с товарищами. В Москве их задержали и стали допрашивать о греческих караванах и о селитренных майданах. В результате запорожцы сбросили кошевого атамана Петра Сорочинского, обвинив его том, что он не сохранил награбленное в общей казне, и избрали нового кошевого атамана Костю Гордиенко, ярого противника Москвы. Он пытался оправдаться перед Мазепой, обвинив самих купцов в нарушении сечевых порядков.

Внимательно следивший за военными событиями в Польше, царь Петр в конце июля 1702 года приказал гетману Мазепе отправить казаков к литовским городам Быхову и Могилеву для того, чтобы не допустить в них польских сторонников шведского короля. Этот приказ последовал после того, как польские противники вторжения шведов, возмущенные их поведением, созвали Сандомирскую конференцию и начали вооруженную борьбу, обратившись за помощью к русскому царю. По приказу Петра Мазепа направил к Быхову отряд в 12 тысяч казаков под командованием наказного атамана стародубского полковника Миклашевского. Успешные действия казаков сломили сопротивление четырех тысяч поляков и примкнувших к ним полуторы сотни запорожцев. Одновременно к Быхову подошли поляки,

сторонники короля Августа II. В октябре 1702 года осажденные в Быхове поляки сдались на милость победителя. Побежденным, присягнувшим королю Августу II, объявили амнистию, но Мазепа был крайне недоволен Миклашевским за то, что он допустил принятие присяги королю Августу II, а не русскому царю. Пленных запорожцев привезли в Батурин, где Мазепа намеревался их казнить, но малороссийские полковники, принимавшие участие в осаде Быхова, упросили его не делать этого, поскольку обещали запорожцам сохранить жизнь при условии сдачи. За взятие Быхова король Август II наградил гетмана Мазепу высшим польским орденом Белого Орла.

Возвращавшиеся с Севера казаки распространяли по всему пути следования самую негативную информацию о царской службе, обвиняя, прежде всего Мазепу: "...о нас не радит, что мы на царской службе разоряемся! Коли так и вперед будет, так мы лучше пойдем польскому королю служить". Гетман был вынужден жаловаться царю: "Эти возвратившиеся войсковые люди поднимают на ропот оставшихся в Малороссии, все в один говор ропщут на меня, будто я за их права и вольности не стою". Подобных жалоб царю за время своего гетманства было много, что может свидетельствовать о том, что Мазепа служил царю Петру верой и правдой. Но именно по этой причине в Украине население не очень-то благоволило к гетману, обвиняя его в чрезмерном усердии в пользу Московского государства за казацкий счет. Особенно протестовали запорожцы – исконные враги Мазепы.

Правду сказать, запорожские казаки тоже не отличались образцовым поведением. На всем своем медленном пути на Север они занимались грабежами местного и российского и украинского населения. Именно в этот период случилась история с ограблением запорожцами греческих купцов, которая резко усложнила отношения с России с Турцией и Крымом, о чем было сказано выше.

Вынужденное участие казацких войск в Северной войне и конфликты с московскими офицерами все более ухудшали внутриполитическую

обстановку в Украине. Более всего беспокоили царя и Мазепу запорожцы, крайне недовольные заключением мирного договора с Турцией и строительством новой крепости Каменный Затон, ограничивающей для запорожцев возможности свободной торговли. Недовольство подогревалось крымскими татарами, с которыми запорожцы вошли в переговоры о заключении военного союза против Москвы. Осведомители Мазепы – Василий Зеленый и Антонин Мокиевский, находясь в Сечи, подробно писали гетману о всех перепитиях переговоров. Однако Крым не мог предпринимать никаких действий без разрешений турецкого султана, к которому было отправлено донесение с просьбой разрешить начать зимой военные действия против Москвы. Кошевой атаман Костя Гордиенко пытался ускорить начало войны, передав с крымским послом письмо, содержащее обещание быть заодно с крымчанами против ненавистной ему Москвы. После отъезда ханского посла мнения запорожцев разделились. Одни говорили, что если крымчаки не захотят немедленно начать войну, а царь проведает об их намерениях и будет гневаться, то следует все свалить на гетмана Мазепу, будто он и есть засчинщик предприятия, тогда его самого потянут в Москву для ответа. Другие говорили, что если не будет на них "ласки царской", то навечно поддадутся турецкому султану, но не пойдут в московскую неволю. Такие настроения запорожцев подогревались тем, их товарищи, посланные в Москву по делу греческих купцов, были задержаны и больше года находилась в Москве.

Осознавая опасность, исходящую от запорожцев, Мазепа предпринял следующие шаги. Во-первых, он отправил крымскому хану собственного доверенного человека – Завидовского – и добился обещания хана не нарушать мир с Москвой. Во-вторых, он отправил главе Посольского приказа Головину письмо с результатами переговоров с Крымом и одновременно пожаловался на бегство малороссийских казаков и обывателей в Запорожье. Более того, гетман приказал чинить всяческие преграды, чтобы не допустить проникновения беглецов на Запорожье. В-третьих, попросил

киевского митрополита послать запорожцам пастырское увещевание не вступать в союз с неверными и не поднимать руку на единоверцев. Наконец, сам гетман писал запорожцам с уговорами жить мирно с гетманской властью, подчиняясь царской воле, обещая за это ходатайство в Москве.

Но все эти мероприятия были малоэффективны, озлобление запорожцев против действий Москвы нарастало. Протестуя против строительства новой крепости, запорожцы даже напали и захватили царскую казну, которую везли в Каменный Затон, убив при этом капитана, двух солдат и священника. Царь был вынужден направить в Сечь очередную "увещевательную грамоту", обсудив которую запорожцы 23 октября 1703 года собирались на войсковую раду и одобрили обширное послание царю. В этом чрезвычайно смелом документе запорожцы фактически выдвинули ультиматум, что, если кто на будущий 1703 год явится строить город в Каменный Затон, то "*мы изготовимся и станем к военному бою со всем нашим всепоспольными товариствомъ*". Ситуация обострилась до предела и Мазепа боялся смуты в малороссийских городах, вызванных недовольством участием в Северной войне и пренебрежительным отношением к казакам царских служилых людей. Гетман Мазепа хорошо сознавал грозящую ему опасность и писал в Посольский приказ: "*И козаки и поселяне, все злобятся на меня, все кричат в одно: пропадать нам до конца и сгубят нас москали! У всех одна мысль уходить за Днепр, и может произойти внезапное зло*". Жаловался Мазепа и на бесчинства ратных людей, грубо обращавшихся с местным населением, забирая у них имущество, коней и волов. Н.А. Костомаров пишет "*В Кереберде во время ярмарки в день св. Онуфрия московские служивые люди, плывя по Днепру, пристали к берегу и стали с своих суден торговать вином, а так как продажа вина там была на откупе, то жители, по настоянию арендарей, ходили просить "москалей", чтоб они перестали торговать и понесли к ним хлеб-соль, но "москали" бросились на них с дубинами и копьями, а некоторых, схватив, увили к себе на суда, как пленных, и потом пустили, обобрав, чуть не голыми, да еще обрезали им волосы в знак*

бесчестия". Между украинскими жителями и "москалями" постоянно возникали конфликты, доходящие до драк.

Подобные бесчинства творились и великороссийскими помещиками, которые сманивали крестьян на свои земли, а после закрепощали и относились, как к своим рабам, подвергая их "жестоким мучительствам". На постоянные жалобы гетмана царь отреагировал специальным указом воеводам "*с великим подкреплением, буде вперед малороссийским людям от кого-нибудь станется обида от воеводского или полковничего недосмотра и за то начальным людям быть в казни и в вотчинах отписаны будут*". Но и это не помогало.

Раздраженный постоянными неприятностями со стороны запорожских казаков царь Петр был готов разорить Сечь – источник беспокойства, и послал для консультаций к Мазепе своего доверенного человека – Алексея Курбатова. Мазепа, опасавшийся союза запорожцев с ханом, рекомендовал срочно укрепить войсками строящуюся крепость, но не советовал разорять Сечь, предлагая, как он выразился, "ласково" разрешить противоречия. Правда, добавляя, что если "ласково" не получится, то можно бросить в ненавистное ему гнездо "несколько десятков бомб". Для увещевания сечевиков были отпущены из Москвы запорожские посланцы во главе с атаманом Герасимом Крысой. А в мае 1703 года в Запорожскую Сечь прибыл стольник Федор Протасьев в сопровождении генерального асаула Скоропадского, посланного Мазепой, имея указание привести запорожцев к царской присяге. Однако низовые казаки отказались от этого, мотивируя тем, что русскому царю, которому они уже целовали крест ранее, не изменяли. Впрочем, они соглашались принести новую присягу, но при условии "*Когда городки снесут*", Трехдневные переговоры ни к чему не привели, и Протасьев со Скоропадским уехали, не выполнив царскую волю. Запорожцы же, распалившись, кричали, что нужно идти на гетмана и убить его. Мазепа, узнав об этом, пришел в ярость и отписал своему добруму другу главе посольского приказа Федору Головину: "*Вижу, дон деже того проклятого пса,*

кошевого Кости Гордеенка, не станет, по тех мест не надеяться к твердой и всецелой от запорожцев верности. Не знаю, какой другой изобрести способ, дабы не токмо того безбожного тот уряд, но и дни его прекратити". (Знать бы гетману, что буквально через три года "проклятый пес" Гордиенко приведет своих запорожцев к Мазепе в стан шведского короля). Только к лету 1703 года запорожцы угомонились и свергли ярого противника Москвы – кошевого атамана Костю Гордиенко, прося царя простить их провинности. Царь, следуя советам Мазепы, простил их, и в ноябре на Сечь была послана царская грамота, подтверждающая прежние вольности Запорожья. Правда, атаманство Крысы было недолгим, вскоре запорожцы вновь прокричали Гордиенко, который на этот раз уверял запорожцев, что отныне будет верен царю. Впрочем, своевольства запорожцев продолжались, но уже в пределах Гетманщины и без нападений на ратных и служилых людей.

Правобережные проблемы

Параллельно с запорожскими конфликтами, Мазепа столкнулся с обострившейся проблемой Правобережья, формально входившего в состав Речи Посполитой. Можно не сомневаться в том, что Иван Степанович вынашивал планы объединения всех украинских земель под своей гетманской булавой. Опорой для этого было казацкое войско, находившееся в ряде воеводств. Однако после того как в 1699 году был подписан мир с Турцией, польский сейм принял решение ликвидировать казачество на своей территории. Доводы были вполне убедительными: казаков призвал покойный король Ян III для участия в войне с турками, а поскольку война закончилась, то следовало удалить их с польских земель. Для осуществления этого плана коронный гетман Яблоновский приказал правобережным старшинам распустить казаков и уйти из королевских, духовных или шляхетских владений. Полковники ответили категорическим отказом, а фастовский полковник Семен Палей отбил нападение польских войск, пытавшихся захватить Фастов, и фактически стал контролировать территорию

Брацлавского и Киевского воеводств. Сложность положения Палея заключалась в том, что он фактически противодействовал королю Августу II, союзнику русского царя, более того, он отказывался посыпать свои войска для участия в Северной войне против шведов.

Решение изгнать казаков обернулось для поляков массовым восстанием летом 1702 года. Крестьяне тысячами шли в казацкие отряды полковников Самуся и Искры. Украинское население было уверено, что восставших поддерживает русский царь Петр, во всяком случае, сам Палей распространял такие слухи. Казацкая старшина решила взять Белую Церковь, и Самусь даже писал гетману просьбу о помощи, но Мазепа ответил отказом: "*Помочи тебе не подам и без царского указа тебя не прийму. Без моего ведома ты начал и кончай, как знаешь, по своей воле!*". В свою очередь, Мазепа в августе 1702 года направил Палею приглашение участвовать в войне против шведов, как того требовал царский указ. Однако Палей уклонился от совместного похода, ссылаясь на грозящую опасность со стороны польских шляхтичей, которые могли захватить Фастов и перебить православный люд. В сентябре 1702 года полковник Самусь, подойдя к Белой Церкви, разослал всем казацким старшинам универсал, в котором уверял, что он есть верный слуга "Пресветлого царского величества" и находится в полной покорности украинскому гетману. Через два месяца после длительной осады Белая Церковь была захвачена, и казацкие вожди в письме к Мазепе просили принять город под высокую царскую руку. Все это происходило именно тогда, когда казацкий отряд стародубского полковника Миклашевского с польскими сторонниками Августа II захватили Старый Быхов, разгромив сторонников "шведской партии"

Казалось бы, для гетмана Мазепы наступило время стать гетманом "обеих берегов". Мазепа попробовал через главу Посольского приказа Федора Головина убедить царя принять Белую Церковь, но из этой затеи ничего не получилось. Как уже говорилось, Август II оставался единственным союзником русских в войне со шведами, поэтому царь

старался по мере возможности удовлетворять его требования. В Польше распространились слухи о том, что Мазепа с 20-тысячным войском перешел Днепр и движется на помощь восставшим. Об этих слухах русский посол в Польше Григорий Федорович Долгоруков сообщил Мазепе: "*Шведский король хитрыми вымыслами, по совету приставших к нему польских изменников, велел распространять слухи, будто его царское величество указал вашей вельможности послать 20000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царским гетманом, и будто мятежи, поднявшиеся в Украине, возникли с позволения нашего государя. Речь Посполитая приходит в немалое подозрение. Необходимо всем на деле доказать, что этот мятеж начался без воли царской и не приносит никакой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этот огонь, препятствующий Речи Посполитой обратить оружие против шведов*". Делая все, чтобы удержать союзника, отвлекавшего шведские силы от похода на Москву, Петр в декабре 1702 года приказал Мазепе предпринять меры – поставить у Днепра "крепкие и частые караулы" для предотвращения бегства к Палею и Самусю. В начале 1703 года Мазепа выполнил волю царя и издал соответствующие универсалы, вызвав тем самым очередной всплеск народной ненависти к себе. Он писал в Посольский приказ: "*Все поселяне на меня злобятся; здесь, говорят, нас изгубят москали, и у каждого мысль уходить за Днепр*".

Мятеж, лишенный поддержки со стороны гетмана, боявшегося нарушить царскую волю, было довольно скоро подавлен. Шляхетство собрало войско под руководством коронного гетмана Сенявского и разгромило рассеянные островки восставших. Виновные, как поодиночке, так и целыми селениями, были жестоко покараны. Вновь в очередной раз Правобережье было залито кровью. Мазепа был вынужден молча скорбно взирать на ускользающую власть над Правобережьем. Единственного, чего он достиг, был отказ вернуть полякам Белую Церковь. Он откровенно писал в Посольский приказ: "*"Не могу брать на душу греха, чтобы приветными уверениями склонять Палея, Самуся и Искру к послушанию, а потом отдать*

их полякам в неволю. Не могу заверять их, что они останутся целы и невредимы как в своем здоровье, так и в пожитках. Поляки не только над козаками, но и над всем русским народом, находящимся у них под властью, поступают по-тирански. Это показали недавние дела их в Поднестровщине и в Лобужьи, где они, отмщая за бывший мятеж народный, многих казнили, иных вешали, других бросали на гвозди или сажали на кол".

Поляки особенно настаивали на передаче Белой Церкви, польный гетман Сенявский неоднократно писал Мазепе о необходимости этого шага. Мазепа прекрасно понимал, что если бы он предпринял какие-либо действия против Палея, то восстановил бы против себя все население Левобережья. Он начал лавировать: посыпал Палею письма с требованием уйти из города и одновременно принял усилия усиленно формировать у царского правительства негативное отношение к Палею. Тем временем, полковники Самусь и Искра все же ушли на Левый берег, Самусь даже передал в конце января 1704 года Мазепе знаки гетманского достоинства, врученные ему польским королем, на что была получена царская воля. В результате Палей остался один, ему был послан царский указ с угрозами занятия силой Белой Церкви великокорсийскими и малороссийскими войсками с последующим возвратом польской стороне. Нужно помнить, что именно в это время шведы завоевывали Польшу, угрожающе сжимая кольцо вокруг короля Августа II, намереваясь сместить его и короновать своего ставленника Станислава Лещинского.

На этом этапе личные отношения между Мазепой и Палеем обострились до крайности. Теперь гетман в своих письмах в Посольский приказ намекал на то, что Палей вполне способен возмутить малороссийский народ и склонить его к союзу с польской стороной против русского царя. Этот отрывок из письма украинского гетмана следует процитировать полностью: "*Поляки хотят выбрать себе в короли сына Собеского и начать войну с Россиею. Наш народ глуп и непостоянен; он как раз прельстится: он не знает польского поведения, не рассудит о своем упадке и о вечной утрате*

отчизны, особенно когда будут производить смуту запорожцы. Пусть великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу, пусть изволит, не отлагая, прислать в Украину добroe войско из солдат храбрых и обученных, чтоб держать народ малороссийский в послушании и верном подданстве. Нужно, однако, с нашим народом обращаться человеколюбиво и ласково, потому что если такой свободолюбивый, но простой народ озлобить, то уже потом трудно будет суворостью приводить его к верности. Я, гетман и кавалер, хочу служить верно до конца живота моего его царскому пресветлому величеству, как обещал перед святым Евангелием, и непрестанно пекусь о содержании Украины без поколебания, но имею о том сердечную печаль, что поляки, как есть неистовые, неправдивые и злостные люди, меня, гетмана, во весь свет поносят, а паче всего пред царским престолом злословят и нарекают на меня неудобоносимые дела".

Более конкретно, Мазепа писал Головину о необходимости выманить Палея из Белой Церкви, заковать в цепи и отправить в Батурина для последующей передаче русскому правительству, откуда могло быть только две дороги: на плаху или в Сибирь. Летом 1704 года гетманский план осуществился, Семен Палей во время очередных переговоров с гетманом в не совсем трезвом состоянии был взят под стражу, обвинен в связях с "шведской партией" польских магнатов Сапегов, отправлен в Москву, а далее – в Тобольск.

И все же Мазепа частично выполнил царскую волю, в мае 1704 года он вступил с войском в Правобережье и за летние месяцы занял территории, ранее контролируемые Семеном Палеем. Гетман обратился с универсалом к польской шляхте, в котором объяснял цели своего похода, заключающиеся в помощи польскому королю против шведов и "шведской партии". Одновременно он обращался к местному населению с угрозой применить силу в случае непокорности и продолжения бунтов. К осени 1704 года гетман описал царю о достигнутом успехе: "...бунты около Южного Буга и Днестра усмирилися, и всюду как губернаторы по местам и местечкам, так и шляхта

по своим селам сидят безопасно и подданных своих взяли в надлежащее послушание". Правда, Мазепа проявил при этом очевидную избирательность, если на Подолье и Брацлавщине власть была возвращена полякам, то в Киевском воеводстве фактически он управлял сам. В соседних с Киевом областях казаки по-прежнему громили польскую шляхту, которая постоянно жаловалась Мазепе. Но гетман своими ответами ссылался на то, что во время карательной экспедиции коронного гетмана Сенявского поляки вели себя еще хуже по отношению к местному украинскому населению. Такие действия Мазепа предпринимал с учетом того, что польское войско короля Августа, противостоящее шведам, не могло направить какие-либо значительные силы для восстановления своей власти в малороссийских воеводствах, царь тоже особенно не настаивал на уходе Мазепы с Правобережья.

Таким образом, гетман Мазепа с 1704 года стал фактически гетманом обеих берегов Днепра, распространяя свою власть на теперь уже бывшие польские владения и укрепляя казацкое устройство Правобережной Украины. За короткое время ему удалось усилить и сформировать семь полков: Белоцерковский, Богуславский, Корсунский, Чигиринский, Уманский, Брацлавский и Могилевский. Гетман назначил полковниками как старых соратников Палея, так и новых своих ставленников. Белая Церковь, которую так и не отдали полякам, превратилась фактически в столицу Правобережья, где стоял гетманский сердюцкий полк. На возвращенных землях действовала гетманская администрация, представители которой устанавливали и взимали налоги. Земли Правобережья фактически стали государственной собственностью, иными словами, находились в полном и единоличном распоряжении самого гетмана, соответственно прибыли в виде, например, арендной платы, шли в гетманскую казну. Гетман всячески укреплял свою власть, до поры до времени ловко лавируя между сильными мира сего, будучи вассально зависимым от русского самодержавия. За

четыре года на земли Правобережья, опустевшие после подписания "Вечного мира", при содействии гетмана было переселено до 50 тысяч человек.

Успокоив Запорожье и ликвидировав опасного соперника Семена Палея, гетман Иван Степанович Мазепа мог чувствовать себя победителем. Отношения с царем Петром были самые доверительные. В начале 1705 года состоялся очередной вояж 65-летнего гетмана в Москву. 17 января Мазепа с генеральным асаулом Иваном Скоропадским, пятью войсковыми старшинами и многочисленной свитой на двухстах подводах прибыли в столицу, где для них загодя были заготовлены съестные припасы и корма для лошадей. Омрачало только одно: неудачное сватовство к своей крестнице Мотре, дочери "заклятого друга" Василия Кочубея, подробности которого будут изложены ниже.

ГЛАВА 4

ПОЛЬСКИЙ ПОХОД КАРЛА XII

Шведская армия уходит в Польшу

Разгромив Петра в Нарвской битве, Карл XII намеревался двинуться на Москву, но генералы убедили его, что нельзя оставлять за спиной более сильную, по их мнению, саксонскую армию, основные корпуса которой были расположены в Польше. Шведы легко разбили под Ригой саксонское войско, завоевали Лифляндию, Курляндию и вошли в Литву. Начался польский поход.

1 декабря 1701 года относительно небольшой шведский отряд во главе с самим королем напал на польскую армию Огинского и нанес ей сокрушительное поражение. Шведы без всякого сопротивления вошли в Ковно, а затем была занята Вильна. В начале 1702 года Карл XII овладел всей Курляндией и вошел на территорию Речи Посполитой. Август II, осознавая тот факт, что значительная часть польских магнатов не поддерживала его, сделал попытку примириться с Карлом XII. Он послал к шведскому королю свою любовницу графиню Аврору Кенигсмарк, поручив ей обговорить с Карлом условия мира. Однако Карл отказался даже дать аудиенцию графине.

Шведский король, преследуя Августа, двинулся на Варшаву и 14 мая 1702 года без боя вступил в нее. Польский гарнизон был распущен, охрана города перешла к шведским караулам. Шведы наложили на Варшаву контрибуцию в 100 тысяч талеров. Король Август II бежал в Краков и собрал под свои знамена саксонцев и поляков, общей численностью 24 тысячи человек. Влиятельное лицо в Речи Посполитой, глава польской католической церкви примас Михаил Радзейевский предложил Августу II свои услуги в посредничестве при заключении возможного мира. Август, естественно, не возражал, и примас отправился в Варшаву. Однако когда речь на аудиенции

зашла о мире с Августом II, Карл XII громко сказал: *"Я не заключу мира с поляками, пока они не выберут другого короля!"*

Август II, понимая, что мира достичь не удастся, решился на сражение. 9 июля 1702 года саксонско-польское войско Августа II и шведская армия Карла XII сошлись на равнине между Краковом и Варшавой, у городка Клишов. В самом начале боя прямым попаданием ядра был убит начальник шведской кавалерии герцог Фридрих Голштейн-Тотторпский, зять Карла XII. Разгневанный король бросился в атаку во главе конницы, заставив польские части, расположенные на правом фланге, дрогнуть и броситься наутек. Несмотря на упорное сопротивление саксонского войска в центре и на левом фланге, шведы одержали уверенную победу. Им досталась вся артиллерия и войсковая казна противника. Август бежал в Краков, Карл последовал за ним и 31 июля 1702 года с тремястами всадниками взял город. Август II едва успел спастись бегством и бросился в Саномир. Карл продолжал преследовать Августа, предостав员я царю Петру время для реформирования армии и подготовки к будущим сражениям.

Война на два фронта вызывала серьезную озабоченность в Швеции. Уже в феврале 1701 года Государственный совет предоставил королю доклад, в котором говорилось: *"Если продолжать войну как против царя, так и против короля Августа, то Ваше Величество до такой степени погрузитесь в долги, что, в конце концов, уже невозможно будет добывать деньги для продолжения войны и для управления государством..."*. Шведский чиновники высшего ранга исходили из того, что обеспечить тыл для войны с русскими может только подписание мира с Августом. К докладу Госсовет приложил справку, из которой следовало, что дефицит годового бюджета за время войны вырос в 8 раз. Но державный властелин немедленно ответил, что не намерен вести переговоры о мире ни с Августом, ни с царем. Государственные чиновники попытались еще раз убедить короля в опасности войны на два фронта, предсказывая, что страна может погибнуть, если должна будет нести и дальше такие тяжкие расходы. И вновь король ответил

решительным отказом и категорически подтвердил, что будет вести войну одновременно с Августом и с царем.

Эта переписка со Стокгольмом велась именно тогда, когда русские войска одну за другой захватывали крепости на Балтике. Все придворное окружение Карла XII, включая королеву-мать Гедвигу Элеонору, писали Карлу о своих опасениях, что русские возьмут Нарву и появятся на Балтийском море, в то время как Карл будет гоняться за Августом. Но Карл парировал эти опасения тем, что, по его мнению, убыток от разорения Ливонии русскими с лихвой уже покрывается доходами, получаемыми шведами в захватываемых землях Польши и Саксонии.

Весной 1703 года к Карлу XII морем из Швеции прибыл 14-тысячный корпус. Получив подкрепление, король двинулся из Варшавы под город Пултуск, где Август II формировал новое войско под командованием маршала фон Штенау. 1 мая шведы атаковали польско-саксонскую армию, большая часть которой была уничтожена шведской кавалерией. Саксонцы практически не оказали сопротивления и бежали с поля боя, потеряв 600 человек убитыми и 1000 пленными. После этого шведская армия осадила польскую крепость Торунь, где укрылась оставшаяся часть саксонского войска. Сам Август II бежал в Саксонию. В погоне за Августом Карл XII захватил немецкие города Данциг и Эльбинг, никогда не воевавшие со шведами. На них была наложена огромная контрибуция.

В декабре 1703 года Карл XII объявил польской стороне, что он согласен на подписание мира при условии избрания нового короля. Сейм послушно лишил Августа II польской короны, и на Варшавской конфедерации в июле 1704 года королем был провозглашен Станислав Лещинский. Правда, вначале Карл XII хотел посадить на польский трон Якуба Собесского, сына знаменитого короля Яна, героя Венского сражения, но Август успел перехватить его и отправить в Саксонию под "почетный арест", что вызвало бурю негодования в Польше. Затем трон был предложен брату Якуба – Александру, но тот отказался. И тогда граф Пипер предложил

королю познаньского воеводу Станислава Лещинского. Польская знать была просто шокирована таким выбором, поскольку десятки знатных семей считали себя выше этой кандидатуры. К королю обратился примас Радзейевский с просьбой найти другого человека из польской шляхты, но король довольно резко отказал ему и послал графа Горна объявить сейму, чтобы в течение пяти дней Станислав Лещинский был выбран польским королем. Позже, в 1705 году Карл заключил с ним союзнический договор.

Расположившись в живописных Тарновских горах, шведы демонстрировали полное неуважение к полякам, нещадно грабя их и, будучи фанатичными протестантами, неуважительно относясь к католическим костелам. Такое поведение шведов вызвало резкое неприятие в народе. Часть шляхты, преданная Августу II, составила в Любlinе Сандомирскую конфедерацию, присягнула ему на верность, приняла решение заключить мир с Россией и объявить войну Швеции. Следствием этого решения было подписание 19 августа 1704 года Нарвского союзного договора, о котором шла речь выше. Напомним, что на этот раз договор был подписан с Августом II не просто как с курфюрстом саксонским, но как с польским королем. Союзные державы обязались воевать против общего врага — шведского короля, на суше и на море, отдельных договоров с ним не заключать и ни в какие сношения не входить.

Напомним, Август II оставался единственным союзником Петра, поэтому царь шел на любые требования саксонского курфюрста, польского "полукороля". Так, Петр обещал Августу передачу Лифляндии, отправку военной помощи в виде 12 тысячного войска, а также предоставление ежегодной субсидии в 200 тысяч рублей на содержание 48-тысячной польской армии. В ответ на это польская сторона отказалась от требования пересмотреть условия "Вечного мира" 1686 года, что фактически означало согласие на отказ от Киева и некоторых других малороссийских городов.

В результате в Польшу вошли 12 полков пехоты и конницы под командованием генерала Аникиты Ивановича Репнина. Вслед за Репниным в

Польшу была послана армия фельдмаршала Шереметева, состоящая из пяти полков. Петр предписывал им, во-первых, не углубляться далеко от русской границы, а, во-вторых, не вступать в генеральное сражение с Карлом. Обе русские армии глубокой осенью 1704 года заняли зимние квартиры: Шереметев – в Витебске, Репнин – в Полоцке.

Следуя договоренностям с царем, Август II собрал под Львовом 23 тысячи саксонцев, поляков и русских. Немедленно туда двинулся Карл XII с одной кавалерией. Но Август, избегая генерального сражения, ушел из Львова. 6 сентября Карл быстрым штурмом трех драгунских полков овладел городом. Шведы разграбили имущество сторонников Августа, а на жителей Львова наложили большую контрибуцию.

Август, в свою очередь, воспользовавшись отсутствием Карла, напал на Варшаву, где находился Станислав Лещинский с шестью тысячью польских солдат и полторы тысячами шведов под командованием генерала Горна. Как только Лещинский получил известие о приближении Августа, он с семейством и присягнувшими ему шляхтичами быстро покинул Варшаву. Оставшийся в одиночестве генерал Горн несколько дней защищался, но после интенсивного артиллерийского обстрела был вынужден сдаться. Август постарался отомстить сторонникам Лещинского, их дома и имения были разграблены. Затем Август покинул Варшаву и отправился в Саксонию, оставив в Варшаве часть войска под командованием генерала Шулленбурга. Другую часть Август послал осаждать Познань. Карл, гонявшийся за ненавистным противником, не замедлил оказаться под Варшавой. Генерал Шулленберг спешно начал отступать, но Карл настиг их и атаковал около города Гурнау. Однако саксонскому генералу удалось все же увести остатки своей армии в Силезию.

Поскольку войска Августа II располагались в Польше, Карл решил отрезать их от Саксонии, для чего передислоцировал свои основные силы в Силезии. Август II оказался перед угрозой уничтожения перед превосходящими силами шведов и их польских сторонников. Для спасения

союзника, который направлялся от Krakowa на Люблин и Брест для соединения с русской армией, Петр I направил 60-тысячную армию в Полоцк. Чтобы не допустить этого, Карл XII приказал генералу Левенгаупту атаковать корпус фельдмаршала Шереметева, выдвинутый из Риги. Одновременно шведский генерал Майдель получил приказ начать решительное наступление на Петербург при взаимодействии с эскадрой адмирала Анкерштерна. В середине июля 1705 года генералу Левенгаупту удалось нанести поражение войскам Шереметева при Гемауэртгофе. Однако Балтийский флот отразил попытки шведской эскадры высадить десант на острове Котлин, а гарнизон Петербурга отбил атаки войск Майделя. В сентябре того же года русские войска заняли Митаву и Бауски, что, с одной стороны, вынуждало Левенгаупта вновь отступить в Ригу, а, с другой – обеспечивало безопасный проход в Польшу. В Митаве русским достались богатые трофеи – около 200 пушек, среди которых были "мортиры новой интенции" (конструкции).

В результате русская армия (около 35 тысяч человек) соединилась с саксонской (10 тысяч человек) вблизи Гродно. Карл XII, оставив в Силезии корпус генерала Реншильда, пошел на соединение с силами Станислава Лещинского. В такой тяжелой ситуации Петр отбыл в Москву, передав командование Августу II и поставив во главе русской армии Меншикова. Внезапный отъезд Петра был вызван разразившимся в Астрахани бунтом против царских указов о налогах, брадобритии и обязательном ношении одежды иноземного покроя. Внутренне положение страны настолько обострилось, что царь был вынужден отправить в Астрахань войско фельдмаршала Шереметева. Сам царь в осенние месяцы 1705 года занимался устройством армии, совершая многократные переезды верхом. В своих письмах, которые он писал иногда просто сидя на лошади, он жаловался: "*Во все свое время столько не переездил верхом и прочие тягости понес как сей год*".

В январе 1706 года Карл XII быстрым маневром выдвинулся к Гродно. Царь Петр сразу же оценил обстановку как критическую для русской армии и потребовал немедленного отступления: "*Надлежит того смотреть, чтобы неприятель наши войска не отрезал от нашей границы. Лучше здоровое отступление, нежели отчаянное и безвестное ожидание*". Петр ринулся к Гродно, но Карл опередил его и подошел раньше к стенам крепости. Царь, не рискуя прорываться и опасаясь плена, метался между белорусскими местечками, не имея связи с армией. Состояние его можно понять из коротких писем: Головину ("*Бог ведает, как сокрушаемся о том, что нас при войске нет*") и Репнину ("*О, зело нам печально, что мы не могли к вам доехать; и в какой мысли ныне мы есть, то богу одному известно*").

В неблагоприятной обстановке, складывающейся возле Гродно, король Август II спешно покинул опасное место, оставив командовать безынициативного генерала Огильви, и отправился в Варшаву с частью польских, саксонских и русских войск. Более того, он забрал с собой четыре из шести драгунских полков. Перед царем Август II оправдывал свой уход совершенно фантастическими намерениями. Он уверял, что ушел для того, чтобы громить войска генерала Реншильда, оставленные вблизи Варшавы, привлечь верных ему поляков, дождаться армейские соединения из Саксонии и вновь вернуться под Гродно. Август II срочно нуждался в военной помощи, и царь Петр вновь обратился к Мазепе.

Польская кампания гетмана Мазепы

Для Мазепы 1705 год начался весьма успешно. Во время очередного январского вояжа в Москву царь и гетман обговаривали возможный совместный поход в Польшу для оказания военной помощи королю Августу II. Но только весной военные планы начали приобретать зримые черты. События в Польше развивались довольно быстро, что сказывалось на противоречивых распоряжениях царя гетману. Вначале планировалось соединение казацких войск с саксонской армией для отправки их в Литву и

Лифляндию. Однако Мазепа, зная импульсивный характер Петра, не спешил с походом. Через месяц поступил другой приказ – быстро выдвинуться без тяжелой артиллерии к Бресту-Литовскому с целью "наказания" магнатов Потоцких, перешедших на сторону шведов. Приказ был жесток: казаки должны были разорять имения, забирать скот и отправлять его в расположение царских войск. Еще через месяц Мазепе было дано указание разделить войско на две части: самому с основными силами перейти Днепр и идти в пределы Польши к Сандомиру, а казацкий отряд численность несколько тысяч человек отправить в Литву на соединение с великороссийскими силами. Указания относительно имений Потоцких оставались в силе. В конце мая 1705 года в Литву был отправлен сборный отряд под командованием наказного гетмана прилуцкого полковника Дмитрия Горленко.

Сам гетман выступил во главе 40-тысячного казацкого войска и 15-тысячного отряда под командой Неплюева с 23 пушками и 11 тысячами возов только в конце июня. 13 июля объединенное войско вошло в Волынское воеводство и остановилось под Збаражем. Два правобережных полка Самуся и Искры получили приказ грабить имения Потоцких и Лещинского, брата короля Станислава. Правда, при этом категорически запрещалось трогать крестьян. Польские власти, противники шведского короля, делали вид, что приветствуют прибытие Мазепы. Вряд ли это делалось искренне, их намерения ограничивались желанием соединения гетманских войск с польскими и саксонскими отрядами для отпора шведам.

Положение Мазепы становилось двусмысленным. Он постепенно углублялся в пределы Польши и достиг в середине сентября Любельского воеводства. Дальше идти он не мог, поскольку царь Петр приказывал гетману не ввязываться в серьезные схватки со шведами, ограничиваясь наездами и набегами. Кроме того, в октябре ожидалась коронация Станислава Лещинского. Наконец, после долгого молчания Мазепа получил царский приказ захватить польскую крепость Замостье и одновременно

направить отряд казаков под Варшаву, чтобы продемонстрировать Карлу и Лещинскому свою силу. Мазепа выполнил этот приказ и направил под Варшаву 9-тысячный отряд. Однако с взятием крепости вышла задержка, поскольку она была хорошо укреплена. Мазепа и не надеялся на успешный исход дела, но, повинуясь царскому указу, потребовал от коменданта крепости пустить его войска и присягнуть королю Августу II. Комендант отказался пустить казаков в крепость. Король Август II прислал Мазепе своего курьера с предложением уплаты коменданту 15 тысяч талеров за сдачу крепости. Однако у гетмана таких денег не было. Месячное стояние возле Замостья нервировало Мазепу. Пришло известие о коронации Лещинского, который намеревался идти к Замостью с целью распространения своего влияния на всю Малую Польшу.

Именно в эти дни произошла первая попытка Станислава Лещинского склонить Мазепу на свою сторону. В ставку гетмана прибыл некий пан Вольский с секретными инструкциями и письмами, полученными от только что коронованного Станислава Лещинского. Мазепе предлагалось перейти на сторону Карла XII, за что обещалось Малороссийское княжество, возвращение прежних вольностей и "освобождение из-под владения тиранского". Первая попытка склонить Мазепу к измене русскому царю провалилась. Гетман, выслушав Вольского, приказал его арестовать и подвергнуть пыткам. После получения признания инструкции и письма были отправлены царю Петру, а самого агента отослали в Киев. В своем письме Петру Мазепа уверял, что будет всегда верен царю "*аки столп непоколебимый и аки адамант несокрушимый*".

Весь этот эпизод однозначно свидетельствует о том, что Мазепа в 1705 году и не мыслил про измену, и с поляками в сговор не вступал, несмотря на то, что терпеть царскую службу гетману было нелегко. Украина продолжала "глухо волноваться" от тягот Северной войны, в которых обвиняли гетмана.

Наступали ноябрьские холода, войско и лошадей нечем было кормить, положение становилось все хуже. Крепость не сдавалась, штурм был

невозможен, началась переписка гетмана с Меншиковым, в которой Мазепа задавал вопрос "что делать". Все разрешилось совершенно неожиданно: 17 ноября комендант крепости сдался и допустил в крепость гарнизон из 1000 великороссийских ратных людей и 200 малороссийских казаков. Стороны согласились на том, что этот гарнизон будет содержаться за счет крепости с условием, что его маетности будут освобождены от контрибуции. После этого Мазепа двинулся в обратный путь, на Волынь, оставив половину войска в Бельском воеводстве и хелмской земле.

Правда, эта победа ничего существенного в диспозиции польской кампании не изменила. Гетман решил вернуться в Правобережье и остановился на зимние квартиры в Дубно. Но и в Правобережье было далеко неспокойно, поскольку войска гетмана были практически окружены польскими войсками, хоть и сторонниками Августа II. По-прежнему, Мазепа был вынужден лавировать между царем и собственными казаками. Старшина, казаки и православный люд отчаянно сопротивлялись намерениям поляков вновь завладеть своими имениями. Понятно, что правобережные полковники Самусь и Искра, еще недавно столь яростно дравшиеся с поляками, не испытывали энтузиазма сражаться за интересы короля Августа II.

Однако в царской ставке под Гродно Петр, Август II, канцлер Радзивилл и коронный маршал Денгоф достигли соглашения относительно правобережных земель. В тайной резолюции, подписанной царем без согласования с гетманом Мазепой, говорилось "*Государь соглашается отдать сии крепости..*". Складывается впечатление, что именно в этот момент Мазепа начал переосмысливать свое положение. Тому было несколько причин. Во-первых, идея объединения двух берегов рушилась на глазах. Во-вторых, прилуцкий полковник Дмитро Горленко, посланный гетманом под Гродно на помощь российским войскам, прислал гетману письмо, в котором жаловался на "*обиды, поношения, унижения, досады, коней разграбление и смертные побои*", чинимые в отношении казаков русским командирами. В-

третьих, курьер гетмана в царской ставке Иван Черныш прислал Ивану Степановичу копию царского указа, содержание которого привело в бешенство старого гетмана. В нем речь шла о планах царя направить Киевский и Прилуцкий полки, находившиемся в Литве в составе русской армии, на муштру и переформирование с целью их переустройства в регулярную армию. Для Мазепы это был второй удар по планам создания великой Гетманщины. Рушилась ее основа – полковое устройство, далее могло быть только одно – окончательное преобразование Малороссии в обычное губернаторство.

Так случилось, что гетман получил и прочитал оба послания одновременно. Генеральный писарь Филипп Орлик вспоминал впоследствии, что Мазепа в страшном гневе воскликнул: "*какого же добра впредь ждать за нашу верную службу?! И кто был таким дураком, как я, чтобы до сих пор не принял противную сторону на таких условиях, какие Станислав Лещинский мне присыпал!*"

По приезду в свою ставку в Дубно Иван Степанович был приглашен в Белую Криницу в качестве крестного отца к дочери князя Вишневецкого, крестной матерью новорожденной была уже не молодая, но еще обворожительная княгиня Анна Дольская, мать Вишневецкого, вдова, пережившая двух мужей. Женщина, сыгравшая впоследствии роковую роль в судьбе гетмана. Несколько дней провел гетман в обществе польских панов и "прелестницы" пани Дольской, как ее называл Орлик. Долгие ночные разговоры закончились взаимной симпатией и обещанием вести переписку, для чего обе стороны обменялись шифровальным ключом. Возможно, княгиня Дольская, будучи тайной сторонницей короля Станислава Лещинского, уже строила планы переманить Мазепу. Но возможно и то, что Мазепа хотел иметь своего информатора в стане противника. Кто мог знать о предмете их личных бесед?

В те же дни Мазепа получил царский приказ о возвращении в Батурино, гетманскую столицу. Это могло означать то, что гетмана не хотели оставлять

на Правобережье, поскольку он никак не хотел содействовать планам царя расплатиться с поляками за союзничество правобережными землями. Но подтверждения о возвращении не последовало и гетман остался на зиму в Правобережье. Заканчивался 1705 год.

Поражение русско-казацкого войска в Литве

Начало 1706 года было для русского царя и малороссийского гетмана крайне неудачным. Военное положение становилось все более угрожающим для русской армии. Петр, получив сведения о приближении шведской армии к Гродно, сразу же осознал степень опасности и выехал в расположение русских войск. С дороги он одним за другим посыпал курьеров с требованием немедленного отступления, даже ценой утраты артиллерии. Потеря почти 40-тысячной армии означала проигрыш всей войнной кампании. И это в разгар булавинского восстания на Дону, о котором речь пойдет дальше. Карл опередил царя и первым приблизился к Гродно. В то же время Петру стало известно о сокрушительном поражении от генерала Реншильда польско-саксонско-русских войск, ушедших к Варшаве: 3 февраля 1706 года вблизи города Фрауштадт тридцатитысячная армия Августа разбежалась при появлении всего восьми тысячи шведов. Саксонская конница сразу же бросилась наутек, пехота была частично истреблена, частично взята в плен, мужественно сопротивлялись только русские отряды. За что и поплатились полной мерой, – шведы с безумной жестокостью убивали раненых и сдававшихся в плен. Часть солдат, пытаясь спастись, выворачивала свои мундиры, чтобы красная подкладка вводила в заблуждение шведов. Но это не помогло, Генерал Реншильд, узнав, что это русские, велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову. В донесении царю с горечью сообщалось: "*Россияне також многие побиты, а которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона не давать, и ругательски положа человека по 2 и по 3 один на другого кололи их копьями*

и багинетами". Таким зверским образом было уничтожено более четырех тысяч русских солдат. Трупы, изорванные шведскими штыками, лежали в три слоя.

Позорное бегство Августа оказало сильнейшее влияние на Петра, он был взбешен поведением польского короля, понимая, что теперь "*сия война на нас на одних будет*", он, тем не менее, терпеливо продолжал считать его союзником, призывая саксонского курфюрста отказаться от услуг родного войска и нанять датчан. Лишь бы шведская армия подольше задержалась в Польше...

Однако и шведы также переживала не лучшие времена, Польша была разорена и уже не могла прокормить шведское войско. Вследствие этого Карл XII не решился на штурм Гродно и, расположившись на расстоянии 70 километров от крепости, блокировал ее, препятствуя русскому гарнизону пополнять запасы продовольствия и фуража. В такой обстановке теперь действительно оставался один выход: немедленное отступление. Вопреки намерениям царя главнокомандующий фельдмаршал Огильви предлагал отсиживаться в крепости и ждать лета. Началась письменная полемика между царем и наемным бароном, закончившаяся тем, что царь фактически отстранил Огильви и передал командование армией Шереметеву и Меншикову, а флотом — адмиралу Апраксину. Он отдал приказ об отходе из Гродно на Брест, поручив руководство отступлением Меншикову и приказав всем командирам "*извольте верить ему так, как мне самому*".

Меншиков успешно реализовал замысел Петра и вывел без потерь армию, использовав половодье и ледоход для прикрытия от преследования противника. 24 марта 1706 года русские войска, покинув крепость, переправились на другой берег и быстрым маршем через двенадцать дней достигли Бреста и далее двинулись в направлении Киева. Известие о том, что армия благополучно перешла через Неман и спасена застала Петра уже в Петербурге. Теперь он был уверен, что шведская армия двинется на восток и пересечет русскую границу, вопрос был только в одном: в каком месте?

Карла ждали во всех приграничных городах: Минске, Смоленске, Брянске, мог он появиться и на Украине.

Карл XII вначале не мог организовать погоню за русской армией, поскольку шведская переправа была разрушена ледоходом. Пришлось ждать целую неделю, а потом шведы бросились вслед за русскими, но ошиблись в направлении. Армию шведы не догнали, но вошли на территорию Белоруссии (входившей в состав Литвы), уничтожая на пути гарнизоны противника. Литовский гетман Огинский и большая часть местной шляхты была вынуждена признать короля Станислава Лещинского. В это время Петр находился в Минске, ожидая прибытия отступающей армии фельдмаршала Шереметева. Там же в марте 1706 года появился и гетман Мазепа с 14-тысячным войском, которому было приказано мешать продвижению шведских отрядов.

Тогда же Мазепа получил от княгини Дольской шифрованное письмо, в котором содержался неясный намек на желательность того, чтобы русский царь разорвал с Августом и обратил внимание на Лещинского. Орлик записал реакцию Мазепы в таком выражении: *"Вот глупая баба, хочет через меня обмануть его царское величество, чтоб царь, оставивши короля Августа, принял под свою протекцию Станислава Лещинского и помог ему утвердиться на престоле, а он за то обещает царю подать такие способы, чтобы царь мог победить шведа. Я уже о таком ее дурачестве говорил государю. Его величество смеялся над этим".*

Мазепа точно выполнял приказы царя. В апреле для защиты местечка Несвияж он послал отряд стародубского полковника Миклашевского, а местечка Ляховичи – переславского полковника Мировича. Ночью шведы напали на Несвияж и перебили там всех спящих казаков, включая и самого полковника Миклашевского. Затем шведы двинулись к Ляховичам, и Мазепа направил на помощь переславцам отряд минского воеводы Неплюева в количестве 5000 человек и полковника Апостола с казаками. Однако этих сил

было явно недостаточно, шведы численно преобладали и 19 апреля, недалеко от Ляховичей российские и казацкие полки потерпели поражение.

По приказу царя Мазепа отступил к Быхову, где планировалось разместить малороссийский гарнизон. Однако ситуация была уже совсем другая. Коронный литовский гетман Вишневецкий перешел на сторону Лещинского и приказал коменданту Быхова не впускать казаков. Комендант приготовился к осаде, согнал на крепостные валы местных жителей и установил на башнях орудия. Понимая бессмысленность попыток взятия Быхова, Мазепа отошел от города и повернул на Украину. В дороге он получил печальные известия о том, что шведы, разгромив сопротивлявшийся отряд казаков, овладели Ляховичами. Часть казаков сумела уйти через Слуцк и направилась домой, а полковник Мирович и многие казаки были взяты в плен.

Бесславный разгром казацких отрядов, гибель Миклашевского и пленение Мировича эхом отзывались по всей Украине. Мазепа страшно переживал поражение, пытался хотя бы спасти Мировича, действуя через коронного литовского гетмана Вишневецкого, сына княгини Дольской и отправляя деньги в Малороссийский приказ для выкупа. Все было напрасно: Мировича вывезли в Стокгольм, где он впоследствии и умер.

Карл же, убедившись в том, что русская армия уклонилась от генерального сражения, решил во что бы то ни стало догнать ушедшие войска и двинулся вглубь Литвы и белорусского Полесья. Целый месяц длилась бессмысленная погоня, Карл терял людей, лошадей, артиллерию, но русских не догнал. Подарив царю Петру лишний месяц для подготовки к будущему генеральному сражению, Карл с трудом дошел до Пинска и, все-таки, был вынужден остановиться. Началось половодье: путь вперед был просто невозможен. Шведы повернули назад и принялись грабить имения приверженцев Августа. Причем простые солдаты, устав и изголодавшись во время изнурительной погони по топям и болотам, грабили вообще всех подряд, не делая различия между сторонниками двух польских королей.

Теперь путь шведов лежал в Саксонию. Карл решил окончательно разделаться с Августом.

Новые разочарования гетмана

Домой в Батурин Мазепа смог вернуться только в мае 1706 года, как он писал царю: "*после годовой вашего величества службы, еле живой от многих трудов, волнений, печали и от приключившейся болезни*". Его положение не внушало ни малейшего оптимизма. Он не сомневался, что Карл рано или поздно начнет войну с Россией. И что, снова гибнуть за чужие интересы? Для прояснения своей судьбы и судьбы Гетманщины Мазепа ждал приезда царя, который летом должен был приехать в Киев для осмотра укреплений древней столицы.

В июне Петр известил Мазепу, что прибывает в Киев водным путем. В конце месяца гетман отправился туда в сопровождении старшин и казаков. Его давно уже преследовала подагра, на которую он постоянно жаловался в письмах царю и другим лицам из высшей российской знати. Ожидая царя в Киеве, Мазепа получил шифрованное письмо от княгини Дольской. Бывший при гетмане генеральный писарь Орлик прочитал письмо, в котором княгиня от имени Станислава Лещинского уже открыто предлагала Мазепе начать "дело намеренное" в отношении шведов. В обмен она обещала исполнение любых желаний Ивана Степановича, что может быть подтверждено личным посланием ("ассекурацией") Лещинского и гарантиями ("гваранцией") самого Карла XII.

Как писал впоследствии Орлик, гетман после прочтения этих слов в гневе вскочил с постели и закричал: "... *проклятая баба обезумела!*" Потом он вспомнил, что Дольская в предыдущем письме предлагала уговорить царя Петра взять сторону Лещинского, а "теперь иное пишет". Затем он продолжал: "*Беснуется баба, хочет меня, ношеную и искусную птицу, обмануть. Беда была бы крайняя, если б я позволил хоть одной бабе прельститься*". А в отношении Лещинского добавил, что тот "сам не

надежен своего королевства". Такое замечание могло означать только одно – Мазепа летом 1706 года никак не мог даже планировать какие-либо переговоры, не говоря уже о союзе с Лещинским. Кончилось тем, что Мазепа письмо сжег в присутствии Орлика и приказал ему написать ответ, смысл которого сводился к одному – прекратить переписку, иначе это "меня может погубить". Правда, написанный ответ Мазепа не передал Орлику для отправки, а спрятал у себя. Так что Орлик не мог знать отправил ли гетман вообще письмо, и если отправил, то с каким содержанием. Все, что пишут историки по поводу этого инцидента остается только принимать на веру.

Царь Петр I прибыл в Киев в начале июля 1706 года. После торжественной встречи, сопровождаемой пушечной пальбой, он вначале направился в Софийский Собор, где осмотрел все его достопримечательности. Затем посетил митрополита Варлама и в тот же день был в ближних и дальних пещерских пещерах. Как всегда царь оказывал украинскому гетману знаки внимания. Все было хорошо до торжественного обеда, который дал гетман в честь русского царя. На этом обеде произошла знаменитая сцена, описанная практически в каждой книге, посвященной Мазепе. Все дело было в Меншикове, вошедшем в ту пору в великую силу. Александр Данилович, по выражению Орлика, "будучи маленько шумен и силен", взял Мазепу под руку и сел с ним на лавку. Рядом стояли старшины, которые вдруг услышали громкий шепот Меншикова, как будто тот специально говорил для их ушей: "*Гетман Иван Степанович, пора нам приниматься за этих врагов*". Можно себе представить ту оторопь, какая овладела старшинами при этих словах. Они решили отойти от беседующих, но Мазепа дал знак остановиться и так же громко ответил Александру Даниловичу: "*Не пора*". Но Меншиков настаивал: "*Не может быть лучшего времени, как теперь, когда здесь сам царское величество с главной своей армией*". Мазепа отговаривался: "*Опасно будет, не закончив одной войны с неприятелем, начинать другую внутреннюю*". Меншиков подошел с другой стороны: "*Их ли, врагов, опасаться и щадить? Какая от них польза царскому*

величеству? Ты сам верен царскому величеству. Но тебе надо доказательство этой верности показать и память о себе в вечные времена оставить, чтобы и впредь будущие государи знали и имя твое благословляли, что один был такой верный гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому принес". Мазепа не успел ничего ответить на эту тираду, поскольку царь в этот момент покидал пиршество. Гетман проводил царя и вернулся к старшине, не знаяшим что и думать о произошедшем. Мрачный Мазепа спросив у старшин, всё ли они слышали, произнес: "Всегда мне эту песенку поют. И на Москве, и на любом другом месте, Не допусти им только, Боже, исполнить то, что думают". Вероятно, в эту минуту Мазепа имел в виду намерения царя реформировать полковое устройство Гетманщины.

Странным был этот разговор. Ведь царь Петр во время пребывания в Киеве и словом не обмолвился о недовольстве старшинами. Но впечатление о нем накрепко засело в головах казацкой старшины. Начались возмущенные пересуды и разговоры, вспоминали все тяготы последних лет и обиды от русских командиров: "...казаки своими оброками служат далекими и долгими походами, с последней худобы разоряются, кровь свою проливают... а за те службы, и прежние за турецкой войны и за теперешние не токмо жадной нет милости, но еще ругают нас, и унижают, и бездельниками называют, и верную нашу службу и в полушку не ставят, а теперь и о погибели нашей промышляют".

Случилось так, что буквально на следующий день пришло известие, что Карл XII движется в сторону Киева и находится уже недалеко. Взбудораженный этим известием царь вызвал к себе Меншикова, Шафирова, Шереметева и Головкина. Начался осмотр киевской крепости. Царь выразил недовольство тем, что старая киевская крепость, расположенная в неудобном месте, не может служить защитой городу. Для строительства новой крепости Петр выбрал Печерский монастырь, сам размежировал землю и 15 августа своими руками заложил крепость. В качестве строителей были

призваны казаки, а надсмотрщиками назначены российские приставы. В ходе строительства возникли новые обиды казаков на то, что их жестоко карали за малейшую провинность – били палками по голове, обрезали шпагами уши и "всякое поругание чинили".

Через малороссийские города началось движение войск: в главную армию стали приходить рекрутчи, многочисленные обозы с припасами, спешно передвигалось начальство. Все это сопровождалось нарушением установившегося уклада жизни и вызывало новые жалобы: "...великороссийские люди дома разграбляют, разбирают и палят, женам и дочкам их насилие чинят, коней, быдло и всякую худобу забирают, старшину бьют смертными побоями". Жалобы поступали со всех концов Гетманщины, в том числе от старых и новых реестровых полков.

Наконец, терпение старшины лопнуло и два полковника, миргородский Данило Апостол и прилуцкий Дмитрий Горленко, решили высказать свое возмущение Мазепе. Миргородский полковник заявил гетману: "*Очи все на тя уповают, и не дай Боже, на тебе смерти, а мы достанемо в такой неволи, то и куры нас загребут*". Стоявший рядом прилуцкий полковник решился на большее: "... как мы за душу Хмельницкого всегда Бога молим и имя его блажим, что Украину от ига Ляцкого освободил, так противным способом и мы и дети наши во вечные роды душу и кости твои будем проклинать, если нас за гетманство свое по смерти своей в такой неволи заставишь".

Гетман выслушал полковников и ответил: "Уже я ко двору царского величества о таковых обидах и разорениях часто и многократно писал и, если вам угодно, изберите от себя к царскому величеству, или ты Прилуцкий езжай, а я от себя с генеральной старшиной пошлю Орлика, и буду через вас до царского величества писать и челом бить, чтобы права и вольности наши ненарушимы были".

Однако из этой затеи ничего не вышло, Мазепа не решился на такой "дерзкий" шаг. Зная гневный характер царя, и, видимо, учитывая всю тяжесть его положения в войне со шведами, гетман вначале посоветовался с

киевским воеводой князем Дмитрием Голицыным. Как после объяснил Мазепа старшинам, Голицын неодобрительно отнесся к казацкой инициативе и, якобы, сказал гетману: "*То дело царскому величеству неугодно будет, и если пошлешь, то и себе беду сделаешь и их погубишь*". Возможно, что определенную роль сыграло то, что в конце июля умер давний друг Ивана Степановича начальник Посольского приказа, адмирал, генерал-фельдмаршал граф Федор Алексеевич Головин, первый кавалер первого российского ордена Андрея Первозванного. Напомним, что вторым кавалером этого ордена был гетман Иван Степанович Мазепа. Сам царь Петр имел орден Андрея Первозданного под номером семь. Смерть близкого и влиятельного друга имела далеко идущие последствия. Федор Головин был, по выражению иностранцев, "первым министром" у царя. Теперь его место занял Александр Данилович Меншиков, с которым у Мазепы не складывались дружеские отношения. Для образованного шляхтича Мазепы Меншиков был человеком, выбравшимся, что называется "из грязи в князи". Кроме того, была еще одна причина охлаждения отношений между двумя знатными особами. В свое время Мазепа надеялся женить своего племянника Войнаровского на сестре Меншикова. Однако, пообещавший вначале Александр Данилович, после отказал гетману, ссылаясь на то, что на его сестре женится сам царь.

Петр, получивши в Киеве известие о намерении Карла идти на Украину, приказал Меншикову спешно выступить на Волынь с кавалерией. Мазепе же приказал в случае нужды поступить в распоряжение Меншикову. Так случалось неоднократно и ранее, но тогда гетман поступал под командование людей более крупных и заслуженных. На этот раз гетман обиделся и говорил своей старшине: ""*Вот, какое награждение мне при старости за многолетнюю верную службу! Велят быть под командою Меншикова! Не жалостно было бы, если б меня отдали под команду Шереметева или иного какого-нибудь великоименитого и от предков заслуженного человека!"*"

Однако поход Меншикова не состоялся, поскольку стало известно, что шведский король повернул свои войска и направился в Саксонию для окончательного разгрома Августа II. Его генералы и министры всячески советовали ему двинуться в Прибалтику и отвоевать морские порты. Они аргументировали тем, что на Севере у русских в тот момент было мало сил, кроме того, можно было беспрепятственно получать продовольствие из Польши и Швеции через первоклассные порты Ревель, Ригу и Выборг. Но Карл патологически ненавидел Августа, он целеустремленно гонялся за ним по всей Польше, предоставляя тем самым царю Петру использовать время для подготовки к "генеральной баталии".

Отречение и предательство Августа II

Летом 1706 года шведская армия вновь прошла через территорию Польши из конца в конец. 4 августа шведы форсировали Вислу, а через месяц вошли в Силезию. Польский король Август II находился в это время в Кракове, имея в наличии всего пять полков — два русских, два саксонских и один польский. Ему оставалось только беспомощно наблюдать за действиями противника. 26 августа 1706 года шведская армия вступила в Саксонию, королевское семейство едва спаслось бегством, а армия не оказывала никакого сопротивления. Карл XII внимательно изучил саксонский финансовый бюджет и определил ежемесячную контрибуцию в размере 625 тысяч риксдалеров. Кроме того, каждый шведский солдат получал ежедневно за счет саксонской казны 2 фунта мяса, 2 фунта хлеба, 2 кружки пива и 4 су деньгами, а кавалеристы — еще и фураж для лошадей. Шведская армия с комфортом расположилась в благодатной по сравнению с пинскими болотами Саксонии.

Вторжение шведов поставило Августа фактически в безвыходное положение: перед ним реально возникла угроза лишиться и польской короны и саксонской. Теперь Август был готов на капитуляцию, что он и сделал, направив из Литвы, где находился в то время, своих комиссаров с

полномочиями заключить мирные условия и инструктировал: в крайнем случае сообщить его готовность отказаться от польской короны. Переговоры начались в начале сентября и продолжались две недели. Представители шведской короны настаивали на своих условиях капитуляции Августа, саксонцы пробовали смягчить эти условия. Однако их временная несговорчивость быстро улетучилась, когда Карл двинул свои войска вглубь Саксонии и 10 сентября захватил Лейпциг. И только тогда, 13 сентября 1706 года в саксонском местечке Альтранштедт (недалеко от Лейпцига) между уполномоченными Августа и представителями Карла XII были подписаны условия мира, по которому курфюрст отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского и разрывал союз с русским царем Петром I. Кроме этого Август обязывался содержать шведское войско в течение всей зимы, освободить находящихся в плену шведских солдат и, что совершенно немыслимо, – выдать русских пленных. Единственной просьбой Августа было не предавать огласке подписание договора.

Петр, воспользовавшись уходом шведских войск в Саксонию, приказал Меншикову, ничего не подозревавшего о заключении Альтранштедтского мира, с 40 тысячами драгун и украинских казаков выдвинуться в Польшу на помочь попавшему в тяжелое положение Августу. Союзные армии встретились под Калишем недалеко от Люблина, а 18 октября почти тридцатитысячная армия генерала Мейерфельда была разгромлена, в плен было взято множество шведов и сам командующий. Вышло нечто несуразное: генерал Мейерфельд был осведомлен саксонским генералом о заключении мирного договора, но текста его не имел, и поэтому формальных оснований доверять противнику у него не было. Довольно легкая победа объяснялась тем, что большая часть войск Мейерфельда состояла из поляков (около 20 тысяч), не очень охотно желавших воевать на стороне Лещинского и чужеземцев, пренебрежительно относящихся к их родине. Поэтому они еще в самом начале боя просто уклонились от активных действий. И

буквально на следующий день Август утвердил доставленный к нему текст договора о капитуляции.

Карл XII, узнав о разгроме Мейерфельда, пришел в бешенство: не успели высохнуть чернила под вчерашним договором, как новый вассал бьется на стороне противника, хотя сам Август в битве не участвовал. Август в письме к шведскому королю оправдывался тем, что саксонцев вовлекли в битву русские и поляки. Правда это ему не помешало, с одной стороны, попытаться приписать победу над шведами себе, а, с другой – упросить, даже чуть ли не потребовать у Меншикова передать ему пленных шведов с последующим обменом, как он обещал, на русских пленных. Затем он выехал в Варшаву, где торжественным молебном отметил победу русско-саксонских войск. При этом он жаловался русскому послу в Польше Г.Ф. Долгорукову: "*Нет мне иного исхода, как постановить мир со шведами, но это сделается только для вида. Мне лишь бы выпроводить шведов из Саксонии, а там, как они уберутся, я, собравшись с силами, опять начну против них войну в союзе с царским величеством*". После празднований Август отправился в Лейпциг сдаваться на милость Карлу, частично оправдываясь перед возмущенным Карлом, тем, что вернул шведских пленных, при этом подло обманув Меншикова, не выполнив своего обещания об обмене на русских. Карл простил Августа, но своих требований в отношении нового союзника не смягчил. Запутавшийся Август был вынужден отослать королю Станиславу Лещинскому польские королевские регалии, драгоценности и королевский архив. Более того, в собственноручно подписанном письме он поздравил его со вступлением на польский престол. Август совершил еще одно злодеяние, он выдал Карлу Иогана Рейнгольда Паткуля, лифляндского дворянина, немца, пришедшего на службу к царю Петру в 1699 году. Этот немец, о котором так неодобрительно отзывались казацкие полковники, находившиеся у него в подчинении во время польского похода 1704 года, пришел на русскую службу с единственной целью –

оторвать Лифляндию от Швеции и сделать ее автономной провинцией Польши.

Расправа короля с Паткулем ярко свидетельствует о неоправданной жестокости Карла XII. Его сначала растянули на колесе, затем раздробили по очереди руки и ноги и оставили умирать. Паткуль страдал еще три дня, а после затих. Шведский офицер, производивший экзекуцию, приказал палачу отсечь страдальцу голову. Разгневанный Карл разжаловал сердобольного офицера, поскольку король "... не приказывал ему скоро голову отсечь, пока не замучается до смерти". По приказу короля труп Паткуля оставили гнить. Генерал Паткуль был на службе русского царя, и его мученическая смерть вызвала неодобрение в Европе.

Отречение Августа от польской короны эхом отозвалось по всей Польше, самые верные ему люди стали переходить к Станиславу Лещинскому. Не избежал этого и недавний победитель битвы под Калишем саксонский генерал Брандт, оправдывавшийся тем, что отречение Августа освобождает их от присяги на верность.

Петр узнал об измене Августа от русского посланника в Варшаве только в ноябре. Россия лишилась своего единственного союзника, тройственный союз окончательно распался и Петр остался один на один с непобедимым Карлом. Но теперь основные шведские силы после изнуряющих походов по Польше надолго застряла в Саксонии, получив на целый год кров и продовольствие за счет грабежа населения. Но уже никто не сомневался в том, что русский поход неизбежен.

ГЛАВА 5

ПЕРЕД ВТОРЖЕНИЕМ

В поисках союзников

Весь 1706 год царь Петр лихорадочно искал союзников в Европе. Отречение Августа и его переход на сторону шведов оставлял Россию один на один с Швецией. Как он писал Мазепе "...уж сия война на однех осталась". Но дипломатические усилия царя Петра не увенчались успехом. Некоторые шансы давала описанная выше победа под Калишем. Взоры царя были обращены в сторону Англии, с которой срочно и любой ценой был нужен мирный договор. Напомним, что Европа того времени была занята борьбой за испанское наследство, и Петр еще мог надеяться на то, что Карл, сторонник Франции, двинет свои войска на Австрию, союзницу Англии. Петр в инструкциях своему посланнику А.А. Матвееву обосновывал выгодность Англии союза с Россией, в частности, тем, что в интересах англичан не допустить шведского вторжения в Австрию. Кроме того, Англия была крайне заинтересована в торговле с Россией, для чего следовало сохранить "*полученные на Балтийском море пристанища*". За помощь в заключении мира с Швецией царь был готов оказать военную помощь в виде посылки французам военной помощи "*хотя 30 тысяч*" человек.

Российский посол А.А. Матвеев прибыл в Англию осенью 1706 года, имея поручения вести переговоры с королевой Анной, ее всесильным фаворитом Джоном Черчиллем (герцогом Мальборо) и канцлером казначейства Годольфином. Но царь не ограничивался только официальными путями влияния на англичан. Он через своего агента барона Генриха Гюйссена выведывал, что потребует герцог Мальборо за содействие в переговорах с Карлом. Оказалось, что герцог потребовал ни много ни мало доходы с какого-либо русского княжества. Царь был согласен и на это, причем предлагал ему на выбор "...*Киевское, Владимирское или Сибирское, и*

при том склонять ево, чтоб оной вспомог у королевы о добром миру с шведом, обещая ему ежели он то учинит, то со онова княжества по вся годы жизни ево неприменно дать будем по 50000 ефимков битых".

Заметим, что при этом царь Петр никакого согласия у гетмана Мазепы относительно возможности передачи "Киевского княжества" герцогу Мальборо не спрашивал. И даже не сообщал своему верному слуге о такой возможности. Однако ничего путного из этих переговоров не получилось. Герцог Мальборо, приняв дорогие подарки, обещал склонить Карла XII к миру, но шведский король отказал, твердо убежденный в том, что договор он подпишет в Москве на самых выгодных для шведской короны условиях. Англия в большей степени, чем торговля с Россией была заинтересована в том, чтобы Карл не нападал на Австрию, свою главную союзницу в затянувшейся войне за испанское наследство. Миссия А.А. Матвеева закончилась неудачей и послу было предложено вернуться в Россию.

Петр тяжело переживая неудачи на дипломатическом фронте, к тому же он был просто шокирован известием об измене Августа. Царь срочно прибывает в польское местечко Жолква, где его уже ждали А.Д. Меншиков, Г.И. Головкин, ставший после смерти Головина начальником Посольского приказа и князь Г.Ф. Долгоруков. Туда же приехали польские противники короля Лещинского: архиепископ Гнезненский, подканцлер Шемберк, коронные гетманы и краковский воевода. Они подтвердили союз с русским царем, потребовав в поданных статьях возврата Белой Церкви и других крепостей. Петр, не желая лишиться немногих оставшихся союзников, согласился с польскими требованиями, выразив, однако, опасения, что немедленное их удовлетворение может вызвать народные бунты.

Главный вопрос на совете заключался в следующем: где дать неприятелю "баталию" в пределах Польши или "при своих границах". В результате споров был разработан план, впоследствии получивший название "стратегия выжженной земли". Было принято решение "... дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше

на переправах, и партиями, так же оголоженьем провианта и фуража, томить неприятеля...". С этим планом согласились все, включая польских сенаторов. В переводе на современный язык это означало в случае вступления шведов в пределы русского государства лишить противника кормов и продовольствия, для чего предписывалось местному начальству и простому люду уничтожать запасы, сжигать жилье и уходить в леса, нанося точечные партизанские удары. Такое решение, вызвавшее с точки зрения тогдашней военной науки резкое осуждение шведских стратегов, не было внезапным. Царь Петр, прекрасно осознавая слабость своей армии, еще за несколько лет до Жолквы сказал: "Искание генерального боя зело суть опасно, ибо в один час может все дело опровергено быть".

Уместно в этом месте заметить, что именно в Жолкве продолжалась великая работа царя по преобразованию России. Петр поручил работавшему в штабе Меншикова «чертежнику и рисовальщику» Кулебаху, рисунки нового шрифта. Они были готовы в январе 1707 года и затем отосланы в Амстердам для изготовления литер, как написано в письме Петра из Жолквы Христофору Бранту от 27 января 1707 года: «...я ныне посылаю к вам азбуку Русскую новую, чтоб по той зделать несколько слов...».

Но логика военных событий была такова, что возникла угроза шведского вторжения на Левобережную Украину. Поэтому он дает указание Мазепе готовиться к шведскому вторжению: "*И понеже ваша милость можете знать, что войско Малороссийское не регулярное и в поле против неприятеля стать не может, того для советую вам доволное число лопаток и заступов велеть взять с собою, також и добрую полковую артиллерию*". Во исполнение этого приказа Мазепа распорядился со всех гетманских полков отправить к Киеву казаков с запасом кирок и лопат для окончания строительства киевской крепости. Тем временем вице-канцлер Петр Шафиров подготовил проекты указов о переводе города Киева и других украинских городов из ведомства Малороссийского приказа в Разряд. Указы

были направлены в Москву в оба приказа с припиской, чтобы их исполнение было отложено до приезда "гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепы".

Со всей очевидностью встал вопрос не только о реорганизации гетманского войска в преддверии крупных баталий, но и фактической ликвидации Гетманщины, о включении ее в состав России на общих основаниях. В начале марта Мазепа получил приказ немедленно приехать на совет в Жолкву, куда и прибыл 11 апреля 1707 года в сопровождении ближайших старшин. Именно там, в Жолкве, в душе гетмана Мазепы разразилась первая буря протesta против намерений царя. На совете гетман узнал о переводе украинских городов в подчинение Разряда, получил указ о передаче полякам Белой Церкви и прочих крепостей в Правобережной Украине. Наконец, речь зашла о реорганизации всего казацкого войска. Гетману сообщили намерение царя о формировании компанейских полков из определенного числа городовых казаков, получающих жалованье, а другие же казаки должны оставаться на местах. Здесь следует заметить, что до настоящего времени эти указы не обнаружены и трудно сказать, имел ли в виду царь включить Гетманщину в состав России на общих условиях, или же речь шла только об изменении военной структуры и создании новых «компаний» из пятой части казаков и об оставлении остальных домов. Российский историк И. Курукин замечает в связи с этим: "*Вообще-то трудно представить, чтобы в самый разгар тяжелейшей войны и в момент наибольших успехов противника Петр затеял бы такую масштабную и непредсказуемую по последствиям реформу, как полное уничтожение автономии Украины*".

Однако можно представить себе состояние далеко не молодого гетмана, который в течение долгих 20 лет лавировал между царем и царской администрацией, своей старшиной, казацкой массой, запорожцами и крестьянством с единственной целью – сохранить хоть какую-то автономность Гетманщины и свой личный статус. Все рушилось в одночасье.

Он, конечно, понимал, что в сложившихся условиях царь предпринимает правильные шаги во имя спасения России. Но какой ценой? Слишком много требовалось от Мазепы, но когда он попросил у царя прислать хотя бы десять тысяч регулярного войска, Петр ответил: "*Не только десяти тысяч, но и десяти человек не могу дать. Как можете сами обороняйтесь*".

В связи с этим разговором российская исследовательница Т.Г. Таирова-Яковлева пишет: "*Это было еще одно прямое нарушение Коломацких статей, которые, прямо обязывали Россию защищать Украину в случае военной опасности. Мазепа не случайно просил помочь у Петра: большинства казацких войск было разбросано по фронтам Северной войны*". По ее мнению, гетман имел право расценить это как нарушение вассальных отношений, согласно которым суверен был обязан защищать своего вассала.

Как писал впоследствии Филипп Орлик, после окончания совета гетман не пошел на обед к царю, вернулся в свое помещение и мрачно произнес: "*Если б я Богу так верно и радетельно служил, то получил бы наибольшее мздовоздаяние, а здесь хоть бы я в ангела переменился – и тогда не мог бы службою и верностью свою никакого получить благодарения!*" Старшины не решились расспрашивать расстроенного гетмана, и ушли, предчувствуя грозящие неприятности.

Новое отношение к гетману проявилось буквально на следующий день. Его войсковой товарищ Думитрашко должен был послать в Киев компанейскому полковнику Танскому письмо с приказом князя Меншикова выступить со своим полком, собравши деньги для уплаты жалованья и покупки провианта. Мазепа, случайно увидевши это письмо, велел прочитать приказ. Гетман пришел в ярость от такого унижения и закричал: "*Может ли быть более поругания, посмения и унижения моей особе! Князь Александр Данилович всякий день со мною видится, всегда со мною конверсует и не сказал мне о том ни единого слова, а без моего ведома и согласия рассыпает ордонансы людям моего регимента! Кто ж это без моего указа выдаст Танскому месячные деньги и провиант? И как Танский может идти без моей*

воли с моим полком, которому я плачу? Да если б он пошел, я б его велел, как пса, расстрелять!"

За этим случайным эпизодом последовал второй. Именно в этот момент, когда Мазепа переживал случившееся, ему сообщили, что из Львова к нему прибыл иезуит Заленский. Как вспоминал Орлик, гетман "*оставил гнев и радостно вопросил, а он откуда взялся?*" Мазепа велел генеральному обозному Ломиковскому и Орлику провести иезуита к нему во внутреннюю комнату и остался с ним наедине.

На обратном пути из Жолквы в Киев Мазепа ехал вместе с царевичем Алексеем, но, отправивши царевича вперед, направился к одному из дворцов княгини Дольской. Правда, самой княгини он не застал, но в замке его ожидал какой-то монах, с которым Мазепа долго беседовал. Старшине же, сопроводившей его, гетман сказал, что едет для оказания помощи княгине по выкупу какого-то ее имущества.

После недолгого пребывания в Киеве Мазепа отправился в Батурино. Там он получил от царя подробную инструкцию, в которой было предписаны действия в случае нападения шведов. Прежде всего, речь шла об окончании строительства Печерской крепости. А далее шли распоряжения: во время наступления оставить гарнизон в крепости и отступить за Днепр. При этом предполагалось старый Киев вместе с Софийским собором, Киевско-Могилянской академией, братским монастырем и другим зданиями "*оставить пуст*".

Можно себе представить с каким настроением гетман вернулся в Киев для завершения строительства Печерской крепости. На земляных работах и возведении укреплений вместе с украинскими казаками работали великорусские стрелецкие полки. Работа была крайне изнурительной, поскольку инженер, которому было поручено фортификационное дело, приказал насыпать еще один крепостной вал. Мазепа отправлял вице-канцлеру Головкину письма с просьбами отпустить казаков по домам, ссылаясь на то, что им нужно еще произвести фортификационные работы в

своих городах. Но распоряжение о роспуске казаков было получено только 7 ноября 1707 года, после того как крепость была сдана киевскому губернатору князю Дмитрию Михайловичу Голицыну.

Тайные переговоры Мазепы

Как Мазепа не знал о тайных переговорах царя с потенциальными союзниками за счет украинских территорий, особенно после отречения Августа II, так и Петр не мог даже догадываться о тайных намерениях, или, точнее выразиться, сомнениях гетмана. С каждым днем старый гетман чувствовал надвигающуюся грозу, однако, как опытный воин и дипломат, мучительно взвешивал все "за" и "против". Утверждать, что в конце 1707 года Мазепа был уже в сговоре с королем Лещинским, нет никаких оснований. Возможно, что после отречения Августа II от польской короны и фактический переход на сторону шведов, значимость Лещинского выросла в глазах гетмана. Известно было Мазепе и то, что польский воевода Синицкий перебил русский конвой и с несколькими тысячами войска перешел на сторону шведов, захватив при этом деньги, предназначенные Вишневецкому. Знал он и о том, что Австрия, Пруссия, Англия признали или готовы были, несмотря на все старания Петра, признать Станислава польским королем. Европа, ждала больших и неблагоприятных для России сражений в Польше.

Но решимость Мазепы не передавать полякам правобережные города может свидетельствовать только о том, что он не принял окончательно решения о перемене военно-политического курса. Решимость эта сквозит в мазепинском письме канцлеру Г.И. Головкину: "*Если уж такова воля великого монарха, что отдавать в польскую область Белую Церковь и другие украинские места, то, по крайней мере, пусть бы министры царского величества с министрами польскими утвердили и постановили, чтобы поляки не интересовались городами и местами, находящимися близко Днепра - Каневом, Черкасами, Чигирином и прочими, которые были оставлены впусте*

генеральною комиссией во время установления вечного договора при короле Яне Собеском".

Не стоит забывать и о том, что сразу же после известного совета в Жолкве в апреле 1707 года малороссийские казаки под командованием компанейского полковника Танского были отправлены в распоряжение польского коронного гетмана Сенявского, сторонника еще бывшего при короне Августа II. После этого, в мае Мазепа по царскому требованию направил в Польшу еще пять тысяч казаков под командой своего племянника А. Войнаровского. Затем, в конце июня был отправлен еще один сводный отряд на Волынь для соединения с фельдмаршалом Шерemetевым, чтобы страхом удерживать "*непостоянных ляхов, абы они к стороне противной не приставали*". Тогда же 1300 казаков стародубского полка прибыли в Быхов, гарнизон которого сдался тогда русскому генералу Боуру.

Поведение казаков в Польше никак не способствовало появлению у Лещинского каких-либо надежд на перемену симпатий Мазепы. Польский историк пишет о казаках: "*Везде, где эти козаки стояли обозом, там невозможно было стоять от нестерпимого смрада. Они умышленно, без всякой нужды, истребляли копны хлеба в полях, сожигали скирды на гумнах, обдирали костелы, ругались над католическою святынею; невозможно было от них ни отпроситься, ни откупиться, и, многих поселян обобравши, они уродовали ударами плетей по голому телу, а тех, которые показывали намерение сопротивляться или убегать от них, забивали до смерти; если бы при этих козаках не находилось 600 великороссиян, то, кажется, в краковском воеводстве не осталось бы в живых ни человека, ни скотины!*".

Вообще, Польша того времени представляла довольно жалкое зрелище. Местное население грабили не только шведы и казаки, но и великорусские войска. Историк Н.А. Костомаров пишет о полковнике царской службы некоем Шульце, который сжигал дотла замки, усадьбы и целые города, а находящиеся в его подчинении калмыки в одном местечке согнали кучу детей в дом и подожгли его. Тот же Н.А. Костомаров пишет: "*Рассказывают,*

что один козацкий полковник, взявший в плен шляхетного предводителя такой шайки, обращался с ним презрительно и говорил: "Вы, ляхи, были когда-то нашими господами, а мы вашими хлопами. Но тогда вы были храбры, а теперь у вас храбрости стало столько, сколько у старой бабы, и вы достойны того, чтобы мы, бывшие ваши хлопы, ругались над вами, потому что вы не умеете защищать себя. Если вы не исправитесь, то мы вас всех за уши возьмем и кожу с вас сдерем".

Такое поведение казаков не могло не вызывать жалоб поляков, сторонников короля Августа, русскому царю. Кроме этого, казаки не проявляли особого желания участвовать в военных операциях и при удобном случае массово дезертировали, например, около пяти тысяч человек бежало от Войнаровского. Недовольный царь писал Мазепе о том, что казацкие полки необходимо переформировать в компанейские, имеющие твердое жалование, иначе, грабежи и дезертирство будут продолжаться. Вскоре после этого последовало подтверждение того страшного для Мазепы указа о преобразовании всех казацких полков в компанейские. Царь, видимо, желая подсластить горькую пилюлю, лично ходатайствовал перед австрийским императором Иосифом I о присвоении гетману титула князя Священной Римской империи. 1 сентября 1707 года Иван Степанович Мазепа получил этот титул, но именно в эти дни, по свидетельству Филиппа Орлика, переписка с княгиней Дольской приобрела новый смысл и направленность.

Важная дата в "мазепиаде" – 16 сентября 1707 года, когда гетман получил очередное письмо от Дольской, в котором кроме письма княгини было еще одно послание, на этот раз от самого короля Станислава Лещинского. Эта знаменитая сцена описана всеми историками и писателями приблизительно одними и теми же словами, поскольку все пользовались единственным источником, письмом Филиппа Орлика митрополиту Яворскому. В тот вечер, детали которого до конца жизни отчетливо врезались в память Орлика, генеральный писарь был занят составлением письма "*до двору его величества*". Будничная работа происходила в киевском

доме гетмана, сам Мазепа находился во внутренних комнатах и все время торопил Орлика, "принуждая скоро окончить и сказывая, что есть еще иное дело". Когда Орлик закончил свою "долгую экспедицию", Мазепа дал ему небольшое письмечко, которое, как объяснил сам гетман, было привезено неким Волошиным. Просьба прочитать этот посланье сопровождалась ворчанием Мазепы, что, мол "...когда́сь мене тая шаленая баба погубить, и не дармо сказать: у невесты волос долгий, а разум короткий". Письмо Дольской было зашифровано, и Орлик, свободно владея шифром, мог его прочитать. Но в письме княгини он вдруг увидел еще одно маленькое запечатанное письмечко, вскрыв которое обнаружил листок с текстом и подписью *Stanislaw Krol*. Видимо Орлик был потрясен настолько, что вначале не мог и слова вымолвить. Мазепа же, нервничая обратился к нему, что ж ты, мол, не читаешь, ты же шифр знаешь? На это взволнованный Орлик отвечал, что письмо Дольской он еще прочитает, но вот, тут есть второе письмо, незашифрованное, от самого Станислава. Мазепа мгновенно отреагировал, сказав, "то не возможно". Орлик тихо возразил ему: "возможно, понеже есть и подпись имени и его печать". Мазепа взял письмо, прочитал и ужаснулся и произнес "...о проклятая баба, погубишь меня". Наступило долгое молчание, Мазепа сидел и думал, как поступить. Раньше он, не сомневаясь, отправлял подобные письма царю, но сейчас заколебался и начал спрашивать совета у Орлика: что делать? Орлик ответил: "Сам, ваша вельможность, изволишь рассудить высоким своим разумом, что надобно посыпать, чим самым и верность свою непоколебимую явишь и большую милость у царского величества поищешь".

В ночной тишине, при свете колеблющейся свечи, Мазепа попросил Орлика прочитать письмо Дольской. В нем она извещала Мазепу: посыпала она в Саксонию ко двору Станислава ксендза-тринитара, и тот ксендз выехал оттуда в тот самый день, когда шведское войско выступило в Польшу. Ксендз привез с собою письмечко к Мазепе от короля Станислава, который, кроме того, приказал словесно передать Мазепе, чтобы он начинал замышленное

дело *прежде*, чем шведы приблизятся к украинским границам. Ксендз привез еще проект трактата с Мазепой и со всем войском Запорожским. Княгиня Дольская просила Мазепу прислать за ним какого-нибудь своего доверенного. Вспоминая этот момент, Орлик пишет: "*совершенно я поразумел, что он Мазепа думает лукавое об измене*", поскольку узнал в том ксендзе того самого иезуита, с которым встречался Мазепа по дороге из Жолквы.

По прочтении письма гетман велел спалить письмо Дольской и задумчиво произнес: "*С умом борюсь или. посыпать это письмо к царскому величеству или удержать?*" И, помолчав, решил, что лучше отложить до утра. Орлик стоял в безмолвии, и Мазепа сказал ему многозначительные слова, от которых на Орлика напал неописуемый страх: "*А теперь, одыйди до своей квартири, и молися Богу, ... может твоя молитва быть приятнейшая, нежели моя, ты ведь по христиански живешь. Бог Сам весть, что я не для себя чиню, но для вас всех и жон и детей ваших*". Глубоко верующий Орлик вернулся домой, взял два рубли и пошел раздавать милостыню, молясь, чтобы "*Бог Всемогущий свободил мене от обстоимых бед и отвратил сердце Мазепино от того лукавого*". А далее в письме в порыве откровения обращается к своему респонденту, митрополиту Яворскому: "*Нелицемерным духом и не в похвалу себе тое до вашой святости пишу, но в откровение на исповеди совести моей, что устрашалемся тоей измены...*"

А утром Орлик узнал то, что уже предположил, но боялся услышать. Мазепа уже ждал Орлика, сидя за длинным столом, на котором лежал крест с частицей животворящего дерева. Он обратился к генеральному писарю с такими словами (в обработке текста Н.А. Костомаровым) : "*До сих пор я не смел тебе объявлять прежде времени моего намерения и открывать тайну, которая вчера тебе открылась случайно. Не то чтоб я в твоей верности сомневался,- я никогда о тебе не подумаю, чтоб ты заплатил мне неблагодарностью за толикую к тебе милость, за любовь и благодеяния и стал бы моим предателем,- но я рассуждал так: ты человек умный и*

добросовестный, однако еще молод и недостаточно опытен в таких оборотах. Я опасался, чтоб ты в беседах с великокорсиянами да и с нашими всякого чина людьми или по доверчивости, или по неосторожности да как бы не проговорился об этом секрете и тем самым не погубил бы меня и себя. Но так как теперь это случайно не утаилось, то я призываю Всемогущего Бога во свидетели и присягаю тебе вот в чем: не для приватной моей пользы, не ради высших почестей, не ради большего обогащения, не для иных каких-нибудь прихотей, но ради всех вас, состоящих под властью моей и под моим региментом, ради жен и детей ваших, ради общего добра матери нашей бедной Украины, для пользы всего Войска Запорожского и народа малороссийского, для возышения и расширения войсковых прав и вольностей хочу я при помощи Божией так чинить, чтоб вы с женами и детьми вашими и отчизна с Войском Запорожским не погибли как от московской, так и от шведской стороны. Если ж бы я, ради каких-либо моих приватных прихотей, дерзal так поступать, то пусть побьет меня и на душе, к на теле Бог в Троит Святой Единый и невинные страсти Христовы!"

После признания Мазепа поцеловал лежащий перед ним крест и потребовал от Орлика встречной клятвы в том, что верный писарь не изменит ему и выдаст его замысел. Орлик не посмел отказать своему покровителю и начальнику, он дал клятву и целовал крест. Однако после все же пророчески заметил, что стремление Мазепы спасти и защитить родную землю очевидно, а что будет, если в войне победу одержит царь, ведь тогда "и мы пропадем, и народ погубим!" Ответ Мазепы, опытного политика, следовавшего рекомендациям великого Макиавелли, этого наставника всех царствующих особ, раскрывает ход его мыслей и планов. Он сказал: "Яйца курицу учат! Дурак разве я, чтобы прежде времени отступать, пока не увижу крайней нужды, пока не увижу, что царское величество не в силах будет защищать не только Украины, но и всего своего государства от шведской потенции? Уж я, будучи в Жолкве, докладывал царскому величеству: если король шведский и Станислав разделятся, и первый пойдет на государство

Московское, а второй на Украину, то мы не можем оборониться от шведских и польских войск с нашим бессильным войском, подорванным и умаленным от частых походов и битв. Того ради просил я царское величество там же, в Жолкве, чтоб изволил придать нам в помощь, по крайней мере, хоть тысяч десять из своих регулярных войск, а его величество мне отвечал: "Не только десяти тысяч и десяти человек не могу дать; сами обороняйтесь, как можете". И то еще меня понудило послать этого ксендза-тринитара, капелляна княгини Дольской, в Саксонию, чтобы там, видя какую-нибудь мою к себе инклинацию, не решались поступать с нами по-неприятельски и опустошать бедную Украину мечом и огнем. Тем не менее я буду сохранять верность царскому величеству до тех пор, пока не увижу, с какою потенцией король Станислав придет к украинским пределам и какой успех покажут шведские военные силы. Если мы увидим себя не в силах обороныть Украину и самих себя, то чего ради нам самим лезть в погибель и губить свою отчизну? Сам Бог и целый свет будет видеть, что мы по нужде решились это сделать, что, как вольный и незавоеванный народ, мы старались всеми способами о нашей целости. Без крайней, последней нужды я не переменою моей верности к царскому величеству. Для этого я заблагорассудил писать к царскому величеству и послать эту записочку Станислава, ко мне писанную, в доказательство моей верности. Ты, не уходя отсюда, напиши одно письмо к царскому величеству, а другое - к Гаврилу Ивановичу Головкину. Мы в письмо вложим записку Станиславу в донесение царскому величеству".

Однако ни то, ни другое письмо к названным адресатам не попали, хотя и были написаны. Гетман оставил их у себя, а Орлику сказал, что передаст через свою мать племяннику Войнаровскому, который лично отвезет царю и Головкину. Только после полтавской трагедии Мазепа рассказал Орлику, почему письма не были доставлены. Письмо же Станиславу Лещинскому было отправлено и содержало в себе несколько пунктов, препятствующих немедленному заключению союза. Во-первых, писал Мазепа, русские

гаризоны находятся в Киеве и других городах "под которыми казаки, как перепелицы под ястребом, не могут головы поднять", во-вторых, шведские войска находятся далеко от Украины, а русские в Польше, в-третьих, в Украине нет согласия: одни благоволят к Московской протекции, другие склоняются к союзу с татарами, в-четвертых, правобережные полковники никогда не пойдут на союз с Польшей, в-пятых, несколько тысяч регулярного и хорошо вооруженного великороссийского войска находятся неотлучно при гетмане и "*бодрым оком*" смотрят на все его действия, в-шестых, сама Речь Посполитая раздвоена и требует согласия.

Таким образом, совершенно очевидно, что осторожный Мазепа на всякий случай давал Лещинскому некоторую надежду в том смысле, что при определенных условиях, он может пойти на сближение. Лещинский же, желая расплатиться за польскую корону, выслуживался перед Карлом XII, все время пытаясь представить дело так, что, якобы, благодаря его усилиям казацкий вождь Мазепа может содействовать победе на Россией. Однако амбициозный шведский король, во-первых, не просил о такой услуге, а, во вторых, он и мысли не мог допустить, что для победы над слабым соперником, ему нужна чья-либо помощь. Тем более, от казаков, которые, по его мнению, могут пригодиться только для погони, но никак не для серьезного боя. Составив свое представление о Мазепе, он просто велел Лещинскому передать Мазепе, что пока ничего предпринимать не следует, а в нужное время он получит инструкции о дальнейших действиях. Зная болтливость и хвастливость Лещинского, Мазепа отныне не мог не опасаться того, что слухи о его контактах с Карлом XII дойдут до его царского величества. У гетмана начался период нервного ожидания неприятностей.

Следующий контакт с посланцем Лещинского произошел уже в январе 1708 года, когда гетман находился в своей резиденции в Батурине. Все это время Иван Степанович находился в постоянных раздумьях, старшина тоже нервничала, собираясь вместе и обсуждая создавшееся положение в виду

угроз переустройства Гетманщины. В центре их споров были статьи Гадячского договора с Речью Посполитой, подписанные гетманом Иваном Выговским в 1659 году.

На второй день Рождества Христова, гетман получил письмо от иезуита Заленского, того самого, с которым он имел тайные переговоры в Жолкве. Выяснилось, что иезуит остановился недалеко от Батурина, в селе Оленовка, и просит Мазепу указать, где ему приютиться и как с ним встретиться. Гетман немедленно вызвал Орлика и сказал ему: "Признаюсь теперь тебе, я из Жолквы посыпал ксендза Заленского в Саксонию проводовать, как скоро войска шведские оттуда двинутся. Теперь черт его принес сюда: ожидает в Оленовке от меня указа, где ему пристать. Если он сюда приедет, то подаст меня в явное подозрение. Поезжай сейчас в Оленовку и сделай выговор Заленскому: скажи, не нужно было ему сюда ехать, следовало из Винницы известить о своем возвращении из Саксонии и написать реляцию о поверенном ему деле, а самому не ездить для возбуждения в подозрительных умах нехорошего мнения о своем приезде. Прикажи Заленского привезти в Бахмач ко мне во дворец".

Верный Орлик выполнил приказание и отправился в Оленовку, вызвав удивление у иезуита, который был уверен, что о переписке Мазепы со Станиславом никому ничего не известно. Он сказал Орлику: "Я думал, что ни один дух, ниже сам Войнаровский о том не ведает. Так сказывал мне в Жолкве сам гетман. Я нарочно поспешал в Батурина к празднику, оттого что в это время съезжаются к гетману все старшины и полковники с поздравлениями. Со мною универсал короля Станислава, обращенный к целой Украине: я бы мог его всем объявить и словесно ассекуровать (обеспечить) всякими вольностями и королевским особливым призванием и милостями".

Можно себе представить состояние Орлика, узнавшего, что дело зашло так далеко, что уже и универсал прислан. Генеральный писарь был глубоко верующим человеком, для которого клятва с целованием на кресте значила

очень много. Оставаясь верным своему благодетелю Ивану Мазепе, Орлик тем самым изменял царской присяге, что очень его мучило, как он сам писал впоследствии митрополиту Яворскому. Тем не менее, приказ гетманы был исполнен в точности, Орлик отвез Заленского в Бахмач и "приютил" во дворце Мазепы. Через некоторое время Мазепа встретился с иезуитом в своем имении в Гончаровке и принял от Заленского универсал Станислава Лещинского. На словах иезуит старался внушить Мазепе мысль о бесполезности войны на сторонке Москвы, поскольку шведские войска многочисленны и хорошо вооружены. Коротко он сообщил о планах будущей кампании. По его словам выходило, что Карл XII намерен идти на Москву через Литву, а король Станислав двинется из Польши к Киеву. Более того, по пути к нему присоединится татарская орда, как уже обещано турецким посланником. Правда, все это было на словах, поскольку Заленский не привез к Мазепе никакого частного письма от Лещинского. Мудрый Мазепа, вероятно, с большой долей критичности слушал польского посланца, на этот раз он ничего королю не написал, но велел "*неисходно оставаться в Виннице до получения дальнейшей ведомости*".

Затем гетман приступил к чтению универсала, начало которого было выдержано в традиционном для польских королей стиле: "*гетману, наказному, полковникам, атаманам, есаулам, молодцам и всей черни войска нашего Запорожского, Заднепрянского и всей Украине*". В нем король, как и прежние польские короли в подобных случаях, расхваливал мужество, храбрость и отвагу украинских казаков, обещая "*свои отеческие попечения всему малороссийскому народу, возбуждал всех малороссиян прибегать к нему, как к своему наследственному государю, и вместе с предостойнейшим вождем своим стараться о низвержении с своих шей московского ига при скорой помощи непобедимых войск шведских и польских*". Время для приезда Заленского было выбрано удачно, поскольку на Рождество в Батурина съезжалась вся старшина и можно было бы уже тогда зачитать им

универсал и заручиться поддержкой. Однако Мазепа счел это преждевременным и ничего не сказал прибывшим полковникам.

Вторая встреча гетмана с Заленским произошла в день отъезда иезуита. Проводив гостя, Мазепа неоднократно встречался со старшинами, все еще не решаясь объявить им о своих намерениях, внимательно вслушиваясь в их разговоры и даже поощряя их. Однако тревога нарастала; в те дни гетман еще не знал, что буквально на следующий день после того, когда Мазепа открылся Орлику, в Монастырский приказ приехал невский монах Никанор с первым доносом на Мазепу от генерального судьи Василия Петровича Кочубея....

История Кочубеевского доноса

История доноса на Мазепу генерального судьи Василия Кочубея и полковника Искры на Мазепу известна большинству читателей из знаменитой поэмы Пушкина "Полтава". Популярные издания, посвященные этой почти детективной истории, излагают довольно устойчивый миф, замешанный на мотиве мести Кочубея и его жены Любови за "опозоренную" гетманом дочь. На самом деле все обстояло несколько иначе.

Черная кошка между Мазепой и Кочубеем пробежала в дни избрания 48-летнего Ивана Степановича гетманом в 1687 году. До этого они оба служили под началом гетмана Дорошенко, где Мазепа был генеральным есаулом, а Кочубей – канцеляристом в Генеральной канцелярии правобережного гетмана. При гетмане Самойловиче оба входили в число ближайшего окружения, но Кочубей занимал более высокую ступеньку в казацкой иерархии, – он был генеральным писарем, Мазепа же оставался войсковым асаулом. Читатель уже знает, что гетман Самойлович был смещен в результате сложной интриги, затеянной князем Василием Голицыным, для снятия с себя обвинения в неудаче первого Азовского похода. Однако фактически инициаторами доноса стало ближайшее окружение гетмана, во главе которого стоял Василий Кочубей. Доказательством тому – его подпись,

венчающая этот документ и располагаясь отдельно и ниже всех других подписей. Подпись же Мазепы занимает, как утверждает российская исследовательница Т. Таирова-Яковлева, скромное четвертое место, правда, по мнению украинского историка Д.В. Журавлева, Мазепа вообще неставил своей подписи.

Во всяком случае, судя по всем признакам гетманскую булаву казацкая старшина хотела видеть в руках Кочубея. Однако этот желанный символ власти, к великому разочарованию Кочубея и его товарищей, оказался у Мазепы. Князь Голицын, учитывая весь печальный опыт метаний предыдущих гетманов между Москвой, Польшей и Крымом, хотел видеть надежного союзника, образованного, но небогатого шляхтича, полностью зависимого, как он думал, от его воли. Именно с того дня поселилась в душе ревность Кочубея к "выскочеке" Мазепе, и долгие двадцать лет он лелеял надежду "восстановить справедливость" и завладеть гетманской булавой. Что уж и говорить о его жене, сварливой и завистливой Любови Федоровне, которая к тому же принадлежала к весьма влиятельному роду полтавского полковника Федора Жученко. И все эти годы оба важнейших чина Гетманщины, Мазепа и Кочубей, были вынуждены соседствовать, вместе воевать, обороняться и... через силу терпеть друг друга. Не помогло даже родство: одна из дочерей Василий Кочубея – Ганна – вышла замуж за любимого племянника Ивана Мазепы – Ивана Обидовского, в котором, как уже упоминалось, гетман видел наследника Казацкой державы.

В своем доносе Кочубей жаловался: "*Обиды претерпеваю от самого гетмана Мазепы от лета 1691 даже и до днесъ*" А вот, что писал сам Мазепа Кочубею в том же 1707 году: "*Через шестнадцать лет прощалось и прощалася великим и многим вашим смерти годним проступкам*". Что же произошло в тот памятный обоим 1691 год? Мы уже писали о сложных взаимоотношениях Гетманщины и Запорожской Сечи. Молодой, но крайне энергичный войсковой канцелярист Петр Иваненко, более известный как Петрик, сбежал к запорожцам, подбил часть их пламенными речами, увел в

Крым, где и объявил себя «гетманом Украины с ханской стороны». В мае следующего года он подписал с ханом договор, согласно которому Украина объявлялась независимым государством, а татары обязывались всячески способствовать ее освобождению из-под власти Москвы и Речи Посполитой. История восстания Петрика в основных ее деталях описана выше, для нас же важным является то, что, Петрик был также связан родственными узами с полтавским полковником Федором Жученко, а через него с Кочубеем. Весьма авторитетный украинский историк Александр Оглоблин указал на высокую вероятность связей Петрика со "старшинской оппозицией" (Искра, Жученко, Кочубей, Полуботок, Святополк-Четверинский).

Среди историков существует мнение, что антироссийская акция Петрика была частью плана самого Кочубея лишить Мазепу гетманства, опорочив его перед русским царем. Эта попытка не удалась, что могло еще более ухудшить отношения между гетманом и генеральным писарем. Следует учитывать и то, что Мазепа, создав разветвленный разведывательный аппарат, был прекрасно осведомлен о всех действиях не только Кочубея, но и всей "старшинской оппозиции". Но сдерживал себя, не имея возможности сменить свое окружение. Только однажды, в 1692 году, на обеде у стародубского полковника Миклашевского Иван Степанович, получив известие о том, что Петрик прикрывается его именем, показывая запорожцам письма, якобы им подпсанные, вскочил в гневе и начал бить своего генерального писаря, обвиняя его в сговоре с Петриком.

Ситуация повторилась спустя шестнадцать лет, на этот раз на именинах самого Василия Кочубея, когда вновь припомнились старые обиды. Жена Кочубея, Любовь Федоровна в ответ на упрек Мазепы, "*почему они их дочь за него не дали*", ответила в сердцах: "*Полно-де тебе коварничать! Ты не только нашу дочь изнасиловал, но и с нас головы рвешь, будто мы с мужем с Крымом переписывались*". А когда Мазепа стал разворачивать эту тему, откуда, мол, им об этом известно, Любовь Федоровна пыталась путано закончить неприятный для нее разговор.

Но не только эпизод с Петриком имел в виду гетман Мазепа в протицированном выше своем письме Кочубею. Другие факты враждебного отношения Кочубея гетман приводит в другом письме, на этот раз всесильному Александру Меншикову, тоже другу-врагу, но уже с московской стороны: "*Извещаю вашей княжеской светлости для информации, что Кочубей исконный мой есть враг... Писал он на меня пасквильные подметные письма, а будучи писарем генеральным, имеючи у себя печать войсковую и подписываясь за меня часто....издал ложные некоторые, именем моим рукой его подписанные и под печатью войсковою....*". Явно высказался гетман в этом письме и о роли Кочубея в деле Петрика: "...*Потом и во второй раз он же Кочубей по приказу моему взят же был за караул в тот самый час, когда близкий его родственник проклятый Петрик передался до орды Крымской и великий мятеж в народе малороссийском учинил*".

Тогда Кочубея спасло от наказания только вмешательство и заступничество влиятельных лиц, с которыми Иван Степанович не имел возможности не считаться, в частности, киевского митрополита Варлаама и собственной матушки, игумены монастыря.

Нарыв взаимной вражды вскрылся в 1708 году, когда Кочубей написал свой донос на Мазепу. Стало уже привычным у историков и литераторов считать, что донос этот был вызван двумя причинами. Во-первых, фактом открытия своих замыслов ближайшему окружению, в числе которых состоял Кочубей а, во-вторых, почти детективной историей любви старого гетмана и Мотри, дочери Кочубея,. Российская исследовательница Татьяна Таирова-Яковлева категорически опровергает эту само собой напрашивющуюся версию. Предоставим ей слово.

"Правда заключается в том, что к моменту первого доноса (17 сентября 1707 года) Мазепа еще ни с кем не делился своими планами, скрывая их даже от самых надежных людей. Например, не знал о них Войнаровский, племянник и ближайший гетману человек. ... представляется совершенно невероятным, чтобы такой человек как Мазепа, поддавшись «дружеским

эмоциям», «старому знакомству» и прочим человеческим слабостям раскрыл бы Кочубею свои тайные планы. ... Донос Кочубея ярко демонстрирует то, что он НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ' (выделено Т.Г. Таировой-Яковлевой).

Рассмотрим и вторую причину. Начало истории любви 65-летнего гетмана и 16-летней красавицы Мотри относится в 1704 году. У Василия Кочубея было много дочерей, старшая Ганна к тому времени была уже вдовой племянника Мазепы – Ивана Обидовского, погибшего в первых боях русско-шведской войны. Другие, согласно семейной политике Кочубея, были отданы в жены сыновьям представителей казацкой элиты. Между младшей Мотрей и гетманом вспыхнул нешуточный роман. Мазепа к тому времени был вдовец, его жена, Ганна Фридрикевич, не игравшая в его жизни практически никакой роли и жившая отдельно на хуторе, умерла в 1702 году. Гетман, судя по его письмам к Мотре, перехваченным старым Кочубеем, искренне любил Мотрю и даже предполагал жениться на ней. Но ее родители были категорически против, и для этого имелись более чем серьезные основания. Прежде всего, Мотря была крестницей Мазепы, что было совершенно немыслимо по церковным канонам. Существуют и другие версии категорического отказа родителей Мотри, вплоть до такой, что ее мать, Любовь Федоровна, сама мечтавшая в свое время стать гетманшой, просто завидовала дочери.

Кончилась эта история тем, что Мотря, не выдержавшая домашнего террора, убежала к Мазепе и осталась у него. Не получив согласия Кочубеев, старый гетман был вынужден отправить любимую обратно в ненавистный родительский дом. Правда, кончилась эта история для Мотри вполне благополучно: она вышла замуж за одного из сыновей генерального судьи Василия Чуйкевича, Семена. Т.Г. Таирова-Яковлева пишет по этому поводу: "Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что гетман все забыл, равно как и те, кто полагает, что Кочубеи переживали за "опороченную честь дочери" (какая же она опороченная, если гетман предлагал на ней жениться...".

Так что же толкнуло Василия Кочубея, товарища со времен службы у Дорошенко, кума и соседа гетмана на такой решительный шаг, в результате которого он был подвергнут жестоким пыткам и казнен? В какой-то степени на этот вопрос можно ответить, внимательно ознакомившись с текстом доноса. Всего пунктов обвинений в доносе – более двух десятков. Действительно, если бы Мазепа открыл Кочубею в своих намерениях, то среди других пунктов этот был бы решающим. Но Кочубей сообщает о каких-то неосторожных словах, которые, если поразмыслить, и произнесены были для прощупывания настроений генерального судьи. Например, во втором пункте сообщается, что Мазепа бранил польного литовского гетмана Огинского за то, что "... *все паны от царя отстали, только он один, баламут, держится*".

Был пункт, в котором говорится о недовольстве гетмана отказом царя прислать войска для обороны Киева и всей Украины. На наш взгляд выделяется четырнадцатый пункт. Приведем его полностью: "*Пируя у меня и подвеселившись, когда начали пить за его здоровье, сказал со вздохом: «Благодарствую за приязнь, но что мне за утеша, когда я живу, не имея никогда совершенной надежды своей целости, безо всякого обеспечения, ожидая как вол обуха».* Тут же говорил жене моей, хвалил гетманов изменивших, Выговского и Брюховецкого: *«Хорошо начали Выговский и Брюховецкий, что хотели из неволи выбиться, но злые люди им в том помешали. И мы хотели бы о своей будущей целости и вольности войсковой промыслить, да не имеем еще теперь способу, особенно же потому, что не все наши в одномыслии находятся: вот и твоему мужу я несколько раз намекал о таких мыслях, как бы нам обеспечить целость нашу на будущее время как для себя, так и для потомства, но он ни одним словом мне не поможет, ни от кого не имею помощи, ни на кого не могу положиться. А другая трудность та, что орды не за нас: хан велел отвечать мне, что турецкий султан приказал ему держать орду крепко и ни к кому на помощь*

не посыпать; на орду нет надежды, а тут, в Украине, стоят хорошие московские войска, в Белой Руси хотя и дурные, но много их”.

Думается, что Кочубей все же преследовал одну-единственную цель – добиться гетманской булавы, даже таким способом и, добавим, даже в такое время. Напомним, что после первого доноса, который царем был проигнорирован, последовал второй донос в начале 1708 года. До открытия старшине своих намерений оставалось немногим более полугода. Но уверенность в необходимости такого шага, как переход к шведскому королю видимо, у гетмана уже созрела. Возникает вопрос, почему Мазепа был уверен в победе шведского оружия, а Кочубей – нет? Ответ здесь может быть таким: старый гетман был лучше информирован, лучше знал обстановку внутри и вне Гетманщины, учитывал и намерения оппозиции самому царю в его царском ближайшем окружении. Возможно, следует обратить внимание еще на один фактор, которому мало уделяется внимание – гетман быстро старел, его мучили болезни, поэтому естественно возникал вопрос о преемнике, в качестве которого сам Мазепа видел своего племянника А. Войнаровского. Каково это было слышать Кочубею и его жене? И генеральный судья, воспользовавшись отсутствием гетмана Мазепы (он был в Киеве на строительстве укреплений по приказу царя), принял окончательное решение: или сейчас или никогда. Поставивши на карту все, он проиграл, царь Петр и на этот раз не поверил ему, велел допрашивать с пристрастием, а после вырванных признаний и полного отречения от своих обвинений выдал гетману и Кочубея и другого доносчика – бывшего полтавского полковника Искру. Вообще говоря, их погубило не только одно несовпадение в показаниях, но, в первую очередь, абсолютное доверие царя Петра украинскому гетману Ивану Мазепе. 27 июля 1708 года казнь свершилась, обезглавленные тела мучеников были похоронены.

Народные восстания в России

Геополитические задачи, которые ставил перед собой и государством царь Петр, оказались чрезмерно тяжелыми для всех слоев тогдашнего российского общества. Война требовала огромных средств, царская администрация вводила все новые и новые налоги. Помимо подворной подати и косвенных налогов, один за другим вводились новые повинности: корабельные, рекрутские, драгунские, с башни, с бород, с постоянных дворов и перевозов, с мельниц, лавок, с ульев, с рыбных ловель, с дыма, даже с дубовых гробов. Население нищало, число побегов "тяглых" людей росло; бежали, в основном, на Дон.

Первое крупное восстание вспыхнуло в Астрахани в конце июля 1705 года, сразу же после успешных действий русских войск под Митавой и Бауском. Астрахань была крупным торгово-промышленным центром с развитым судоходством и множеством рыбных промыслов. Через Астрахань велась восточная торговля, город всегда был заполнен русскими, армянскими, персидскими, среднеазиатскими купцами. Здесь можно было прокормиться, поэтому Астрахань привлекала множество пришлых работных людей. В городе стоял крупный гарнизон, насчитывающий 3650 человек, было немало опальных стрельцов, сосланных после подавления последнего стрелецкого мятежа.

Как и в других городах России, в Астрахани свирепствовали казенные поборы, нередко сумма сборов превышала стоимость продаваемых товаров. Возглавлял астраханскую администрацию воевода Тимофей Ржевский, алчный и безжалостный чиновник, который вместе со своим окружением буквально терроризировал город. Взрыв народного возмущения был реакцией на резкое повышение цены на хлеб, торговлю которым воевода отдал откупщикам, вступившим с ним, выражаясь современным языком, в коррупционную связь. Недовольство усиливалось грубым исполнением царского указа о запрете бород и обязательности ношения платья

иноzemного покроя. Последнее особенно раздражало раскольников, число которых в Астрахани было довольно внушительным. В ночь на 30 июля в астраханский кремль ворвались 300 солдат и стрельцов, и началась расправа над офицерами, Самого воеводу Ржевского нашли в курятнике и убили. Всего в ту ночь от рук восставших погибло более 300 человек. Восстание немедленно перекинулось на другие города по Волге, Прикаспию и на Северном Кавказе.

О начавшемся бунте царь узнал от князя Бориса Голицына. К счастью, шведский король застрял в Польше, и русская армия стала располагаться на зимние квартиры в Гродно. Петр снял с театра военных действий пешие и конные батальоны под командованием фельдмаршала Шереметева и отправил его на подавление восстания. На помощь Шереметеву царь приказал направить калмыцкого хана Аюку с 20-тысячным войском и полки П.М. Апраксина и П.И Хованского.

Войско Шереметева медленно двигалось через Москву и Казань по осеннему бездорожью и подошло к Астрахани 12 марта 1706 года. Буквально на рассвете следующего дня начался штурм. Астраханцы пробовали сопротивляться, но артиллерийский обстрел вызвал пожар в крепости, и повстанцы были вынуждены сдаться. Затем, в течение короткого времени войска Шереметева заняли Красный Яр и Гурьев. Организаторы восстания были выявлены, схвачены, отправлены в Москву и после двухгодичного расследования дела, колесованы. Многие умерли от пыток, около 300 погибло на эшафоте и виселицах.

Однако уроки восстания были усвоены, и царь, опасаясь новых вспышек недовольства, повелел прекратить в ряде уездов сбор недоимок и отменить некоторые поборы. Одновременно был подписан царский указ, временно приостановивший запрещение носить русское платье и бороду.

Но волнения не прекращались. Почти в то же время вспыхнуло восстание в Башкирии, вызванное теми же причинами, что и астраханское: непомерными налогами, поставками ратных людей и лошадей в армию для

нужд Северной войны, притеснениями и жестокостью царских чиновников. И вновь на подавление бунта были брошены правительственные войска.

Но самой большой опасностью для воюющей России было мощное народное восстание, охватившее область войска Донского, русское Придонье, часть Поволжья, в какой-то степени затронув даже Запорожскую Сечь. Бунт начался на Дону, издавна бывшего местом сосредоточения беглых крестьян и работных людей, и откуда, как это повелось издавна, "выдачи не было". В 130 донских станицах и городках скопились десятки тысяч "прибыльных", кормившихся работой на богатых казаков, бурлачеством, наймом на соляных промыслах, случайными заработками. Дон богател, донская казацкая старшина постепенно превращалась в помещиков, торговцев и предпринимателей. Но царю нужны были новые рекруты. Обстановка не располагала к увещеванию беглых, и 6 июля 1707 года появился царский указ о переписи всех беглых крестьян: *"за провожатыми и с женами их и с детьми выслать по прежнему в те же города и места, откуда кто пришел"*. Посланный на Дон князь Юрий Владимирович Долгорукий в условиях военного времени действовал решительно и беспощадно. Беглые немедленно ответили такой же жестокостью, собираясь в отряд под предводительством атамана Кондратия Афанасьевича Булавина, напали на отряд Долгорукого и начисто вырезали его. Однако богатые казаки во главе с атаманом Лукьянном Максимовым снарядили против повстанцев свой отряд и разбили булавинцев.

Царь внимательно следил за событиями на Дону: как бы не пришлось вместо получения новых рекрутов послать туда войска! После получения известия о победе над восставшими, царь писал А. Меншикову в ноябре 1707 года: *"Итак, сие дело милостию божией все окончилось"*. Но, как выяснилось, дело только начиналось.

Временно разбитый Булавин отправился в Чартомлыцкую Сечь и в ноябре 1707 года объявился кошевому атаману. Он привез с собой "прелестные письма" к запорожцам от всего донского войска и объявил, что

Дон отложился от государя. Булавин склонял запорожцев к мятежу, приглашая идти на Русь бить бояр, дворян, прибывших из Казахстана и подьячих. Трижды по поводу призыва Булавина собиралась казацкая рада. Молодые казаки требовали от войсковой старшины похода на Украину бить панов и арендаторов. Но каждый раз старшие товарищи отговаривали их, ссылаясь на теплую зиму и незамерзшие речки.

Не добившись понимания, Булавин оставил Чартомлыцкую Сечь и пошел в крепость Кодак, откуда продолжал подбивать запорожцев к мятежу. Но кошевой атаман Петр Сорочинский категорически отказал Булавину в содействии его предприятию. Тогда молодежь уже не в первый раз "свалила" Сорочинского и в очередной раз настояла на избрании Кости Гордиенко. Но и Гордиенко не захотел содействовать Булавину. Тогда запорожцы приняли такое решение: они пойдут с ним на великороссийские города, только тогда, когда он поднимет на бунт калмыков, черкесов и татар Белгородской и Ногайской орд. Пока что они позволили Булавину собирать к себе "охочих" вольных людей.

Булавину удалось собрать вокруг себя только несколько сотен "запорожских гульяев", с которыми он расположился на левом берегу Днепра на речке Вороной. Оттуда Кондратий обратился к казакам с призывной грамотой: *"Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чистому полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте на черные вершины сахарские!"*

Но большинство запорожцев и на этот раз недоверчиво отнеслись к призыву Булавину. В середине февраля они отправили новое большое посольство в Москву, испрашивая жалование войску запорожскому. Вместо ответа царь послал в Сечь грамоту с упреком запорожцам в укрытии Булавина; запорожцы отвечали, что Булавин ушел на Дон. Тогда царь, не доверяя запорожцам, приказал гетману поймать "вора и изменника". В

конце апреля 1708 года Мазепе отправил на Сечь городового атамана Барышевского и двинул против Булавина полтавского полковника Ивана Левенца.

Пока Мазепа искал Булавина, запорожское посольство оказалось в крайне затруднительном положении. Запорожцы писали из Москвы слезные письма о помощи: *"Учинить милость и любовь к ним, посланцам, растворить сердца свои, не оставить ближних своих во скорби и конечной печали, ... поспешить дать ответ в Москву о том разорителе, враге государства и плевосеятели Булавине..."*.

В середине мая в Сечи вновь собралась всеобщая войсковая рада, на которой между сторонниками и противниками похода к Булавину вспыхнула жестокая драка. Придя в себя, запорожцы решили все же заменить поход против великорусских городов нападением на русские крепости на речке Самаре. Но на этот раз их отговорили инохи киевского Межигорского монастыря, убедив в недопустимости подниматься против своих же православных братьев. Запорожцы послушались, и на следующий день уже не вспоминали о своих намерениях.

Поиски Булавина на Сечи в то время были напрасными: он в начале 1708 года уже был на Дону, где начинался второй этап восстания. Центром его стал Пристанский городок на Хопре. Весной восстание охватило Козловский и Тамбовский уезды, прилегавшие к Дону. В воронежском уезде к казакам присоединились крестьяне и горожане. Летом к восставшим присоединились другие уезды в районе средней Волги и нижней Оки. Восстание перекинулось на Слободскую Украину, где мятежники действовали в районе Харькова и в ряде уездов.

В конце марта в Пристанском городке состоялся большой съезд, на котором повстанцы решили идти походом на Черкассы. 12 апреля царь Петр был вынужден вызвать из армии гвардии майора Василия Долгорукого, брата убитого булавинцами князя Юрия Долгорукого, и дать ему практически целую армию из 32 тысячи человек. Заметим, что это было уже после того

как шведские войска, наконец, двинулись на Москву. Полномочия Василия Долгорукого были самые широкие, в царской инструкции "как *наискорее сей огонь надлежит тушить*" было велено городки, население которых было причастно к восстанию "жечь без остатку, а людей рубить, и завотчиков на колесы и колы, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанью воровства у людей, ибо сия сарынь (сволочь) кроме жесточи, не может унита быть".

28 апреля повстанцы подошли к городу Черкассы. В войсковой столице Дона вспыхнуло восстание, "домовитые" казаки сдались и выдали казацких старшин, которых казнили через несколько дней, включая атамана Лукьяна Максимова. На казацком кругу 9 мая 1708 года атаманом Войска Донского был избран Кондратий Булавин. Имущество старшин конфисковали и разделили среди повстанцев, цены на хлеб снизили.

В мае Булавин предпринял еще одну попытку привлечь на свою сторону запорожцев. Он написал письмо кошевому атаману Гордиенко, в котором рассказывал подробности о взятии Черкасска, о казни атамана Максимовна, о выборе Булавина донским атаманом. После этого Булавин сам прибыл в город Бахмут, откуда прислал на Сечь универсал, в котором призывал всех запорожцев идти под слободу Ямполь, чтобы дать отпор князю Василию Долгорукому. Призыв был услышан и вскоре запорожцы собрали около 1200 человек и пошли на помощь Булавину. Царь Петр, узнав об этом приказывал Долгорукому: "*крепко смотреть о том, чтобы не дать случиться запорожцам с донцами*". А после на Сечь пришло еще одно письмо с Дона, от наказного атамана войска Донского Ильи Григорьева, в котором атаман убеждал запорожцев не верить "прелестным письмам и словам того вора Кондрашки Булавина... А буде такие воры явятся, то их присылать к нам, войску или в Троицкий в Таганрог, сковав за крепким караулом". В том же письме атаман уверял запорожцев, что войско донское верно служило и служит своему государю Петру Алексеевичу и готово головы сложить за православную веру и великого государя.

Затем булавинцы одержали ряд крупных побед над царскими войсками под Царицыном и Валуйками. Сам Булавин даже предпринял попытку захватить Азов, что вызвало опасение царя, писавшего Долгорукому: "Смотри неусыпно, чтобы над Азовом и Таганрогом оной вор чего не учинил прежде вашего приходу". И все же царь был вынужден пойти на уступки восставшим, убедившись в том, что жестокие меры пользы не приносят, в конце мая он приказывает Василию Долгорукому: "Ты больше над казаками и их жилищами ничего не делай".

Наконец Петр, озабоченный разрастанием мятежа, принимает решение самому отправиться на Дон. Но шведская угроза была опаснее, к тому же в начале июля царские войска нанесли повстанцам два крупных поражения: под Тором и Азовом. А 7 июля казацкие старшины станицы Черкасская, враги Булавина, напали на курень атамана. Один из черкасских старшин, избранный впоследствие атаманом писал в Москву: "И он..., видя свою погибель, в курене с единомышленники своими, в осаде заперлись, сели. И мы, холопи твои, войском к куреню многое число приступали, двери и окна ломали и из ружья стреляли и всякими мерами доставали. А он... из куреня трех наших Казаков из ружья убил до смерти и многих ранил. И видя свою погибель, что ему в осаде не отбыть ис пистолета сам себя убил до смерти". Тело Булавина было выдано азовскому губернатору Толстому, приказавшему отсечь грозному атаману голову, а тулowiще, уже смердящее, было подвешено за ноги. Весть о гибели Булавина была отмечена в ставке Петра в селе Горки Могилевской губернии молебном и салютом.

Однако крестьянская война в Придонье продолжалась. В середине июля, уже после первого серьезного боя русской армии под Головчином, новый донской атаман Игнат Некрасов планировал военную кампанию против царских карателей. Но против объединенных сил мятежников со всех сторон шли правительственные войска. 22 августа Долгорукий осадил город Есаулов, однако в результате отчаянного сопротивления мятежников, был вынужден отступить. Защитники Есаурова, видя, что "им в этом городе не

"отсидеться", сдались. Разъяренный Долгорукий приказал четвертовать походного атамана Тельного и казнить более 200 человек. Каждого десятого повешенного спускали на плотах по Дону, остальных привели к присяге. Другая часть мятежников во главе с Некрасовым, узнав о поражении повстанцев, переправились через Дон и с семьями ушла на Кубань.

Крестьянская война шла на убыль крайне своевременно для Петра. Шведская армия медленно, но неумолимо продвигалась к границам России.

ГЛАВА 6

НАЧАЛО РУССКОЙ КАМПАНИИ

Первые победы

Новый этап Северной войны, трагический для шведов, победный для России и катастрофический для Мазепы, начался в январе 1708 года, когда войска Карла XII переправились через Вислу и двинулись на Москву. Обеспечив надежный тыл в Польше, шведский король имел намерение закончить войну полным разгромом русского войска и взятием столицы. Далее в его планы входило расчленение русского государства на удельные княжества, возведение на трон поляка Якуба Собеского или царевича Алексея, сына Петра, установление политического строя, подобного польскому, и на этой основе бескровный возврат прибалтийских территорий.

Перед славой непобедимого стратега трепетали монархи в Северной, Средней и Юго-Восточной Европе. Карл XII более чем когда-либо был уверен в окончательной победе и жаждал только одного – поймать русских, как он выражался в письме к английской королеве Анне, "*в свои руки*". По его амбициозным планам для победы над царем Петром было достаточно 35-36 тысяч войска. Не заботился Карл и о запасе провианта, необходимого для войска в большом походе, поскольку рассчитывал на генерала Левенгаупта, собиравшего колоссальный обоз в Курляндии, Литве, Польше и Восточной Пруссии. Карл XII планировал соединение своего войска с 16-тысячным отрядом Левенгаупта и его обозом, а также рассчитывал на 16-тысячную армию польского короля Станислава Лещинского, ставленника шведов. Однако все получилось иначе.

Карл, нисколько не сомневавшийся в победном окончании похода, искал генерального сражения с русским войском. Но противник постоянно уклонялся от батальи, в точности выполняя решения военного совета в Жолкве: генерального сражения не давать, нападать на неприятеля только

небольшими отрядами и лишать шведов провианта и фуража. Именно последним пунктом объясняется необычная медленность продвижения шведских войск по сравнению с их предыдущими походами. По пути их следования местное население закапывало все, что у него было, "каролинцы" с большим трудом находили эти схроны и забирали хлеб и другие запасы. Так, в Сморгони они проторчали больше месяца, затем в Радашковичах снова задержка, на этот раз почти на три месяца. Здесь еще раз проявилось свойство характера Карла: делать стратегические ошибки и не извлекать из них уроки. Его целью была Москва, и он был уверен в близком соединении с обозом Левенгаупта.

Царь Петр также исходил из того, что конечной целью шведского полководца была Москва. Уже 12 января 1708 года он издал указ о том, чтобы московские жители вне зависимости от чинов должны были по первому же требованию явиться в армию, причем, дворяне – со своими крепостными. Угроза падения царства была нешуточной, еще были живы в памяти страшные годы Великой Смуты, разразившейся столетие назад.

Двигаясь в московском направлении, шведы прошли Гродно, Сморгонь, Минск, в начале июня перешли Березину и 3 июля подошли к Головчину. Здесь произошло первый серьезный бой между шведскими и русскими войсками, о которой шведский историк Кнут Лундблад впоследствии писал: "*Головчин оказался тем местом, над которым в последний раз взошла звезда счастья Карла XII*". Действуя в соответствии с Жолкиевским планом и стремясь не допустить шведов к Днепру, русские командующие – князь Меншиков и фельдмаршал Шереметев – были вынуждены вступить в контакт с неприятелем.

Карл и на этот раз продемонстрировал свое воинское дарование, введя противника в заблуждение относительно своих намерений. Переправа через приток Днепра – Березину – планировалась вблизи города Борисова, куда и был отправлен отряд генерала Гольца численностью в 8 тысяч человек с приказом не допустить шведов на другой берег или хотя бы задержать их.

Однако Карл, послав в Борисов только большой отряд конницы генерала Спаррэ и заставив русских поверить, что переправа будет именно там, выбрал переправу южнее, в практически не защищенном месте. 14 июня 1708 года шведская армия без труда форсировала передовыми частями переправу через реку Березину; в следующие дни шведы устроили мосты, и 17 июня вся неприятельская армия была уже на левом берегу этой реки. Дальнейшее наступление шведов на восток было, однако, сильно задержано ненастной погодой, распутицей и действиями нашей конницы, засекавшей перед неприятелем и без того скверные дороги, портившей мосты и гати. Двигаясь со средней скоростью 8 верст в день, шведская армия только 25 июня начала переправу через р. Друт. К этому времени русская армия успела уже занять оборонительную линию р. Бабич, прикрыв путь на Могилев, Шклов и Копысь. Но желание преградить шведам доступ на всех переправах, через весьма условную по своей недоступности преграду, повело к разброске войск на 10 верст по фронту, чем не замедлил воспользоваться Карл XII.

Малыми тропами основные шведские силы обошли своего противника, который был вынужден спешно перегруппироваться и занять позиции за небольшой речкой Бабич вблизи местечка Головчина. В ночь на 3-4 июля 1708 года король нанес главный удар не по правому флангу, как ожидалось русскими, а по левому, где находился отряд генерала Репнина в 5-6 тысяч человек. Воспользовавшись туманом и проливным дождем, шведы переправились на pontонах через речку Вабич и преодолели болото, в котором чуть не погиб Карл. Генерал Репнин явно не ожидал шведской атаки, русские солдаты, не выдержав напора противника, отступили к лесу, бросив пушки. Бой проходил в густых зарослях, которые стесняли управление войсками. Затем шведская конница атаковала русскую кавалерию под командованием генерала Гольца, которая после короткого боя также была вынуждена отступить.

Русское войско в очередной раз продемонстрировало неумение организовать взаимодействие частей. Армия фельдмаршала Шереметева, не участвовавшая в этом бою, отступила и соединилась с разбитым отрядом Репнина. Отдельные наскоки русской кавалерии не имели сколь-нибудь серьезного развития: четырехчасовой бой закончился полной победой шведов.

В бою под Головчином обе армии понесли значительные потери. Со стороны русских особенно пострадали Белозерский, Троицкий и Санкт-Петербургский драгунские полки. Царь Петр в припадке сильнейшего гнева и досады разжаловал генерала Репнина в рядовые и даже повелел ему возместить стоимость потерянных в бою пушек из личных средств. Сравнительно небольшие потери со стороны русских (1,7 тысяч человек против полуторы тысячи шведов) объясняются, во-первых, сильно болотистой местностью, затруднившей преследование, а, во-вторых – более или менее организованным отходом русских войск. В то же время, царь Петр считал, что и шведы понесли определенный урон: в письме адмиралу Апраксину он перечислял потери шведов: были убиты генерал Врангель, два полковника, около сотни офицеров и тысяча рядовых, ранен пехотный генерал Пос и многочисленные воины противника. Хотя битва и закончилась поражением русских, ее опыт впоследствии был учтен при разработке "Правил битвы".

Бой под Головчиным еще раз продемонстрировал меняющееся лицо шведской военной машины. Все русские солдаты, пытавшиеся сдаться в плен, были зверски убиты шведами. Кроме того, были хладнокровно убиты и те, кто все-таки сдался в плен. Это массовое убийство безоружных людей было совершено по требованию шведских офицеров, которые считали, что охрана пленных является совершенно излишней для солдат. После отхода русской армии, Головчин был разграблен, Головчинский замок разрушен, многие жители села убиты, оставшиеся убежали на Брянщину, где основали город Климов. Далее на пути шведов была река Березина,

Поражение русской армии под Головчиной заставило Мазепу предпринять довольно смелые шаги по отношению к коронному польскому гетману Адаму Сенявскому. Если совсем еще недавно Мазепа "водил за нос" Сенявского в деле передачи Правобережья полякам, то сейчас он вначале аномимно, а позже – прямо предлагал коронному гетману стать польским королем. Мазепа исходил из того, что шведы, в конце концов, одержат победу и в такой ситуации лучше иметь в союзниках умного и опытного Сенявского, чем никем не уважаемого Лещинского. Переписка с Сенявским была крайне рискованным делом, но времени у гетмана на тонкие игры больше не было. Поэтому он одновременно посыпал письма и царю, в которых предупреждал Петра о возможных контактах польского коронного гетмана со шведами. Эти контакты действительно имели место, поскольку в тот период Сенявский еще окончательно не определился: с кем ему быть. Когда же коронный гетман принял окончательное решение остаться с русским царем, он написал Петру письмо, в котором раскрывал планы Мазепы. Писал об этом и российский посланник при дворе Августа II А. Дашков. Но вера царя в незапятнаность украинского гетмана была абсолютной. После перехода Мазепы к шведам А. Дашков с ехидцей писал царю, что, мол, вот, вы не верили мне, а я оказался прав.

После Головчинской битвы русские отряды отступили к Мстиславлю, и штаб Петра расположился близ местечка Горки. Поразительно, но факт – только после Головчина выяснилось, что шведский король, войдя в пределы российского государства, вовсе не имел ясного плана военной кампании. Безоговорочно уверовав с юных лет в свой Богом данный талант и презрительно относясь к русскому войску как к недостойному противнику, с которым можно решить дело разом, сойдясь в генеральном сражении, он шел к Москве практически вслепую. Данные его разведки были ничтожными, да он и не нуждался в них. Даже генералу Левенгаупту приказал собрать обоз с артиллерией, порохом и провиантом в таком количестве, чтобы до Москвы хватило. Результат для шведов был плачевным. Осуществление

Жолкиевского плана "выжженной земли" развернулось по всей территории Белоруссии: горели хлеба, сжигались деревни и села, пряталось продовольствие. Ограниченнность шведского контингента понуждало Карла предпринимать меры по возвращению раненых в строй.

Но не только русские знали, что путь на Москву для шведов не будет легкой прогулкой. Знали об этом и в Европе через донесения английского посланника ВитвORTA своему правительству. Витворт писал, что некий русский инженер, обследовавший пограничную местность от Великих Лук до Гомеля, высказывал мнение, "*что шведам почти невозможно будет прямое движение на Москву через эту границу и что они скорее двинутся к Черниговской области и к Украине*". Но тогда у Карла и мысли не было об Украине. Как будет видно из дальнейшего, в этот период никаких переговоров у Мазепы с Карлом не велось. Возможно лишь то, что люди польского короля Станислава Лещинского, находясь при штабе Карла, говорили королю о такой возможности. Но в тот период сама мысль о возможном обращении за военной помощью к кому бы то ни было не могла даже прийти в голову амбициозному королю.

Июль и почти весь август Карл без заметного успеха "гонялся" за Петром, надеясь поймать его и навязать решающую баталию. Куда бы ни шли русские войска, за ними следовала шведская армия. В соответствии с "жолкиевским планом" впереди шведов всегда оказывалась русская кавалерия, уничтожавшая на корню хлеб и другой провиант, сжигавшая строения и лишавшая шведских солдат пищи и пристанища. Наконец, 29 августа 1708 года недалеко от города Мстиславль, под селом Доброе, где размещалась штаб-квартира Карла XII, произошел бой, в котором русские одержали первую, пусть незначительную, но победу. Воспользовавшись тем, что часть шведского войска под командованием генерала Рооса удалилась от основных сил, Петр приказал князю Голицыну и генерал-лейтенанту Флюку напасть на шведов. Рано утром, во время сильного тумана восемь батальонов русской пехоты перешли небольшую речушку Черная Натапа и,

незаметно подкравшись к шведскому отряду, открыли по нему сильный огонь. Отряд генерала Рооса, потеряв почти половину своего состава (3 тысячи солдат), был вынужден отступить. Шведов ждал полный разгром, но болотистая местность затруднила действия русских драгун. На выручку Роосу успели основные силы шведов во главе с самим королем, и на следующий день разгорелся новый бой. Шведы сразу же предприняли бурную атаку, после отражения которой, русские неожиданно построились в каре и, воспользовавшись туманом, ушли в свой лагерь, потеряв в этой схватке всего 375 человек. Русский лагерь был расположен на очень сильной позиции, надежно прикрытой болотистыми берегами реки Вихры в деревне Соболево.

Несколько дней понадобилось шведам для захоронения убитых, только 3 сентября они двинулись дальше, на восток. Бой у села Доброе был первым значительным успехом Петра и мог бы послужить серьезным предостережением для Карла. Уже тогда западные дипломаты начинали сомневаться в целесообразности русского похода шведов. Так, опытный дипломат Урбих, состоявший на русской дипломатической службе, в письме своему другу великому математику и философу Лейбницу писал: "...шведскому королю следовало бы заблаговременно подумать о мире, возвратив царю то, что прежде ему принадлежало, и бросить своего Стенцеля (имеется в виду Станислав Лещинский), который никогда не может быть королем в Польше. Если король шведский не сделает этого, то я опасаюсь, что ни его армия, ни он никогда не возвратятся живыми в Швецию".

Спустя всего двенадцать дней произошла новая жаркая стычка между шведами и русскими подле села Раевка. На этот раз сам король Карл XII повел кавалерийский полк в атаку на отряд русских драгун генерала Боура. Атака не только захлебнулась, но сам Карл чуть не погиб в этой схватке. Эскадрон, во главе которого находился Карл, был уничтожен русской кавалерией. Король, оставшись без лошади, оборонялся саблей,

подоспевший на помощь другой эскадрон тоже был изрублен. Во время схватки были убиты около полутора тысяч солдат, много офицеров, **а** также генерал-адъютант Хорд и генерал Розеншерн. Бой под Раевкой вызвал озабоченность в политических кругах Швеции. Потеря двух эскадронов, нескольких генералов и полковников заставила подумать о регентстве, поскольку Карл, до такой степени рискуя на поле битвы, мог в любой момент погибнуть. Между прочим, царь Петр тоже участвовал в этом бою, он даже оказался в непосредственной близости от короля и мог разглядеть его лицо.

После Раевки шведские войска достигли самой восточной точки в русском походе – села Стариши, в 80 километрах от Смоленска, где и было принято историческое решение – изменить план похода. Если верить шведским генералам, в селе Стариши между 11 и 13 сентября 1708 года состоялся военный совет, на котором были рассмотрены два варианта дальнейшего пути. По одному варианту предполагалось отступить к Днепру и, расположившись на безопасном расстоянии от русских в относительно "сытом" районе, ждать обоз Левенгаупта, по другому – двинуться к Новгород-Северскому, предоставив Левенгаупту самостоятельно догонять главную армию. Автор первого варианта – граф Пипер – пророчески предупреждал о гибельности похода на юг: "*Концом всего этого будет полная гибель столь цветущей армии, с которой король совершил такие блестящие деяния, и эта потеря будет невосстановимой как для самого короля, так и для шведского королевства*". Сторонник второго варианта – фельдмаршал Реншильд – уверял, что короля ждет на Украине Мазепа с 20 тысячами казаков, которые окажут ценную помощь шведскому вторжению. Украинский историк А. Оглоблин приводит фрагмент письма французского посла при Карле XII де Безенваля министру иностранных дел Франции де Торси от 18 сентября 1708 года. В этом письме он сообщает, что Понятовский, резидент польского короля Станислава Лещинского в шведском стане, имел аудиенцию у Карла XII и рассказал, что казацкий гетман Мазепа обещал, как только шведское войско подойдет к границам Украины,

подняться с казаками для освобождения своей страны. Безенваль сообщал, что его величество шведский король был очень обрадован этому известию, придав ему большое значение.

Предваряя более подробный анализ намерений и действий Мазепы в напряженные месяцы 1708 года, все же заметим, что трудно себе представить, чтобы Иван Степанович, столько вложивший в развитие промышленности, культуры и образования, и, памятуя о Жолкиевском плане "выжженной земли", мог ждать и, тем более, приглашать шведские войска в Гетманщину.

Тем не менее, факт остается фактом: Карл двинулся в сторону Украины, не дождавшись генерала Левенгаупта. Дело в том, что шведская разведка была поставлена настолько плохо, что король просто не знал местонахождение обоза. Правда, и русская разведка имела отдаленное представление не только о дорогах, которыми идет Левенгаупт, но и количестве его войск. Левенгаупт, следуя инструкциям короля, продвигался по лесным тропам, обходя болота, стараясь быть незамеченным противником.

Еще 6 сентября царь был уверен в том, что Карл двинется на Москву через Смоленск. Тогда гетман Мазепа получил приказ готовиться к походу к Белой Церкви для соединения с поляками, противника Станислава Лещинского. Этот приказ был подтвержден 14 сентября, но буквально через день, когда стала совершенно очевидной перемена замысла шведского короля, Мазепа получил указание двинуться в Стародубщину для совместных действий с генералом Инфлянтом.

Следующим географическим пунктом Карла был город Стародуб, куда и направился 15 сентября король со всей армией и в котором, как полагали шведы, они могут устроиться на квартирах и пополнить свои запасы. 19 сентября он перешёл реку Сож у Кричева. Надвигалась ранняя в том году зима, шведов пугали начавшиеся заморозки и обильные холодные дожди. Тот же французский поверенный в делах в Польше де Безанваль писал в

своем донесении своему правительству: "Голод увеличивается в армии со дня на день, там уже совсем не знают, что такое хлеб, полки живут только кашей, вина нет ни в погребе, ни за столом короля; король, офицер и солдат одинаково пьют воду.... О, как тяжела эта кампания, как мы страдаем больше, чем это можно выразить, и как это еще мало сравнительно с тем, что придется вынести дальше!"

Однако высланный вперед генерал Лагеркрана не вошел в Стародуб. В некоторых источниках приводится рассказ о том, что Лагеркрана ввел в заблуждение местный крестьянин, сознательно указавший генералу неверную дорогу. В других – генерал прошел мимо города по той простой причине, что не у кого было спросить дорогу, поскольку все жители города и окрестностей разбежались. Однако если верить генерал-квартирмейстеру шведской армии А. Гилленкроку, дело обстояло совершенно иначе. Генерал Лагеркрана не вошел в Стародуб, куда его, между прочим, несомненно, впустил бы полковник Скоропадский (на тот момент сторонник Мазепы), поскольку "не имеет на то повеления, и потому не может атаковать находящихся там казаков, если они не впустят его добровольно". Так или иначе, но этой оплошностью незамедлительно воспользовался русский генерал Инфлянт, который стремительно вошел в Стародуб и прочно обосновался там. Раздосадованный король был вынужден повернуть от Стародуба на юго-запад. Летописец русского похода шведский капеллан Нордберг писал впоследствии: "Намерение короля воспрепятствовать московитам проникнуть в Украину провалилось таким образом потому, что Стародуб был главным городом этой провинции и единственным местом, откуда русские могли проникнуть. Кроме того, мы лишились превосходных зимних квартир, где армия могла бы в изобилии найти средства существования: все деревни были полны фуражка, а города были снабжены всем, что только можно было себе пожелать".

А 2-го октября, в Костеничах, королю был нанесен еще один тяжелый удар. Прибывший в расположение короля солдат сообщил, что корпус

Левенгаупта разбит, а обоз захвачен. Правда, в тот момент Карл еще не представлял себе масштабы и последствия постигнувшей его катастрофы. Это произошло позже, когда сам Левенгаупт рассказал ему о случившемся. После полученного известия король повелел выступить из Костеничей и идти навстречу остаткам войск разбитого Левенгаупта.

Может возникнуть вопрос: как Карл решился оставить огромный обоз с провиантом и боеприпасы без надлежащего охранения? Ведь на совещании генералитета в селе Стариши часть генералов предупреждала, что обоз может стать легкой добычей, поскольку скрыть, а тем более оборонять семь тысяч телег – не такое простое дело. Однако другие советники Карла убедили короля в том, что русские никогда не решатся напасть на столь искусного генерала. Возникает и другой вопрос: каким образом спешащий Левенгаупт узнал о перемене стратегического плана короля?

Разгром Левенгаупта под Лесной

Корпус Левенгаупта был разгромлен в конце сентября. Русская разведка, наконец, предоставила Петру важные сведения о том, что генерал Левенгаупт "*...от Риги идет со знатным корпусом во случение своему королю*". При таких обстоятельствах перед русским командованием всталась довольно сложная задача. С одной стороны, следовало организовать прикрытие границ, чтобы преградить шведскому королю путь в центральные районы России. С другой – надо было во что бы то ни стало предупредить возможность соединения главных сил шведской армии с корпусом Левенгаупта. Военный совет, созданный Петром, принял следующее решение. Главные силы под командованием Шереметьева должны идти параллельно движению основных шведских войск и организовать прикрытие от возможного прорыва оборонительной линии в Северской области, передвинув главные силы на Рославль.

Военный историк Б.С. Тельпуховский пишет: "19—20 сентября 16-тысячный корпус Левенгаупта с огромнейшим транспортом продовольствия и

боевых припасов переправился через реку Днепр у города Шклова и продвигался на Пропойск. Чтобы ввести в заблуждение русских, Левенгаупт подослал шпиона в русский отряд, находившийся в местечке Романове. Шпион сообщил, что шведы находятся ещё за Днепром и намерены двинуться на город Оршу. В русском отряде поверили этим сведениям и направились к Орше, но на пути один очевидец переправы шведов у Шклова сообщил русским, что Левенгаупт уже переправился через Днепр и направляется вдоль Днепра на юг к Пропойску. Получив эти сведения, Пётр срочно двинул свой отряд к району предполагаемой переправы через Сож корпуса Левенгаупта. Для разведки был послан отряд Меншикова. 25 сентября он настиг Левенгаупта и выяснил, что при нём не 8 тысяч войска, как это предполагалось прежде, а почти в два раза больше. Русским командованием тщательно были продуманы все детали предполагаемой операции, хорошо произведена рекогносцировка местности, вызван дополнительный отряд Боура, который своевременно присоединился к Петру, предотвращена возможность переправы транспорта шведов у Пропойска, куда для удержания переправы был послан из Кричева отряд Фастмана".

Как только Левенгаупт узнал о том, что его план ввести в заблуждение русское командование не удался, он срочно принял меры для спасения своего обоза. Он отправил его к Пропойску под прикрытием трёхтысячного авангарда, а сам с главными силами занял оборонительную позицию у деревни Долгий Мох, чтобы задержать русских при переправе через небольшую речку Реста. Вечером 27 сентября шведский отряд под прикрытием темноты отступил и занял оборонительные позиции у деревни Лесная.

Б.С. Тельпуховский подробно описывает место предстоящего боя: "Деревня Лесная находилась на левом берегу болотистой речки Леснянка, на поляне площадью 1 кв. км. С севера и запада поляна замыкалась большим лесом. С северо-запада, в направлении деревни Лопатичи был перелесок, за

ним находилась другая небольшая поляна, за которой тянулся большой трудно проходимый лес с небольшими речками и болотами. Со стороны деревни Лопатичи, от которой должны были двигаться русские войска, к Лесной и Пропойску вели две дороги. Из них восточная проходила через обе поляны, перелесок и через реку Леснянка, западнее через лес тянулась просёлочная дорога. Обе дороги были связаны просёлочными поперечными дорогами. С востока, со стороны Кричева, к деревне Лесная шла дорога, по которой подходил Боур. По правому берегу реки Леснянка находился большой лес, через который шла дорога на Пропойск — путь движения шведов". (См. карту).

Шесть батальонов передового отряда шведов заняли перелесок и за ним организовали оборону. В тылу расположения передового отряда Левенгаупт устроил из повозок временный укреплённый лагерь транспорта (*вагенбург*), который примыкал флангами к реке Леснянка. С точки зрения военного искусства, генерал-квартирмейстер Левенгаупт сделал все возможное в данной ситуации для обороны и прорыва.

28 сентября на рассвете корволант Петра переправился через речку Реста и двинулся за шведами на Лопатичи и Лесную. Перед Лесной Петр решил нанести удар двумя флангами, начиная с правового фланга. Для этого он разделил корволант на две колонны. В состав правой колонны под командованием Петра входили гвардейские полки, один батальон Астраханского полка и три драгунских полка, в левую — два пехотных полка, шесть драгунских и лейб-регiment (гвардейский полк) Меншикова.

Перед местом дислокации шведского войска головные части русских колонн начали выстраиваться в боевой порядок для наступления. Однако этот маневр оказался незавершенным, шведы внезапно обрушились шестью батальонами на ближайшую левую колонну русских, и завязался авангардный бой. В начале боя шведская пехота правого крыла сбила Ингерманландский и Невский полки, охватила левую колонну русских, взяв четыре пушки и грозя охватом с фланга. Петр немедленно послал на помощь

готовые к бою передовые части правой колонны – Преображенский и Семеновский полки. Это лишило шведов превосходства, и они не смогли завершить охват левого фланга. Передние русские шеренги, понесшие потери, отводились в лес, как в укрытие. Позднее Петр I признавался адмиралу Ф.М. Праксину: "Ежели б не леса, то б оныя выиграли, понеже их б тысяч больше было нас".

Теперь главные силы русских, развернувшись, скрытно приблизились к левому флангу противника и, сделав несколько залпов, и перешли в атаку. Внезапная атака свежих сил заставила отступить шведов в перелесок. Развивая атаку, русские ворвались в перелесок и заняли опушку, обращенную к деревне Лесная. Остатки передового отряда шведов отступили на основную позицию, на которой главные силы шведов под прикрытием конницы приготовились к решительному бою.

Бой начался в первом часу дня. В первой линии корволанта находились восемь батальонов пехоты, а на флангах по два драгунских полка. Во второй линии – шесть драгунских полков, размещённых попарно в трёх группах, между которыми располагались батальоны пехоты. Для усиления флангов были поставлены гренадерские роты от трёх пехотных и двух драгунских полков. Русские линии вместе с кавалерией вышли из леса и стали теснить противника к вагенбургу. С тыла на охрану обоза накатывались казаки. Залпы гремели один за другим, солдаты четырежды набивали сумы и карманы патронами, ружья раскалялись до того, что их нельзя было держать. Петр I и Меншиков носились от полка к полку, вдохновляя солдат.

Основные шведские силы встретили корволант Петра, всей массой двинувшийся в атаку на противника, сильным артиллерийским и ружейным огнём. Этот бой уже мало походил на сражение возле Головчина. Дрались равные по выучке войска. На протяжении трех часов боя шведы неоднократно переходили в контратаку, но не смогли остановить русских. Однако все же сказалось чиленное превосходство русских войск и в

результате пятичасового боя шведы были вынуждены отступить с главной позиции к вагенбургу.

В бою шведы потеряли восемь орудий, несколько знамён, много убитыми и ранеными. Но они ещё продолжали держаться у вагенбурга в ожидании возвращения авангарда. Их последней надеждой был отряд, прикрывавший транспорт, направлявшийся к Пропойску. Но к месту боя уже подходил отряд генерала Боура. Петр, получив известие об этом, приказал прекратить огонь. После короткой паузы, к пяти часам, русские, получив превосходство и перегруппировав силы, вновь кинулись в бой, используя огонь полковых пушек. Шведский генерал Штакельберг контратаками левого крыла с трудом сдерживал натиск гвардейской бригады. Гремевшие в обеих сторонах залпы слились в непрерывный гул. Завязалась рукопашная.

Казалось сама погода стала союзником русских. Начинался холодный осенний дождь вперемешку со снежной крупой, Дымная гарь затмевала русскую линию так, что шведские солдаты гибли от пик и багинетов прежде, чем могли увидеть противника. До быстро наступавших осенних сумерек шведы выдержали до десяти атак и продержались еще два часа. По приказу Петра стремительным ударом был захвачен мост по дороге на Пропойск, чтобы закрыть возможность отступления шведов. Но в этот критический для шведов момент прибыл, наконец, подоспевший авангард. Шведы бросились в атаку и возвратили мост, но вернуть свои позиции они уже не были в состоянии. Наступила ранняя осенняя темнота, началась сильная снежная выюга. Около 19 часов бой прекратился, но артиллерийская дуэль продолжалась до 22 часов.

А ночью в шведском стане разыгралась драма. После ряда успешных русских атак шведский корпус охватила паника, и в ночь с 28 на 29 сентября солдаты, окончательно павшие духом, бросились бежать врассыпную. Шведский майор Левен рассказывал позже: "...ни генералов, ни офицеров уже не слушались и как кавалерия, так и инфanterия смешавшись бежали; и

когда тако ночью бежав з две мили даже до Пропойска, к реке Соже пришли и оную без мостов и бродов пред собою обрели".

Именно эти события заставили Левенгаупта, понимавшего свою обреченность, попытаться спасти хотя бы часть обоза. Он, бросив больных и раненых и оставив тысячу голов скота, приказал быстро двигаться к Пропойску, увозя лишь боеприпасы. Утром Петр, обнаружив отход Левенгаупта, приказал драгунам генерал-поручика Пфлуга догнать ушедшего противника. Задача была выполнена: Пфлуг захватил остатки обоза, порубав при этом до полутысячи отставших солдат. Левенгаупт успел лишь утопить в Соже порох и заряды. Всего в бою под Лесной шведы потеряли убитыми и ранеными от 8 до 9 тысяч человек, из них 703 офицера; около 2673 солдат попали в плен, Русские потеряли 1111 человек убитыми и 2856 ранеными.

Царь Петр настолько высоко ценил битву под Лесной, что ежегодно отмечал ее годовщину, утверждая, что эта битва – "матерь Полтавской баталии", а полтавский триумф – младенец, ею рожденный. В качестве шутливого доказательства, он указывал, что между двумя успешными военными событиями (от 28 сентября 1708 г. до 27 июня 1709 г.) прошло ровно девять месяцев.

12 октября основные силы шведов и остатки корпуса Левенгаупта, наконец, встретились вблизи деревни Рухово. Генерал предстал перед королем с печальным отчетом, добавив лишь к сказанному ранее солдатом, что он, генерал Левенгаупт, в целях спасения своего отряда был вынужден бросить весь обоз и утопить в реке почти всю артиллерию и весь порох. Из почти 16 тысяч человек войска к королю пришли только 6700 человек, оставшихся в живых после разгрома под Лесной. Только сейчас Карл с горечью осознал, что остался без провианта и боеприпасов.

В Европе были шокированы известиями о поражении шведов под Лесной. В письме А. Меншикову от 30 ноября 1708 г., посланному из Копенгагена, князь В. Л. Долгоруков сообщает: "*Победу над швецким генералом Левингауптом здесь приписуют к великой славе и ко упреждениям*

интересом царского величества, королю же швецкому к крайней худобе, и не чают чтоб он, потеряв такой корпус, до конца сея войны уж поправитца мог". Война требовала все новых и новых рекрутских наборов, экономика Швеции была близка к краху, поэтому думали, что после потери корпуса и обоза "*король шведской вскоре будет просить миру*". Постепенно русская победа и ее значение для создания нового представления о силе русской армии распространилась не только в Европе, но и в Константинополе. Сведения о победе под Лесной произвели нужное впечатление на турецкого султана, поскольку шведская дипломатия неустанно пыталась склонить турок и крымских татар к вторжению на территорию Украины.

После соединения с остатками корпуса Левенгаупта королевская армия двинулась через деревню Сколково в местечко Чериков. Далее шведы миновали занятый русскими Стародуб и направились к южном направлении, войдя 19 октября в Пануровку. Их ближайшей целью должен был стать Батурино. В эти дни Мазепа предпринял последнюю попытку повлиять на Карла с тем, чтобы он все-таки повернулся на восток, а далее на Москву. Не хотел все же старый гетман разорения Украине. Он послал своего человека ("казацкого офицера", по выражению А. Гилленкрока), с поручением убедить короля переменить маршрут и двинуться на Новгород-Северский для занятия там позиций. Это была фактически первая попытка войти в контакт со шведами, представляется, однако, что такой ход со стороны Мазепы мог вызвать подозрение шведского командования, поскольку на тот момент украинский гетман в глазах короля Карла был союзником русского царя. Поэтому, король вначале послал к городу несколько полков кавалерии и пехоты под командованием генерала Крейца. Однако разведка показала, что русская пехота уже заняла город и что к Новгород-Северскому движется армия фельдмаршала Шереметева. Король приказал ускорить движение своих основных сил, но Шереметев опередил его, успев переправиться через Десну и занять город. Русские войска укрепились окопами на другом берегу реки и построили батареи, что делало невозможным переправу шведов.

Король был вынужден отказаться от планов захвата Новгород-Северского, возможно его подозрения относительно Мазепы укрепились. Армия Карла XII расположилась в миле от города, а через несколько дней в расположении шведских войск появился Мазепа. Уход Мазепы, его причины будут подробно описаны далее. Здесь же отметим только, что после торжественной встречи, по свидетельству того же А. Гилленкрока, гетман долго разговаривал с королем, после чего Карл принял решение в первых числах ноября переправляться через Десну у селения Мезина, что в тридцати километрах ниже Новгород-Северского и идти на Батурино. Вначале русский штаб не предполагал такого маневра, поскольку ничего не предвещало измены Мазепы. Но как только князь А. Меншиков получил сведения, подтверждающие предательство гетмана, он принял единственно правильное решение. Часть войск под командованием генерал-майора Гордона он послал к Десне с приказом воспрепятствовать переправе шведских войск, а сам двинулся к Сейму, чтобы захватить Батурино, в котором находились большие запасы артиллерии и провианта.

Однако генерал-майор Гордон не выполнил приказа, позволив шведам переправиться через Десну, чем заслужил недовольство царя Петра, писавшего Меншикову: "*Нерадением генерал-майора Гордона шведы перешли сюда*". Царь, находясь в селе Погребном, после поразившего его известия об измене Мазепы, был крайне обеспокоен. Вновь под стратегической угрозой оказалась вся шведская кампания, поскольку невозможно было предугадать, пойдет ли Украина за Мазепой. Тактически же было крайне важно первыми войти в Батурино и не дать возможности Карлу завладеть артиллерией и запасами пороха.

Октябрь 1708 года. Уход Мазепы

Изучая существующие исторические источники, автор честно должен признаться, что составить верное и целостное впечатление о духовном состоянии гетмана и его планах в период, начиная с судьбоносного решения шведского короля пересечь украинскую границу, – просто невозможно. Скрытность характера старого мудреца проявлялась в проведении им двусмысленной политики и составлении двусмысленных документов, из которых можно делать самые противоположные выводы. Практически все исследователи деятельности Мазепы и его времени сходятся во мнении, что изворотливость ума Ивана Степановича, стремление обыграть всех, в конечном счете, привела к тому, что простой народ был не в состоянии понять, чего хочет и куда клонит старый гетман. Особенно это касалось запорожских казаков.

Напомним, что решение Карла XII о повороте шведских войск в сторону Украины было принято между 11 и 13 сентября 1708 года. Можно только представить себе, как был раздосадован гетман разрушением его планов. Из письма генерального писаря Филиппа Орлика к митрополиту Яворскому, написанного в 1721 году, известно, что Мазепа, узнав об этом судьбоносном для Украины решении шведского короля, не мог сдержать своего раздражения: "*Дьявол его сюда несет. Все мои интересы превратит; войска великороссийские внутрь Украины приведет на последнее разрушение и на нашу погибель*". Этот резко негативный эмоциональный всплеск гетмана может свидетельствовать только о том, что на тот момент определенных договоренностей между гетманом и королем не было. Сам Мазепа, в своей присяге перед старшиной категорически утверждал, что Карл вошел со своими войсками в Украину "по-Божьему провидению", а не по его, Мазепы, настоянию.

В этой схватке гигантов – лучшего в Европе шведского войска и набирающего силу российского – гетман Мазепа пытался найти свою игру и

достичь своих политических целей. Открываться прежде времени было крайне опасно, особенно после того, как в пределы Гетманщины вошли крупные силы российской армии. Читая рассуждения историков, документы того времени, переписку Мазепы, складывается впечатление, что гетман до последнего дня тянул с окончательным решением.

Но напряжение с каждым часом нарастало. Шведы углублялись внутрь Гетманщины, царские войска шли параллельно, не решаясь вступить в решающую схватку и постепенно приближаясь к местам сосредоточения огромных запасов продовольствия и вооружения. Современные украинские историки утверждают, что Мазепа запасался для военного противостояния московскому войску. Думается, все же, что это не так. Своя провиант, артиллерию и боеприпасы в Батурин, гетман еще не знал, против кого он будет воевать, выжидая роковой развязки. Но это ожидание сопровождалось страхом быть разоблаченным царем, поскольку сведений о его контактах со Станиславом Лещинским, польским ставленником шведов, становилось все больше. Гетману стоило больших трудов и нервов объяснять поступающие царю сведения о его переговорах с поляками намерениями польской стороны опорочить его. Но, как и прежде, царь Петр не верил "клеветникам", абсолютно доверяя Мазепе. Не стоит сбрасывать со счетов и наличие оппозиции самому царю, оказывавшее столь многочисленные услуги малороссийскому гетману в обмен на мудрые советы и, не в последнюю очередь, щедрые подарки. Как не стоит забывать и о врагах гетмана в том же царском окружении.

В такой неустойчивой обстановке любой, даже малозначительный эпизод мог привести к раскрытию тайных переговоров Мазепы. И такой эпизод не замедлил произойти. 1-го октября в руки генерала Инфлянта совершенно случайно попался польский шляхтич Якуб Улашин, который вез письмо гетману Мазепе от пана Понятовского, резидента короля Станислава Лещинского в ставке шведского короля, с просьбой освободить в знак старого знакомства своего пленного брата. Шляхтича отправили в походную

канцелярию, пытали огнем и выбили признание, будто бы Понятовский велел передать гетману на словах, что как только шведы войдут в Украину, гетман "*должен со всем войском запорожским приставать к шведам*". Письмо отправили российскому канцлеру Г.И. Головкину, который сообщил своему давнему приятелю Мазепе про очередную попытку очернить его. Зная возможности тайных московских служб, Мазепа не был уверен в том, что Головкин сообщил ему все, что мог рассказать шляхтич. Неизвестность пугала и расстраивала натянутые до предела нервы 69-летнего гетмана, оказавшегося в жесточайшем цейтноте. Мазепа поспешил ответить как всегда в верноподданическом духе: "... *никакие прелести не могут меня, никогда, от Высокодержавной Его Величества руки отторгнуть и неподвижимой верности моей поколебать.... о брате Понятовского я не слыхал, взят ли он в плен или нет; по крайней мере козаки его ко мне не приводили*". В то же время гетман продолжал демонстрировать свою преданность, сообщая канцлеру Головкину о намерениях польского короля Станислава Лещинского войти на Украину. И даже просил ускорить присылку регулярных войск, якобы для усмирения толп пьяных бродяг, безобразничавших в малороссийских полках.

Канцлер Г.И. Головкин, хоть и был давнишним приятелем Мазепы, но, видно, начал что-то подозревать и представил показания Улашина Петру. Царь счел нужным даже написать князю А.Д. Меншикову, чтобы тот свиделся с Мазепой и успокоил царским доверием, поскольку "*бездельники опять своим воровством стали оскорблять его*". Желая предупредить возможное подозрение царя, Мазепа направил в Смоленск доверенное лицо – войскового асаула Максимовича – с письмом, в котором содержалась просьба об утверждении и отмежевании земли, приобретенной Мазепой в Рыльском уезде Курской губернии и о позволении заселить их пришлыми вольными людьми. При этом Максимович передал царю гетманский подарок в 2000 червонцев и поздравления по случаю победы русских войск под Лесной. Заметим, что, оказавшись впоследствии в шведском лагере, Мазепа

рассыпал комплименты уже генералу Левенгаупту по поводу якобы его победы в том же бою.

Старому гетману было все трудней придумывать оправдания своему нежеланию идти на соединение с русской армией. 10 октября после военного совета, на котором было принято решение собрать воедино русские и казацкие полки и попытаться нанести удар шведам, канцлер Г.И. Головкин уже с некоторым раздражением напоминает гетману о царском приказе: *"Изволите потщитися по непременной своей к царскому величеству верности, на оборону малороссийского народа, в особливое ваше управление от бога и от его царского величества врученного, поспешить безотложно".* Для мудрого понимающего Мазепы большую опасность быть разоблаченным представляли следующие строчки письма Головкина о том, что малороссийский здешний край и народ *"зело сумневается, что от вашего сиятельства весьма оставлен в наступление неприятельское"*.

Начиная с 16 октября, тучи над головой старого гетмана еще более сгущаются. Карл продолжает движение к югу, параллельно ему идут великорусские войска: надежда на то, что шведы двинутся на Москву через Брянск, рухнула. Посвященные в политические планы гетмана полковники все более настойчиво требуют соединения со шведами, но сам Иван Степанович все еще тянет время и пытается лавировать меж "Сциллой и Харибдой". Наступает решающий момент, момент истины. К нему из царской ставки ежедневно приходят сообщения с приказами прибыть и привести войска. Мазепа сказывается смертельно больным. Он переезжает в свой лагерь под Борзной, якобы для совершения над ним обряда елеосвящения киевским митрополитом Иоасафом Krakовским, возвращавшимся из Москвы. В тот насыщенный событиями день 16 октября 1708 года гетман демонстрирует русским свою старческую немощность и болезнь, не позволяющую ему исполнить волю монарха. Присланный стольник Семен Протасьев с указом, разрешающим Мазепе остаться по случаю болезни в обозе, а основному войску послать компанейцев и сердюков, был убежден,

что старый гетман при смерти, о чем и сообщил канцлеру графу Головкину. В том же были убеждены и царские представители, которым гетман дал свою последнюю аудиенцию.

В то же время генеральный обозный Ломиковский и другие полковники с особой силой настаивают на посылке обращения к Карлу. И Мазепа, наконец, решается, он зовет к себе Орлика и говорит: "*Иди к Ломиковскому и к полковникам, пусть решительно скажут, посыпать ли к королю или оставить эту посылку*". В своем известном письме Яворскому Орлик пишет: "Я думаю, - тогда Мазепа, говоря это, нас испытывал". Орлик выполняет приказ гетмана и передает сказанное полковникам. Они, выслушав гетманский вопрос, с досадой отвечают: *Мы видим у Мазепы "оспалость" и умение; сколько раз мы предлагали и просили его об этом; надобно было посыпать к королю еще тогда, когда он только доходил до границы, а Мазепа все медлил и через то навел великороссийские войска в Украину на разорение и всенародное кровопролитие; и теперь, когда уже шведы у нас под носом, он неведомо зачем медлит*". Полученный ответ Орлик передает Мазепе, тот тут же велит позвать полковников к себе, добавив специально для Орлика: "Все это лысый черт Ломиковский мутит". И когда Ломиковский и полковники входят к гетману, он принимает гневный вид и говорит, видимо, окончательно проверяя их: "Что это? Вы не советуетесь, а только меня судите! Ах, черт вас побери! Я вот возьму с собою Орлика и поеду ко двору царского величества, а вы себе тут хоть пропадайте!" Но чуть позже, успокоившись для вида, задает главный вопрос: "Ну, что же, посыпать к королю?" И слышит долгожданный ответ: "Как же не посыпать! Давно бы это надлежало сделать и теперь не надобно откладывать".

Тогда, приняв окончательное решение, Мазепа приказал генеральному писарю Орлику составить инструкцию (так указано в известном письме Орлика митрополиту Яворскому) первому министру Швеции графу Пиперу. В письме Карлу XII "...объявлял онъ Мазепа великую радость свою с пришествія королевского величества въ Украину, просил себѣ, войску

*Запорожскому и всему народу о протекцію и освобожденіе от тяжкого ига
Московського, предлагал великое свое небезпеченство, и також де просил
о скорое прислане помощественнего себе для обороны войска, для которого
переправы обещал онъ на Десне у пристани Макошинской паромы иметь в
готовности...". С этой инструкцией был послан поляк, управитель у Мазепы в
его Шептаковской волости, Иван Быстрицкий. Ни свою подпись, ни печать
под инструкцией Мазепа не решился поставить, поскольку не исключал
случайный перехват своего посланца. Отославши Быстрицкого, Мазепа
написал письмо канцлеру Головкину, в котором сообщал о своем крайне
тяжелом состоянии, что он "уже более десяти дней не ест и не спит". В те
же часы он пишет письмо князю Меншикову, в котором опять же в
верноподданических выражениях сообщает о том, что все его приказы
касательно посылки отрядов против шведов неукоснительно выполняются.*

Через день, 18 октября Быстрицкий прибыл в расположение шведских
войск и встретился вблизи села Понуровки (на пути от Стародуба к Десне) с
генерал-квартирмейстером А. Гилленкроком. Через него король впервые,
хотя и косвенно, вступил в контакт с украинским гетманом, чему был,
видимо, немало удивлен. Настороженно был принят совет Мазепы –
двигаться к Новогород-Северскому и занять там позицию. После выполнения
своего поручения Быстрицкий быстро вернулся и передал Мазепе устное
послание, в котором якобы содержалось обещание быть на Макошинской
пристанi 22 октября. А еще через день (19 октября) Меншиков получил
письмо от Мазепы, переданное его племянником Андреем Войнаровским, в
котором Иван Степанович сообщал Меншикову, что наступает его последний
час и что он собрался собороваться. Меншиков немедленно отписал царю,
искренне сочувствуя старому боевому товарищу: "*И сия об нем ведомость
зело меня опечалила: первое тем, что не получил его видеть, которой б зело
мне был здесь нужен; другое, что жаль такова доброго человека, ежели от
болезни его бог не облеччит*". В ответ Петр приказал канцлеру Головкину
или князю Долгорукову немедленно ехать к Мазепе и, в случае его смерти,

подготовить выборы нового гетмана. Им должен был стать стародубский полковник Иван Скоропадский, что следует из письма царя к графу Головкину: "...Сегодня получил я ведомость от г. князя Меншикова, что гетмана к прежней ево болезни припала апелепсия... ежели воля Божия какая с оным определитца, чтоб, не мешкая, другого, для чего не худо чтоб Скуропацкой недалеко был".

Наступают последние дни перед бегством. В указанный срок (22 октября) королевские войска к Макошинской пристани на Десне, находившейся в 25-30 километрах от Борзыны, не явились. Можно себе представить тревогу Мазепы, которая буквально на следующий день разрослась до настоящей паники. Он снова посыает того же Быстрицкого к Карлу, но в это время в крайнем волнении прибывает Войнаровский и объявляет, что Меншиков прибудет в Борзну в воскресенье (24 октября). Войнаровский утверждал, что причиной его тревоги и фактически тайного бегства было то, что он якобы услышал, как один офицер-немец говорил другому офицеру: "Помилуй, Господи, этих людей! Завтра они будут в кандалах". Эта фраза, которая приводится почти всеми историками, вполне могла быть той каплей, которая переполнила чашу страха быть раскрытым. Если бы не одно "но". В своем письме генеральный писарь Филипп Орлик пишет: "Я не знаю до сих пор, точно ли слышал это Войнаровский или Мазепа научил его так говорить, чтоб нас всех обольщать". Существует и другое мнение, что ближайшее окружение гетмана сговорилось с Войнаровским с целью заставить Мазепу принять нужное им решение. Так или иначе, момент истины настал, встреча с Меншиковым могла закончиться полным разоблачением. И началась гонка.

Буквально в тот же день "умирающий" гетман преобразился, по выражению Орлика "порвался как вихрь". В субботу 23 октября вечером гетман Мазепа и все посвященные в его планы примчались в Батурино (расстояние от Борзыны до Батурина – около 30 километров). Прежде всего, Мазепа отправил с глаз долой царского полковника Анненкова, отослав его к

Меншикову с письмом, в котором он извиняется за племянника, тайно покинувшего князя. Поразительно, но полковник Анненков не заметил никакой перемены в Мазепе и отправился выполнять поручение гетмана.

Ночь перед бегством прошла в распоряжениях по защите Батурина, которая была поручена сердюцкому полковнику Чечелю и гарматному асаулу Кенигсену. Им гетман раскрыл свои планы и приказал не сдавать города русским войскам, дожидаться шведских войск, в приход которых он не сомневался. Под их командой Мазепа оставлял четыре сердюцких полка и часть Лубенского, Миргородского и Прилуцкого городовых полков. Другую часть этих полков гетман забирал с собой. Общее количество казаков составляло по разным оценкам не более 4-5 тысяч. Надо думать немало времени было уделено и подготовке к отъезду своего обоза и, в первую очередь, несметного богатства, которое так пригодилось впоследствии и для одолживания Карлу, и при бегстве после Полтавского поражения, и в эмиграции.

Рано утром следующего дня, в воскресенье 24 октября старый гетман, наверняка обуреваемый противоречивыми чувствами, простился со своей столицей и переправился через Сейм. К вечеру он вместе со своими старшинами, полковниками и несколькими тысячами казаков прибыл в Короп, а на следующий день, в понедельник 25 октября переправился через Десну около села Оболонье.

Подавляющая часть казаков, ушедшая с Мазепой, за исключением его ближайшего окружения, была уверена, что они идут на соединение с русским войском против шведского неприятеля. На левом берегу Десны Мазепа не решился объявить всем полковникам и простым казакам о своем намерении перейти под протекцию шведского короля. Только тогда, когда переправившиеся войска отошли от противоположного берега, Мазепа приказал остановиться и построиться. Он обратился к ним с речью и объявил, что ведет их не к русскому царю, а на соединение со шведским королем. Содержание его речи приводят почти все историки. Мазепа

обращался к последовавшим за ним казакам: "**Я много раз старался отвратить царя от намерений погибельных для всего народа малороссийского. Но из того не вышло ничего доброго: только я сам подпал его гневу и злобе и не нашел иного способа спасения себе, как обратиться к великодушию шведского короля. Он обязывается уважать наши права и вольности и защищать их против всех тех, которые на них посягают и вперед станут посягать. Братия! Пришла наша пора; воспользуемся представившимся случаем: отомстим москалям за их долговременное насилие над нами, за все совершенные ими жестокости и несправедливости, охраним на будущие времена нашу свободу и права козацкие от их посягательств! Вот когда пришло время свергнуть с себя ненавистное ярмо и сделать нашу Украину страною свободною и ни от кого независимою. Вот к какой будущности я вас всех призываю. Вы, братия, верно достигнете этой цели при вашем мужестве и при содействии шведского короля, который предлагает вам воевать против москалей вместе со шведами!**".

Конечно, трудно себе представить, что голос 69-летнего Мазепы хорошо слышали несколько тысяч людей, стоящих в открытом поле. Скорее всего, как и утверждают некоторые историки, Мазепа поведал о своем решении казацкой старшине и обязал их донести смысл своей речи до остальных казаков. Можно только представить себе, какие чувства овладели полковниками, когда старый гетман открыто объявил о своих намерениях. Ни во время речи, ни после не было ни голоса протesta, ни одобрения.

Как только казаки осознали куда ведет их гетман Мазепа, почти половина из них сбежала, не желая ввязываться в столь рискованное предприятие. Украинский историк С. Павленко считает, однако, что часть казаков Мазепа отправил обратно в Батурино, основываясь на том, что среди защитников Батурина были казацкие полки, якобы ушедшие с Мазепой. Возможно, с Мазепой ушла конная часть полков, а пешая – осталась в

Батурине. В то же время точно известно, что фактически все генеральные старшины и полковники решили остаться с Мазепой. Среди них были: судья Семен Чуйкевич, обозный Иван Ломиковский, писарь Пилип Орлик, асаулы М. Гамалия и Д. Максимович, хорунжий Иван Сулима, племянник Мазепы Андрей Войнаровский, бунчуковый товарищ Федор Мирович, Клим Довгополенко, Григорий, Иван и Панас Герцики, Федор Нахимовский, Федор Третьяк, Андрей Гамалия, Семен Лизогуб; писари Михаил Ломиковский, Яков Гречаный, Иван Максимович и канцеляристы Антонович и Григорович; полковники – киевский Константин Мокиевский, прилуцкий Дмитро Горленко, лубенский Семен Зеленский, миргородский Данило Апостол, компанейские Гнат Галаган и Ю. Кожуховский, сердюцкий Яков Покотило.

Встреча гетмана Ивана Степановича Мазепы с Карлом XII состоялась только 29 октября, то есть через четыре дня после бегства из Батурина. Эти дни в значительной мере решили судьбу гетманской столицы. Что же произошло в эти четыре дня, почему Карл не встретился в Мазепой в тот же день, 25 октября, либо, хотя бы, на следующий. Ведь расстояние между ними составляло несколько десятков километров! Думается, что все происходило следующим образом. Начнем с того, что Мазепа не мог знать, где находилась в тот день ставка короля. Поэтому он послал генерального писаря Орлика и генерального обозного Ломикова в село Орловка, в котором, по его данным, квартировали два шведских драгунских полка. Командиры этих полков Гельм и Гилленстиерн просто не поверили известию о том, что в их расположение прибыл сам украинский гетман с казаками. Полковник Гельм даже послал за одним итальянцем, лично знаяшим Мазепу, который подтвердил поразительную новость. Шведский полковник немедленно дал знать о случившемся своему королю и принял Мазепу, соблюдая все приличествующие моменту церемонии. Король, находившийся в Горках, получил известие и приходе Мазепы, но не сразу принял решение встретиться с ним. С одной стороны, Карл был информирован от мазепинского посланца Ивана Быстрицкого о возможном переходе гетмана

на сторону шведов. В то же время привезенные Быстрицким письма не были подписаны Мазепой. С другой стороны, Мазепа до этой минуты был союзником русского царя и Карлу зачитывали его манифесты для жителей Украины, призывающие давать отпор неприятельскому войску. Возможно, шведскому королю припомнился саксонский курфюрст Август II, который совсем недавно, казалось бы, капитулировал перед Карлом, а затем, буквально через несколько дней, его войска участвовали вместе с русскими в битве против королевского войска под Калишем и даже одержали победу. Сомнения крылись еще и в том, что в послании, переданным Быстрицким, было указано место встречи – Макошинская пристань, вблизи которой были замечены отряды князя Меншикова. А Новгород-Северский, куда советовал направляться Мазепа, был уже занят русскими войсками, и вблизи города стояла армия фельдмаршала Шереметева.

Словом, два полных дня ушло у Карла на обдумывание ситуации. Наконец, он принял решение встретиться с мятежным гетманом, видимо испытывая сложные чувства по отношению к тому, кого он еще вчера считал верным слугой русского царя. Впрочем, автор понимает, что такая интерпретация несколько противоречит ранее сказанному о том, что шведские генералы еще месяц назад убеждали Карла в том, что казацкий вождь Мазепа ждет его и готов предоставить провиант и зимние квартиры. Этот момент, видимо, еще предстоит подробнее рассмотреть историкам. Хотя и здесь возникают вопросы, поскольку взятый в плен первый министр, граф Пипер показывал на следствии, что они о Мазепе ничего не знали до той минуты, когда он прислал своего посла и через него передал королю Карлу XII, что хочет перейти к нему.

Вечером 28 октября Иван Мазепа в сопровождении генеральной старшины, полковников и части войска прибыл в расположение ставки шведского короля в село Горки, расположенном в нескольких километрах от Новгород-Северского. Перед встречей с королем Мазепа устроил смотр пришедшему с ним войску и с горечью убедился, что из нескольких тысяч

осталось не более полутора-двух тысяч человек. Однако и в этот день встреча не состоялась, она произошла только на следующий день, 29 октября. Вместе с Карлом XII Мазепу встречали члены шведского правительства и генералитет. На шведов, должно быть, произвел впечатление ритуал возложения к ногам Карла XII главных символов гетманской власти – бунчука и булавы. Не могло не поразить их и прекрасное владение Мазепой латинским языком, на котором он произнес приветственную речь. В ней Мазепа выразил благодарность Богу за избавление от царского рабства и обратился к шведскому королю принять казаков под свое покровительство.

Аудиенция продолжалась до полудня. Мазепа, верный своей тактике, произвел очень хорошее впечатление на короля своим остроумием и умением вести беседу. Карл пригласил Мазепу и его ближайшее окружение на королевский обед. Другие старшины, рангом пониже, были приглашены графом Пипером и генералом Реншильдом. Для прочих казаков были накрыты два больших стола, что, между прочим, может свидетельствовать об их незначительном количестве, во всяком случае, трудно представить себе столы, накрытые на несколько тысяч человек. После обеда Мазепа простился с королем и под звуки труб отправился в свой лагерь. Однако думается, что, в конечном счете, оба они были разочарованы друг в друге. Вместо двадцати тысяч казацкого войска, когда-то обещанных королем Лещинским, шведский король увидел не более двух тысяч, а Мазепа опытным глазом старого вояки обнаружил довольно потрепанное шведское войско, крайне нуждающееся в отдыхе и провианте, командиры которого не знают где устроить зимние квартиры.

Так тревожно начался последний, трагический этап правления гетмана Ивана Степановича Мазепы, закончившийся полтавской битвой, бегством, эмиграцией и смертью на чужбине.

Реакция Петра и разрушение Батурина

Во время лихорадочной подготовки Мазепы со старшинами к бегству, князь Александр Данилович Меншиков, желая проститься с якобы умирающим гетманом, отправился в Борзну. В дороге он встретил полковника Анненкова, который подал князю письмо от Мазепы и сообщил, что гетман уже находится в Батурине. Меншиков тотчас же приказал Анненкову скакать к Мазепе и сообщить ему о своем приезде. В это время князь встретил киевского губернатора, князя Дмитрия Голицына, прибывшего к Батурину по приказу царя. Оба военачальника принялись обсуждать последние события и стали догадываться, что с Мазепой что-то происходит. В сущности, информация о двурушничестве Мазепы постоянно поступала и самому царю, и в Посольский приказ. Например, коронный гетман Сенявский, недовольный тем, что Мазепа не отдает вопреки царскому указу Правобережье полякам, говорил русским резидентам Украинцеву и Дашкову: "*Oх, смотрите, как бы гетман ваш не имел со шведским королем и с Лещинским тайного согласия!*" Да и многие в Варшаве слышали, как Станислав Лещинский хвастался, что гетман с Украиной с ним заодно и станет помогать ему против Москвы, когда Турция пошлет в помощь Станиславу орду. Конечно, Мазепа знал обо всех этих доносах, поэтому немедленно пожаловался канцлеру Г.И. Головкину, что клеветники не дают ему "*покойно окончить в старости дней своих*". Старый приятель Гаврила Иванович Головкин, понимая сложную обстановку, когда никто никому не доверял, успокаивал гетмана: "*Много таких рассеянных безделиц бывает не на одного вас, но и на иных многих верных слуг царского величества; нечего тому верить, ибо неприятели всегда для своей пользы ложь на верных сплетают, дабы тем своих единомышленников увеселить*".

Оба высокопоставленных лица, и Меншиков и Голицын, в ночь с 25 на 26 октября переправились через Десну и направились к Батурину. И уже совсем недалеко от города к Меншикову явился человек, назвавшийся Соболевским, и оглушил князя страшным известием: "*Мазепа уехал к шведскому королю, а*

в Батурине дал приказание, не впускать русских, пока он сам не придет со шведскими силами, если русские придут в большом числе, если же в небольшом, то впустить, но задержать военачальников". Меншиков и Голицын не могли поверить и с тревогой и сомнениями ринулись к Батурину. Приехали на батуриńskое подворье к полудню, где все окончательно объяснилось. Меншиков получил исчерпывающие доказательство об измене Мазепы. Узнали они и том, что сердюки и батуриńskие обыватели ушли в крепость. Князь и полковник Анненков отправились туда и попытались уговорить находящихся на стенах людей открыть ворота и пустить русских ратных людей. Последовал отказ, после которого Меншиков поскакал в Короп, надеясь застать там гетмана и получить все разъяснения. Но отъехав на небольшое расстояние, он получил известия о том, что Мазепа уже переправился за Десну. Меншиков двинулся к Десне и оттуда, из местечка Макошин, написал царю письмо с изложением печальных событий. В силу особой важности следует привести наиболее значимый фрагмент этого письма: "...И чрез сие злочитроে его поведение за истинно мы признаваем, что конечно он изменил и поехал до короля шведского, чему явная есть причина и то, что племянник его Войнаровский, будучи при мне в 22 день сего октября, в самую полночь, без ведома и с нами не простясь, к нему уехал, и с того времени уже ко мне ни о чем он, гетман, не отзывался. И тако об нем инако рассуждать не извольте, только что совершенно изменил, и для того за благо вашей милости советую, что при таком злом случае надлежит весьма здешний простой народ утвердить всякими обнадеживаниями чрез публичные универсалы, выписав все его, гетманские, к сему народу озлобления и тягости, и чтоб не его никакие прелести не склонялись, понеже когда он сие учинил, то не для одной своей особы, но и всей ради Украины, и без того не пройдет, чтоб каких не было от него здесь прелестных универсалов или тайных каких факций. При сем еще доношу вашей милости, что в здешней старшине, кроме самых вышних, також и в подлом народе с нынешнего гетманского злого учинику никакого худа ни в

ком не видать, но токмо ко мне изо всех здешних ближних мест съезжаются сотники и прочие полчане и приносят на него в том нарекания, и многие просят меня со слезами, чтоб за них представительствовать и не допустить бы их до погибели, ежели какой от него, гетмана, будет над ними промысл, которых я всяким обнадеживанием увещеваю, а особливо вашим в Украину пришествием, из чего они, по-видимому, в великую приходят радость".

Царь Петр, до последнего дня безгранично доверявший Мазепе, казнивший его врагов, вначале просто не поверил шокирующему известию. Сколько раз он получал сообщения об изменнических настроениях Мазепы! И не верил, более того, заверял гетмана в полной своей поддержке. Целые сутки царь сомневался в измене гетмана, надеясь на то, что Меншиков ошибся и ждал подтверждений.

Однако буквально на следующий день Петр получил исчертывающие доказательства измены украинского гетмана. К царю прибыл убежавший из Батурина канцелярист Андрей Кандыба и подтвердил худшие опасения: гетман вместе с некоторыми генеральными старшинами и полковниками ушел к шведам, а для защиты в Батурине оставил сердюков и казаков. В тот же день, 27 октября он ответил Меншикову: "Письмо ваше о не чаянном никогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением, и ныне надлежит трудиться, как бы тому злу забежать и дабы не допустить войску козацкому, при Десне бывшему, переправливаться за реку по прелести гетманской: того ради пошли немедленно к тем местам, где они, несколько полков драгун, которые бы то им помешали, а полковникам и старшине вели сколько возможно ласково призывать и говорить им, чтоб они тотчас ехали сюды для обрания нового гетмана, а буде полковник миргородский где поблизости обретается, то прикажи, его сыскав, к нам прислать, обнадежа его милостию нашею, потому что он великий неприятель был Мазепе, також и вы немедленно приезжайте".

Как это было и прежде с другими людьми из ближайшего окружения, царское безоговорочное доверие сменилось страшным гневом. Еще ночью 27 октября царь издал "Манифест", в котором извещал старшин и полковников, о том, что "*гетман Мазепа безвестно пропал*". Но уже на следующий день последовал новый "Манифест", положивший начало жесткой пропагандистской войне за умонастроение малороссиян. В нем уже звучало обвинение в предательстве Мазепы не только царя, но и всего народа: "*Гетман Мазепа, забыв страх божий и свое крестное к нам, великому государю, целованье, изменил и переехал к неприятелю нашему, королю швецкому, по договору с ним и Лещинским от шведа выбранным на королевство Польское, дабы со общего согласия с ним Малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение Польское и церкви божий и святые монастыри отдать во унию*". Издание "Манифеста" сопровождалось универсалом, отменявшим аренду. Одновременно Петр приказывал казацким полковникам прибыть в Глухов для избрания нового гетмана. Начало информационной войны было явно за царем Петром. У Мазепы просто не было времени для написания и издания универсала, объясняющего свой поступок.

Меншиков в спешке отправился в село Погребки (5-6 км от Новгород-Северского), где находился царь. 28 октября на военном совете с участием А.Д. Меншикова, и Д.М.Голицына и в присутствии царя Петра было принято решение не отдавать резиденцию Мазепы в руки противнику и "добывать" её либо переговорами, либо оружием. 29 октября граф Г.И.Головкин отправил сердюцкому полковнику Чечелю указ царя впустить в батуриńskую крепость полк русской пехоты.

29 октября царь разослал приглашения наказным полковникам обеих сторон Днепра и кошевому атаману Сечи прибыть в Глухов для избрания нового гетмана, обещая сделать их настоящими полковниками, вместо убежавших с Мазепой. Здесь уместно сказать о "том, что в конце октября 1708 года казацкое войско было рассредоточено за пределами Гетманщины.

Из 10 левобережных полков только 3 (Лубенский, Миргородский и Прилуцкий) оставались при гетмане. Полтавский полк еще не вернулся с Дона, где принимал участие в подавлении восстания Булавина. Киевский и Гадяцкий полки находились на Правобережной Украине для помощи великому коронному гетману А. Сенявскому, польскому союзнику Москвы. Полки Стародубский, Черниговский, а позже Неженский и Переяславский буквально месяц-два назад по приказу царя были посланы в Белоруссию, в октябре они находились на Северщине фактически в распоряжении московского командования.

Приглашение участвовать в выборах получил и сердюцкий полковник Чечель, оставленный Мазепой в Батурине. Но он ответил объявившему о приглашении князю Голицыну: "*Без нового гетмана мы не пустим в замок москалей, а гетмана выбрать надлежит общими вольными голосами; теперь же, когда неприятель швед стоит в нашей земле, невозможно выбирать гетмана*".

Мазепа перед отъездом к Карлу оставил в своей гетманской резиденции гарнизон, численностью около шести тысяч человек, почти 70 пушек, большой запас пороха, продовольствия и фуражка. Собранное в Батурине, как нельзя кстати пригодилось бы шведскому войску, измотанному осуществлением тактики "выжженой земли". Поэтому Карл, получив сведения от Мазепы, приказал овладеть гетманской столицей. Шведское и гетманское войско уже 31 октября сумели форсировать Десну, кстати, в значительной мере вследствие нерасторопности русского генерала Гордона. В тот же день Меншиков с войском подошел к Батурину и вначале предпринял несколько попыток договориться с его защитниками. Он направил в замок сотника Марковича, которого втащили в замок по крепостной стене. Маркович от имени Меншикова стал убеждать оставшихся в городе старшин впустить царское войско в Батурин. Ему отвечали: "*Этого мы не смеем сделать, потому что гетман не приказал*". Маркович пытался объяснить создавшееся положение: "*Но гетман ваш изменил, переехал к*

неприятелю, Вы же верные подданные люди государя, а князь Меншиков министр нашего государя, так как же можно вам перед ним затворяться?" И услышал в ответ: "*Мы не смеем без региментарского приказания, а чтоб наш гетман изменил и отъехал к неприятелю, тому поверить мы никак не можем.*" Миссия Марковича оказалась безуспешной. Во второй половине дня 31 октября Меншиков принял решение о переправе войск через Сейм. Для этого нужно было навести мосты, которые были разрушены батуринцами перед приходом русского войска. В ответ защитники Батурина демонстративно выставили артиллерию. Ночью к Меншикову пришла делегация из замка и стала уверять, что они остаются верными царскому величеству и согласны впустить царское войско, но просили дать на размышление три дня. Меншиков счел такой ход уловкой и ответил: "*Довольно с вас времени намыслиться одной ночи до утра*".

Той же ночью часть солдат Меншикова переправилась через Сейм и расположилась на посаде, вблизи крепостных стен. Утром, не дождавшись письменного ответа от Меншикова, батуриńskие пушки начали обстрел русского лагеря и посадских построек. Некоторые "политики от истории" обычно "забывают" об этом факте, – военные действия начал сердюцкий полковник Чечель. От огня в посаде начался пожар, и часть построек сгорела. Меншиков попытался еще раз вразумить батуринцев, но опять безрезультатно. Решительность защитников Батурина объяснялась обстоятельствами, о которых пишет российский историк В.А. Артамонов, обнаруживший в Стокгольмском архиве отрывок с изложением событий ночи с 31 октября на 1 ноября. В этом документе говорится о том, что в ту ночь в Батурин проник лазутчик, посланный от шведского короля и Мазепы с вестью, что вся шведская армия уже чуть ли не на подходе. Историк предполагает, что по распоряжению Чечеля письмо с предложением держаться до последней возможности было прочитано всему гарнизону. Сердюцкий полковник решил продемонстрировать твердость, прервать переговоры и отпугнуть осаждающих артиллерийским огнем.

Тем не менее, князь Меншиков попытался еще раз занять крепость без штурма и отправил 1 ноября очередное предложение осажденным "с тем, чтобы свободно выходили, не боясь никаких опасностей". Однако, поверив сообщению Мазепы о скором приходе Карла XII, сердюки стали кричать, что умрут, но не впустят войска. Чечель даже грозился содрать кожу с живого Меншикова, что привело князя в неописуемую ярость.

Он приказал солдатам подойти к горящим в предместье хатам, погасить огонь и засесть в уцелевших постройках. Меншиков писал в своем отчете царю: "*Однако ж мы своих людей в предместье, хотя с трудом, ввели и некоторые пожары затишили и близ города в домах засесть приказали*". После полудня вблизи стен замка были поставлены пушки и начался артобстрел стен, пробивая в них брешь, вечером и почти всю ночь осаждающие готовились к штурму. Готовили фашины и сколачивали штурмовые лестницы. Для войск Меншикова, уже имевших боевой опыт захвата крепостей, Батурина не представлял собой "каменную твердыню". В том же 1708 году в доносе В.Л. Кочубея на Мазепу было написано так: "*Батурина 20 лѣть стоить безъ починки, и того ради валы около него всюду осунулися и обвалилися; взглядомъ того и одного дня непріятельского наступленія отсидѣться невозможноС...*".

Итак, город Батурин состоял из 3 частей: цитадели, где находилась резиденция гетмана; крепости, защищенной деревянными стенами и валами; незащищенного посада. Общая площадь всех трех частей составляла около 700 000 квадратных метров, причем площадь цитадели – 1,3 гектара (130 x 100 метров), а площадь крепости – 246 300 кв. метров (600 x 440 метров).

Географически гетманская столица с трех сторон была окружена валом, "дубовым бревенем" и рвом, которые выходили к обрыву перед Сеймом. Вал прорезали трое ворот (Конотопские, Киевские и Новомлынские), на этот раз заваленные землей, на двух из них были башни, покрытые тёсом. Глухих наугольных башен было шесть. По обрыву город был огорожен "стоячим острогом" без башен, но там были «береговые» ворота.

В Батурине было оставлено четыре сердюцких полка общей численностью по разным оценкам от 2 до 4 тысяч человек. Кроме них в крепости находились пешие части Лубенского, Миргородского и Прилуцкого полков, численностью не более 2 тысяч человек. Вероятней всего, пешие казаки остались в Батурине после того как Мазепа увел с собой конных казаков этих полков. Итого, около шести тысяч, – такую оценку дает доктор Мичиганского университета Эдуард Понарин.

Стоявшему возле Батурина Меншикову из Субочева пришел приказ царя Петра, написанный в полночь 1 ноября: "*Объявляем вам, что нерадением генерала-маеора Гордона Шведы перешли сюды. И того ради изволте быть опасны, понеже мы будем отступать к Глухову. Того ради, ежели сей ночи к утру пли поутру совершить возможно, с помощью Божиего окончавайте. Ежели же невозможno, то лутче покинуть, ибо неприятель перебираетца в четырех милях от Батурина*".

В деле "батуринского разрушения" много неясного. По страницам книг бытует версия о том, что захват крепости стал возможен благодаря прилуцкому наказному полковнику Ивану Носу, который, якобы, поведал Меншикову о тайном ходе. Историк Н.А. Костомаров пишет: "*По преданию. Нос указал в батуринской стене незаметную ни для кого калитку, через которую возможно было во время ночи гуськом царским людям проникнуть в замок. Меншиков отрядил туда солдат. Тайный вход был открыт; за первыми, туда вошедшими, последовали другие, а с другой стороны был начат приступ, и батуринцы, отбивавшись в продолжение двух часов, наконец сдались*". Другие авторы повторяют эту версию, добавляя лишь то, что известие о тайном ходе Меншикову передал не сам Иван Нос, а некий Соломаха.

В действительности, еще с первого дня осады Батурина за крепостной стеной не было единодушия. Во время переговоров с Меншиковым между казаками и сердюцкими полковниками вспыхнул спор, казацкая старшина наставала на открытии ворот Меншикову, – полковники возражали. Чечель в

гневе даже приказал приковать к пушке наказного прилуцкого полковника Ивана Носа и отправил к Мазепе письмо с информацией о событиях и поведении казаков. Письмо, однако, до Мазепы не дошло, поскольку было перехвачено солдатами Меншикова.

Здесь нужно учитывать то, что между мазепинскими казаками и сердюками всегда были неприязненные отношения. Сердюки – это пешие наемные "товарищества", набиравшиеся, в основном, из казаков польского Правобережья, из поляков и выходцев из Бессарабии. На службу в сердюки не принимались украинские селяне и казаки Левобережья, которые числились в местных полках. Сердюки всегда находились при генеральной артиллерией. Они всегда служили также надежной опорой гетманской власти в тех случаях, когда в городовых казачьих полках проявлялись бунтарские настроения.

Понятно, что сам Иван Нос не мог знать о том, что письмо оказалось у Меншикова и ожидал для себя самого плачевного исхода. Попав в такое положение, он предпринял единственно возможный шаг: послал верного казака – некоего Соломаху – сообщить Меншикову, что казаки в Батурине готовы впустить князя. Скорее всего, Соломаха сообщил Меншикову о расположении войск в крепости, в частности, где будут находиться прилуцкие казаки во время штурма. Ни о каком тайном ходе не могло быть и речи, поскольку функции охраны крепости осуществляли те же сердюки. Трудно себе представить, что тысячи солдат Меншикова могли безшумно пройти в крепость, имеющую, в общем-то, небольшие размеры.

Прежде всего, Меншиков задумал ложный маневр, разместив против северного угла стен крепости 200 калмыков. Он приказал им ночью перед штурмом поднять ложную тревогу, "дабы оные пред штурмом тревогу и крик и стрельбу учинили". По замыслу князя этот маневр должен был оттянуть силы гарнизона от настоящего места штурма. Начать же наступление предполагалось одновременно с двух сторон: с правой стороны возле конотопских ворот (генерал-майор Г.С. Волконский) и со стороны

Сейма через береговые ворота (полковник И. Анненков). Получив важные сведения от полковника Носа, Меншиков стал готовить штурм и, зная о том, что, по крайней мере, прилуцкие казаки не будут сражаться с ним.

Задуманный план Меншикова был реализован: в результате обстрела крепости и двухчасового штурма русские стрельцы, поддерживаемые казаками внутри крепости, праздновали победу. Начальник крепостной артиллерии Фридрих Кенигсен был тяжело ранен, пытался скрыться, но был схвачен. Сердюцкого полковника Чечеля, сумевшего убежать, казаки выдали русскому командованию в одном из ближайших сел. Меншиков захватил в городе склады продовольствия и боеприпасов, погреба прекрасного пороха, множество исправных пушек и 2 ноября послал царю отчет о взятии гетманской столицы: "мы сего числа о шти (шести – авт.) часах пополунчи здешнюю фартецю з двух сторон штурмовали и... по двучасном огню, оную взяли".

Петр, получив в тот же день письмо Меншикова о взятии Батурина, ответил: "*Сего моменту получил я ваше зело радостное писание, за которое вам зело благодарны, паче же бог мздовоздаятель будет вам; что ж принадлежит о городе, и то полагаю на вашу волю: ежели возможно от шведов в нем сидеть, то извольте поправить и посадить в гарнизон хотя драгун в прибавку стрельцам, пока пехота будет (однако ж несколько пушек лучших вывезть в Глухов). Буде же (как я от присланного слышал) оной не крепок, то зело лучше такую великую артиллерию вывезти в Глухов (которое там зело ныне нужно), а строенье сжечь, понеже когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то шведы так же легко могут взять, как мы взяли, и для того не изволь время терять, ибо сего дня шведы перешли реку и чаю завтра конечно пойдут к Батурину или куды глубже: и того ради опасно, дабы не помешали вам в вывозе артиллерии; буде же не успеете вывезти, то лучше разжечь или разорвать и штуками, раздав, вывезти. Р. С.*

Ежели есть булава и знамена, изволь прислать для нового гетмана; зело нужно, також канцелярию возми с собою всю их".

В это время, то есть 2 ноября шведские войска переправившись через Десну, двигались в сторону Батурина. Меншиков, строго придерживаясь указаний Петра "*не вступать в баталию со шведом*", быстро двинулся в сторону Конотопа и 3 ноября уже был вдали от Батурина. Оттуда он писал царю: "*Артилерію, сколко могли взять, везем с собою, а протчую тяшкую, а имянно нѣсколко самых больших пушек, разорвали*". Известно, что царь только 5 ноября пишет уже из Воронежа: "*А Батурин в знак изменникам (понеже боронились) другим на приклад зжечь весь*". Причем сам царь не имел сведений о точном нахождении Меншикова, что следует из того же письма"*... от вас ни единой ведомости не имею уже третей день...*". Одним словом, в печально известной "Батуринской резне" еще очень много "белых пятен".

Так или иначе, столица Гетманщины была разрушена до основания. Что касается жертв мирного населения, то ожесточенные дискуссии не только не стихают, но и вспыхивают с новой силой. Конечно, в ходе кровавого боя населению всегда приходится прятаться, терпеть лишения и подвергаться смертельной опасности. Скорее всего, начавшийся штурм вызвал в крепости панику, определенная часть батуринцев сумела покинуть город под прикрытием огня и дыма через тайные ходы, которые были в каждой средневековой крепости. Даже самому полковнику Чечелью удалось бежать из города. Часть жителей пересидела в укрытиях, не исключено и то, что многие из них могли погибнуть либо задохнувшись в дыму, либо сгорев заживо. Существуют косвенные свидетельства того, что массовых убийств без разбора просто не было. Например, сразу же после штурма двух братьев Гончаренко взяли в плен и позже отправили в Москву, где они и провели целых семь лет. Руководители обороны Батурина (Чечель, Нестеренко и другие) были схвачены и вывезены в Глухов, где и были казнены. Тяжело раненный Кенигсек умер в дороге.

Новый гетман Иван Ильич Скоропадский, признавая, что во время штурма погибло много защитников, в своем универсале, написанном, очевидно в ответ на универсалы Мазепы, писал: *"Однако же, що о женах и детях, о гвалтованю панен и о ином, що написано во изменничьем универсале, то самая есть неправда... Не тылко тые не имеючие в руках оружия, але большая часть з сердюков и з городовых войсковых людей, в Батурине бывших, на потом пощажены и свободно в домы, по Указу Царского Пресветлого Величества, от князя, Его Милости, Меншикова, отпущены".*

Шведы подошли к Батурину только 11 ноября. Можно представить себе состояние Мазепы, когда он увидел задымленные мельницы, развалины зданий, человеческие трупы, которые были наполовину сожжены и залиты кровью. Он был потрясен и принялся оправдываться перед Орликом, говоря: *"Плохие и несчастливые наши начинания! Похоже, Бог не благословляет моего намерения. Но Бог мне свидетель, не желал я христианского кровопролития, а замышлял так: прибуду в Батурин с королем шведским и оттуда напишу к царскому величеству благодарственное письмо за его протекцию, да в нем же пропишу все наши прежние и теперешние обиды, отнятие прав и вольностей, крайнее разорение и приготовленную пагубу всему нашему народу, а на конец приложу, что мы, как добровольно ради единого восточного православия отдались под царскую руку, так и теперь, будучи свободным народом, добровольно отходим, благодарствуем царскому величеству за протекцию, не хотим рук наших простирать на кровопролитие и будем ожидать под протекциею шведского короля совершенного нашего освобождения. Я надеялся получить свободу не войною, а миром, через трактат; я думал всякими способами склонить шведского короля к такому миру с царским величеством. Но теперь все пойдет иначе: Украина, устрашенная судьбою Батурина, будет бояться держаться с нами заодно".*

Но взятие и разрушение Батурина никоим образом не свидетельствовало о том, что царь батуринской расправой хочет запугать украинцев. Буквально через четыре дня после взятия Батурина, 6 ноября

1708 года царь издал "Указ всему Малороссийскому народу", в котором приказывал "по городам при ратушах, а по селам по церквам прибить и всему Малороссийскому народу прочитать". В этом примечательном указе Петр недвусмысленно пишет: "Мы войскам своим великороссийским под смертною казнью запретили малороссийскому народу никакого разорения и обид отнюдь не чинить, за что уже некоторые самовольные преступники при Почепе и смертью казнены".

Статистика гибели разрушения Батурина и гибели его жителей обычно демонстрируется рядом историков, не говоря уже о политиках и мало сведущих журналистов, как нечто из ряда вон выходящее в практике ведения войн. Глубокое заблуждение! Вот какие инструкции давал Карл XII генералу Реншильду в связи с каким-то ничтожным нападением на шведский пикет в Польше: "Было бы самое лучшее, чтобы все эти места были уничтожены путем разграбления и пожаров и чтобы все, кто там живет, виновные или невинные, были уничтожены". Подобные инструкции были в порядке вещей просвещенного европейского монарха, чего стоит, например, такой: "...надо вешать, если даже лишь полдоказательства есть налицо... даже дитя в колыбели не должно получить пощаду". А если и этого мало для желающих изобразить русских исключительно как жестоких варваров, недостойных принятия в европейскую семью, приведем исторические данные о расправах над восставшим местным населением генерала Наполеона в Египте в 1798 году. "Генерал Бонапарт, узнав о первом же из этих восстаний, приказал адъютанту Круазье отправиться туда, окружить все племя, перебить всех без исключения мужчин, а женщин и детей привести в Каир, самые же дома, где жило это племя, сжечь. ...Много женщин и детей умерло по дороге, а спустя несколько часов ... на главной площади Каира появились ослы, навьюченные мешками. Мешки были раскрыты и по площади покатились головы казненных мужчин провинившегося племени". Еще более страшному разграблению и массовым убийствам подвергся сирийский город Яффа, где после штурма солдаты Наполеона ворвались в город и принялись

истреблять всех, кто попадался под руку. А четыре тысячи турецких солдат, объявившие о сдаче в обмен на жизнь и получившие согласие, были все до единого расстреляны на берегу моря.

Мало и этого? Мол, это не в Европе! Тогда приведем факты всего о двух эпизодах из истории наполеоновских войн. "*Мы шли по массиву из жареного человеческого мяса, в этой покрывающей улицы каше вязли копыта лошадей*", – это из воспоминаний генерала Савари о сожжении наполеоновскими войсками австрийского города Эберсберга вместе с частью населения 3 мая 1805 года. Через четыре года Европа была потрясена осадой и гибелью испанского города Сарагоса, в котором французы вырезали до 20 тысяч гарнизона и более 32 тысяч городского населения, включая женщин и детей. Даже маршал "без нервов" Ланн сумрачно обратившись к своей свите, проезжая по залитым кровью улицам мертвого города, проговорил: "*Какая война! Быть вынужденным убивать столько храбрых людей... Эта победа доставляет только грусть!*"

А вот свидетельства уже из монографии "История запорожских казаков" Д. И. Яворницкого про знаменитого кошевого атамана Ивана Сирко: "*Вызволив из Крыма семь тысяч невольников, он предложил им самим решать, возвращаться на Русь, либо в Крым. Три тысячи решили возвратиться в Крым, где они уже успели обзавестись «господствами».* Накормив и отпустив их, Сирко не вполне еще верил, чтобы они действительно пошли в Крым, но надеялся, что они вернутся и, поднявшись на большую могилу, смотрел до тех пор, пока их стало не видно. Тогда приказал молодым козакам сесть на коней и всех до единого вырубить. Мертвым он сказал следующие слова: "*Простите нас, братия, а сами спите тут до страшного суда Господня, вместо того, чтобы размножаться между бусурманами... на свою вечную без крещения погибель*". Как можно видеть, Иван Сирко искренне верил, что делает добре дело, спасая души "отступивших от истинной веры".

И все же разгром целого города, тем более самой гетманской столицы – дело доселе неслыханное для Украины. Поэтому нет никаких сомнений, что все слои малороссийского общества были смертельно напуганы батуринской трагедией. Однако батуринская трагедия уже более не повторялась, царь 9 ноября Петр разослал письма в другие города и крепости, напоминая о судьбе Батурина. В них значились грозные слова: "...*Если же кто дерзнет сему нашему, великого государя, указу учинить непослушание и тех наших великороссийских людей впустить в замок не походит, и с теми учинено будет по тому ж, как и в Батурине с сидящими, которые было ослушались нашего царского величества указу, в Батуринский замок наших великороссийских войск не впускали, но взяты от наших войск приступом; и которые противились побиты, а заводчикам из них учинена смертная казнь*".

Только после того, как Мазепа увидел сожженный Батурина, он, наконец, принялся распространять универсалы с объяснением своего поступка: " что он не для приватной своей пользы, но для общего добра всей отчизны и Войска Запорожского принял протекцию короля шведского". В тексте универсала Мазепа писал: "*Московское правительство... отплатило нам злом за добро, вместо ласки и справедливости за нашу верную службу и потери, за военные траты, приведшие до полной руины нашей, за бесчисленные геройские дела и кровавые военные подвиги - задумало казаков переделать в регулярное войско, города взять под свою власть, права и свободы наши отменить. Войско Запорожское на Низу Днепра искоренить и само имя его навсегда стереть*".

Но пропагандистская кампания царской администрации шла уже полным ходом. По приказу царя в Глухов съехались стародубский полковник Иван Скоропадский, черниговский – Павло Полуботок, наказные полковника – Переяславский С. Томара и нежинский Жураковский. Вместе с ними приехали сотники, воинственные товарищи и представители царской администрации –

князь Григорий Долгорукий и посольский дьяк Родостамов в сопровождении белозерского драгунского полка. 4 ноября в Глухов прибыл и сам царь.

Для отречения Мазепы от гетманства был разработан целый сценарий. На устроенном эшафоте воздвигли виселицу и повесили на ней куклу (персону), изображавшую Мазепу в андреевской ленте. Вышедшие А. Меншиков и Г. Головкин прилюдно разодрали патент на звание кавалера ордена святого Андрея Первозванного. Затем собравшимся был зачитан перечень обвинений в адрес Мазепы и с повешенной куклы сорвали андреевскую ленту. Вечером полковники один за другим ходили к князю Долгорукому и объявляли, что находятся в царской воле. Казацкая рада была собрана на следующий день, 6 ноября. На улице возле Святотроицкой церкви собралась толпа казаков и посполитых, после литургии и молебна вышли представители царской администрации князь Григорий Долгорукий и посольский дьяк Родостамов. Князь произнес вступительное слово, а дьяк зачитал царскую грамоту. После этого Долгорукий обратился к собравшимся: "*Теперь, по древнему вашему обыкновению пусть все войско малороссийское и народ, съехавшийся на избрание гетмана, подают голоса, кому быть гетманом*".

Наступила тревожная пауза. Кандидатур было двое: стародубский полковник Иван Скоропадский и черниговский полковник Павло Полуботок. Вначале выкрикнули Скоропадского, на что Иван Ильич ответил: "*Я стар и не могу снести такого тягостного уряда. Гетманом быть следует человеку молодому и заслуженному. Изберите черниговского полковника Полуботка*". Кандидатура Полуботка была ближе казакам, они любили его, он не входил в число ближайшего окружения Мазепы и не был посвящен в планы гетмана. Но царь уже решил иначе: "*Полуботок очень хитр, с него может выйти другой Мазепа. Лучше пусть выберут Скоропадского*". В такой ситуации, также как и при избрании Мазепы в свое время, выбор казаков ничего не значил. Скоропадский, соблюдая традиции, кланялся и отговаривался, но

старшины, понимая свое положение, уже кричали: "Нет, нет, ты достоин! Ты - старый и верный слуга царского пресветлого величества". Князь Долгорукий вручил новоизбранному гетману клейноды: бунчук, знамя, булаву, царскую грамоту и печать малороссийского края. В присяжном листе, подготовленном в Посольском приказе, новый гетман обещал хранить верность государю, обязывался не переписываться с неприятелем, прежде всего, с Мазепой, доносить царю об отношении малороссийского народа к неприятелю.

Царь во время обсуждения кандидатур на Раде находился в помещении Меншикова. После принятия присяги царь принял Скоропадского с полковниками и полковыми старшинами и поздравил с избранием. Сами полковники приняли присягу 9 ноября, когда к ним присоединились другие прибывшие полковники со старшинами.

А затем последовала процедура предания *анафеме* низверженного гетмана. Еще раньше Петр обратился к местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому, близкому другу Мазепы, тяжело переживавшему происходящее: "*Честнейший отче! Извольте оного за такое ево дело публично в соборной церкви проклятию предать*". Предание анафеме происходило одновременно в Москве и в Глухове. В Успенском соборе Московского кремля в присутствии царевича Алексея Петровича, бояр и высшего духовенства Стефан Яворский вначале сказал несколько слов, поминая с похвалой прежние доблести и добродетели Мазепы. Но в конце своей проповеди он осудил старого друга за измену и провозгласил три раза: "*Нам, собранным во имя Господа Бога Иисуса Христа и святых апостолов, дано от самого Бога вязати и решити, и аще что свяжем на земли, будет связано и на небеси! Изменник Иван Мазепа, за клятвопреступление и за измену великому государю, анафема!*" Присутствовавшие архиереи возгласили вслед за ним трижды: "*Анафема, анафема, анафема, буди проклят*". В тот же день в той же Святотроицкой церкви, где гетман Скоропадский принимал присягу, духовными властями была провозглашена

"анафема и вечное проклятие вору и изменнику Мазепе". Малороссийские архиереи издали от себя пастырское послание к народу о предании Мазепы "анафеме" с увещеванием повиноваться новоизбранному гетману Ивану Ильичу Скоропадскому. Имя Мазепы по указанию царя было выключено из "Чина православия", бывшему гетману провозглашалась *анафема* в первую неделю Великого поста вместе с еретиками первых столетий христианства Арием, Несторием и Евтихием. В церковном тексте *анафемы* говорлось: "*Обретеся второй Иуда раби лъстец, обретеся сын погибельный, диавол нравом, а не человек, треклятый отступник Мазепа, иже оставил Христа, Господа и благодетеля своего, и прилепился к супостату, воздавая злая за благая*".

Однако ни одна православная церковь в других странах не провозгласила *анафему* Мазепе. В Иерусалимской церкви Гроба Господнего священнослужители по-прежнему молились за упокой души гетмана, подарившего в свое время этой церкви большую серебряную доску с изображением плащаницы. Чигиринский епископ Порфирий, основатель русской духовной миссии в Иерусалиме в сороковых годах XIX века присутствовал на этой службе и записал в дневнике: "*Вот судьба Мазепы, подумал я; в России его проклинают, а тут молятся за упокой его души и прощения и оставления его грехов. Не знаю, что ценнее перед Богом: то ли наше торжественное, всенародное проклятье, то ли здешние молитвы. Наверное, ни то, ни то. Бог отплатил и отплачивает ему за его дела, а не соответственно нашему желанию*".

Там же в Глухове царь Петр обратился к малороссийскому народу с двумя Манифестами. В первом он призывал казаков и обывателей не верить универсалам Мазепы, будто московская власть нарушает права и вольности малороссийского народа. Царь обращал внимание на то, что Украина вообще освобождена от каких-либо налоговых повинностей: "*Можем непостыдно сказать, что нет ни одного народа под солнцем, который бы похвалился такою свободою и льготами, как малороссийский, так как во всем*

малороссийском крае мы не берем ни единого пенязя в казну". В том же документе объявлялась денежная награда за каждого пойманного и приведенного шведского пленника, сообразно чину его: за генерала –2000 рублей, за полковника – тысячу, за прочих офицеров – менее, по их чинам, а за рядового – по пяти рублей; за убиение же каждого неприятельского воина – по три рубля. Текст Манифеста был направлен на мобилизацию населения в духе принятой тактики "выжженой земли": царь под страхом смертной казни запрещал продавать неприятелю продовольствие и фураж и призывал жителей скрывать свои семьи, имущество и съестные припасы.

Второй Манифест был обращен к тем, кто по разным причинам ушел с Мазепой к шведам. Царь призывал вернуться под его высокую царскую руку, давая сроку один месяц, до 10 декабря и обещая сохранить чины и имения. В противном случае, говорилось в Манифесте, тем кто "...будет против нас служить тем нашим неприятелям, тех объявляем изменником нашим и отчизні вашей. И будут их чины и маєтности, и пожитки их отобраны и розданы верным за службы их. Також жены и дети взяты и сосланы будут в ссылку. А кто из них пойманы будут, и те, яко изменники, казнены будут смертною беспощадной". Одновременно с изданием этих Манифестов царь щедро наградил прибывших в Глухов наказных полковников, получивших звание настоящих и жалованные грамоты на села и маєтности. Наказной полковник Прилуцкого полка Иван Нос по указу Петра стал настоящим полковником, в тексте указа говорится: "...А ево, наказного полковника Носа, оставил он, вор и изменник Мазепа, в гарнизоне обще съ единомышленники ж своими изменниками с сердюцким полковником Чечелем (с) казаками того полку Прилуцкого в Батурине, приказал ему, дабы он наших царского величества великороссийских ратных людей в Батурин не пускал и с ними бился. А он, Иван, помня страх Божий обещание свое к нам, великому государю, по верности своей противу наших, царского величества ратных великороссийских людей не бился и там ворами и изменниками выбранными:/* бит был, окован и посажен". Черниговскому полковнику

Павлу Полуботку "за верность" были пожалованы богатые имения в Черниговском полку.

ГЛАВА 6

ОТ БАТУРИНА ДО ПОЛТАВЫ

После Батурина. Информационная война

Царский Манифест произвел нужный эффект: полковники, не ушедшие с Мазепой, признали законным избрание Скоропадского и перешли на сторону Москвы. Миргородский полковник Д. Апостол, генеральный хорунжий И. Сулима, компанейский полковник Г. Галаган, генеральные асаулы И. Максимович и М. Гамалия, корсунский полковник А. Кандыба и ряд других явились к государю с изъявлением верности. Жители Новгорода-Северского, Миргорода, Прилук, Варвинска, Сребрянска, Лубен, Лохвицы прислали письменное уверение в послушании и подданстве. Начиная с ноября 1708 года, шведский лагерь все чаще стали покидать реестровые казаки и компанейцы. Верными Мазепе до конца, включая бегство и пребывание в эмиграции, оставались только его близкие родственники, свояки и крещенники, а также генеральный писарь Ф. Орлик, генеральный обозный И. Ломиковский, генеральный бунчужный К. Долгополый, прилуцкий полковник Д. Горленко, всего 45 старшин с семьями. Кстати, Дмитро Горленко в 1715 году вернулся из эмиграции, жил в Москве и был отпущен царским правительством на Украину.

Мазепа, находясь в шведском стане, оказался в тяжелой ситуации. Вероятно, увидев в совершенной близости измотанное шведское войско, опытный гетман засомневался в исходе Северной войны. Уход старшины и бегство казаков вынуждали его принимать какие-то решения. Его скрытность обернулась против него, поскольку в народе он всегда воспринимался как верный слуга царя, действовавший чаще всего в ущерб малороссиянам. Его поступок был непонятен и не поддержан большинством населения. И он, верный своей старой привычке, начал вести тайные переговоры на четыре стороны: с царем о прощении, с польским королем Лещинским о своей

будущей судьбе, с запорожскими казаками и турками о военной помощи. Самым невероятным его шагом была попытка испросить прощение у русского царя!

Уже в двадцатых числах ноября начинается сложная интрига, в которой главным действующим лицом был миргородский полковник Данило Апостол, ранее выступавший ярым противником реформ в Гетманщине. Еще несколько дней назад полковник писал сотникам своего полка, что шведские войска пришли для "*защищения отчизны нашей от наступления московского*". Но, прибывши из шведского лагеря 21 ноября в свое имение в местечке Сорочинцы, занятом генералом Г. Волконским, заявил, что был с Мазепой "по неволе", написал письмо Скоропадскому и выражал готовность присягнуть царю. Он просил заступничества перед царём, чтобы простил его за то, "за то, что при изменнике Царского Величества бывшем гетмане Мазепе задержался до сего времени, ибо будучи насильно затянут им, не мог никоим образом от него освободиться и воспротивиться его измене, о которой никто и не знал, ведь известно, что и сама ваша вельможность хорошо знает, в какой строгости и суровости все пребывали... Я со своих детских лет во всём верно служил Его Царскому Величеству так и до конца жизни обещаю ему же, пресветлейшему монарху нашему обязуюсь с служить с непременной верностью".

Волконский отправил Апостола в царскую ставку в Лебедине. Царь принял Апостола, сохранил за ним его прежний чин и маетности. И только на аудиенции у царя Апостол, якобы, объявил о тайном предложении Мазепы о примирении, о возобновлении союза с царем и даже о выдаче Карла. Можно представить себе реакцию царя, вначале просто не поверившего в эту шокирующую новость. Он заметил, что все это сомнительно, поскольку Апостол не имел никаких письменных доказательств. Но, прибывшие от Мазепы цирюльник племянника Мазепы А. Войнаровского, а затем и компанейский полковник Г. Галаган с тысячью казаков и 68 пленными шведскими офицерами и рядовыми убедили царя в серьезности ситуации.

Поэтому Петр направил Апостола для выяснения и уточнения истинных намерений Мазепы к канцлеру Г. Головкину и приказал тому написать Мазепе письмо. Опытный в таких делах Головкин получил массу интересных сведений. По Апостолу выходило, что Мазепа фактически предавал своих новых хозяев, информируя Петра о планах Карла XII и Лещинского. Полковник уверял, что сам видел у Мазепы привилегию Станислава Лещинского, в которой обещалось Украине по окончании войны все те вольности, какими предоставляла польская корона и Великое княжество Литовское. Апостол рассказал и о возможном наступлении шведов на Москву, а поляков – на слободские полки. И, наконец, миргородский полковник сообщил уж просто невероятное предложение – передать в руки царя шведского короля с знатнейшими генералами. Выполняя приказ царя, Головкин написал письмо Мазепе, обещая ему "прежний уряд" и еще большие награды. Канцлер особенно настаивал на выдаче самого Карла или хотя бы "прочих знатнейших".

Отступая от своего намерения не проявлять собственных эмоций при изложении событий, автор не может не поразиться этому эпизоду. Все эти сведения, кочующие из книги в книгу, впервые были изложены украинским историком Д.Н. Бантыш-Каменским. Если все это так и было на самом деле, тогда чего стоят все универсалы Мазепы, его откровения с Орликом и заявления современных адвокатов гетмана, настаивающих на чистоте его помыслов, на страстном желании освободить Украину от московской неволи? Но старый, хитрый гетман, понимая, что имеет дело с не менее коварным противником, русским царем, гневным и скорым на расправу, потребовал гарантii своей безопасности. В качестве таковой он указал иностранные дворы и указал, какие именно. Вот здесь и вышла заковыка. Канцлер Головкин засомневался в возможности такой гарантии, но Апостол сразу же сказал, что без этого условия Мазепа ничего предпринимать не будет. Переговоры с Апостолом в отношении Мазепы затянулись и закончились безрезультатно.

Единственным возможным оправданием Мазепы в этой ситуации является версия о том, что официальное царское согласие и соответствующие действия и письма Головкина были провокацией с целью дискредитации Мазепы в глазах шведов. Украинский автор С. Павленко аргументировано показывает жизнеспособность этой версии. Он пишет: "... и письмо миргородского полковника И.Скоропадскому, и протокол допроса Д. Апостола, и воспоминания Г.Галагана не свидетельствуют о стремлении И.Мазепы изменить шведскому короляю". Далее он приводит сильное доказательство своей версии: "На черновом послании Д. Апостола до И. Мазепы выявлена правка Г. Головкина и на последней странице приписка: "Писма, что писаны к Мазепе по измене ево фальшивые от канцлера". Правда, российский историк В.А. Артамонов утверждает, что "«Фальшивость» состояла в том, что обманным посланием и «мазепиным языком» хотели с помощью Апостола поймать бывшего гетмана в западню". В.А. Артамонов аргументирует правдивость ситуации тем, что "письмо Апостола не было扑щено в ход для подрыва позиций Мазепы в глазах шведов и украинцев". В пользу версии В.А. Артамонова говорит и приводимое им сообщение от 22 декабря 1708 года австрийского дипломатического агента в России О. Плейера, писавшего: "Мазепе и его сообщникам была предложена общая амнистия. Когда он со всеми остальными хотел снова уйти из шведских рук, и удалился уже на 7 миль, преследовавший его неприятель снова его задержал, вернул пленником и потом взял под строгий арест".

Так или иначе, во всяком случае, известно, что со второй половины декабря за Мазепой устанавливается строгий контроль, похожий на домашний арест. Его охраняли караульные шведские драгуны, строго следящие за каждым его шагом. Забегая вперед, стоит сказать, что когда перед началом Полтавского сражения Мазепа выехал во всей боевой готовности, то его попросили "вернуться в обоз", где он и находился во время боевых действий. Но караулы были поставлены не только возле

Мазепы. После бегства Апостола его примеру хотел последовать лубенский полковник Зелинский, генеральный асаул Максимович и другая старшина. К ним, между прочим, по приказу теперь уже самого Мазепы, были приставлены караулы, которые сняли только после того, как к полковникам, опять же по настоянию Мазепы, приехали их жены. Но и после шведы не позволяли супругам вместе выходить из дома. Закончилось "наблюдение" только после окончания месячного срока амнистии, объявленной царем для казацкой старшины.

Чрезвычайно интересными являются сведения о встрече Гната Галагана с царем Петром. Когда Петр сказал прибывшему из шведского лагеря компанейскому полковнику "*Галаган! Ведь ты с Мазепой вместе мне изменил? Да ты с ним бежал?*", тот рассказал целую историю, которую стоит воспроизвести целиком. "*Я не бежал, но как нам от него объявлено, что, по повелению вашего величества, велено нам с ним против шведов идти, то потому мы за ним и следовали, но вместо того, когда мы близ шведов стали, объявлено нам, чтоб мы ему последовали, а он предался уже королю с тем, чтоб отбыть нам от России и быть под Мазепиным управлением, от всех монархов вольным, что коль скоро услышали, то многие, бывшие с нами козаки, с немалым ропотом, под разными видами, отставши, разбежались, а меня с полком, как равно и других, понудивши, за собою конвоем взял. Что ж я, как некоторые и другие, хотя и усомнился, но отважась, пустился на власть судьбы, потому что возвратиться уже от силы неприятельской, как представлялось, никак было невозможно; притом и разсуждал я о себе, что может быть и высвобожусь еще из сетей сих, как то и удалось мне теперь. По впущении в лагерь, король принял нас приятно, обещал нам свою милость и велел всех нас внутри лагеря уместить. Из сего не только я, но и все козаки мои начали роптать и пеняли, что зачем в такое место заехали? Я утешал их и обнадеживал, что будем еще на свободе. Принужден того для на третий день через Мазепу делать доклад, чтоб дана была нам свобода и чтоб имели мы свой кош не внутри, но вне лагеря, под видом для продовольствия*

лошадей, что нам, с воли короля и дозволено, чтоб мы с того времени чинили разъезды и поиски, но с великим завещанием, чтоб мы измени королю сделать не могли. Я тут недолго думал. Хотя служить и обещался им, токмо в . мыслях держал своих, что не для них, но своему царю, кому я присягою обязан. И так, коль скоро мы стали быть на свободе, тогда под видом разъездов в партию, следуячи, я нечаянно наехал весьма вдали от войска на отъезжих сих драбантов, которые мною сюда до вашего величества приведены 60 человек, кои, не опасаясь нас, яко своих уже людей, были в оплошности. Мы же, окружа, тотчас взяли всех со всею их амунициею, поскакали в путь свой и, приведя сюда, препоручаем их и себя в соизволение вашего царского величества, и просим если можем быть еще в доверенности, чтоб мы были такие же слуги, как и прежде, несомнительные".

В январе 1709 года царь выпустил еще один Манифест малороссийскому народу. К тому времени было перехвачено письмо Мазепы с его печатью к королю Станиславу Лещинскому. Мазепинского курьера препроводили в Киев, где, прочитав, немедленно отправили письмо царю. В письме Мазепа сообщал о царских грамотах, возбуждавших простой народ, и просил Лещинского ускорить вторжение польских войск для объединения усилий против Москвы. Теперь царь имел все основания для обвинения бывшего гетмана в намерении отдать Украину под "ярмо польское". Теперь уже не могло быть и речи о каких-либо переговорах с бывшим гетманом. К тому же царю стало окончательно ясно, что Карл в ближайшее время на Москву не пойдет. В те же дни начался дележ мазепинского имущества и сокровищ, захваченных в Белой Церкви. В середине января к Мазепе был послан тайный убийца, которого, правда, поймали и повесили.

Страшная зима

Шведский король, не получив богатого Батурина, где планировал провести зиму, был вынужден двинуться на юг.

Шведские генералы, впервые оказавшиеся в центре Украины, совершенно не знали куда конкретно двигаться дальше. Одни советовали держаться ближе к западу, разместившись на зимние квартиры на приднепровских берегах, ожидая прихода союзных польских войск Станислава Лещинского и шведского отряда генерала Крассоу. Однако Мазепа, желая загородить дорогу русскому войску в Южную Украину, подсказал графу Пиперу два хорошо укрепленных места. Он просил графа убедить короля, чтобы тот разместил гарнизон в Гадяче. Пипер пригласил генерал-квартирмейстера Гилленкрока, который, выслушав предложение Мазепы, ответил: "*Я знаю, где лежит Гадяч, но мне неизвестно, так ли он хорошо укреплен и так ли важен, как говорит Мазепа. Если Королю будет угодно занять этот город, то, по моему мнению, слишком смело отделять на такое пространство гарнизон от армии.*" Действительно, от места расположения армии до Гадяча было около 180 километров. На другой день король в присутствии Мазепы согласился, что Гадяч слишком далеко от армии. Тогда Гилленкрок предложил другой вариант – войска размещаются в Гадяче, а главная штаб-квартира короля в городе Ромны, расположенном на реке Сула, в шести шведских милях (около 60 километров от Гадяча). Мазепа поддержал этот вариант, сказавши: "*Ромны город хороший; в округе можно поместить армию; и Ромны ближе шести миль от Гадяча*". В результате короткого обсуждения король решил занять Гадяч, а армию направить в Ромны.

Король с армией вышли 16 ноября из Городищ и направился в Ромны. На этом пути, в центре Украины, шведы обнаружили, что местное население относится к ним совсем не так, как обещал Мазепа. В узком промежутке между двумя колоннами генералов Крейца и Крууса, направляющихся в Ромны, на генерал-адъютанта Линрота, посланного Карлом для передачи

приказа генералам, внезапно напали казаки и убили и самого Лирнрота и четырех его спутников. Гибель последнего из шести генерал-адъютантов произвела неприятное впечатление на Карла. В Ромны король прибыл 18 ноября, а уже на следующий день двухтысячный шведский отряд под командованием полковника Дальдорфа и Мазепа с казаками беспрепятственно овладели Гадячем. Затем Мазепа вернулся в Ромны, в штаб-квартиру короля. Кстати, именно в эти дни, 21 ноября миргородский полковник Данило Апостол ушел от Мазепы и прибыл в Сорочинцы, о чем шла речь выше.

Почти целый месяц с 18 ноября по 18 декабря серьезных столкновений почти не было. Шведская армия расположилась на территории от Ромен и Гадяча до Лохвицы и Прилук, главные силы русской армии располагались относительно недалеко, в Лебедине и Сейме, находящихся километрах в сорока выше Гадяча. Ставка царя находилась в Лебедине, Меншиков с армией – в селе Хоружевка, два отряда царских войск оставались в середине Гетманщины, в Миргороде и Нежине.

Главной задачей для шведов в этот период заключалась в поиске теплого жилья. Хотя этот край был довольно густо заселен, шведы довольно быстро убедились, как резко отличается их бывшая "курортная" жизнь в Саксонии от существования на грани жизни и смерти в чужом казацком крае. Это было еще хуже, чем в Белоруссии. Уже 20 ноября шведский полковник Дюкер пытался войти в город Смела, но жители категорически отказались впустить наприятеля. Зато охотно впустили русский отряд генерала Рена, который немедленно занял город. Начались бои за Смелу, сам король примчался на подмогу, но жители города и русские солдаты заставили шведов отступить, разгромив два полка. Тогда же русские напали на шведскую пехоту, стоявшую в деревне Хмелевая. Кончилось это тем, что шведы были вынуждены искать зимние квартиры в другом месте.

Буквально через десять дней 1500 шведских всадников пытались захватить город Недрыгайлов. Вначале они убеждали местных жителей,

чтобы их пустили, обещая, что никаких неприятностей от них не будет. Однако жители города покинули свои дома, укрылись в замке и ответили "что их в город не пустят, хотя смерть примут". Началась перестрелка, затем попытка рубить ворота, но, потеряв десять человек, шведы отступили от замка и сожгли дворы. 9 декабря 1708 года король выслал в тот район отряд в 500 человек под командованием подполковника Функа. В местечке Терны против шведов билось все население, включая женщин. Отряд Функа убил в Тернах более 1600 человек, сжег этот местечко и город Недрыгайлов, а также несколько сел.

Более или менее серьезная военная операция была задумана русским штабом и осуществлена в середине декабря 1708 года. Цель операции заключалась в том, чтобы выманить из Ромен шведское войско и самим занять его. Для этого к Гадячу подошел гарнизон из 1500 солдат и отряд генерала Рена. По совпадению, именно в эти дни король Карл решил поискать лучшие квартиры для армии. Генерал-квартирмейстер Гилленкрок и канцлер Пипер пытались убедить короля в ошибочности его решения. Пипер вообще заявил, что "*теперешние квартиры, кажется, довольно хороши, потому что полки уже запаслись на долгое время провиантом и фуражем. Я, с своей стороны, имею фуража на два или на три месяца*". Гилленкрок, как знаток своего дела заметил: "*Дай Бог, чтобы Его Величество остался здесь, а я уверяю, что ни около Гадяча, ни в другом месте, нигде не найдем таких безопасных и удобных квартир*".

Но король настоял на своем, и армия все же вышла из Гадяча. Одни полки нашли себе новые квартиры в деревнях по рекам Сула и Хорол. Вблизи местечка Липовая Долина Гилленкрок наткнулся на неприятельский разъезд из 150 драгунов, напал на него и разбил. Взятый в плен русский офицер рассказал Гилленкроку, что царь решил напасть на Гадяч. Гилленкрок немедленно передал эти сведения королю. Король приказал отрядить туда из Ромен два кавалерийских и один пехотный полк. Но шведы опоздали, русские отряды уже зажгли предместье Гадяча. Сам король

помчался туда, но русских уже там не было. Король вступил в город и обнаружил, что большая часть домов была сожжена. Гилленкрок писал в те дни "... и третьей части войск нельзя было разместить под кровлею, от чего, при сильной стуже, полки лишились многих солдат".

Но как только шведы ушли из Ромен, туда немедленно двинулся русский генерал Аларт и ночью 18 декабря быстро захватил город. План царя удался, но омрачился варварским отношением к жителям русских солдат и попустительством их командиров. Мало того, что город и предместье были сожжены, это хотя бы понятно, поскольку это соответствовало планам "выжженной земли". Но перепившиеся солдаты стали грабить местных жителей, принявших их чуть ли не с радостью. Эти бесчинства были резко осуждены царем, он даже послал туда комиссию для разбирательства и наказания виновных.

Все участники шведского похода после вспоминали о чудовищной зиме, которая была страшно холодной по всей Европе. Историк Н.А. Костомаров описывает эту зиму так: " ... все Балтийское море стояло покрытое льдом; в озерах вода замерзла до самого дна. В средней Европе погибли все плодовые деревья; даже в Италии и Испании, где обыватели никогда не видывали льда на реках, теперь замерзли реки и болота, и земля очень глубоко промерзла. В открытых украинских равнинах морозы были тем нестерпимее, что там свирепствовали бури и выюги. Птицы падали на лету; повсюду валялось множество замерзших диких животных. Снега нападало так изобильно, что за непроездными сугробами прекращались сообщения между жилыми местностями".

Только от страшных морозов шведское войско потеряло от трех до шести тысяч солдат и офицеров. В походе всадники замерзали на лошадях, пехотинцы умирали в повозках или на снегу, где были вынуждены ночевать, не найдя пристанища в деревнях. Евангельский проповедник Д. Крман, волею судьбы оказавшийся в шведской армии, писал в своем дневнике, с ужасом вспоминая тот короткий отрезок пути до Гадяча: "Притом надо было

преодолеть во всяком случае две мили, идущие через широчайшие степи, которые так пронзительно продувал яростный и леденящий скифский ветер, что некоторые из наших конных возниц окоченели насмерть. Они были найдены бездыханными на телегах и возах, особенно те, которые заснули после неумеренного поглощения горилки... На следующий день наши хирурги начали отрезать своими бритвами отмороженное и гниющее мясо от пальцев рук в ног у некоторых солдат и приходящих для этого в нашу квартиру людей... ".

К тому же идти приходилось практически во вражеском окружении местного населения. Лизогубовская летопись сообщает о народном сопротивлении в таких словах: "*Того ж року (1708—1709) малороссіяне везде на квартерах и по дорогам тайно и явно шведов били, а иных живых к государю привозили, разными способами бьючи и ловлячи блудящих, понеже тогда снеги велиkie были и зима тяжкая морозами, от которых премного шведов погинуло; а хотя мало от войска какie шведы удалялись, то тот уже и следу не зискал, блудили и так их люди ловили или, подкравшись ласкосердiem будьто, убивали; тож чинили шведом и за фуражом іздячим, и от того много войска шведского уменьшился.*"

27 декабря шведская армия двинулась к Веприку. Здесь шведы надеялись найти новое пристанище, поскольку знали о том, что городок менее разрушен, чем остальные. Кроме того, Веприк был ближе к Лебедину, где находились главные силы русской армии и откуда организовывались все нападения на Ромны и Гадяч. Находившиеся поблизости Веприка русские части, завидев неприятеля, покинули город и отступили к Лебедину. В городе осталась пехота и казаки, они закрыли и завалили ворота. Начался штурм Веприка, однако приказ короля атаковать крепость не мог быть исполнен по причине отсутствия топоров и штурмовых лестниц. Первая попытка взять город не удалась, шведы отошли и несколько дней размещались прямо на снегу, разводя костры, вокруг которых солдаты строили соломенные щиты для защиты хотя бы от пронизывающего ветра. В

эти несколько дней от страшной стужи погибли сотни шведов. На все уговоры сдать Веприк, комендант отказывался, ссылаясь на приказ царя.

Тогда Карл решил обложить Веприк двумя полками кавалерии и двумя полками пехоты. Другие полки отошли к Зенькову, в котором не было ни русского войска, ни казаков. К тому же городок был слабо укреплен: вся городская стена состояла из деревянного частокола. Местные жители вначале объявили шведам, что не впустят их. Тогда на штурм было послано несколько полков, которые сожгли дома в предместье. На следующий день 30 декабря к вечеру прибыл сам король. Целый день продолжались переговоры с осажденными, в результате которых 31 декабря шведская армия вошла в Зеньков.

Пробыв здесь почти неделю, Карл приказал вновь вернуться к Веприку. К тому времени жесточайший мороз несколько поутих. Но за эти дни русские солдаты успели насыпать вокруг города земляные валы. Карл приказал обстреливать город из артиллерии, но из этой затеи ничего не вышло, да и пороха и снарядов было не так много. Осажденные отстреливались из трех пушек и трижды отбивали приступы. Стоя на гребне вала, они стреляли в нападавших шведов, лили кипяток и бросали камни. Наконец, король, видимо по настоянию генералов, видевших абсурдность этих попыток, приказал прекратить штурм. Он в последний раз предложил коменданту сдаться, в противном случае, будет вынужден привести сюда основное войско и тогда уже никого не оставит в живых. Только тогда комендант согласился сдать город, отворил ворота, и шведы вошли в полуразрушенный Веприк. Цена эта оказалась совершенно несоответствующей потерям, и шведские офицеры начали роптать, не понимая такой жертвы. По разным данным шведы потеряли более 1200 человек, из которых было много офицеров. Затем, не достигнув ни одной из поставленных целей, шведы, срыв до основания укрепления Веприка, отошли обратно к Гадячу. Следует сказать, что шведы при вступлении в Веприк взяли в плен около 1400 человек русских солдат и 400 украинцев. Их отвели в Зеньков, король

оставил шпагу коменданту Веприка, а остальным даже выдал по 10 польских золотых. Правда, по свидетельству Д. Крмана, Мазепа "*вверг одних своих подданных в ямы, других же уморил голодом*". Важным представляется и то, как сообщает евангельский проповедник "...некоторые победители в бешенстве рубили мечами женщин, которые поливали атакующих шведов кипятком и поражали камнями".

После взятия Зенькова шведское войско разместилось по его окрестностям. 13 января шведская штаб-квартира вместе с обозом и Мазепой перешли в Зеньков. Между прочим, именно здесь Мазепу постоянно сопровождал караул, видимо операция по дискредитации бывшего гетмана, предпринятая после бегства полковника Апостола, сработала. Король стал подозревать Мазепу в возможной измене. Перед королем и генералитетом вновь встал вопрос. – куда идти дальше. Карл, как и прежде, думал о продолжении войны, то есть о взятии Москвы. Царь Петр, предполагая такой ход мыслей у коронованного соперника, делал все, чтобы затруднить поход Карла на север. Одновременно он выслал русской войско под командованием генерала Гольца на западную Украину для того, чтобы воспрепятствовать приходу на помощь шведам польского короля Станислава Лещинского.

По Слободской Украине

В шведском стане разгорелись споры о дальнейшем ходе кампании. Граф Пипер настаивал на уходе за Днепр для соединения с войсками польского короля. Он аргументировал тем, что "*через это король умножил бы свои силы, тогда как теперь в чужой стране, отрезанные от Швеции, они беспрестанно умаляются и отнюдь не пополняются*". Но упрямый Карл был непреклонен, уповая на свою богоизбранность и отвечая сторонникам точки зрения Пипера: "*Мы прежде выгоним из козацкой земли русских, укрепим за собою Полтаву, а между тем наступит лето и тогда оно покажет нам, куда направляться*". Мазепа также не советовал Карлу покидать Гетманщину, уверяя, что на помощь шведам скоро придут запорожские казаки, враги

русского царя, с которыми он, Мазепа, ведет переписку. В конце концов, в ночь с 27 на 28 января шведский король с шестью полками кавалерии направился к городку Опошня и захватил его, нанеся урон русским войскам под командованием генерала Шаумбурга. Шесть драгунских полков, 600 гренадеров и 2000 казаков быстро отступили, предоставив шведам брошенное имущество, включая даже обед, приготовленный генералом для князя Меншикова.

Оставив в Опошне только 60 драгун для надзора за русскими пленными, взятыми в Веприке, король приказал полкам и артиллерии двигаться в село Куземино и ожидать его. Но как только он приблизился к Котельве, было получено известие о том, что русские атаковали находившихся там 60 драгунов, и не только освободил своих пленных, но и взял в плен шведов. 9 февраля 1709 года король выступил из Котельвы по направлению к Ахтырке. Однако еще раньше царь, получив сведения о намерении Карла двинуться от Ахтырки через Воронеж на Москву, приказал Меншикову перевести из Сум двадцать драгунских полков. 30 января 1709 года Меншиков прибыл в Ахтырку, где от казаков узнал, что в районе Котельвы концентрируются большие вражеские силы с целью "*идти к Ахтырке и оную штурмовать...*". Петр приказал направить в Ахтырку главные силы пехоты и сам прибыл сюда, чтобы лично проверить боевую готовность гарнизона. Здесь он провел военный совет с присутствием слободских полковников.

Начинался второй этап шведских мытарств в Украине. В конце осени и в страшные зимние холода шведы еще довольно терпимо относились к украинцам, учитывая, видимо, присутствие и просьбы Мазепы. Но как только они вошли в Слободскую Украину, которую Карл считал территорией, подвластной царю, их отношение к местному населению резко изменилось. На всем протяжении своего пути шведы разоряли и сжигали дотла деревни и безжалостно убивали местных жителей, что вызвало открытое сопротивление населения. В Слободской Украине, между Котельвой, Красным Кутом, Коломаком и Рублевкой, шведы получали массовый отпор.

Местечко Красный Кут после того как оно было разорено и почти сожжено, жителей частью перебили, а многих увели и бросили умирать на морозе.

Карл и Мазепа попробовали воздействовать на умонастроения местных жителей с помощью возвзаний. Если обращения Мазепы еще можно было понять, все же он знал на какие болевые точки нажимать, то "творения" Карла и Пипера были просто чудовищными. И даже перевод с латыни, на которой они были написаны, сделанный Мазепой, не спасало их стиль и смысл. Шесть больших листов "Универсала" были совершенно непонятны для простого народа. Ясно было только одно – самое главное: шведский король грозил смертью виновным и детям виновных. Он предупреждал о сожжении имущества, если люди провинятся тем, что будут оставлять свои дома и уходить, или будут вредить шведскому войску, или агитировать тайно в пользу Москвы, или если они позволят себе возмущать людей ложными обещаниями. Однако ни обращения бывшего гетмана, ни, тем более, шведские угрозы не производили ни малейшего впечатления на население.

Здесь следует сказать, что в начале февраля царь Петр покинул Сумы и помчался в Воронеж, где на верфях строились корабли нового флота. Сведения о возможном движении Карла на Москву через Воронеж появились у царя от пленных шведов. В этот период Петр опасался начала активных действий Турции, для которой наступил благоприятный момент для нападения на Россию. В течение почти двух месяцев Петр лично руководил сооружением кораблей для Азовского флота. Известен даже эпизод, когда царь отправился на Ивановский завод, где две недели лил бомбы, гранаты, мортиры, ковал якоря и болты наравне с мастерами.

Покидая армию, царь своим указом строго-настрого запретил Репнину, Шереметеву и Меншикову генеральную баталию "*без меня чинить*". Перед ними ставилась прежняя задача – укомплектовать полки рекрутами, снабдить их вооружением и снаряжением. Военная задача ставилась с такой целью, чтобы, как и прежде, наносить максимальный урон неприятелю

неожиданными короткими нападениями, "всяк оному причинять беспокойство" и следовать за ним «как близко возможно». Главное, указывал Петр, чтобы Карл не смог прорваться к Днепру и соединиться с войсками шведского генерала Крассау и польскими отрядами Станислава Лещинского.

Строго следуя приказу царя, русские генералы не давали покоя медленно передвигающимся шведам. Одна из крупных схваток произошла 11 февраля между Красным Кутом и Городней, где шведы натолкнулись на отряд генерал-лейтенанта Рена. Русские, пройдя сожженные деревни и дороги, на которых валялись трупы убитых или замерзших крестьян и их семей, дрались особенно ожесточенно. Им удалось отбросить шведов обратно к Красному Куту, при этом они чуть было не захватили в плен самого короля, пытавшегося остановить бегущих.

На следующий день король повел шведов на Мурахву, отдав приказ генералу Гамильтону сжечь городки Красный Кут и Городню, а жителей разогнать. Шведы, уже не разбирая, сжигали и опустошали все селения, городки и слободы, лежащие даже в стороне движения основного войска. Особенно сопротивлялись жители местечка Олешня, за что 11 февраля генерал-майор Гамильтон просто сжег его до основания и перебил несколько сот человек. Так же была сожжена деревня Рублевка, мужики которой стреляли в шведов, за что их жен и детей выводили раздетыми и оставляли умирать в степи. Д.Крман в своем дневнике писал : "Города и села он (король – С. Иванов) приказал предавать огню и до основания разрушать дома. Встреченных в них жителей убивали. Тем, кто явился сюда из Козацкой земли, была дарована жизнь с приказанием вернуться к своим, чтобы больше никто из-за страха лишения жизни не был проникнут враждой к шведам. Он сжег много тысяч голов овец и скота".

Однако локальные и абсолютно бесполезные для шведов с военной точки зрения столкновения, еще более обескровливали шведскую армию. Карл срочно нуждался в пополнении. До Швеции далеко и рассчитывать на новый рекрутский набор было нельзя. Станислав Лещинский сам нуждался в

помощи, силы польского короля – шведской марионетки – сковывались его противниками внутри страны и враждебностью населения Правобережной Украины, а также возможностью атак русской кавалерии генерала Гольца. Все усилия Мазепы поднять народное восстание против русского царя оказались напрасными. Положение существенно усложнил новый каприз природы. После страшной зимы с жесточайшими морозами внезапно в середине февраля наступила оттепель, а 13 февраля произошло странное явление: полился сильный дождь с громом и молнией. Военные действия огромного войска в таких условиях были невозможны. Шведам оставалось только сжигать все на своем пути от Коломака до Колонтаево и убивать местных жителей. Судьба Красного Кута и Городни постигла другие местечки Слободской Украины: Коломак, Хуры, Лутищи, Коплуновку, Мурахву.

В эти дни произошел забавный эпизод, ярко показывающий уровень образованности Карла XII, во всяком случае, в географии. Этот эпизод описан генерал-квартирмейстером А. Гилленкроком в его "Сказании о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось". Он пишет: "*В Коломаке, Король приказал мне осведомиться о дорогах в Азию. Я отвечал: «Азия далеко отсюда, и вовсе не в этой стороне».* Король возразил: *«Мазепа сказал мне, что Азия недалеко отсюда. А мы должны туда идти, чтобы можно было сказать: мы были в Азии!»* — Я отвечал: *«Ваше Величество изволите шутить со мною, и, конечно, не думаете о походе в Азию».* — Король сказал: *«Я не шучу. Вы должны осведомиться о дорогах туда.»* — Я отвечал, что немедленно это исполню, и тут же прибавил, что Азия отдалена от нас на несколько сот миль. От Короля пошел я к Мазепе, и просил его сообщить мне сведения о дорогах в Азию? Мазепа спросил меня: для чего мне нужно знать о дорогах в Азию? — Я отвечал: *«Ваше Превосходительство сказали Королю, будто Азия отсюда недалеко, и потому Его Величество, приказав мне осведомиться о дорогах, намерен туда идти».* — Мазепа очень испугался и

сказал, что он пошутил с Королем. — Я отвечал: «Ваше Превосходительство сами видите, что Его Величество славолюбивый Государь, который часто, без всякой пользы, идет далее и далее. Иногда такой разговор опасен». — Мазепа обещал тотчас сходить к Королю и просить его о перемене намерения. — Возвратясь к Королю, я сказал: «Я был у Мазепы с тем, чтобы узнать от него о дорогах в Азию, так как все здешние жители, у которых я спрашивал об Азии, ничего об ней не знают. По этой причине я должен был обратиться с вопросом к Мазепе, который уже говорил с Вашим Величеством». — Король спросил: «А что отвечал Мазепа?» — Я сказал: «Он очень испугался, потому что просто шутил с Вашим Величеством. Он обещал немедленно явиться перед Вашим Величеством с извинением». Король много смеялся и сказал: «Вы так, напугали старика, что он заболеет». — Я отвечал: «Не моя будет вина, если он захворает или умрет. Я его не просил шутить с Вашим Величеством. Я думал, что Ваше Величество непременно хотите предпринять поход в Азию».

После ухода из Опошни русского войска шведские войска вернулись в местечко. Однако добирались они до Опошни четыре дня по причине оттепели и вскрытия рек. Воды было столько, что она почти накрывала орудия и обозные фуры. Адлерфельд писал впоследствие: "Этот поход был очень тягостен для пехоты, которая была постоянно в воде, а равнина, по которой проходили, походила в некоторых местах на озеро... Особенно артиллерия встретилась с бесконечными трудностями на этой дороге, вследствие чего его величество приказал сжечь большое количество бесполезных телег, то есть тех, которыми войска пользуются для перевозки припасов". В Опошню шведы смогли вернуться, перебравшись через Ворсклу, только 19 февраля. Здесь пришло неприятное для Карла известие о том, что 15 февраля в Ращевке разбит полк полковника Генриха Альбедиля. Там четыре драгунских полка и два батальона преображенцев под командование генерала Бема по приказу фельдмаршала Шереметева внезапно напали на конный полк противника и перебили почти всех. Успех был явный, русские

отбили до двух тысяч коней, захватили обоз и взяли в плен самого Альбедиля. Остатки полка спаслись бегством, укрывшись за рекой Псел, где стояла пехота генерал-майора Крейца. Крейц поспешил, было на помощь, но опоздал, русские отошли за реку Сулу, к Лохвице.

В Опошне король оставил два полка пехоты, два полка кавалерии и всю артиллерию, другие полки стояли по Ворскле в селениях до самой Полтавы. Гарнизон Гадяча также покинул город и занял позицию в Лютенке. К десяти полкам кавалерии генерала Крейца, дислоцированных в Решетиловке, присоединились четыре пехотных полка. Штаб-квартира короля переместилась в местечко Будищи, в 18 километрах от Полтавы.

В Швецию из далекой Украины приходили тревожные вести. Первый министр, граф Пипер писал своей жене в те дни: "*Армия находится в неописуемо плачевном положении*". Карл получал письма из Стокгольма, также полные тревог, разорительная война разрушала финансовую систему. Но король бодрился, делая вид, что ничего страшного не происходит. Своей сестре Ульрике Элеоноре он писал в конце марта, пережив с огромными потерями страшную для шведской армии зиму: "*С армией здесь обстоит дело очень хорошо, хотя до сих пор бывали некоторые утомительные дела, как обыкновенно бывает, когда неприятель стоит близко. Кроме того, холод был очень большой, и много людей у неприятеля и у нас замерзли или отморозили себе руки, ноги и носы. Но, несмотря на это, все-таки эта зима была веселой зимой... Хотя сильный холод причинял вред, но все-таки от времени до времени находили развлечение в том, что шведские разъезды часто имели небольшие дела с неприятелем и причиняли неприятелю потери, хотя и враг иногда к нам подкрадывался, чтобы захватить пленных, и только один раз за всю зиму он напал на квартиры, где стоял полковник Альбедиль и был взят в плен*".

Шведская армия после февральских боев располагалась на довольно значительном пространстве между реками Ворскла и Псел. Русские военные силы, реализуя свой план локальных нападений на противника,

дислоцировались по дуге, окружавшей шведов с востока, северо-востока и запада. Это движение на юг имело вполне ясный смысл: шведское войско крайне нуждалось в пополнении, и Карл, прислушиваясь к обещаниям Мазепы, стремился быть поближе к запорожским казакам.

Восстание запорожских казаков

Уход Мазепы к шведам произвел сильное впечатление на запорожских казаков. По-прежнему не доверяя бывшему гетману, они долго не могли решить, что они должны делать в сложившейся обстановке. Царь Петр, прекрасно понимая роль и значение запорожцев для всей Малороссии, уже 30 октября 1708 года, то есть сразу же после измены гетмана написал на имя кошевого атамана Кости Гордиенко грамоту, в которой увещевал запорожцев оставаться верными русскому престолу и православной вере. За это он обещал: "...милость наша от вас, войска запорожского низового, никогда отъемлема не будет, понеже хотя нам тот проклятый изменник, бывший гетман Мазепа, на вас, войско запорожское низовое, ложные свои клеветы непрестанно наносил, объявляя на вас, будто вы неверны...". В грамоте царь особо приглашал запорожцев "съезжаться к Глухову, на избрание нового гетмана".

Запорожцы на раду в Глухов не приехали, и царь направил им 12 ноября новую грамоту, в которой просил запорожцев не слушать "прелестей" Мазепы, твердо стоять за православную веру и великого государя и быть в послушании новому гетману Ивану Скоропадскому. В подкрепление царь обещал "на каждый курень по 1500 золотых на каждый год сверх прежнего настоящего годового жалования". Грамоту (вместе с деньгами – 500 червонцев для кошевого атамана, 2000 для старшины и 12 000 для куренных атаманов) привезли царские стольники Кислевский и Теплицкий. В делегации на Сечь были также лубенский сотник Василий Савич от гетмана Скоропадского и архимандрит Межигорского монастыря Ирадион Жураховский от киевского митрополита.

Однако миссия посланников не увенчалась успехом. Вначале на казацкой Раде возникло противостояние между старыми казаками, сторонниками верности русскому царю и партией "молодежи", во главе которой был кошевой атаман. Спор закончился победой горячих голов, — посланцев всячески оскорбляли и даже грозились предать лютой смерти. В результате царю был составлен ответ в самом недружественном тоне, в котором был предъявлен ряд требований: 1) чтобы всем малороссийским полковникам не быть, а быть бы на Украине вольнице, как и в Сечи; 2) чтобы все мельницы по речкам Ворскле и Пслу, а также перевозы у Переволочны, запорожцам отдать; 3) чтобы все царские городки на Самаре и на левом берегу Днепра у Каменного Затона срыть.

В это же время запорожцы получили еще одно послание — универсал от Мазепы, находящегося в шведском лагере. В длинном послании бывший гетман объяснял запорожцам причины, которые заставили его предаться шведскому королю. Он убеждал низовых казаков в том, что Карл XII не имеет никакого дурного намерения в отношении запорожцев и советовал воспользоваться таким счастливым случаем, чтобы свергнуть московское иго. При этом он рекомендовал разорить крепости Каменный Затон и Самарские городки, так досаждавшие сечевикам ранее. На первый раз запорожцы ограничились уклончивым ответом, выставив Мазепе несколько условий. В начале письма запорожцы "*усмотрели... с общего согласия и полного совета с генеральными особами, полковниками и иною войсковою старшиною, отдасться под протекцию, опеку и оборону наияснейших королей их милостей шведского и польского...*". В письме низовые казаки просили прислать от королей текст договора, с тем, чтобы знать "*под кем будем жить и кого себе за верховнейшего пана иметь...*". Относительно срытия крепостей, запорожцы писали, сами не могут этого сделать и просили для этого военной помощи.

Тем временем, 23 ноября царь отдал распоряжение о заготовке жалованья запорожским казакам: 500 золотых червонных, 150 половинок

амбурских сукон в сорочках, 50 пудов пороху и свинцу, дорогие подарки кошевому атаману, судье, писарю и асаулу. Следующую грамоту запорожцам царь Петр написал, находясь в конце декабря 1708 года в Сумах. В ней казакам приказывалось быть послушными российским властям и новому гетману Скоропадскому. Грамота была передана главой Посольского приказа графом Г. Головкиным гетману, который, в свою очередь, отрядил на Запорожье со своим письмом полтавского полковника Ивана Черняка с двумя казаками. На состоявшейся казацкой раде гетманское письмо было зачитано и после традиционного обсуждения "*товариство*" высказалось против служения Мазепе и подтвердило верность царю.

Затем Черняк со товарищи отправился к крымскому хану с письмами от гетмана о дружественных намерениях. На обратном пути спутники Черняка снова заехали на Сечь, где их ласково принял кошевой атаман, а по их отъезду отправил с ними двух запорожских полковников с письмами царю Петру. В них запорожцы повторили свои условия касательно снесения Каменного Затона и Самарских городков и выражали свою готовность идти на царскую службу, куда приказано будет. Все это происходило в первые дни нового 1709 года. Но в начале следующего месяца ситуация в корне изменилась. Кошевому атаману донесли, что гетманский посланник Черняк, по словам крымских татар, будучи в Крыму всячески позорил запорожцев и призывал хана не верить им. Разгневанный Гордиенко чуть не срубил голову Черняку, повалил его наземь и бил смертным боем, после чего заковал в цепи и отправил Мазепе.

После этого кошевой атаман Кость Гордиенко уже готовил план движения запорожцев тремя частями: одна часть должна была идти слободами, другая – в Чигирин, третья во главе с самим Гордиенко – в Переяславль. Все вместе они должны были соединиться в Полтаве. Об этом стало известно графу Головкину через переволочанского сотника Василия Зелененьского, однако сотник не мог сообщить канцлеру о намерениях Гордиенко. Он писал: "*на которую руку имеет быть кошевой склонным, того*

никто не скажет, ибо в Полтаве о том у нихъ рада будет". Граф Головкин немедленно отреагировал, все полученные вести он отправил князю Меншикову, оставленному царем для общего руководства военными действиями и предписал гетману Скоропадскому "*всемерно трудиться над тем, дабы уведать подлинно о их походе, на которую сторону они идут*". Но об этих неприятных новостях Меншиков уже знал от самого царя, которому обо всем рассказали сопровождавшие делегацию Ивана Черняка казаки. Информация шла и от каменозатонского воеводы Ильи Чирикова, имевшего своих осведомителей в Сечи и сообщавшего, что запорожское войско готовится к походу.

Словом, призывы Мазепы и агитация Гордиенко сделали свое дело: большинство казаков согласилось идти к бывшему гетману против московского царя. В конце февраля из Сечи была отправлена делегация из 80 человек к Мазепе с изъявлением готовности взять его сторону. А 1 марта 1709 года казацкая конница и пехота под командованием самого Гордиенко, войскового судьи и писаря, захватив с собой знамена, бунчук, булаву и 10 пушек, двинулась к крепости Переволочна. Двигаясь по украинским городам, запорожцы объявляли, что идут на соединение с великороссийским войском, вследствие чего к ним стали приставать городовые казаки.

В Переволочну войско пришло 11 марта, а на следующий день состоялась рада, на которой присутствовали переволочанский полковник Нестуля и прибывшие представители Мазепы: генеральный судья Чуйкевич, киевский полковник Мокиевский и бунчуковый товарищ Мирович. На раде были разданы присланные Мазепой для казаков деньги и зачитано послание, в котором бывший гетман нарисовал низовым казакам такую картину. Москали сами виноваты в том, что своими действиями вынудили шведского короля законно преследовать их. Не имея возможности противостоять шведам, царские войска бросились на Украину, где ведут себя хуже, чем шведы, которых выставляют врагами украинского народа. Мазепа, будучи вынужденным забыть как он в течение 20 лет враждовал с запорожцами,

теперь излагал все тяготы, которые претерпела Украина от московского ига. Для пущего доказательства он цитировал слова царя, которые сам слышал: "*Надобно искоренить этих воров и злодеев запорожцев*". Для усиления впечатления Мазепа поведал запорожцам о намерении царя перевести малороссиян за Волгу. У шведского короля, убеждал Мазепа, нет злых умыслов ни против Украины, ни против Запорожья. Цель послания заключалась в том, чтобы убедить запорожцев взять сторону короля и Мазепы и вообще радоваться вместе с малороссиянами приходу шведского войска, которое дает возможность свергнуть московское иго и стать свободным, счастливым народом.

После прочтения письма раздались крики "*За Мазепою, за Мазепою!*" Кость Гордиенко, не откладывая, написал ряд писем. В одних он призывал казаков, кочевавших возле рек Буг, Ингулец и Ингул немедленно присоединиться к запорожцам для "*войскового похода*". Одно из писем было послано польскому королю Станиславу Лещинскому, "...*покорно прося королевскую вельможность на общую помощь и ратованье милой отчизны Украины*". Однако это письмо было перехвачено польскими противниками Лещинского и переданы коронному гетману Сенявскому, стороннику России, который отоспал их русскому резиденту в Польше Дашкову и гетману Скоропадскому. Об этом стало известно и в Сечи, тогда кошевой атаман отправил к шведскому королю депутацию из 80 человек во главе с полковником. Делегаты должны были известить Карла XII о том, что все запорожцы на его стороне, испрашивали его покровительства и выражали готовность на всякие усилия для восстановления своей свободы и молят Бога об успехах шведского короля.

19 марта 1709 года казацкая депутация прибыла в главную штаб-квартиру шведов в местечке Великие Будищи и была допущена к королю Карлу XII. Им устроили угощение у фельдмаршала Реншильда. Пораженный разгулом запорожцев и зная как король не любит пьяных, Реншильд поставил условие: десяти казакам, допущенным к прощальной аудиенции у

короля, не напиваться до обеда. Запорожцы обещали и, видимо, собрав силу воли, с трудом, но сдержали слово. После королевской аудиенции фельдмаршал Реншильд вновь пригласил запорожцев на обед, на котором вручил богатые подарки и передал два письма: одно для Мазепы, второе – для войска запорожского.

Основное войско запорожцев выдвинулось к Переволочне сразу же после отправки депутатов. Меншиков, узнав об этом, выслал против запорожцев три полка, поставив им задачу не допустить их соединения со шведами. Однако этого оказалось мало, основные силы русской армии были расположены слишком далеко, и почти 8-тысячный отряд казаков нанес поражение царскому отряду в городке Кобеляки, а затем под Царичанкой. Там запорожцы изрубили 100 человек драгун и около сотни взяли в плен.

Известие о выступлении запорожцев всколыхнуло всю Украину. Многие жители, еще пребывавшие в состоянии неопределенности по отношению к шведам и Мазепе, начали склоняться на их сторону. Войско Гордиенко быстро увеличилось почти вдвое. Воодушевленные запорожцы быстро завладели городками Келеберда, Нехвороща, Маячка, Царичанка, Новые Сенжары и другими, расположенными по рекам Орели, Ворскле и Днепру.

Встреча кошевого атамана Запорожской Сечи Константина Гордиенко и бывшего гетмана Ивана Мазепы произошла 26 марта 1709 года в прославленной Гоголем знаменитой Диканьке, в 25 верстах к северу от Полтавы. Мазепа, получив известие о приближении Гордиенко с войском, выслал ему навстречу конвой в 2000 казаков. Войдя в Диканьку, Гордиенко направился к дому, где находился Мазепа. Есть предположения, что этот дом ранее принадлежал Василию Кочубею. У входа в дом кошевого атамана встретили первые лица гетманской старшины. Гордиенко вошел в покой гетмана, отдал ему глубокий поклон, поцеловал в знак дружбы и уважения гетманский бунчук. Затем кошевой произнес речь, назвав в самом начале Мазепу "начальником Украины". Он заверил Мазепу, что для достижения желаемой цели тот имеет право командовать запорожцами. Закончил свою

речь Гордиенко такими словами: "Мы за тем сюда прибыли, чтобы испросить у его величества протекцию себе и надеемся получить ее при содействии вашей вельможности. Готовы пред Богом принести присягу в верности и повиновении вашей милости, но желаем, чтоб и ваша вельможность обязали себя присягою действовать в согласии с нами и оказывать нам содействие в деле спасения отечества".

В ответ Мазепа благодарил войско запорожское за доверие к его особе, еще раз заверил, что перешел к шведам не "не по легкомыслию и не из приватных видов для себя, а из любви к отчизне. ... Я счел своим долгом обратиться к шведскому королю и надеюсь, что Бог, избавивший нас недавно от опасности, поможет нам свергнуть с себя постыдное иго ". Затем он напомнил запорожцам о своей роли в их судьбе: "Мне слишком известно, что царь намеревался переселить нас всех в иной край, а вас, запорожцы, всех повернуть в драгуны и ваши жилища разорить дотла. Если вы, запорожцы, еще сохранили вашу свободу, то этим обязаны вы только мне, Мазепе. Если бы замысел царский осуществился, вы все были бы перевязаны, перекованы и отправлены в Сибирь". Закончил Мазепа свою ответную речь обращением и обещанием присяги: "Будемте заодно, запорожцы! Я обяжусь вам присягою, а вы с своей стороны присягните мне в неизменной верности и дружбе".

После торжественной встречи бывших врагов, а ныне товарищей по оружию, Мазепа задал обильный обед. За обедом все шло гладко, запорожцы делали комплименты Мазепе, много было выпито и съедено. Но после обеда произошла первая стычка. Запорожцы, покидая гостеприимный дом, начали хватать со стола посуду и другую утварь, дворецкий дома сделал им замечание в не вполне вежливой форме. Запорожцы пожаловались Гордиенко, тот вообразил, что здесь виноват сам Мазепа. С трудом удалось погасить конфликт, правда ценой жизни бедного дворецкого, которого Мазепа выдал казакам на расправу.

На следующий день, 27 марта 50 запорожцев во главе с кошевым атаманом были представлены королю в его ставке в селе Будищи. Присутствовавший на этой аудиенции Д. Крман записал в своем дневнике: "Короля окружали, с одной стороны, граф Пипер, принц Вюртембергий и прочие министры, с другой стороны — господин Гермелин, Цедергельм и прочие в большом числе. Предводитель запорожцев со своими людьми был приведен к королю и приветствовал его, принеся клятву верности. Король через своего комиссара по имени Султан, знавшего казацкий язык, сохраняя порядок, отвечал каждому из них. Они низко кланялись в присутствии королевского величества и как бы припадали к его ногам. В течение часа они находились на глазах короля и гетмана Мазепы, вследствие щедрости которого чиновники, а другие — вследствие щедрости королевской пользовались милостью вплоть до третьего дня".

Кошевой атаман Гордиенко выступил перед королем с речью, в которой выражалась благодарность за обещание покровительствовать им и всей Украине против общего врага — московского царя. От имени короля, не любившего подобные церемонии, ответную речь держал Государственный секретарь Гермелин. Сказанное сводилось к тому, что запорожцы могут быть уверены в неизменной благосклонности к ним короля и давался совет воспользоваться благоприятным случаем добыть себе прежние вольности. Гермелин особо похвалил храбрость казаков в бою при Царичанке против московских драгун. Гордиенко в качестве доказательства победы продемонстрировал более сотни плененных русских солдат, добавив при этом: "Мы уже послали с сотню москалей крымскому хану напоказ и надеемся, что когда их увидят татары, то станут с ними заодно".

Празднования продолжались три дня, запорожцев хорошо угождали, хотя все шведское войско испытывало большие проблемы с продовольствием. Всем участникам боев под Царичанкой были разданы 10000 флоринов, самому Гордиенко и запорожской войсковой старшине были вручены особые подарки. Не забыты были и рядовые казаки, им король обещал к празднику

Христова Воскресения подарить по 4 рубля и по 1 кафтану на каждого. Не ударил в грязь лицом и Мазепа, пожаловавший запорожцам 50 000 золотых и сечевой старшине немалые суммы.

После окончания празднеств запорожские и мазепинские казаки составили между собой письменный договор, в котором обещались действовать совместно и помогать друг другу. Запорожцы торжественно присягали перед алтарем в будищенской церкви, а Мазепа подтвердил этот договор целованием креста, евангелия и святых мощей, не выходя из покоев по причине случившейся болезни. Помимо договора казаки составили отдельную статью из четырех пунктов, которую Мазепа предоставил королю на утверждение. По этой статье Карл XII обязывался заключить мир с русским царем не иначе как с условием, чтобы Украина и Запорожье будут навечно изъяты от московской власти со своими древними правами и привилегиями. Король обещал не причинять вреда обывателям за время пребывания шведской армии в пределах Украины. Он обещал также прощение сельским жителям, участвовавшим ранее в нападениях на шведов при условии, если они возвратятся в места своего жительства и станут доставлять шведам продовольствие. Одновременно король должен отдать своим войскам приказ соблюдать строгую дисциплину по отношению к местному населению.

Нет сомнения, что приход запорожских казаков в ставку шведского короля был огромным успехом Мазепы. Весть о присоединении Запорожья к Мазепе и Карлу вызвало большой резонанс по всей Украине. Не только близкий по духу к запорожцам полтавский полк, но и старые казацкие районы, и часть Слободской Украины стали восставать против московской власти. В царскую ставку со всех сторон полетели тревожные письма. Русский генерал Рен в письме князю Меншикову писал в конце марта: "*Оные (запорожцы), также и тамошние мужики все отложились и уже давно нам неприятели*". Меншиков, в свою очередь, отписывал царю: "*Здесь большой огонь разгораетца, которой надобно заранее гасить*". Особая опасность

исходила от Правобережья, куда Гордиенко слал свои универсалы, подбивая правобережных казаков избивать свою старшину, верную царю и Скоропадскому, и переходить к нему. Положение напоминало астраханское восстание 1705 года, когда царю пришлось снимать с места боевых действий армию Шереметева. На этот раз царь, чтобы "*тамошней край удержать и до бунту не допускать и тамоших добро желаемых охранить*" из Киева в Чигирин был отправлен драгунский полк князя Г. Волконского, а из Левобережья – два драгунских полка и казаки Стародубского и Нежинского полков. Чигиринским полковником был назначен перешедший на сторону русского царя Галаган. Особым указом Петр возвратил из сибирской ссылки давнего врага Мазепы Семена Палея для оказания влияния на правобережных казаков.

Вновь обострилась информационная война между Мазепой и царем. Бывший гетман распространял слух о том, что даже Шереметев и князь Меншиков перешли на его сторону. Здесь можно сделать предположение, что хитрый Мазепа таким образом мстил Петру за попытку его дискредитации перед Карлом в ноябре 1708 года. Царем Петром в ответ на эту дезинформацию было велено разбросать по городам Соколке, Кишенке, Келеберде, Беликам и Сенжарову письма, из которых низовое войско узнало, что слух об измене царю Шереметева и Меншикова былпущен самим Мазепой. Эти письма сыграли свою роль, и многие из запорожцев стали покидать Гордиенко.

Но особое внимание царь уделил Запорожской Сечи: требовалось для начала срочно сменить кошевого атамана. С этой целью Петр повелел подготовить для поездки в Сечь группу "добрых казаков", которых подбирал лично полковник Данила Апостол. Они были снабжены изрядной суммой денег и письмами. Пропагандисты должны были публично объявить запорожскому войску, что кошевой и войсковой судья перешли на сторону Мазепы исключительно за деньги, а не по убеждению. Когда посланцы прибыли в Сечь, они обнаружили, что войска там не так уж и много. Еще в

конце марта остававшийся в Сечи наказной атаман Михайло Симоненко получил письмо от Гордиенко, который извещал сечевиков, что половина запорожского войска, вышедшая из Сечи, пошла с ним для соединения со шведским королем, другая же половина с Гордиенко не пошла и объявила свое намерение служить русскому царю.

Ознакомившись с целью приезда "апостольцев", запорожцы вновь раскололись на два лагеря: старые казакие стояли за верность русскому царю, молодые – против москалей. Вначале победила молодежь, привезенное посланцами Апостола решили отправить кошевому атаману Гордиенко, а самих посланцев приковать шеями к пушкам. Однако они сумели освободиться и убежать, после чего на очередной раде, состоявшейся 6 апреля 1708 года, победила партия сторонников верности русскому царю. К Гордиенко направили новое письмо, в котором они отказывались повиноваться ему как кошевому: *"Как ты делал, такъ и отвечай; ты без нас вымышлял, а мы, верные слуги царского величества, выбрали себе вместо тебя другого кошевого"*. На этот раз рада лишила Константина Гордиенко доверия и избрала кошевым атаманом Петра Сорочинского, который отправил письмо запорожцам, бывшим в Переволочне и в других местах, с советом всем казакам не приставать к Гордиенку и дожидаться известий из Сечи. Но этим дело не закончилось, на казацких радах в Сечи продолжались споры, доходящие до драк. Побеждала то одна, то другая партия. В конце концов, Петр Сорочинский переменил свои взгляды и тоже предался Мазепе и по его поручению лично ездил в Крым за помощью против Москвы.

Таким образом, затея со сменой кошевого атамана ни к чему не привела. Гордиенко с запорожцами после встречи с Мазепой и Карлом XII отправился в обратный путь, имея целью быть поближе к Запорожской Сечи, разместившись в захваченных городах вдоль реки Ворсклы до Переволочны. Проезжая мимо Полтавы, в которой размещался русский гарнизон, сотня запорожцев устроила показательное выступление. По стрелявшим с

городских стен русским солдатам запорожцы дали залп и повалили несколько человек. Затем одному запорожцу удалось попасть в стоявшего на стене офицера, при этом Гордиенко не преминул заявить шведам, сопровождавшим его, что у него наберется 600 молодцов, умеющих так ловко владеть оружием.

Двигаясь на юг от Полтавы, Гордиенко привел запорожцев к местечку Новые Сенжары. Здесь произошли первые серьезные бои, в которых приняли участие и запорожцы и шведы. Им противостоял действовавший в этих местах по приказу фельдмаршала Шереметева русский генерал Рен. В его отряде находился полковник Кампель. Оба немца по происхождению ревностно служили русскому царю и действовали весьма решительно. Кампель, взявши захваченные казаками местечки Маячку и Нехворошу, дотла спалил их, перебив местных жителей. Русские немцы представляли опасность для нерегулярного запорожского войска. Карл, основные силы которого были скованы осадой Полтавы, о чем речь пойдет дальше, приказал генералу Крузе отправиться на помощь Гордиенко. 12 апреля в бою сошлись российский корпус генерал-майора Рена и соединенный украинско-шведский отряд, состоящий из 2730 шведских кавалеристов, 500 компаний гетмана Мазепы и 3 тысячи пеших запорожцев. Чем закончился бой трудно судить, поскольку шведские и российские источники содержат диаметрально противоположные оценки. По данным Нордберга, историка при шведском войске, шведы буквально разгромили русских, по донесению князя Меншикова царю полная победа была за русским войском.

Однако, убедившись, что уговорами и деньгами на запорожцев уже повлиять невозможно, царем была поставлена задача разрушить Сечь. Его планы в отношении запорожцев стали еще более радикальными после того, как русский посол в Стамбуле П.А. Толстой сообщил царю о второй попытке сечевиков принять их в подданство крымского хана.

В начале апреля три полка пехоты под командованием полковника П. Яковleva выступило из Киева вдоль Днепра по направлению к Сечи. 16

апреля была взята штурмом и сожжена небольшая крепость Келеберда. Затем Яковлев подошел к Переволочне, там к нему присоединился отряд князя Волконского. Русские открыли по замку, в котором скопились запорожцы и местные жители, сильный артиллерийский огонь. Осажденные не смогли выдержать двухчасовую осаду, хотя и отбивались с большим упорством. Русские ворвались в местечко, в остервенении перебили почти тысячу казаков, при этом пострадало и местное население. Нападавшие, в числе которых были и донские казаки, сожгли все мельницы на реках, все строения в местечке, все суда, стоявшие на Днепре у Переволочанской переправы. Теперь дорога на Запорожье была открыта. Разгром Переволочни произвел впечатление на запорожцев, и они, не будучи уверены в своих силах, стали уходить из местечек на Ворскле, занятых ими по пути к Карлу.

Далее Яковлев двинулся к запорожским крепостям Старому и Новому Кодаку. Наказной атаман Симоненко (Петр Сорочинский по поручению Мазепы был в Крыму) пытался организовать оборону, но попал в засаду и был убит. Старый и Новый Кодак были взяты почти без боя и сожжены дотла. 11 мая Яковлев подошел к самой Чертомлыцкой Сечи. Однако взять ее оказалось крайне затруднительным делом, весенний паводок окружил Сечь с трех сторон, и прямой штурм был невозможен. Пробовали стрелять из орудий, для чего возвели специальные шанцы, но безуспешно, — ядра и снаряды не долетали до казаков. Попытка подойти на лодках была пресечена сильным огнем запорожцев. Запорожцы сумели сделать вылазку и даже одержали верх, перебив около трехсот человек из отряда Яковleva, взяли пленных и после страшных пыток умертвили их всех. Яковлев оказался в трудном положении. Но вечером 14 мая ему на помощь пришел с компанейским полком и драгунами чигиринский полковник Гнат Галаган, бывший сечевой полковник, знающий устройство Сечи и казацкие обычаи.

Запорожцы, увидя приближающееся к ним новое войско, подумали, что это идет вернувшийся Петр Сорочинский с татарами и предприняли вылазку

против неприятеля. Русские же, внемедленно воспользовались оплошностью сечевиков, на их плечах ворвались в Сечь. Запорожцы, поняв свою ошибку, продолжали стойко сопротивляться. Окончательно дело решил тот же Галаган. Вначале он закричал казакам "*Кладите оружие! Сдавайтесь, бо всем будет помилование!*" Однако запорожцы продолжали бешено сопротивляться атакующим. Тогда Галаган поклялся в том, что они будут прощены, если сдадутся, и казаки, поверив, побросали оружие. Конечно, трудно себе представить, чтобы в разгар боя нападавшие могли слышать выкрики Галагана. Но факт остается фактом: на безоружных казаков бросились русские солдаты, и началась страшная расправа. Чертомлыцкая Сечь была разрушена, все курени и строения сожжены, зимовиники, в которых хранилось продовольствие, были также уничтожены. Живыми было захвачено около 300 казаков, а также 160 женщин и детей из предместий Сечи.

После расправы в живых остались войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 женщин и детей. Из них 5 человек умерли, 156 человек атаманов и казаков казнены, причем несколько человек повесили на плотах, а плоты пустили вниз по Днепру на страх другим. Победители захватили 36 медных и чугунных пушек, 4 мортиры, 12 больших и малых гаубиц. Русские потеряли убитыми урядников и рядовых солдат 294 человека, всего же раненых было 141 солдат и один офицер.

Полковники Яковлев и Галаган действовали особо жестоко. Как писал впоследствии кошевой атаман гетману Скоропадскому "... товариству нашему голову лупили, шею на плахахъ рубили, въшли и иныя тиранскія смерти задавали, и дѣлали то, чего и въ поганствѣ, за древнихъ мучителей не водилось: мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товариства, но и чернецовъ откапывали, головы имъ отсѣкали, шкуры лупили и въшли". Академик Е. Тарле жестокость солдат Яковleva объясняет тем, что они "были страшно ожесточены тем, что запорожцы в дни, предшествовавшие сдаче,

подвергали взятых ими в плен солдат неслыханным истязаниям, калеченью, издевательствам и пыткам всякого рода".

Взятие и разгром Чертомлыцкой Сечи коренным образом изменило обстановку на театре военных действий. Инициатива окончательно перешла к русским. Царь Петр, находясь в лагере под Полтавой, салютовал артиллерийским залпом по случаю "виктории над запорожцами". Были срочно отправлены гонцы в Константинополь, русскому послу П.А. Толстому, "*...дабы он тамо у Порты кому належит объявил, что те злодеи, от которых между обоями государства происходили ссоры, погибли...*".

ГЛАВА 7

ПЕРЕД ПОЛТАВОЙ

Укрепление Полтавы

Находясь за тысячи миль от родины, шведская армия находилась в катастрофическом состоянии. Тяжелейшая зима с лютыми морозами, беспрестанные передвижения в поисках теплого жилья, весенние разливы и паводки, сопротивление местного населения, наконец, недостаток продовольствия и фуража заставляли Карла предпринимать меры по усилению своего войска. Надежда на новый рекрутский набор исключалась по причине огромного расстояния, поэтому взоры короля были направлены на Станислава Лещинского и крымских татар. Уже в марте 1709 года Карл шлет одно за другим письма Лещинскому, которого уверяет в прочности своего положения: "*Я и вся моя армия — мы в очень хорошем состоянии. Враг был разбит, отброшен и обращен в бегство при всех столкновениях, которые у нас были с ним. Запорожская армия, следуя примеру генерала Мазепы, только что к нам присоединилась. Она подтвердила торжественной присягой, что не переменит своего решения, пока не спасет своей страны от царя*". Но Лещинский и шведский корпус генерала Крассау, находившихся в Польше, не могли ничем помочь Карлу. Возможности их маневра ограничивали русские войска генерала Гольца, которого царь Петр послал в Литву. Присутствие корпуса Гольца способствовало усилению движения сторонника России коронного гетмана Сенявского и литовских магнатов. Они в зиму 1709 года выступили против Станислава Лещинского. Правда, известия о переходе части запорожских казаков на сторону Мазепы и шведов напугали Сенявского, он дважды просил генерала Гольца, чтобы тот "*маршем своим без дальнейшего отлагательства к нему поспешил, ибо коронное войско начинает зело перебегивать и к противной партии переходить*". Поляками были перехвачены письма от Мазепы и Гордиенко к

Станиславу Лещинскому с известием о переходе запорожцев к Карлу. Сторонники царя опасались, что теперь Гольц уйдет из Польши на покорение запорожцев. Но их опасения были напрасными, царь Петр по просьбе самого Гольца подтвердил прежние указы о помощи коронному войску, "дабы опасные перемены упредить и коронное войско в постоянном доброжелательстве состоять".

Мазепа продолжал предпринимать отчаянные попытки изменить военно-политическую ситуацию. Начиная с ноября 1708 года и особенно зимой 1709 года, бывший гетман развернул широкую дипломатическую деятельность, Он посыпал своих представителей в Турцию, к силистрийскому сераскиру Юсуф-паше, к крымскому хану, в Молдавию и Валахию. Кроме того, в Польшу к королю Станиславу Лещинскому ездил Федор Нахимовский, к запорожцам – несколько делегаций, были даже попытки привлечь донских казаков, в частности, уцелевших от разгрома булавинского восстания некрасовцев. Но кроме успеха у запорожских казаков Мазепа ничего не добился. К султану посыпал своих представителей и Карл XII, осознавший, наконец, что он крайне нуждается в военной помощи. Но турецкое правительство предпочло занять выжидательную позицию, а после неудачного похода Карла по Слобожанщине в феврале 1709 года и особенно после разгрома Чертомлыцкой Сечи вообще решили не вмешиваться. Правда, Девлет-Гирей II порывался помочь Карлу и Мазепе, он даже, без согласования с султаном, отправил к границам Украины боеприпасы и пушки. Хан мог выставить около 50 тысяч войска, включая 8 тысяч донских казаков, пришедших в Крым после разгрома Булавинского восстания. Но султан Ахмед III запретил хану вмешиваться: Турции было выгодно противостояние России и Швеции, поскольку они ослабляли друг друга. Кроме того, Петр дал понять султану, что он не имеет никаких намерений воевать с Турцией. Российский историк В.Е. Возгрин пишет, что царь дабы успокоить турок сжег перед представителем султана при бахчисарайском

дворе Кападжи-пашой и его штабом всю свою военную флотилию, приведенную из Воронежа. Другие историки пишут совершенно обратное, утверждая, что царь привел воронежский флот в Азов для демонстрации силы турецкому правительству, после чего султан и принял решение не вмешиваться. Думается все же, что Петр мог пойти на уничтожение азовского флота, но исключительно после переговоров с Кападжи-пашой. К тому времени азовская флотилия уже начала терять свое стратегическое значение, поскольку глубина гавани было недостаточной для крупных кораблей и требовалась огромные работы по ее углублению.

В ходе переговоров пошли и крупные взятки: русский посол в Стамбуле П.А. Толстой подкупил великого визиря Чорлулу-Али-пашу и других придворных, а сам Петр передал Кападжи-паше изрядную сумму золотом. Кроме того, царь отпустил с ним большую группу пленных мусульман. Турки ограничились разрешением запорожцам основать на своей территории в районе Нижнего Днепра Олешковскую Сечь. В результате, 30 апреля 1709 года начальник Посольского приказа граф Г. Головкин писал царю Петру, что "... никакова опасения сего лета ни от турок, ни от татар имети не надлежит". Изменилась и внешнеполитическая обстановка и в Европе: в начале июня Дания, Пруссия и Саксония заключили оборонительный союз против Швеции.

И вновь перед Карлом XII и его генералитетом встало задача выбора дальнейшего пути. На военных советах и в промежутке между ними генералы спорили только об этом. Большая часть шведских генералов предлагала, как и раньше, отступить за Днепр и двинуться в сторону Польши, чтобы соединиться с войсками Станислава Лещинского и шведским корпусом генерала Крассау. Мазепа же категорически настаивал на овладении Полтавой, чтобы получить, наконец, твердую опору в Украине и быть поближе к Запорожью. Эти споры происходили в феврале-марте 1709 года, еще до разрушения Чертомлыцкой Сечи. Бывший гетман настоятельно обещал Карлу, что в случае если король вытеснит русских из Полтавы, то

кошевой атаман Гордиенко соберет казацкое войско с густо населенной Полтавщины и Южной Украины. Еще несколько месяцев назад, поздней осенью 1708 года Мазепа мог рассчитывать на содействие полтавского полковника Ивана Левенца, занимавшего эту должность по приказу Мазепы с 1703 года. После перехода Мазепы на сторону шведов Левенец вначале принял его сторону. Вернувшись из Батурина, после того как бывший гетман объявил особо приближенной старшине о своем намерении, полковник ничего никому не поведал, а после получения от Мазепы универсалов велел читать их всенародно. Он также отказался ехать в Глухов на избрание нового гетмана, сославшись на то, что он приедет после того, как соберутся все сотники его полка. А после повторного приглашения ответил, что его приезд сопряжен с опасностью, поскольку шведы подошли к Ромнам и Гадячу. Царь Петр, вначале доверявший Левенцу, вскоре был вынужден изменить свое отношение к нему. В конце ноября 1708 года он стал получать донесения о подозрительности поведения полтавского полковника. 27 ноября он направил Левенцу письмо, в котором сообщал о присылке в Полтаву царского войска во главе с бригадиром А. Волконским, приказал впустить его "без всякого прекословия". Левенец оказался перед проблемой выбора, которую разрешил очень просто, он собрал свою старшину и объявил: "*Кто к нам будет скорее, того митемо за пана*". Однако подозрение еще более усилилось, когда из Полтавы к Мазепе сбежали влиятельные братья Герцики, полковой обозный и судья. Самому Левенцу пришлось долго оправдываться. А. Меншиков писал царю из Ахтырки 19 января 1709 года: "...*полтавский полковник в своей верности великие клятвы приносил и сам просил, дабы для вящего уверения жену и детей его вывесть куда потребно будет, а о детях именно просил, чтоб им в Харькове для ученья в Славенской школе быть*". Кончилось тем, что Левенца отправили фактически под домашний арест в Харьков, а в Полтаву 17 января 1709 года прибыл новый комендант города А.С. Келин с пятью батальонами пехоты. Комендант А.С. Келин имел звание полковника, которое получил в 1702 году

за боевые заслуги. За плечами у него были сражения Северной войны, он отличился при взятии Нотебурга (1702 г.), Ниеншанца (1703 г.), Дерпта и Нарвы (1704 г.).

Новый комендант получил категорический приказ Петра: "*Ежели неприятель будет вас атаковать, то, с помощью божиего, боронитца до последнего человека, и ни на какой аккорд с неприятелем никогда не вступать под смертной казнию. Також, ежели коменданта убьют, то надлежит первому под ним офицеру комендантом быть, и так последовать и прочим (сколько побитых ни будет) одному за другим, чтоб дела тем не остановить*".

Желание Карла овладеть Полтавой еще более усилилось после прихода запорожцев. Теперь уже никакие доводы он слушать не желал. В апреле он зашел с полковником Зинротом, с которым все время ездил к Полтаве для осмотра, к генерал-квартирмейстеру А. Гилленкроку и сказал: "*Капитан Эллер занял, с 200 человек, на одной дороге такую выгодную позицию, что никто не может пройти в Полтаву*". Гилленкрок ответил: "*Положение Полтавы, должно быть, необыкновенно, ежели один пост может запереть целый город*". Однако король и полковник Зигрот стали уверять Гилленкрока, что это действительно так. Тогда король приказал генерал-квартирмейстеру провести рекогносцировку местоположения и нарисовать общий план Полтавы. Гилленкрок выполнил приказание, и король повелел на представленном чертеже расположить атаку. Гилленкрок спросил: "*Разве Ваше Величество намерены осаждать Полтаву?*" Король ответил: "*Да, и вы должны составить диспозицию осады и сказать нам заранее, в какой день мы завладеем городом; так делает Вобан во Франции, а вы здесь маленький Вобан*". Гилленкрок упорствовал: "*Дай Бог, чтобы я заступал при Вашем Величестве место Вобана. Но я полагаю, что и сам Вобан, великий инженер и генерал, увидел бы себя в немалом затруднении, потому что не имел бы под рукою того, что нужно для осады*". Король отвечал: "*У нас довольно всего, что может быть нужно против Полтавы. Полтава крепость ничтожная*".

Гилленкрок возражал: "Крепость, конечно, не из сильных; но, по многочисленному гарнизону из 4,000 Русских, кроме Казаков, Полтава не слаба". Но король амбициозно заявил: "Когда Русские увидят, что мы хотим атаковать, то, после первого выстрела, сдадутся все". Гилленкрок выразил сомнение и даже намекнул, что при неблагоприятном положении дел пехота может погибнуть. На что король возразил: "Мы не много употребим пехоты при осаде, а пошлем Запорожцев Мазепы".

Далее произошла дискуссия, действительно ли можно полагаться на запорожцев, если с ними нельзя говорить без переводчика, и они несведущи в осадных работах. Гилленкрок выразил предположение, что запорожцы разбегутся при первых же выстрелах, но король парировал: "Уверяю, что Запорожцы сделают все по моему желанию, и ни один из них не побежит. Мы прикажем хорошо платить им". Гилленкрок пробовал аргументировать тем, что у них практически нет артиллерии, что на штурм должна будет пойти пехота, которую обязательно уничтожат. Но Карл был неумолим: "Я вас уверяю, что не потребуется никакого штурма". На что Гилленкрок иронически заметил, что он не видит и не понимает "как это может случиться без особенного счастья". Король ответил абсолютно в своем духе: "Мы совершим необыкновенное дело, и приобретем славу, и честь". Гилленкрок не сдавался: "Бог знает, необыкновенное ли это предприятие. Я только страшусь необыкновенного окончания дела". Коронованная особа ответила сомневающемуся Гилленкроку: "Приготовьте только план и проект, а потом, когда мы поведем атаку, вы увидите, как скоро она будет кончена". Гилленкрок был явным противником Мазепы и вообще не хотел оставаться в Украине. Однажды он пророчески заявил королю: "Если с нами не станется какое-нибудь чудо, то ни один из нас не выйдет из Украины; потеряет король и свое войско и свое государство и будет несчастнейший из государей в истории".

Гилленкрок, однако, не прекращал попыток воздействовать на короля и уговорить его уйти от Полтавы. Он обратился к фельдмаршалу Реншильду с

вопросом зачем шведам нужно осаждать Полтаву, впрочем без особой надежды, поскольку знал фельдмаршала как человека, во всем поддакивающего королю. Реншильд ответил: "Король хочет до той поры, пока придут поляки, иметь развлечение". Гилленкрок возразил: "Это дорогое препровождение времени, которое требует большого количества человеческих жизней. Король поистине мог бы доставить себе лучшее занятие". Фельдмаршал счел за лучшее прекратить разговор следующим образом, он сказал: "Но если такова воля его величества, то мы должны быть довольны". Обращался Гилленкрок и к первому министру Пиперу, тот рискнул заговорить с Карлом об уходе от Полтавы, но услышал в ответ: "Если бы даже господь бог послал с неба своего ангела с повелением отступить от Полтавы, то все равно я останусь тут". Наконец, генерал-квартирмейстер Гилленкрок решил снять с себя всякую ответственность за грядущее поражение, но король снисходительно ответил: "Нет, вы не виновны в этом. Мы берем ответственность на нас. Но вы можете быть уверены, что дело будет выполнено быстро и счастливо". Возможно, все-таки такая бравада Карла XII, шведского короля, баловня европейских побед, объяснялась попыткой спрятать глубоко затаившийся страх перед неизбежной катастрофой.

Чудо, на которое уповал Гилленкрок, чуть было не случилось. 2 апреля король получил послание графа Г. Головкина об обмене пленными. Вместе с этим посланием Головкин от имени царя предлагал условия для прекращения войны. У Карла появилась возможность с честью выйти из катастрофического положения, спасти себя и армию от полного разгрома. Однако король отверг условия мира, которые заключались в том, чтобы Карл признал за Россией окончательное владение всеми городами и областями у Балтийского моря, какие до сих пор завоеваны русскими и которые издавна принадлежали русским. Кроме того, по условиям предложенного мирного договора обе стороны не должны вмешиваться в польские дела. Это был шанс, которым не воспользовался Карл XII, – он

заносчиво ответил царю: "*Его величество король шведский не отказывается принять выгодный для себя мир и справедливое вознаграждение за ущерб, который он, король, понес. Но всякий беспристрастный человек легко рассудит, что те условия, которые предложены теперь, скорее способны еще более разжечь пожар войны, чем способствовать его погашению.*"

Карл со своим штабом и Мазепа все еще находились на своей главной квартире в селе Великие Будищи. Военные действия по взятию Полтавы начались в начале апреля 1709 года. Полтава тогда была сравнительно небольшой крепостью, расположенной на правом высоком берегу реки Ворскла при впадении в неё реки Коломак. В месте своего слияния эти реки образовали множество рукавов, протекающих в широкой низменной долине, покрытой непроходимыми болотами, чрезвычайно затрудняющими сообщение города с восточным берегом реки Ворскла. Крутые возвышенности правого берега отделены от русла реки болотистой местностью шириной примерно в километр. Незадолго до прихода шведов крепость была расширена и состояла из двух частей, разделенных Мазуровским оврагом. На внешней линии обороны было построено 10 крепостных башен и 5 башен для охраны крепостных ворот. Земляные укрепления были усилены частоколом.

К началу осады гарнизон Полтавы состоял из трех полков (почти 4200 русских солдат), 91 пушкаря и 2600 вооружённых жителей города из четырёх тысяч, населяющих тогда Полтаву. В городе было 28 медных и чугунных пушек, значительные запасы продовольствия и сравнительно небольшое количество боеприпасов: 24 пуда пороха пушечного, 21 пуд пороха мушкетного, 620 ядер, 100 зарядов картечи, 90 пудов селитры и 20 пудов серы.

Первые незначительные стычки произошли 1 апреля, через два дня к городу подошла часть шведского войска, из которого полторы тысячи человек сразу же бросились на штурм. Крепостной вал показался шведским

солдатам невысоким, и они надеялись взять его с ходу, однако защитники довольно легко отбили эту атаку. На следующий день к крепости стали подходить новые шведские силы, тогда Келин выслал против штурмующих два отряда, и шведы были с потерями отбиты. В час ночи 5 апреля шведы уже пошли на настоящий штурм, продолжавшийся до утра. Однако и этот штурм был отбит. В этом ночном бою шведы потеряли более 400 человек, потери защитников Полтавы составили более полусотни убитыми и около 100 ранеными.

Несмотря на первую неудачу овладеть Полтавой с ходу попытки штурма продолжались, однако без заметного успеха. Генерал Гилленкрок предложил вырыть три траншеи, через которые можно было бы приблизиться с пушками к городу. Рытье траншей было возложено на запорожских казаков, по 300 казаков на траншею. Началась позиционная война: запорожцы рыли траншеи, а защитники города и днем и ночью короткими вылазками разрушали проделанную работу. Комендант Полтавы А. Келин, грамотно организовавший оборону, внезапными нападениями уничтожал и запорожцев и шведов. 10 апреля шведы смогли втащить в траншею пушки, но Келин выслал 1200 человек, отбивших траншею у шведов. Но когда нападавшие удалились в город, шведы вернулись на место. 14 апреля Карл, поставивший перед собой задачу взять крепость во что бы то ни стало, лично осмотрел валы Полтавской крепости и, обнаружив в одном месте низкий вал, велел в тот же день взять Полтаву штурмом. На штурм крепости бросились 3 тысячи шведских мушкетеров, но лихая атака была отбита четырьмя тысячами солдат и местными вооруженными жителями.

Осада Полтавы

Убедившись, наконец, что взять Полтаву быстрым штурмом невозможно, король приказал начать долговременную осаду. Возле самых валов крепости шведы стали строить укрепленный лагерь. 16 апреля начался обстрел крепости из трех мортир, но город не сдавался. Через несколько

дней, 23 апреля, Карл отправил на штурм отряд генерал-майора Спарре в составе 9 пехотных и одного артиллерийского полка. Шведские солдаты и гренадеры под гром артиллерийского огня бросились к крепостным валам с штурмовыми лестницами. Защитники крепости, подпустив неприятеля ближе, дали залп и бросились в штыковую атаку. Не выдержав напора нападающих, шведы откатились назад. Тогда шведы применили излюбленный прием, — они сделали подкоп под стену крепости и заложили "каморы", начиненные большим количеством пороха. В момент взрыва должен был начаться штурм. Однако русские саперы своевременно обнаружили подкоп и сумели выбрать весь порох. На следующий день, 24 апреля шведы, увидев как загорелся фитиль, бросились, было, в атаку, но вместо ожидаемого взрыва на шведов обрушился сильный огонь с крепостного вала.

Тем временем к Полтаве уже подтягивались основные силы шведского войска, а 28–29-го апреля к Полтаве прибыл из Великих Будищ и сам король с кавалерией и пехотными полками. Карл планировал взорвать подкоп и сразу же броситься в атаку на крепость. Король был в гневе от неудавшегося штурма и приказал обстреливать Полтаву пушечными ядрами из ближайших орудий, чем нанес городу значительный ущерб. Находившиеся вблизи мазепинские казаки стали упрашивать короля, чтобы он прекратил бомбардировку, поскольку у многих в Полтаве находились семьи, родственники и имущество. Там же была жена племянника Мазепы И. Обидовского, погибшего в самом начале Северной войны.

На следующий день Карл предпринял еще одну попытку штурма в месте, которое, как показалось королю, было слабо защищено. Но и эта атака была отбита с потерями в почти 400 человек. Наконец, с великими трудностями и потерями 1 мая шведы соорудили первую траншею перед крепостными укреплениями.

Весть о том, что Полтава осаждена неприятелем, дошла до русского командования в конце апреля. В начале мая главные силы русской армии передислоцировались из Богодухова и расположились между Котельвой и

Лихачевкой. Еще 5 мая русское командование не имело точных данных о сложившейся обстановке и намерениях шведского короля. Только на следующий день Меншиков получил донесение коменданта Келина, в котором тот сообщал, что "*неприятель оную крепость уже несколько раз жестоким приступом атаковал и хотя с великим уроном отбит и через вылазки многих людей потерял, однако же, до сего времени, помянутой город в крепкой блокаде держится*".

Командование русской армии, которое возглавлял князь А. Меншиков, было крайне озабочено судьбой Полтавы. 7 мая на военном совете было решено срочно оказать помощи осажденным. Вначале была предпринята попытка отвлечь шведов от Полтавы, для чего русские отряды успешно переправились на правый берег Ворсклы у Опошни и перешли в наступление на отряд генерала Росса. Росс, убедившись, что силы русских значительно превосходят силы шведов, не решился вступить в бой. Он зажёг предместье и отступил в Опошненский замок. Но и Меншиков не решился штурмовать замок, поскольку получил известие о том, что на помощь осажденным движется сам король **с** двумя гвардейскими батальонами и четырьмя драгунскими полками. Строго выполняя приказ Петра не вступать в серьезную битву без него, Меншиков отдал приказ отвести части на левый берег реки Ворскла. Шведы вернулись к Полтаве, и намеченный план по снятию осады не удался.

Тогда, сложным маневром два отряда с двух сторон подошли близко к Полтаве, заставив шведов встревожиться и отступить от крепостных стен. При этом русские успели взять в плен 750 шведов, кроме того, к Меншикову пришли несколько сот жителей Опошни, которых шведы держали "за крепким караулом" и принуждали к "непрестанной жестокой работе".

Этот маневр позволил коменданту А. Келину сделать удачную вылазку, порубить шведов, забрать часть шведского обоза и перекопать неприятельский подкоп. Но уже почти месячная осада приводила к постепенному истощению города. Коменданту нужны были свежие силы.

Меншиков с помощью отвлекающего маневра (он велел сооружать новые редуты и мосты якобы для переправы русского войска) насыпал по совету местных жителей плотину. По этой плотине в ночь с 15 на 16 мая бригадир Алексей Головкин благополучно провел в Полтаву 1200 солдат, переодетых в трофейные шведские мундиры. Он скрытно перешёл через топкие болота и подошёл к шведскому лагерю. На окрики часовых: "Кто идёт?" – Головкин ответил по-немецки, что он ведёт команду в траншеи для осадных работ. Шведы поздно поняли свою ошибку, русский отряд штыками проложил себе дорогу к воротам Полтавы, оставив на поле боя до 200 шведов. Комендант Келин был рад свежему подкреплению из мужественных и храбрых солдат, каждый из которых принёс в крепость по мешку пороха. Узнав о смелом прорыве более тысячи русских солдат в осаждённую Полтаву, Карл XII сказал своим генералам: "*Я вижу, что мы научили русских воевать*". Правда, это мало помогло делу, поскольку через несколько дней по вине Головкина 400 русских солдат, неудачно совершивших вылазку, были убиты, а самого бригадира и сорок солдат взяли в плен.

За трёхмесячную оборону Полтавы было проведено более 30 боевых вылазок. Только за апрель и май защитники крепости провели 21 боевую операцию, уничтожив около двух с половиной тысяч шведских солдат и 44 взяв в плен. На глазах у изумленных шведов русские умельцы применили новое средство борьбы с противником, они придумали машину с крюком и буквально "вынимали" шведов, работающих в окопах, или же калечили их.

В середине мая русские добились еще одного успеха: легкий кавалерийский отряд напал на неприятельские конские стада, отогнав, больше тысячи лошадей. Этот рейд значительно укрепил русскую конницу, страдавшую падежем лошадей вследствие скудности фуражка. Вообще в те дни казаки, русские конные отряды и местные крестьяне успешно угнали лошадей и скот, который шведы выгоняли пастьись около своего лагеря. Только в период с 17 по 20 мая у шведов было угнано полторы тысячи лошадей.

До конца мая значительных военных действий не было, поскольку шведы берегли порох и не обстреливали Полтаву. Город решили взять измором, лишив его возможности подвозить продовольствие. Но страдали и шведы: начиналась украинская жара, к которой были непривычны скандинавы. К тому же продовольствия не было в должной мере и у них, поскольку мясные продукты быстро разлагались, а хлеба было мало.

Опытный А. Келин доставлял шведам массу неприятностей. В жаркий день 25 мая русские сделали вылазку и напали на шведов и запорожцев, работавших в траншее. Запорожцы после этого возвращались на свои земляные работы с большой неохотой, возмущаясь своим положением простых землекопов, что не соответствовало их представлению о себе, как о людях рыцарского звания.

Вообще многим казакам все происходящее очень не нравилось, особенно после того, как буквально в те же дни стало известно, что Чертомлыцкая Сечь прекратила свое существование. Генерал-квартирмейстер Гилленкрок писал позже, что запорожцы недовольны тяжёлой работой, они, "жаловались, что всегда их одних командируют на работы и никогда не отправляют шведов, говоря, что они - не рабы наши". Боевой дух запорожцев заметно снизился по сравнению с первыми днями присутствия в шведском войске. Шведские историки пишут, что казаки готовы были взбунтоваться, поэтому шведы просили Мазепу выступать перед ними с увещевающими и ободряющими речами.

Вопреки уверенности Карла осада Полтавы затягивалась. Шведы предприняли еще одну, восьмую по счету попытку убедить коменданта А. Келина сдаться. Ему предложили сдать город на самых почетных условиях, иначе, угрожали шведы, все защитники будут истреблены. Солдаты и население города уже начинало голодать, положение осажденных с каждым днем ухудшалось, но ответ Келина был твердым: "*Мы уповаем на бога, а что объявляешь, то мы чрез присланые, коих 7 имеем, известны; тако же знаем, что приступов было восемь и из присланных на приступе более 3 тыс.*

человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет".

Очередной штурм был назначен на 1 июня. Шведская артиллерия бросила в город 32 зажигательные бомбы, что привело к сильным пожарам. Защитники крепости бросились тушить огонь, а три тысячи шведов после обстрела с двух сторон двинулись к укреплениям Полтавы. На валах осталось очень мало защитников и шведы, легко отогнав их, водрузили на валу королевское знамя. Но и этот штурм оказался неудачным: к месту боя уже бежали войска и городская дружина. Защитники крепости отбросили неприятеля, который оставил на валах и под стенами города до 400 убитых солдат.

Теперь уже и Мазепа был уверен в бессмысленности осады Полтавы. Он вместе с первым министром Пипером стал уговаривать Карла снять осаду Полтавы. Но упрямый венценосец заносчиво твердил, что "*если Полтава не будет взята завтра, то послезавтра, если не через месяц, то через год, если не через пять лет, то через десять*".

К концу мая практически все шведское войско подтянулось к окрестностям Полтавы. Все ближе и ближе к осажденному городу подходила и русская армия. В результате шведы оказались в почти полном окружении. Как писалось в одном из донесений "*сзади шведов до самого Днепра и по реке Ворскле, так что шведы со всех сторон обойдены были и повидимому кроме помощи божией оной армии никакова спасения ни убежать, ни же противостоять российской иметь было невозможно...*". Осмелели и защитники Полтавы: они стали строить редут прямо напротив шведского лагеря. Шведы пытались, было, помешать работе, но комендант А. Келин выслал из города две роты гренадеров и две роты мушкетеров, в результате чего шведы были отброшены, потеряв около 80 человек.

Наконец, 4 июня в русский лагерь прибыл из Азова Пётр I, отсутствовавший на Украине четыре месяца. Первое, что сделал царь –

собрал военный совет, на котором командующий русской артиллерией Я. Брюс предложил перейти через Ворсклу, выше Полтавы, и устроить там лагерь, расположив там не только пехоту, но и конницу. Такая диспозиция, по мнению Я. Брюса, позволила бы быстро реагировать на все возможные действия шведов. Петр не только одобрил план перехода части русских войск на другой берег Ворсклы, но расширил его. По его видению, через Ворсклу должна перейти вся армия, что означало неминуемое генеральное сражение.

В те же дни была налажена связь с осажденным городом через "воздушную почту". Артиллерийские спецы, точно рассчитав траекторию полета полых бомб, перебрасывали через головы шведов письма, лекарства и порох. В середине июня А. Келин таким же образом известил Петра, что в городе кончаются запасы продовольствия. Кроме того, глубокие подкопы, прорытые под крепостными валами, угрожали новым штурмом. Царь еще более укрепился во мнении, что генеральное сражение неотвратимо. В письме главе Адмиралтейского приказа Ф.М. Апраксину от 7 июня царь пишет: "*Сошлись близко с соседьми, с помощью божиего, будем конечно в сем месяце главное дело со оными иметь*". Шведская армия сама оказалась в положении осажденной. Граф Головкин писал русскому послу в Дании В.Л. Долгорукову: "*И можно сказать, что неприятель есть паче от нас в осаде, нежели помянутая крепость от него*". Русский генерал Алларт в своих записках писал: "... шведы со всех сторон обойдены были и повидимому кроме помощи божией оной армии никакова спасения ни убежать, ни же противостоять российской иметь было невозможно...".

Русское командование получало сведения о положении в шведском лагере от перебежчиков, в основном, мазепинских казаков. Они сообщали, что шведы не только хотят наступать на русскую армию, но и сами очень опасаются русской переправы на полтавский берег. По их сведениям в лагере "*есть нечево и купить негде*". В окруженнном со всех сторон шведском лагере ощущался недостаток провианта, – некачественный хлеб и конина

составляли пищу простых солдат. Изголодавшиеся солдаты видели свое спасение только в решающей битве: "Смерти или хлеба" вопили они.

Шведский генералитет тоже прекрасно понимал свое положение, из которого мог быть только один выход – генеральное сражение. Однако продолжающаяся осада Полтавы мешала выполнению главной задачи. Генерал-квартирмейстер Гилленкрок в сердцах сказал первому министру королевского двора графу Пиперу при осмотре русского лагеря и его работах по переправе через Ворсклу: "...атака на Полтаву никогда не будет иметь успеха, хотя бы Его Величество целый год продолжал нападения". Пипер спросил: "Какие тому причины и препятствия?" Гилленкрок ответил: "Причины те, что у нас нет ни ядер, ни пороха, как для малых орудий, так и для пехоты, и все выстрелы, теперь нами слышимые, принадлежат неприятелю, а не нашим. ... По моему мнению, ничего не остается Королю как снять осаду и найти для армии хорошие квартиры. Если же этого не будет, нам грозит большое несчастье. Или Король будет убит, потому что он подвергает себя всем, опасностям, а это тревожит и рядовых, и офицеров, которые, как я сам слышал, говорят между собою: Король хочет быть убитым; или, если неприятель решится подать помощь Полтаве, сражение может иметь для нас несчастный исход. В таком случае, мы все погибли, ибо, без особенного счастья, никто отсюда не выйдет, так как мы отдалены от отечества на несколько сот миль".

Царь Петр, озабоченный опасностью штурма Полтавы и начавшимся там голодом, поставил задачу оказания помощи гарнизону города. Для этого он отправил А. Келину через бомбометание приказ начать вылазку из города в момент, когда русские войска будут пытаться прорвать блокаду. Однако такой план, намечавшийся на 12 июня, оказался невыполнимым по причине ливневого дождя, поднявшего уровень Ворсклы, вследствие чего русский отряд просто не мог переправиться через реку.

Тем не менее, в ночь с 15 на 16 июня 12 драгунских и 3 пехотных полка под командованием генерал-поручиком Рена переправились на правый берег

Ворсклы недалеко от деревни Петровка (10–11 км севернее Полтавы). Здесь сразу же, еще до рассвета, была сооружена земляная насыпь из семи бастионов, для прикрытия переправы. Утром 16 июня фельдмаршал К.Г. Реншильд сообщил королю тревожную новость: "минувшей «ночью неприятель построил на поле перед Петровскою семь небольших редутов, обставил их пушками и занял пехотой". В тот же день на военном совете рассматривался вопрос о немедленном наступлении, но шведские генералы считали опасным наступать на русские фортификационные сооружения, поскольку местность возле Петровки была заболоченной.

К вечеру того же дня на правый берег Ворсклы перешла остальная часть отряда генерал-поручиком Рена, расположившись в новом лагере у Петровки. С этого момента русские медленно стали приближаться к расположению шведов, возводя новые земляные укрепления. Уже 18 июня был возведен "новый ретраншемент", состоявший из 17 редутов, расположенных вдоль Ворсклы (данные П.А. Кротова). Таким образом, была обеспечена возможность переправы основных сил российской армии, которые по мосту и бродами беспрепятственно перешли на правый берег Ворсклы. Это произошло вечером 19-го и в ночь на 20 июня.

Таким образом, перед глазами шведов на поле у деревни Семеновки, расположенной в 8 км от Полтавы, был насыпан укрепленный лагерь для размещения пехоты и артиллерии. Ретраншемент примыкал флангами и тылом к крутоям, обрывавшимся в сторону Ворсклы. П.А. Кротов обнаружил в небольшой краеведческой брошюре 1909 года следующую запись: "...в западном направлении от Семеновского лагеря по возвышенности севернее болотистой и овражистой лощины, где несколько ниже берет исток речка Побиванка, тянулись следы от насыпанной во время стоянки там русских войск линии редутов". В своем известном дневнике, летописец шведского похода Г. Адлерфельт записал в те дни "... враг сделал великие передвижения, неуклонно приближаясь все более и более и строя

земляные укрепления". Но и это была не последняя дислокация русских войск.

Шведы поняли, что возникла опасность прорыва и снятия блокады. Карл лично приказал Гилленкроу, чтобы тот "*ни под каким видом, не пускал неприятеля, к городу, но чтобы генералы Спарре и Штакельберг немедленно атаковали его пехотой*". В эту ночь начала перехода русского войска на другой берег Ворсклы, был ранен в ногу шведский король Карл XII. По поводу как это произошло, существует несколько версий. По одной из них, наиболее подробной (версия Н.А. Костомарова), Карл вместе с генералом Левенгауптом поехали осматривать ночью 16 июня дислокацию русских войск, чтобы убедиться насколько реальным мог стать переход русской армии через Ворсклу. Когда стало рассветать и наступило 17 июня (кстати, день рождения Карла XII), король спустился поближе к реке. Испуганный Левенгаупт сказал королю: "*Ваше величество, не оставайтесь здесь так долго. Безо всякой причины нельзя выставлять на убой простого солдата, не то что королевскую особу*". И в этот самый момент неприятельская пуля убила под Левенгауптом лошадь. После падения он закричал: "*Ваше величество! Ради самого Бога оставьте это место!*" Но Карл только воскликнул, видимо наслаждаясь опасностью и возможностью еще продемонстрировать свою смелость: "*Не беда, Вы получите другую лошадь*". Левенгаупт, пересевший на другую лошадь, постарался уже дружеским тоном убедить короля покинуть опасное место. Он сказал: "*"Ваше величество! Нельзя бесполезно губить и солдат, не то что генералов. Я поеду своей дорогой*". С этими словами он повернулся к реке, стал ездить вдоль берега. Когда же, убедившись, что никакой переправы нет, он стал отъезжать от реки. И тут случайная пуля, пущенная русским солдатом, задела ему пятку левой ноги, прошла вдоль подошвы и застряла между ножными пальцами. Для короля наступил момент, когда он получил возможность показать

окружающим свое пренебрежение к боли. Только когда его слуга увидел, что из королевского сапога течет кровь, среди сопровождающих началась паника. Король, не слезая с седла, отправился в лагерь, на обратном пути ему встретился Левенгаупт, встревоженно обратившийся к Карлу: "*Aх, ваше величество! сталось-таки то, чего я так боялся и что предрекал!*". Но король, не обращавший внимания на боль, ответил генералу: "*Ничего, это только в ногу; пуля в ноге застряла, но я велю ее вырезать*".

И все же король вернулся в свое помещение не раньше чем через час, он поехал к траншеям, раздавая приказания своим генералам Спарре и Гилленкроу. Тем временем, нога распухла, и было довольно затруднительно даже снять сапог, – пришлось его просто разрезать. Началась операция, кости в ступне оказались раздробленными, король испытывал страшную боль, но молчал, когда хирург, делая глубокие разрезы, доставал осколки костей. Он даже ободрял хирурга, говоря: "*Режьте живее, – это ничего*". Пришедших к нему генералов он принял успокаивать: "*Не беспокойтесь за меня, рана вовсе не опасна; я через несколько дней опять буду ездить верхом*". Тем не менее, королю пришлось несколько дней пролежать в постели. Положение было довольно опасным. Можно представить себе состояние генералов, когда медики сомневались, что король сможет протянуть несколько дней. Была страшная жара, и они опасались гангрены, тогда пришлось бы ампутировать раненную ногу. Несколько дней король отказывался принимать лекарства. Только когда его состояние совсем ухудшилось, его почти насильно принудили принять медикаменты, после чего он заснул. Фактически эта безумная ночная разведка с фатальным концом привела к тому, что во время генерального сражения Карл был вынужден отдать общее руководство боем фельдмаршалу Реншильду.

Пытаясь организовать помощь Полтаве, русское командование на военном совете 12 июня решило произвести демонстративное нападение на шведскую армию с нескольких направлений. 14 июня гетман Скоропадский произвёл нападение на деревню Жуки, а отряд Рена отбросил шведов от

деревни Петровка. Но Карл с маниакальным упорством не снимал осаду. Петр 11 июня послал кавалерийского генерал-лейтенанта Генскина на Сенжары, от которого была прямая дорога на Переволочну. 14 июня отряд Генскина в составе 2500 драгун и Астраханского пехотного полка напал на Старые Сенжары, в котором находился шведский генерал-майор Круус с войском в 3500 человек. Русские штурмом взяли город, порубали обоз, захватили королевскую казну и знамена, взяли в плен офицеров и солдат. В Старых Сенжарах разыгралась еще одна драма: в городе содержались 1200 пленных, взятых еще в Веприке и в других местах. Шведы, собираясь бежать из города, решили их перебить. Когда отряд Генскина ворвался в город, шведы успели убить 170 человек. Воспользовавшись неожиданным переполохом, русские разбили оковы, ими же перебили свою стражу и присоединились к русскому отряду. Успех Генскина был настолько впечатляющ, что уже 17 июня шведы, стоявшие в Сенжарах, отправили к главной армии весь свой обоз и большую часть своего отряда.

Полтавское сражение могло состояться раньше, царь Петр еще 8 июня приказывал князю В. Долгорукову и гетману И.Скоропадскому начать возводить мосты через реку Псел и двигаться для соединения с русской армией, поскольку, он намерен: "*...всеми силами неприятеля с божиего помошю атаковать*". Однако погода помешала планам русского царя, начались июньские дожди, почва превратилась в болота. Петр нетерпеливо ждал перемены погоды и уже 19 июня сообщил князю В. Долгорукову, что намерен завтра перейти через Ворсклу и "*искать над неприятелем щастия*". В тот же день русская армия начала под прикрытием отрядов Рена и Алларта переход основных сил через Ворсклу и, закончив его 20 июня 1709 года, стала обустраиваться лагерем возле деревни Петровка. Переход по сооруженным мостам русской армии сопровождался отвлекающим маневром, предпринятым князем Волконским, схватка с которым была расценена шведами как очередная победа.

Тем временем положение Полтавы стало стремительно ухудшаться. Шведский генералитет теперь уже просто боялся оставить перед генеральным сражением за своей спиной еще вполне боеспособный полтавский гарнизон. 21 июня шведы сделали попытку взять город штурмом, предварительно взорвав подложенные в подкопе мин, но они опять не взорвались. На следующий день состоялся еще один штурм, во время которого шведы уже не жалели ни людей ни пороха. Потери шведов были велики: они потеряли 21 июня около 500 человек, а 22 июня еще около 1700. Небольшие отряды, преодолев вал, уже дрались на улицах города. Но и на этот раз ничего не вышло, снова штурмующие были отбиты. Защитники Полтавы дрались отчаянно, на пределе сил. Только за эти два дня они потеряли убитыми 1319 человек из гарнизона и жителей города. Стоя на валу и уже пренебрегая опасностью, гарнизон били ядрами, жители бросали камни, которые подносили женщины, и даже швырялись дохлыми кошками. Только к ночи 22 июня наступающие шведы были вынуждены прекратить приступ, ничего не добившись.

24 июня царь Петр начал подготовку к решающему сражению, он шлет приказ в Белгород изготовить "*восемь тысяч лопаток, да три тысячи кирок*", и первую же партию (три тысячи лопаток и одну тысячу кирок), незамедлительно доставить в русский лагерь. Саперный инструмент, запрашиваемый царем, был отправлен 30 июня 1709 года, но он уже не потребовался: 27 июня 1709 года грянула Полтавская битва!

ГЛАВА 8

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА. ТРИУМФ РУССКОГО ОРУЖИЯ

Расположение войск и планы сражения

Пространство на котором разыгралось сражение, определившее исторические судьбы не только России, Швеции, Польши и Украины, но и всей Европы, находится в нескольких километрах от Полтавы. В те годы это поле представляло собой плоскую равнину, шириной около 1,5 км и длиной до 3 км, расположенную между Будищенским и Яковецким лесами. Здесь проходил единственный возможный путь наступления шведских войск на русские порядки. Русский лагерь, вначале располагавшийся между деревнями Петровка и Семеновка, с 25 июня перешел на новое укрепленное место в 5 километрах от Полтавы, чуть севернее деревни Яковцы. С трех сторон вокруг лагеря были насыпаны валы, перед которыми забили в землю торчащие колья, за ними выкопали рвы. Далее следует описание топографии лагеря по данным российского историка П.А. Кротова, основанным на официальных российских чертежах и гравюре Я. Кайзера. Новый лагерь "...имел два угловых бастиона¹, полубастион и тринадцать реданов.... Ретраншемент имел ... строго прямоугольную форму. Западная сторона,

¹ **Бастион** (итал. bastionato — всякая выступающая постройка) — пятиугольное долговременное укрепление в виде люнета, с двумя фасами, двумя фланками и открытой горжей, возводившиеся на углах крепостной ограды и примыкавшие к ней.

Люнет (франц. lunettes — очки) — открытое с горжи полевое укрепление с одним, а чаще с двумя фасами и двумя фланками.

Фас (франц. face — лицо) — сторона укрепления, обращенная в поле.

Фланк (франц. flanc — бок). В бастионной системе — сторона бастиона между фасом и куртиной, где обычно устанавливались орудия для обстреливания рва перед куртиной.

Горжа (франц. gorge — шея, горло) — тыльная сторона отдельных укреплений.

Куртина (итал. curitne — завеса) — участок крепостной ограды между фланками двух смежных бастионов или между двух башен.

Бруствер (нем. brustwehr — грудная защита) — часть фортификационного сооружения, представляющая собой закрытие от прицельных выстрелов и взоров противника.

Редан (редант) — полевое укрепление, состоящее из двух фасов, расположенных в виде исходящего угла (60° - 120°). Р. дают косоприцельный огонь для поддержки соседних укреплений или - для обстрела промежутков. Малый Р. с тупым исходящим углом носит название флеши.

наиболее угрожаемая в случае прорыва неприятельской армии, являлась наиболее зауженной: только 0,66 протяженности южной. Она имела два бастиона на углах, а вал между ними был усилен тремя реданами. ... Ретраншемент мог быстро превратиться из мощного средства обороны в опорный плацдарм для перехода в наступление укрывавшихся в нем пехоты и артиллерии (это и произошло в ходе битвы). Наиболее протяженная южная сторона ретраншемента, отходившая под прямым углом от спускавшихся к Ворскулеским косогорам, «смотрела» на Полтавскую крепость, от которой ее отделял лесной массив, изрезанный глубокими оврагами. Южный вал ретраншемента имел полубастион на восточном краю – там, где начинался береговой обрыв. На западной оконечности южного фаса укрепленного лагеря выступал упоминавшийся угловой бастион, усиливали южную сторону ретраншемента шесть реданов. По всей длине южного фаса равномерно между реданами, бастионом и полубастионом размещались семь проходов для быстрого вывода полков в поле. Северная сторона ретраншемента составляла только 0,75 от длины южной: продлевать ее далее к Ворскуле не имело смысла – она доходила до начала ниспадавшего к низменной пойме реки языка оврага. Северный фас лагеря располагал четырьмя выходами для войск.

Открытый путь от нового укрепленного лагеря россиян до Полтавы простирался по полям подобием полукружия, огибающего с запада прорезанный глубокими оврагами лес, занимавший пространство между осажденной шведами крепостью и деревней Яковцы. Этот проход ограничивался другим лесом, лежавшим западнее и примыкавшим к селению Малые Будищи. Таким образом, единственный маршрут, по которому либо русская, либо шведская армии могли атаковать, представлял собой не слишком широкую прогалину между двумя лесными массивами. Иной путь к российскому ретраншементу – по дороге, шедшей от Полтавы через лес вдоль берега Ворскулы, совершенно исключался: узость места не позволяла ни шведам, ни россиянам развернуть боевые порядки армий для

атаки. Петр I сумел наилучшим образом использовать эти особенности местности к выгоде россиян". Общая площадь нового лагеря, построенного всего за полсуток, составляла чуть более одного квадратного километра.

Таким образом, место для основного лагеря было выбрано с таким расчетом, чтобы контролировать маневры шведов – между Яковецким лесом и крутыми берегами Ворсклы. С точки зрения обороны место было выбрано идеально, однако, в случае поражения путь к отступлению был чреват полным разгромом русской армии. Если бы шведская конница зашла в русский тыл с севера, русские войска были бы сброшены в Ворскулу.

На единственно возможном направлении атаки шведских войск Петр приказал построить десять редутов в виде буквы Т. Четыре редута располагались в продольную линию, в сторону противника, и шесть – перпендикулярно первым четырем. В военной терминологии редутом (другое название – шанец) называли изолированный пункт обороны, предназначенный для отражения атак неприятеля и оснащенный всем необходимым для выдерживания длительной осады. Как инженерное сооружение, редут представлял собой сомкнутое земляное укрепление в виде четырехугольника или треугольника. Обычно он состоял из бруствера и рва, защищенного заостренными и вкопанными в землю стволы деревьев. Расстояние между шанцами составляло около 150-170 метров, что давало возможность надежно простреливать пространство, в котором окажется неприятель.

Основу гарнизона, размещенного в построенных редутах, составляли 8 батальонов Белгородского полка под командованием бригадира Айгустова. В редутах размещались 16 орудий. За линией редутов должна была быть дислоцирована кавалерия под командованием князя А.Д. Меншикова.

Шведские силы находились в непосредственной близости от Полтавы. Король, высшие генералы, походная канцелярия и драбанты, а также весь придворный штат заняли монастырь, расположенный на холме, примерно на расстоянии одного километра на северо-восток от города. Шведская пехота

(18 батальонов пехоты, общей численностью 8200 человек и 4 пушки), размещалась на той же возвышенности. Лагерь шведской конницы (109 эскадронов конницы в количестве 7800 человек), включая Валашский полк (12 эскадронов нерегулярной кавалерии, 1000 человек) протянулся в длину между опустевшими во время войны деревнями Рыбцы и Пушкаревка. Армейский обоз, состоящий из многих тысяч телег и повозок, стоял южнее Пушкаревки перед глубокой тесниной. В обозе находилось 2,5 эскадрона кавалерии (200 человек), небольшой отряд пехоты, 3000 гетманских казаков, 8000 запорожцев, 28 орудий (21 пушка в 3-6 фунтов, две 16-фунтовые гаубицы, 5 мортир в 6 фунтов. При этом практически отсутствовал порох.

Поскольку осада Полтавы продолжалась, и вероятность вылазки ее защитников в тыл шведам была высока, там было оставлено два с половиной батальона пехоты (1100 человек), четыре эскадрона конницы (200 человек) и две пушки. Опытные шведские генералы хорошо продумали дислокацию своих войск, в частности, местоположение обоза было выбрано так, чтобы в случае успеха русских можно было успеть вывезти его на юг, в сторону Днепра. Обоз охранялся в основном мазепинскими и запорожскими казаками.

План Петра заключался в следующем: вначале, на первом этапе боя измотать противника, используя значительное превосходство в артиллерии, а затем навязать решающий бой на равнине и нанести сокрушительный удар. Детальнее первый этап заключался в том, что хорошо укрепленные и начиненные артиллерией редуты должны нанести существенный урон наступающим шведам, особенно с флангов, если шведы задумают их обойти. Петр учитывал тот факт, что, во-первых, у Карла артиллерии практически нет, а, во-вторых, Карл не особенно жаловал этот род войск. Практически все свои сражения он выигрывал, опираясь на кавалерию и пехоту.

Непосредственно взяв на себя командование, царь распределил места дислокации и задачи войск под командованием генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, князя А.Д. Меншикова, генералов Х.Р. Боура, Я.В. Брюса,

организовал быструю и надежную связь между частями и центром командования. Может возникнуть вопрос: могли ли русские желать, чтобы Карл, увидев подавляющее превосходство противника в живой силе и артиллерии и в целях сохранения армии, уклонился от генерального сражения и ушел в сторону Польши? Из письма князя Меншикова к жене следует, что лично он надеялся: "*Вчера́сь лагерь переместился на новое место, и, хотя место сие находится ближе к неприятелю, сдается мне, что выбрано оно удачно. В добавок наши солдаты построили шанцы, и многие так мыслят, что неприятелю скоро придется покинуть это место и прочь уйти; после чего мы надеемся с Божьей помощью установить связь с Полтавой*". Как уже говорилось, граф Пипер, первый министр королевского двора, давно уже настоятельно советовал Карлу отступить во избежание потери армии. Однако сам царь Петр ни в коем случае не желал такого развития событий. Узнав о маневрах неприятеля, которые можно было расценить, как подготовка к отступлению, Петр писал гетману Скоропадскому: "...надобно господину гетману послать от себя указы не мешкав к полковнику Калагану (Галагану – С. Иванов) и к прочим командинором, обретающимся за Днепром, дабы они весьма того накрепко смотрели, чтоб оных шведов за Днепр не перепустить, и того для везде по берегам всякие перевозные суда и лодки обрать и приставить крепкие караулы".

Прямых указаний Карла своим генералам, как он намерен действовать во время генерального сражения, не было. За день перед битвой, 26 июня, Карл, еще не оправившийся от раны, а может по причине угнетенного состояния, фактически передал командование фельдмаршалу Реншильду.

Впрочем, у шведов и не могло быть иного плана, чем вначале прорыв через русскую систему обороны между Будищенским и Яковецким лесами, а затем – штурм укрепленного лагеря. Первая часть плана должна была осуществляться в форме внезапного прохода между оборонительными сооружениями – четырьмя продольными редутами, а затем – взятие или обход шести поперечных редутов. Перед пехотой была поставлена задача

под защитой темноты быстро пройти сквозь продольные редуты, застав врага врасплох. Шведская кавалерия, развивая внезапную атаку пехоты, должна была ударить по коннице Меншикова, а пехота, прорвавшись сквозь шанцы, напасть на русский лагерь. На втором этапе шведские эскадроны должны были отрезать единственный возможный путь отступления русских – обратный путь на север вдоль Ворсклы.

Перед боем

События развивались в таком темпе, что описывать их без указания времени – только запутывать читателя. Поэтому, на основе российских, шведских и украинских источников, попытаемся отобразить ход Полтавского сражения, начиная с предыдущего дня – 26 июня 1709 года. Напомним при этом, что следует внимательно относиться к датам, поскольку в ряде источников даты указываются как по новому стилю, так и по старому. Кроме того, шведский календарь отличался от русского (юлианского) на один день, то есть 27 июня по русскому календарю означал 26 июня по шведскому календарю. Мы будем указывать, как и ранее, русские даты по старому стилю. Разница между старым и новым стилями на тот период составляла 11 дней.

26 июня, вторая половина дня. На военном совете у Карла XII было окончательно решено – атаковать. В келье у раненого короля, лежащего в постели, фельдмаршал Реншильд, назначенный главнокомандующим в сражении, объявил вызванному генерал-квартирмейстеру Гилленкроку о наступлении и приказал разделить пехоту на четыре маршевые колонны. Реншильд вручил Гилленкроку план, показывающий дислокацию частей в предстоящем сражении. Уже здесь проявилась нервозная обстановка, которая впоследствии сказалась на взаимодействии шведских частей. Реншильд довольно грубо спросил у Гилленкрока, понимает он свою задачу? Король, зная обидчивость Гилленкрока, поспешил ответить за него: "*Да-да, Реншильд, он все знает*". Тогда Реншильд, обратившись к королю, сказал, что в таком случае он

пойдет готовить кавалерию. Оба еще подождали совсем немного, не будет ли у короля каких-либо дополнительных указаний, как это обычно бывало ранее. Однако Карл больше ничего не сказал. Реншильд вышел из кельи и направился к кавалеристам, а Гилленкрок – в соседнюю комнату, – разбивать пехоту на колонны.

По выходу из здания Реншильд встретился с генералом Левенгауптом и сообщил, что ему поручено командовать объединенной пехотой. Между генералами давно уже была взаимная неприязнь, они еле воздерживались от колких высказываний в адрес друг друга. Реншильд сообщил Левенгаупту о решении короля атаковать неприятеля, передал копию дислокации и отдал распоряжение: не возбуждая подозрения русских, под покровом темноты построиться в четыре колонны. Левенгаупт спросил, можно ли построение в колонны сделать сейчас, при солнечном свете, поскольку в темноте может выйти большая путаница. Реншильд, исходя из королевского плана захватить русских врасплох, категорически отказал. Дождавшись Гилленкроха, Левенгаупт получил от него нужные бумаги и приказал генералам сделать копии этого плана. Что они и сделали в палатке, служившей им столовой.

Фельдмаршал Реншильд отправился к кавалеристам, расположившимся примерно в полумиле к западу от города. Там он передал командирам инструкции, предписывающие во время атаки задействовать всю конницу. Кроме семи полков, оставленных для защиты обоза, который в начале атаки должен был передислоцироваться в другое место, несколькими километрами южнее, у деревни Пушкаревка. Кавалеристы должны были по приказу седлать коней и двигаться шестью колоннами на русские порядки. В восьмом часу фельдмаршал Реншильд возвратился в монастырь.

Теперь уже вся армия знала о предстоящем сражении. Каравалам был отдан приказ вернуться в свои части, всем сообщили пароль, с помощью которого в условиях темноты можно будет отличать своих от врагов. Как и ранее, пароль звучал так: "*С Божьей помощью*".

В восемь часов, после обеда, король приказал вынести себя на носилках, его окружили 24 специально отобранных для защиты рослых гвардейца. Для этого смастерили специальные конные носилки в виде походной койки с шелковыми матрасами, укрепленной между двумя лошадьми. С обеих сторон королевского экипажа должны были находиться по восемь солдат. Переднего коня должен был вести рядовой Нильс Фриск, который уже исполнял такую миссию после множественного перелома ноги короля под Krakowem в 1702 году. Рядом с королем во время битвы должны были находиться военные врачи для наблюдения за состоянием раненого королем.

Начало смеркаться, генералы и высшие офицеры сгруппировались вокруг короля, лежащего на носилках. Многомесячная погоня за русскими закончилась, до начала генерального сражения оставалось несколько часов. Солдаты, находящиеся на бивуаках, в палатках или просто на земле томительно ждали сигнала, надеясь на военное счастье короля и на свое умение воевать. Сопровождавшие многих солдат семьи были отправлены с обозом в безопасное место. Лошади были оседланы и готовы к бою. Темнота все больше сгущалась над войском. Тишина украинской ночи прерывалась только одиночными выстрелами полком легкой кавалерии, перед которой была поставлена задача отвлечь внимание русских от выдвижения армии.

В русском войске также готовились к генеральному сражению. В спешке продолжали достраиваться два последних продольных редута, которые, по замыслу Петра, должны были в начале шведской атаки разделить войско наприятеля. В самом лагере Петр, обезжая войска, трижды говорил речи перед разными корпусами своей армии, содержание которых позднее И. И. Голикова в „Деяниях Петра Великого“ передал в такой форме.

“Король шведский и самозванец Лещинский привели к своей воле изменника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россию, учинить из оной независимое княжество под властью того изменника, присоединив к оному Волынь и подчиняя ему же, Мазепе, Козаков

запорожских и донских. Такою надеждою льстяся, изменник уповал собрать войска козацкого до двухсот тысяч, подкупил Порту, крымского хана и орды на нас, и для исполнения сего злоумышления призвал в Малороссию короля шведского со всеми его силами и Лещинского, поспешавшего уже в соединении с ним с 25 000 польских войск. Но помошью Божией козацкие и малороссийские народы вразумлены, остались нам верными, шведского войска через разные победы и лютость прешедшей зимы истребилось до половины, войска Лещинского побиты и разогнаны, султан мир с нами подтвердил и от помощных войск им отказал, хану и ордам соединяться с ними строго воспретил; и ныне неприятельского войска против нас осталось только 34 полка и те неполные, изнуренные, оробевшие. Остается над сими оставшими довершить вам победу. Порадейте же, товарищи! Вера, церковь и отечество сего от вас требуют".

Тот же И.И. Голиков записал реакцию солдат и офицеров на речь Петра: "Когда сии государевы речи разнеслися по всей армии, то оглушающий крик солдат: да погибнет неприятель! удостоверил монарха о ревности всего войска". И все же в русском стане не предполагали, что долгожданное генеральное сражение грянет именно завтра. Более того, еще буквально за день до битвы Петр I собственноручно написал письмо коменданту Полтавы А.С. Келину: "...ныне ... вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою, до половины июля и далее...". Российский исследователь Северной войны П.А. Кротов пишет: "Российский монарх, следовательно, за день до битвы допускал, что решительное столкновение двух армий, несмотря на их самое тесное сближение, может произойти даже через три и более недель". Князь Меншиков вообще надеялся, что шведы уйдут, уклонившись от генерального сражения.

Начало боя. 27 июня, второй час ночи

Задремавшую армию разбудил долгожданный и вместе с тем тревожный сигнал: «*Подъем, подъем, выступаем*». Приказ о выступлении был незамедлительно передан вестовыми по всем частям. По вине генерала Левенгаупта произошла задержка в построении колонн. В полной темноте было нелегко разобраться кто, куда и за кем следует, поэтому построились не в соответствии с планом дислокации. Прискакавший фельдмаршал Реншильд грубо накричал на оправдывавшегося Левенгаупта, обвинив того в неумении командовать. Приложив немало усилий, генералу все же удалось навести порядок в колоннах и подготовиться к наступлению.

Затем последовало, несмотря на задержку, традиционное богослужение, которое служило важнейшей составляющей психологической подготовки перед каждым сражением. Причащаться приказывалось всем. Во время богослужения читалась специальная молитва, которую донес до нас шведский писатель Энглунд Петер, автор замечательной книги "*Полтава: Рассказ о гибели одной армии*". Молитва звучала так: «*Дай мне и всем тем, кто вместе со мной будет сражаться против наших неприятелей, прямодушие, удачу и победу, дабы наши неприятели увидели, что Ты, Господь, с нами и сражаешься за тех, кто полагается на Тебя*». Богослужение длилось довольно долго и закончилось только к часу ночи 27 июня. После чего построенная в колонны и воодушевленная молитвой пехота пришла в движение.

Сигнал «По коням» поступил в кавалерию около двенадцати ночи. В отличие от пехоты, в кавалерии на этот раз не было богослужения. 109 эскадронов, разделенные на шесть колонн, общей численностью около восьми тысяч человек, двинулись в неизвестность без привычных барабанов и труб. Час пробил, наступление началось...

Гул тысяч солдатских сапог, глухое цокание конских копыт и ржание лошадей нарушили сонную тишину украинской ночи. Более восьми тысяч пехотинцев, включая 1800 лейб-гвардейцев, начали движение к русским редутам. Около двух часов ночи первые отряды шведской армии достигли пункта, намеченного для исходной позиции. Он располагался примерно на расстоянии 600 метров от ближайшего русского редута. Уже были видны огни неприятельских костров и слышны звуки топоров солдат, достраивавших последние два поперечных редута, расположенных на пути следования шведов.

Ночь уже прошла свою самую темную пору, и до рассвета оставалось совсем немного. Однако кавалерия запаздывала, что заставляло шведское командование нервничать. Носильщики короля с трудом передвигались в густой массе солдат, многочисленная свита следовала за королем. В свите, между прочим, находились представители ведущих европейских государств, внимательно наблюдавших за русской кампанией Карла XII. Король уже практически не вмешивался в командование армией, доверившись фельдмаршалу Реншильду. Последний без кавалерии не мог начать проход пехоты сквозь линию редутов. Пришлось отдать приказ солдатам залечь в мокрой от росы траве. Время шло, было уже половина третьего...

Тем временем, по воспоминаниям шведских участников битвы, оба фланга конных колонн попросту заблудились, отклонившись от намеченного пути. Командир правого фланга потерял контакт с несколькими из своих полков, колонны левого фланга отклонились от места назначения примерно на километр. Только на опушке Будищенского леса конница, увидев русские караулы, заметила ошибку. Наконец сбившихся с пути кавалеристов нашли, и вестовые фельдмаршала Реншильда указали им, куда нужно двигаться. Ночная темь уже сдавала свои позиции, лишь туман, лежащий на ложбинах равнины еще скрывал попытки шведов провести разведку перед редутами. Вероятно, именно их заметили в русском лагере и забеспокоились, поняв, что затевается что-то серьезное.

Тем временем, правый фланг шведской кавалерии, достиг назначенного пункта. Однако фактор внезапности был безвозвратно утрачен, рассвет вошел в свои права. Вначале солдаты выстроились в боевую линию, но Реншильд приказал вернуться к прежнему построению, в колонны. При этом он был страшно зол, кричал на командиров, усиливая и без того нервозную обстановку. Как мы помним, шведский план заключался в том, чтобы под покровом ночи незаметно пройти сквозь редуты и напасть на спящий лагерь неприятеля. Сейчас же выходило, что пехоту ожидает не проход сквозь редуты, а прорыв, для которого, по всей военной науке, требовалось соответствующее снаряжение в виде осадных лестниц, канатов для лазания и столбов, на которые они крепились, ручных гранат и фашин – вязанок хвороста – для забрасывания рвов. Всего это у шведов не было, поскольку не было предусмотрено планом. Кроме того, для штурма редутов нужна была предварительная артиллерийская подготовка, чего нельзя было сделать по той простой причине, что у шведов, как уже говорилось, было всего четыре пушки и практически не было пороха. Вероятно, в этот день Карл не раз вспоминал о катастрофе шведского обоза под Лесной, где практически вся артиллерия была либо потоплена, либо захвачена. Правда, шведские историки утверждают, что какие-никакие пригодные орудия и боеприпасы все же были (28 полностью пригодных орудий: 16 трехфунтовых пушек, пять 6-фунтовых, две 16-фунтовых гаубицы и пять 6-фунтовых мортир), но все это осталось в обозе. Карл XII, поясняют они, не очень-то жаловал артиллерию, предпочитая ей штык и солдатскую выучку. Кстати, у русских против четырех 3-фунтовых пушечек насчитывалось 102 орудия, 70 из которых были легкие и скорострельные 3-фунтовые пушки. Кроме того, в русском лагере было большое количество пороху, ядер и картечи. Даже больше, чем они могли быть востребованы в битве.

Русская артиллерия была расположена таким образом, чтобы встретить противника, пытавшегося прорваться сквозь редуты, ураганным огнем. Прицельный огонь уже не требовался, и русские, теперь уже ясно видевшие

шведов, начали обстрел сомкнутых рядов противника пушечными ядрами. Казалось, бой начался. Но шведы, осознав, наконец, всю тяжесть своего положения, решили в последний раз посовещаться: продолжать действовать согласно намеченному плану или отказаться от боя и повернуть в лагерь. Фельдмаршал Реншильд в последний раз обратился к генералу Левенгаупту и спросил совета. Генерал кратко ответил в пользу атаки: "Уповаю, что с Божьей помощью она удастся". "Что ж, с Богом, — произнес Реншильд и отдал приказ об атаке. Было ровно четыре часа утра 27 июня 1709 года.

Всеобщее волнение перед боем охватило всех. Наверное, такие минуты лучше выражать в стихотворной форме. Приведем два отрывка о начале Полтавской битвы. Одно принадлежит участнику, простому солдату, оставшемуся в живых, его нам предоставил все тот же шведский писатель Энглунд Петер:

*Грохот и неразбериха, бряцанье оружия, скрежет и ржанье
Слышины от сотен телег, от коней и от войск на равнине,
Ближе и ближе сходящихся в сумерках раннего утра,
Пушечный гром возвестил о начале сраженья,
Залпы послышались, пули посыпались градом,
И с фитилем подожженным гранаты ложатся средь храбрых.*

А вот знаменитые строки Александра Сергеевича Пушкина:

*Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;*

Но сбои, казалось бы, вышколенной шведской военной машины продолжались. Все выходило не так, как задумано. Полки еще не закончили построения в боевой порядок, когда последовал приказ об атаке. Но в силу поспешности он был донесен до командиров в такой расплывчатой форме, что понят был неодинаково. А главное, как это ни странно, не все командиры знали о конечной цели – быстро пройти сквозь редуты и захватить основной лагерь русских. Вначале, вроде бы, складывалось привычно и удачно. Первым из четырех продольных редутов на пути шведов был недостроенный редут, расположенный на невысокой вершине. Его атаковали четыре батальона, поддержаные четырьмя эскадронами лейб-драгунского полка. Вся рабочая команда была нещадно перебита, и успешная атака продолжалась. Затем на пути шведов оказался второй, также недостроенный редут, на который кинулась часть шведских батальонов и принялась уничтожать малочисленных защитников.

Тем временем, батальоны генерала Левенгаупта обходным маневром на правом фланге двигались в сторону поперечных редутов. За ними располагались в сопровождении легкой артиллерии 85 эскадронов русской кавалерии (девять тысяч всадников) под командованием князя Меншикова. Левый фланг шведов задержался, и боевые порядки были нарушены. Конница Меншикова стала угрожать Левенгаупту. Шведская пехота оказалась без сопровождения кавалерии, раздались крики о помощи: "*Кавалерию вперед, ради Бога, кавалерию вперед!*" Наконец, кавалерия выдвинулась, но поскольку пространства для маневра оказалось недостаточно, то эскадроны начали вводить в бой один за другим. Обычно боевой порядок шведской кавалерии строился путем смыканий всадников "колено в колено", таким образом, на врага двигалась сплошная устрашающая масса. Но здесь на узком поле русская конница с успехом отбивала шведские атаки, принуждая лучшие полки отступать и перестраиваться. Пехота, приободрившись, стала помогать кавалерии. Бой был жестокий, Петр, руководивший битвой, дал приказ генерал-поручику

Рену отойти от неприятеля, постараться навести его на редуты и подвергнуть артиллерийскому обстрелу, предполагая, что шведы не знают о количестве редутов.

В четвертом часу утра Петр, будучи не вполне уверенным, что генеральное сражение произойдет именно в этом месте и, не желая повергать риску свою кавалерию, приказал Меншикову отступить. На что разгоряченный успехом князь в запальчивости отвечал, что наоборот, нужно усилить конницу несколькими пехотными полками. Он в горячке доказывал, что неприятель терпит большие потери, а у русских они весьма малы и если бы не шведская пехота, "*...то бы вся неприятельская кавалерия была бы порублена*". Кроме того, он выразил опасение, что отступление может придать "*дерзости неприятелю*", который начнет преследование. Короче, князь отказался выполнить приказ царя, но Петр, преследуя свои тактические цели, не хотел дать генеральную баталию в таком узком месте, где всадники рубились уже на палашах.

Царь вторично, на этот раз уже через своего генерал-адъютанта послал Меншикову приказ об отступлении, но князь и на этот раз не повиновался. Свой отказ он объяснял тем, что если кавалерия отойдет, то шведы завладеют всеми редутами. Если же бой за редуты продолжить, то неприятельская кавалерия не сможет преодолеть поперечную линию из шести редутов, в качестве доказательства своего успеха, Меншиков послал царю несколько захваченных шведских знамен.

В это время, благодаря кавалерийским атакам, шведская пехота упорядочила свои ряды и вновь пошла в наступление. Началась перестрелка, русская конница, сохраняя боевой порядок, наконец, отступила и спокойно прошла в промежутках между поперечными редутами. Шведская кавалерия бросилась за отступающими; теперь уже не видно было, где швед, а где русский, — место схватки было окутано густым дымом и все мундиры покрылись толстым слоем гари и пыли. Казалось, русские терпят поражение и готовятся бежать, а шведы вновь, как и прежде, побеждают. За кавалерией

вперед двинулась пехота, но ограниченное пространство не позволяло всем батальонам совершить обходной маневр и пройти мимо редутов. Часть батальонов должна была прорываться между редутами, что привело к огромным потерям от артиллерии.

27 июня, шестой час

Если на левом фланге шведов дела складывались относительно успешно, то на правом шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов конницы, возглавлявшими генералами Шлиппенбахом и Роосом были отрезаны от основных сил армии. Произошло это так. После взятия второго редута продольной линии и его зачистки генерал Роос вдруг обнаружил, что потерял из виду основные силы, ушедшие вперед, на прорыв остальных редутов. Сказалась нечеткость отданного приказа о главной цели битвы – прорыв сквозь редуты и захват русского лагеря. Роос, построив привычным образом оставшиеся батальоны, поспешил на северо-восток в направлении третьего редута. Третий редут продольной линии в отличие от двух первых был хорошо укреплен и вооружен артиллерией, окружен валом и расставленными рогатками. В нем находились около шестисот солдат полковника Айгустова с приданной ему артиллерией.

Обычно захват редутов проходил по доведенному до автоматизма плану, описание которого приводит тот же Энглунд Петер: "Четыре роты по 150 солдат каждая были построены в одну линию, по четыре человека в глубину и 150 человек в длину, что составляло фронт примерно в 130 метров. В середине каждой роты стояли пикинёры, пятьдесят солдат, которые по команде «приготовиться» подняли свои пятиметровые пики в вертикальное положение: крепко держали пику за нижний конец и, прислонив оружие к плечу, направляли острие прямо в небо. По обе стороны от пикинёров стояли мушкетеры, примерно 100 человек в каждой роте. В руках у них были тяжелые — весом в пять килограммов — мушкеты с кремневыми замками... На самых дальних флангах роты стояло небольшое количество гренадеров в своих чудных высоких шапках....Гренадеры были

также чем-то вроде личной охраны командующего офицера и, кроме того, действовали как снайперы. По обе стороны подразделений пикинёров и мушкетеров стояли унтер-офицеры с короткими пиками, так называемыми бердышами, или алебардами. Это оружие имело малую ценность в бою, но хорошо годилось для того, чтобы поддерживать равнение в строю и раздавать удары солдатам, сходящим со своего места. Впереди каждой роты стояли ответственный за музыку — барабанщик или трубач, командир роты и прапорщик, который держал знамя. Над каждой ротой полоскалось на теплом ветру знамя: кроваво-красные знамена с двумя перекрещивающимися желтыми стрелами внутри зеленого венка...". Перед атакой пехоты в бой вступали мушкеты и пушки, под прикрытием которых шведы бежали до рва перед валом и разбрасывали окружавшие его рогатки, а после прыгали в ров перед валом. Далее должен был следовать этап преодоления вала...

Однако на этот раз все получилось не так. Подойдя к третьему редуту, командир элитного Далекарлийского полка Сигрот, входящего в группу Рооса, обнаружил там несколько батальонов, неподвижно стоявших перед шанцем после неудачной атаки. Вместо того, чтобы быстро миновать этот редут и броситься вслед за ушедшими соединениями в направлении задней, поперечной линии редутов, Сигрот принял решение, последствия которого оказались катастрофическими — помочь стоящим батальонам захватить третий редут. Началось привычное движение к валам, однако, за двести метров от них раздались пушечные выстрелы. Шведские солдаты падали десятками, но штурм продолжался. Вскоре начали изрыгать пули русские мушкеты, нещадно косившие шведские ряды. Отдельные смельчаки уже карабкались по валу, но были сметены защитниками редута. Штурм был отбит.

Но шведы и не думали отходить. Перестроив свои ряды, они вновь бросились в безрассудную атаку. И вновь наткнулись на смертоносную стену из ядер, картечи и "сеченого железа". Под ураганным огнем солдаты падали

сотнями, отступающие сталкивались со следующим батальоном, рвавшимся в атаку. Началась сумятица и паника. После небольшой перегруппировки батальоны вновь предприняли атаку, но и она захлебнулась в реве ядер и картечи. Отсутствие поддерживающей артиллерии и оборудования для штурма сказалось самым катастрофическим образом, — во рву остались лежать сотни убитых и раненых шведских солдат. Отработанная шведская военная машина всегда настраивалась только на наступление, кроме того, генерал Роос не обладал даром импровизации на поле боя, поэтому штурм следовал за штурмом.

Наконец, осознав всю гибельность ситуации, генерал Роос принял решение отходить. В боях за третий редут шведы потеряли до сорока процентов личного состава, более тысячи человек! Это были катастрофические потери. Защитники редута, увидев, что шведы стали готовиться к отступлению, открыли бешеный огонь и еще сотни солдат навеки остались в полтавской земле. Под ураганным воем артиллерийских орудий шведы были вынуждены отступить к Яковецкому лесу.

Петр, мгновенно оценив возникшую ситуацию, приказал атаковать и разбить отступившие части Шлиппенбаха и Рооса. Для этого он передал А. Меншикову пять батальонов пехоты, состоявших под началом генерал-лейтенанта Ренцеля, и пять драгунских полков, взятых с левого фланга, под командованием генерал-лейтенанта Хайнске. Меншиков бросился за уходившими к Яковецкому лесу шведами.

Шведское командование заметило отсутствие отрядов Шлиппенбаха и Рооса, но оба генерала потеряли из виду главные силы и предпринимали попытки найти их и соединиться. Небольшая разведывательная группа Шлиппенбаха неожиданно наткнулась на русских, посланных для атаки. Завязался бой, шведы были рассеяны, а сам Шлиппенбах захвачен в плен. Отрезанные шведские отряды остановились в ожидании результатов поиска основных сил. Не спавшие всю ночь, измотанные страшным боем за редут, солдаты просто валялись наземь и мгновенно засыпали. Выяснилось, что

большая часть офицеров погибла, батальоны остались без командиров, некому было показывать пример доблести и следить за солдатами.

Наконец, в восьмом часу солдаты Рооса увидели в тылу цепь кавалеристов, мчавшихся от редутов. Это были пять драгунских полков генерал-лейтенанта Хайнске, посланных Петром. Практически одновременно шведы увидели приближающиеся с фронта батальоны Ренцеля, а на их левом фланге – казацкие отряды гетмана Скоропадского. Обессиленные остатки отрядов Рооса попали в "клещи". Чудом оставшийся в живых разведчик принес сведения о местонахождении главных сил армии, но просто не успел передать их Роосу. Времени уже не было, и Роос отдал приказ о перегруппировке, в надежде оказать сопротивление наступающим русским силам. Поредевшие отряды были объединены, пикинёры и мушкетеры перемешаны.

Русская пехота и конница приближалась к оцепеневшим шведам. Обученные солдаты помнили требование короля "чтобы они стреляли не раньше, чем белки в глазах врага увидят". Но на этот раз нервы шведов не выдержали. Из задних рядов шведской обороны раздался первый мушкетных залп. Немедленно шведы получили ответный залп, тогда не выдержали и передние шеренги Рооса. Русские снова ответили еще более мощным залпом. Шведы не выдержали, и началось паническое бегство, русские гренадеры нещадно уничтожали в ужасе бегущего противника. Надо сказать, что большинство шведов брали свои трофеи и деньги с собой в битву, опасаясь мародерства в оставленном лагере. Теперь эта добыча была целиком в руках русских и казаков. Русская "мышеловка" не захлопнулась только благодаря опытному Далекарлийскому полку, задержавшему кавалерию. Большая часть бегущих, примерно до 400 человек, спасаясь от верной гибели, ринулась вниз, в овраг. Часть пехоты генерала Ренцеля преследовала их, конница мчалась наперерез, с флангов ломился через лес русский батальон. Снова возникла угроза окружения. Генерал Роос, бежавший вместе со всеми по дну оврага, теперь мог стремиться только к своему лагерю, в тоскливой надежде

застать там короля и основные силы. Возможно, ему лихорадочно думалось, что главное сражение уже закончено победой шведов. Но его измощденные солдаты думали иначе, они были готовы немедленно сдаться. Роос все еще пытался вразумить их, оставшиеся в живых участники этого боя после вспоминали, что прославленный генерал кричал в исступлении: "*Так ни один честный человек не поступает, мы найдем армию и получим «сикурс» (помощь)*". Бегущие солдаты все же находили в себе силы останавливаться и залпами отгонять наседающую сзади русскую конницу.

Разочарование было слишком велико, когда несколько сотен шведов во главе с Роосом буквально доковыляли до лагеря, в котором никого не оказалось. Вокруг вихрем носилась русская конница. И, тем не менее, шведы не сдавались, они упрямо двигались, теперь уже наверх, к вершине холма, к Ворскле, к монастырю, в котором ранее была штаб-квартира короля. Достигнув монастыря, часть шведов забаррикадировалась в его помещениях, другая – в главе с Роосом, двинулась еще дальше к югу, надеясь соединиться с войсками, оставленными для осады Полтавы. Но именно в тот момент, когда до шведского лагеря оставалось не более километра, из Харьковских ворот города стали вытягиваться батальоны пехоты, а за ними отряд конницы. Они вышли по приказу коменданта Полтавы полковника Келина, который с начала битвы искал возможности вступить в сражение. Когда остатки батальонов Рооса появились у стен монастыря, преследуемые противником, полковник решился на вылазку. План Рооса рухнул, поскольку вышедшие защитники города заняли позицию как раз между ним и шведскими осадными укреплениями. Оставалась последняя надежда – добраться до большого редута, расположенного в полукилометре, на берегу Ворсклы, подготовиться к обороне и дожидаться главных сил.

Отсюда уже бежать было некуда. Окруженные со всех сторон шведы ждали разрешения своей уничижительной судьбы. И она явила в виде двух парламентариев – барабанщика и офицера, приблизившихся к валу. Вначале была слышна только барабанная дробь и звуки стрельбы. Затем все смолкло, и в звенящей

тишине русский офицер объявил от имени Его Царского Величества, что шведам предлагается капитуляция при гарантии сохранения жизни и имущества. Воспитанный в лучших традициях шведского оружия Роос отказался, мотивируя тем, что находящиеся с ним солдаты принадлежат королю. Началась игра нервов. Несколько раз парламентарии подъезжали к осажденным шведам, предлагали сдаться и возвращались обратно. Для устрашения противника к шанцу подвезли орудия. Роос медлил и просил отсрочки для принятия решения, все еще надеясь на помощь. Тогда парламентер объявил генералу, что сопротивление не имеет смысла, поскольку шведская армия разбита и битва закончена. В условиях полной неопределенности, глядя на измученных голодных солдат, которые теперь уже страдали не только от страшной усталости и ран, но и от жажды, Роос был вынужден собрать офицеров, и провел короткое совещание. Знойный июньский день был в самом разгаре, положение было отчаянным. Все офицеры, а после и солдаты высказались за капитуляцию. Все было действительно кончено для солдат Рооса. Генерал добился только обещания разместить своих солдат, ухаживать за ними и кормить, а также обещания, что добровольно сданные шпаги им будут возвращены по личному распоряжению царя. Сотни русских солдат и офицеров стали свидетелями того, как из шанца, еле передвигаясь, выходили остатки некогда грозной шведской силы. Из более чем двух с половиной тысяч в полуживых остались только четыре сотни окровавленных, грязных, до предела измученных солдат.

Случилось так, что когда пленных шведов вели в расположение русского лагеря, расположенному за деревней Яковцы, раздались звуки,озвучившие опытному уху, что началось большое сражение.... Это были залпы русской артиллерии. Начинался второй и завершающий акт великой исторической битвы....

Прорыв поперечных редутов. Конец первого этапа

Однако вернемся к тому моменту, когда русским удалось разделить наступавших шведов и отрезать части Шлиппенбаха и Рооса. Их судьба уже известна читателю. На левом фланге наступления положение временно складывалось не в пользу русских. Защитники редутов познали на себе всю силу шведского удара; казалось, что ничто не сможет сдержать их натиска. В это время произошел эпизод, о котором упоминает лишь знакомый нам Энглунд Петер. Он пишет: *"Под давлением, как казалось, неотразимого наступления среди нерегулярных русских соединений начала распространяться паника. Сконский драгунский полк получил записку от командира большого казачьего отряда, в которой предлагалось, что весь отряд в составе 2 000 человек перейдет на сторону шведов, если только король обещает их помиловать. Лют переслав эту просьбу дальше, шведскому командиру полка принцу Максимилиану Эмануэлю Вюртембергскому. Принц в истинно бюрократическом духе счел невозможным дать согласие без санкции самого высшего руководства, а «поелику милостивый наш король по ходу баталии не с нами оказался и в сей момент здесь не присутствует, мы не можем выяснить его милостивую волю по оному поводу». Казачьему парламентеру пришлось вернуться назад с этим ответом".* К сожалению, так и осталось неизвестным, кто же был этот командир, когда он успел написать записку и на каком языке.

Со времени начала сражения прошло не более часа. Два продольных редута и все шесть редутов поперечной линии шведам во время первой атаки взять не удалось. Страшный огонь косил шведские ряды. Именно в это время Петр настоял-таки на своем плане и приказал оборонявшему редуты генерал-лейтенанту Боуру отступить вправо, к лагерю. Шведская кавалерия бросилась преследовать Боура, с огромными потерями прорвавшись сквозь поперечные редуты. Свой успех шведская конница развila и на правом фланге, русская конница отступала, но ее отступление проходило как раз мимо лагеря, из-за валов которого на мчащихся шведов обрушился

страшный артиллерийский огонь. Ядра, картечь и гранаты взрывались посредине лавины всадников, но шведы упорно стремились вперед за ускользающим противником. Часть русских успела скрыться в своем лагере, остальные, казалось, были обречены. Перед ними был большой овраг, а справа высокий берег Ворсклы. Однако к немалому изумлению русских, примерно в километре от оврага, шведская конница прекратила преследование и остановилась. Приказ прекратить преследование был отдан фельдмаршалом Реншильдом обоим флангам кавалерии. По законам военного дела конница не должна была отходить далеко от пехоты, оставляя ее беззащитной. Русским оставалось только, воспользовавшись передышкой, спокойно пробраться сквозь топкий овраг и построиться в боевой порядок на противоположной стороне. Часть горячих шведских парней, до которых приказ не дошел, все же рванули к оврагу, но их остановил огонь с русской стороны. Шведам пришлось бежать в сторону Будищенского леса, бросив коней и сбрую.

Тем временем, шведская пехота, состоящая из десяти батальонов под командованием генерала Левенгаупта, уже преодолела заднюю, поперечную линию редутов. Впереди, на расстоянии менее километра, виднелся русский лагерь, конечная и главная цель плана наступления. Генералу Левенгаупту, рассматривавшему русские позиции, казалось, что час настал. Он был настроен продолжать штурм, – синие ряды шведской пехоты начали движение к лагерю. И в тот момент, когда шведы приблизились к лагерным валам на расстояние около ста метров, заговорила лагерная артиллерия, – ядра, картечь и связки "сеченого железа" обрушились на наступающих. Шведы остановились в нерешительности. Затем Левенгаупт пошел на штурм, но получил приказ Реншильда об отступлении в сторону леса. Возникла пауза... Кавалерия и пехота стояли без движения ... Наступил антракт между двумя актами великой трагедии. "*Как пахарь, битва отдыхает*", – отразил этот момент битвы Пушкин в поэме «Полтаве».

Король, с трудом перемещавшийся на конных носилках, уже не вмешивался в ход боя. Во время общего наступления он и его свита находились в тылу отрядов генерала Левенгаупта. Следуя за кавалерией, они также испытали на себе силу артиллерийского боя русских редутов. Возможно король, сторонник лихой атаки с холодным оружием, впервые осознал настояще значение артиллерии. Передний конь, несший его самодельные носилки, был убит, пушечное ядро разбило правое дышло у конных носилок, их пришлось наскоро чинить, стоя под ураганным огнем противника. Большая часть личной охраны короля была перебита. Развязка приближалась...

Перед решающей схваткой

Русское командование обнаружило, что шведские силы после прорыва через попереечные редуты были не в состоянии продолжать атаку на русский лагерь. Как писал сам Петр в своей реляции: "...увидели, что неприятель от прохода своего сквозь редута еще сам в конфузии находится и строится у лесу". Возникло даже опасение, что неприятель, увидев численное преимущество русских, в бой не вступит и попытается вернуться в Полтаву. В начале шестого часа утра короткое совещание в царском шатре закончилось окончательным решением – дать шведу генеральное сражение, к которому так долго и так мучительно готовилось русское войско. Петр в сопровождении высшего генералитета, выйдя из шатра, вскочил в седло темно-гнедого арабского скакуна. На нем был зеленый полковничий мундир с красными обшлагами и подкладкой с перекинутой через плечо голубой лентой с орденом Святого Андрея Первозванного, черные сапоги и черная треуголка. Он двигался между рядами пехоты и артиллерии, последний раз проверяя их готовность. Петр решил все же, чтобы окончательно не запугать противника и не спровоцировать его преждевременное бегство, оставить в резерве шесть полков (Гренадерский, Лефортовский, Ренцелев, Троицкий, Ростовский и Апраксина) и, кроме того, три батальона послать к монастырю

для установления связи с Полтавой. Движимые боевым духом солдаты стали упрашивать царя позволить им принять участие в битве, но царь разъяснил: "*Неприятель стоит близь лесу и уже в великом страхе; ежели вывесть все полки, то не даст бою и уйдет: того ради надлежит и из прочих полков учинить убавку, дабы через свое умаление привлечь неприятеля к баталии*".

В конце шестого часа русская пехота начала выходить из лагеря. Ею командовал фельдмаршал Борис Петрович Шереметев. На левом фланге разместились шесть полков конницы князя Меншикова, вернувшегося после разгрома Рооса, на правом – 11 полков конницы генерала Родиона Боура. На территории лагеря был оставлен резерв, образовывая третью линию обороны. Артиллерией, расположенной по всему фронту, командовал генерал Яков Брюс. С половины седьмого пехота стала строиться в боевой порядок: первые батальоны полков стали в первую линию, а за каждым батальоном первой линии стал второй батальон того же полка. Таким образом, образовались две сплошные линии из 42 батальонов, двадцати четырех в первой линии и восемнадцати во второй. В десятиметровых промежутках между батальонами располагалась полковая артиллерия, – в общей сложности было установлено 55 трехфунтовых орудий. Полевая артиллерия в количестве 32 орудий осталась в лагере на случай поддержки в случае возможного отступления. К флангам стала подходить конница: слева – 6 драгунских полков князя Меншикова, вернувшегося после разгрома Рооса, справа – 18 драгунских полков генерал-лейтенант Боура.

Для шведского командования стало ясно, что русские решились на генеральное сражение. Они тоже долгие восемь лет после Нарвской победы ждали этого часа, долгие восемь месяцев гонялись за русским по Белоруссии и Украине. И вот теперь, когда враг на расстоянии полутора километров, вдруг выяснилось, что положение складывается далеко не лучшим образом. Шведскому командованию нужно было незамедлительно принимать ответные меры. Карл попытался вмешаться в ход битвы и обратился к фельдмаршалу

Реншильду: "*Вероятно, нам стоит двинуться в направлении русской кавалерии и ее, прежде всего, повернуть вспять?*" Однако Реншильд не согласился с лежащим на носилках королем и указал на строившееся в боевой порядок русские пехотные батальоны: "*Нет, Ваше Величество, нам следует нанести удар вон по тем*". Окончательно потерявшийся король не стал спорить, а коротко произнес: "*Делайте, как считаете нужным*". Было около семи часов утра. Вступало в свои права жаркое украинское утро...

Реншильд принял решение собрать основные силы возле логовины у Будищенского леса и оттуда выступить против русской пехоты. Пехота подходила колоннами, ее нужно было по приказу Реншильда перестроить в боевой порядок, то есть в линию. Во время построения вдруг выяснилось, что 52 эскадронам генерала Крейца, коннице правого фланга, негде разместиться. С одной стороны, их маневр был ограничен Будищенским лесом, с другой – стоявшей пехотой. В таких условиях было принято крайне невыгодное решение – занять место позади пехоты. Когда Левенгаупт увидел, что пехота остается без поддержки конницы, то у него, как он после вспоминал "*резануло сердце, точно от удара ножом*". Шведам сразу же стало очевидным, что их боевая линия намного короче русской. Для выравнивания шведы были вынуждены оставлять между батальонами около 50 метров, однако и после этого мало что изменилось: шведский строй был на полкилометра короче русского. Воинский устав и прежний опыт требовали наличия кавалерии, но она в тесноте топталась сзади. Для нее оставался только небольшой проход между батальонами пехоты.

После завершения построения в линию между Реншильдом и Левенгауптом вновь произошла перепалка. Реншильд отдал приказ двигаться направо, к небольшому перелеску. Однако уже расстроенный неожиданной проблемой пехоты Левенгаупт неправильно понял жест фельдмаршала, приказал снова перестроиться в колонны и двинуться к указанному месту. Сразу же стало ясно, что этот маневр полностью закрывает оставшийся проход конници. Заметив это, разгневанный

Реншильд грубо выругал Левенгаупта, но возвращать пехоту уже не стал, поскольку успел остановить ее в самом начале маневра. В результате кавалерия, стоявшая сзади пехоты, окончательно пришла в замешательство.

Итак, после некоторой задержки шведы выстроили пехоту в одну линию, – всего оставшихся четыре тысячи солдат, поделенных на десять батальонов. Общая длина линии составляла около полутора километров, в то время как русская – более двух километров. Петр, увидев, что русская линия может стать значительно длиннее шведской, приказал Боуру увести шесть драгунских полков князя Волконского в сторону стоявшего неподалеку гетмана Скоропадского. Опасаясь ослабления правого фланга, Шереметев начал возражать, его поддержал генерал Аникита Иванович Репнин, тот самый, которого Петр разжаловал в солдаты после неудачи под Головчиным. Но Петр настоял на своем, отправив около пяти тысяч драгун к Скоропадскому. Существует версия, что Петр, не совсем доверяя казакам, перестраховывался на тот случай, чтобы они не переметнулись на сторону противника в случае, если шведам удастся смять русскую линию.

Когда драгуны стали отходить в тыл к Скоропадскому, шведская армия пошла на сближение. Немедленно движение шведов было замечено, Петр выехал перед фронтом своих войск и трижды перед разными корпусами обратился к офицерам и солдатам с короткой речью: «*За отчество принять смерть веема похвално, а страх смерти в бою вещь всякой хулы достойна*». После этого он отдал приказ идти навстречу шведам. Согласно ранее продуманному плану, Петр передал общее командование фельдмаршалу Шереметеву, а сам принял на себя командование первой дивизией.

Девятый час утра. Началось...

И все же фельдмаршал Реншильд и генерал Левенгаупт помирились. Энглунд Петер так описывает их последний разговор: " «Генерал, вам следует атаковать противника. Сослужите же Его Величеству еще одну верную службу, а мы с вами давайте помиримся и будем опять добрыми

друзьями и братьями». Чувствительный Левенгаупт удивился доброжелательному тону и заподозрил, что он объясняется тем, что фельдмаршал сомневается в победе. Возможно, Реншильд проявлял подобную любезность к генералу потому, что давал ему задание, которое с большой степенью вероятности было равнозначно посылке его на неизбежную смерть. Как бы то ни было, Левенгаупт тоже ответил вычурной любезностью: "*Коль скоро Господь до сего времени был ко мне милостив и всегда возможность давал доказать мою верность Его Величеству, уповаю я на Бога, что он и теперь не оставит меня своей милостью и дозволит впредь быть не менее верным слугой государя*". Затем он напрямую спросил фельдмаршала: "*Желает ли Его Превосходительство, чтобы я сию минуту на врага войско двинул?*" Ответ был краток: "*Да, сию минуту*". На что Левенгаупт отозвался словами: "*В таком случае, с Богом, да будет явлена нам милость Господня*".

В девятом часу утра в шведской линии забили барабаны, русская и шведская армии пошли на сближение. Огромный сомкнутый строй двадцати двух тысяч зеленых и серых мундиров неумолимо сближался с четырьмя тысячами синих мундиров. Русские солдаты ясно осознавали свое численное превосходство, что, несомненно, придавало им уверенность в победе. Шведы, наоборот, двигались исключительно благодаря автоматизму, выработанному муштровкой и приобретенным опытом. Генерал Левенгаупт, которому было приказано вести пехоту, после вспоминал: "*Этих, с позволения сказать, идущих на заклание глупых и несчастных баранов вынужден я был повести против всей вражеской инfanterии*".

Расстояние между двумя армиями составляло 700–800 метров. Этот путь нужно было пройти через ровное, выжженное солнцем пыльное поле. В соответствии со шведской тактикой первые несколько сот метров нужно было пройти со скоростью 100 шагов в минуту. Затем неприятель начинает стрелять из мушкетов, вследствие чего нужно было бежать сотню метров.

Русская тактика была существенно иной, поскольку вместе с пехотой шла артиллерия.

Как только шведы подошли на достаточно близкое расстояние, сразу же раздалась канонада русской артиллерии. Вначале стреляли ядрами, вырывая из шведских рядов окровавленные тела, затем, когда расстояние сократилось до 200 метров, в дело вступила картечь. Наступил решающий момент битвы, поскольку теперь уже свинцовый ураган русских пуль и осколков "сеченого железа" нещадно косил шведские ряды. Но шведы упрямо шли вперед, стремясь, как это было предписано уставом и многократно опробовано в боях, добраться до противника и перейти в штыковую атаку. Энглунд Петер в своей книге приводит воспоминания свидетелей этих страшных, незабываемых минут: "*Драбантский писарь Нурсберг вспоминал: «метание больших бомб вкупе с летающими гранатами на то похоже было, как если бы они с небес градом сыпались».* Эскадронный пастор Смоландского кавалерийского полка Юханнес Шёман говорит, что огонь русской артиллерии был чудовищный и «*доселе неслыханный*» и что «*волоса вставали дыбом от грома пушек и картечных орудий залпов*». Один из присутствовавших на поле боя зрителей, прусский подполковник и тайный советник Давид Натанаэль Зильтман, который следовал за шведской армией в качестве наблюдателя, писал домой, явно ошеломленный сражением: *дескать, огонь русских был настолько силен, что у него слов не хватает описать его; он также сравнил обстрел с градом*".

Пушкин в своей "Полтаве" так поэтически изобразил картину боя:

*В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звучат,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,*

*Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский - колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.*

Но, надо отдать должное шведам, они бежали сквозь этот смертельный ливень, не открывая огня, поскольку запасы пороха были крайне ограничены. У них оставался последний шанс – один раз выстрелить и броситься в штыковую атаку, равных в которой им не было в Европе. Ужас первых залпов превратился в кромешный ад, когда шведы приблизились на расстояние 50 метров: в бой вступили мушкеты. Двухкилометровый строй русских солдат, вставших на одно колено, открыл мушкетный огонь. Теперь уже шведы падали как трава под косой, ровными рядами, так они и лежали после битвы, как подкошенные или как одновременно расстрелянные. Генерал Левенгаупт после вспоминал: "*уму человеческому непосильно вообразить было, что хоть одна душа из всей нашей ничем не защищенной пехоты живой выйдет*". В первые же полчаса шведская армия потеряла почти половину своего состава, но, наконец, достигла передовой линии русского строя. После мушкетного залпа два шведских батальона со страшной силой бросились в атаку на первый батальон Новгородского полка. Такая целеустремленность была вызвана тем, что накануне русский унтер-офицер, перебежавший к неприятелю, указал на полк новобранцев, одетых в мундиры серого сукна. Именно поэтому шведы набросились на "самое слабое звено", не зная того, что Петр, предвидя последствия измены, приказал переодеть в серые мундиры Новгородский полк, один из лучших своих полков. Шведский удар был страшен, но русская пехота уже была не та, что некогда под Нарвой. И все же на правом фланге шведы сумели потеснить русскую линию. Им даже удалось захватить несколько пушек и успеть выстрелить из них в сторону русских. В одном месте линия стала изгибаться, вовлекая шведов внутрь русского строя. У девяти батальонов возникла реальная опасность быть отрезанными от основных сил. Короткое

замешательство было преодолено самим царем, Петр на коне бросился к опасному месту, лично возглавил батальон, находившийся во втором ряду, к которому присоединились остатки первого батальона и повел их в штыковую контратаку. Его шляпа была пробита пулей, впоследствии князь Меншиков так описывал эти минуты: "*Аще бы и не ты, благочестивый государь, предстал в самое лютейшее и погибельнейшее время, в которое неприятель Новгородского пехотного полку первый батальон сбил и уж начал отрезывать левое крыло от главной линии, на котором крыле он с 6-ю полками кавалерии находился, в оное самое лютое время огня к тому погибающему месту изволил прибыть и исправить, какового дела кроме Бога и тебя великого государя никто б мог исправить*".

Однако на левом фланге события развивались совершенно иначе. В начале атаки строй левого фланга стал отставать от основной линии. Поэтому шведы понесли большие потери в живой силе, чем в центре и на правом фланге. Здесь русские перешли в наступление и стали теснить строй синих мундиров, покрытых к тому времени слоем пыли, грязи и кровью расстрелянных артиллерией шведов. Возникла ситуация, напоминающая гигантский пропеллер: на правом фланге наступали шведы, на левом русские. Центр же оказался пустым, шведский строй разделился на две части, а промежутки между батальонами еще больше увеличились. Но временный успех на правом фланге, в конце концов, оказался губительным, поскольку русские фланговые батальоны стали окружать увлекшихся атакой шведов. Сказалось численное преимущество.

Было уже около десяти часов. Шведская пехота находилась на грани человеческих возможностей и крайне нуждалась в поддержке кавалерии. Но конница правого фланга находилась в беспорядочном состоянии, с трудом удалось только одному отряду перестроиться и в форме "плуга" рвануться в бой. Их атака пришлась на батальоны Нижегородского полка и один гренадерский полк. Русские батальоны в полном соответствии с воинской наукой для отражения кавалерийской атаки образовали каре, ощетинившись

пушками, мушкетами и пиками. Преодолев смертоносный отрезок пушечного обстрела ядрами, конница вошла в контакт с русской пехотой. И неожиданно подверглась атаке с тыла эскадронами князя Меншикова, ранее отошедшего на правый фланг. Кавалеристы едва успели развернуться навстречу новой опасности....

Но именно в эти мгновения в битве наступил решающий момент. Предел человеческих возможностей был достигнут, шведы более не могли выдерживать страшное напряжение. Все произошло внезапно... Шведы дрогнули, повернулись спиной к казалось уже неизбежной смерти и побежали... Вначале один, затем несколько, и через считанные секунды буквально на глазах оторопелого командования, батальоны начали рассыпаться. Теперь обезумевшими шведскими солдатами руководил только инстинкт самосохранения...

Один из чудом уцелевших шведов, некто Г. Шернъельм, впоследствии, вернувшись на родину, так передал ощущения этих мгновений:

*Мы отступаем, чести больше нет,
Приказ уже не властен,
Никто уже не слышит крика «Стой!»
И ни о чем не помнит.
Нет мужества и силы, лучший тот,
Кто бегает быстрее.*

Крики "Стой" раздавались из перекошенных ртов командиров, пытавшихся вразумить бегущую толпу. Генерал Левенгаупт чуть ли не за руки хватал обезумевших от ужаса солдат. Еще малочисленные группки кавалеристов отчаянно, но безнадежно наскакивали на неудержимый строй русских. Все было тщетно. Русская пехота и конница вонзались в расстроенные порядки шведов, просачивались сквозь зияющие провалы, обходила с флангов и все время стреляла, стреляла, стреляла... Всех охватило безумие битвы... Побежденные сотнями бежали, падали и умирали, победители догоняли и убивали. После, на месте битвы и вблизи редутов

было насчитано 9224 неприятельских трупа. Несчастный Левенгаупт, безуспешно пытаясь остановить бегущих, с тоской видел, как русские окружали группы шведов и бежали дальше, оставив на пыльной, покрытой кровью и человеческими мозгами земле, трупы солдат в покрытых пылью синих мундирах. Пехота бежала, и настал черед кавалерии. Конники разворачивались и сталкивались с другими. Паника и хаос нарастили...

На протяжении боя король, его свита и телохранители находились позади правого фланга пехоты. Ядро, выпущенное из русской пушки, ударило в носилки короля, который и так был потрясен от всего того, что он видел на расстоянии каких-нибудь нескольких сотен метров. Карл без чувств упал на землю. Возможно, это увидели шведские солдаты, считавшие своего короля заговоренным от пули, и слух о его якобы смерти мгновенно разнесся по частям, подорвав и без того упавший боевой дух солдат. Спасая короля, солдаты быстро соорудили из скрещенных пик новые носилки и бросились назад, к лагерю. Откуда-то примчался фельдмаршал Реншильд, издали крича: "*Ваше величество, наша пехота погибла! Молодцы, спасайте короля!*" Теперь уже жизнь самого Карла висела на волоске, были перебиты почти все солдаты, охраняющие его. Наконец, его удалось посадить на лошадь раненого драбанта и вывезти, стремясь к спасению.

Триумф Петра и русского оружия

Время приближалось к одиннадцати часам. Фактически битва была закончена, и началось безумство победителей. Тысячи русских штыков, клинков и пик с яростью вонзались в павших и раненых шведов. Один из уцелевших офицеров, некий Лар Тиснен, пораженный русским ядром и лежавший в шоковом состоянии с оторванной ногой, вспоминал о том ужасе, который охватил его при виде растущей кучи шевелящихся тел. Сотни шведских солдат спасаясь от занесенных над ними сабель и штыков, пытались зарыться среди трупов. Есть безумие побежденных, и есть безумие победителей...

Паническое бегство проходило мимо тех самых редутов, которые стояли на ночном пути шведов. Положение осложнялось еще и тем, что артиллерия в них буквально в упор расстреливала бегущих. Русская конница уже мчалась во весь опор к шведскому лагерю. В лагере граф Пипер, узнав о страшном поражении, пытался сжечь королевский архив. Но не успел: все, что находилось в походном кабинете Карла, включая огромную сумму денег в размере двух миллионов саксонских золотых ефимков, попали в руки победителей.

Грандиозная битва уходила в историю, но в те первые часы, разгоряченные сражением русские военачальники еще и еще раз проигрывали ход сражения, пересказывая друг другу детали боя. Выяснилось, что под Меншиковым трижды убивали лошадь, что шведские пули прострелили у самого Петра фетровую шляпу и погнули медный крест на царской груди. В суматохе, на радостях, от распиравшей гордости за победу над доселе непобедимым завоевателем забыли организовать погоню за Карлом и Мазепой.

После победного сражения русские войска были отведены на отдых, раненым перевязывали раны, собирали убитых. Царь обратился к собравшимся вокруг него генералам: *"Здравствуйте, сыны отечества, чады мои возлюбленные. Потом трудов моих родил вас, без вас государству как телу без души и жить невозможно. Вы, имея любовь к отечеству, славе и ко мне, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремились небоязненно. Храбрые дела ваши никогда не будут забвены у потомства"*. Затем царь приказал войскам построиться и обхехал русские полки, благодаря их за проявленную самоотверженность, говоря, что их подвиги не будут забыты потомками. После этого, в походной церкви отслужили благодарственный молебен; во время пения "*Тебе Бога хвалим*" прозвучали три пушечных салюта.

В третьем часу дня в царском шатре началось пиршество. К царю одного за другим подводили пленных шведских генералов, у которых по

распоряжению Петра генерал князь Меншиков принимал шпаги. Наконец, очередь дошла до фельдмаршала Реншильда, у которого царь спросил о королевском здоровье и услышал в ответ, что "*король государь его за четверть часа прежде окончания баталии от повреждения раны в ноги в великой болезни изволил отбыть от армии, поруча оную в правление ему фельдмаршалу*". За этот ответ государь пожаловал Реншильда российской шпагой. Кроме фельдмаршала к царю подходили сдавшиеся в плен принц Максимилиан Виртембергский, генералы Шлиппенбах, Гамильтон, Роос, Стакельберг. Был среди них и первый министр граф Пипер, который с небольшой группой шведов сразу же после боя бросился бежать за королем, но, увидев настигающих их со стороны калмыков и татар, повернулся к Полтаве и сдался. Такая же участь постигла видных мазепинцев: генерального судью В. Чуйкевича, асаула Д. Максимовича, лубенского лубенского полковника Зеленского, чигиринского полковника В. Невенчанина, компанейских полковников Кожуховского и Андреяша, сердюцких полковников Я. Покотило и А. Гамалея, войскового товарища С. Лизогуба, канцеляриста Г. Григорова. Царь не простил их, поскольку месячный срок амнистии ушедшему с Мазепой давно закончился. Правда, смертная казнь была заменена ссылкой в Сибирь и в Архангельск.

В начале пиры царь Петр I обратился к шведским генералам: "*Господа! брат мой Карл приглашал вас на сегодня к обеду в шатрах моих, но не сдержал королевского слова; мы за него исполним и приглашаем вас с нами откушать*". Поднявши заздравный кубок с вином, Петр воскликнул: "*Пью за здоровье моего брата Карла!*" Потом, при громе пушечных выстрелов, Петр провозгласил тост за здоровье своих учителей. "*Кто эти учителя?*" - осмелился спросить Реншильд. "*Вы, шведы!*", - отвечал царь. "*Хорошо же ваше величество отблагодарили своих учителей!*", - проговорил Реншильд.

Погребение павших на поле Полтавской битвы состоялось на следующий день. Потери русских войск составили 1345 человек убитыми и 3290 ранеными. Для погребения были выкопаны две братских могилы: одна для

офицеров, другая – для унтер-офицеров и солдат. Хоронили в мундирах. Присутствовавший на похоронах Петр I обратился к павшим с траурной речью: "*Храбрые воины, за благочестие, отчество и род свой души свои положившие! Вем, яко страдальческими венцами вы увенчалися и у праведного подвигоположника Господа дерзновение имати: споспешествуйте мне в праведном оружии моем против врагов отечества и благочестия, молитвами вашими да возможем в мире прославлять Бога и ваши подвиги*". Затем царь трижды поклонился павшим и стал бросать комья земли. При громе пушечных залпов, ружейной пальбе и звуках полковой музыки к царю присоединились все командиры. На образовавшемся высоком холме царь водрузил православный крест с надписью: "*Воины благочестивии за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога Слова 1709 июня 27 дня*". После обряда погребения были похоронены тела убитых шведских солдат, общей численностью более 9 тысяч человек, над которыми пленный протестантский священник совершил траурный обряд.

Стоит несколько слов сказать о трофеях, захваченных в Полтавской баталии, под Сенжарами и в Переяловочне. Одних только знамен было более 300. По данным В. Максимова, среди многочисленных полтавских трофеев упоминаются 65 возов со шведской амуницией, 32 орудия (пушки, гаубицы и мортиры), десятки тысяч шпаг, карабинов, мушкетов, штыков, пик и пистолетов, 26 тысяч пуль пистолетных, 19 тысяч кремней мушкетных, более 300 мешков с порохом, 106 солдатских палаток, 2 кузницы и 1 аптека, 152 топора и 6 якорей, бомбы пудовые, зажигательные снаряды бранкугли и 1000 ядер...

Среди трофеев находились два прапора гетмана-изменника Мазепы, пять булав и семь запорожских перначей. Кроме того, было захвачено великое множество музыкальных инструментов: серебряные и медные литавры - 13 пар, 280 барабанов, 141 труба, большое количество флейт и гобоев, из которых можно было бы создать огромный военный оркестр...

В числе особых трофеев значились королевский кабинет, драгоценности и войсковая казна с двумя миллионами золотых ефимков, шпага, библия, треуголка и полководческий жезл Карла XII, его походные носилки и боевой конь с богато украшенным турецким седлом. Не оказалось лишь документов из королевского архива... Походная канцелярия и архив шведской армии со всеми тайнами шведской внешней политики и секретной перепиской Карла XII с двуличными "союзниками" и злейшими врагами России были сожжены при Переволочне на берегу Днепра. Однако весь неприятельский обоз из 3000 возов, брошенный бегущими шведами, в качестве военной добычи достался русским. При разборе вещей и "трофеев" нашли несколько русских икон, обращенных шведами в шахматные доски. На виду всего войска, со слезами на глазах, потрясенный русский царь приложился к оскверненным святыням.

А затем, 28 июня 1709 года состоялся торжественный въезд Петра I в сопровождении генералитета и войск в освобожденную от блокады Полтаву. И вновь гремели пушки, и звучали радостные возгласы полтавчан, которые в течение трех месяцев выдерживали шведскую осаду. Комендант города-крепости полковник Алексей Степанович Келин обратился к царю с речью: "*Войди храбрейший, милостивейший, премудрейший, благочестивейший, великий государь, царь и великий князь Пётр Алексеевич! Многих тебе лет жития и царственного обладательства от Бога желаем!*" Выслушав рапорт коменданта, царь сошёл с коня, снял шляпу, обнял храброго воина, несколько раз поцеловал его в голову и сказал: "*Почтенная голова, совершившая преславный подвиг! Надежда моя на тебя не обманула меня*". Выстроенные во фронт солдаты Полтавского гарнизона приветствовали царя-полководца оружием, знаменами и военной музыкой. В Спасской церкви, в присутствии всего полтавского духовенства, отслужили благодарственный молебен по случаю освобождения Полтавы и победы русского оружия.

Затем царь обошел город, посетил раненых солдат, осмотрел крепостные валы и долго расспрашивал коменданта об осаде крепости. Рассказ Келина произвел огромное впечатление на Петра. Например, он не знал, что неприятель четыре раза врывался через низкий вал на городские улицы и его приходилось выбивать оттуда с огромными усилиями. Царь еще раз поблагодарил мужественного коменданта за честно исполненный долг, зашёл к нему на обед в дом и тут же поздравил с генеральским чином, наградив украшенным алмазами царским портретом и "немалою суммою денег" в 10 тысяч рублей. Тогда же были награждены все воины и жители Полтавы, которым объявили милости и льготы, включая освобождение на целый год от налогов. Детям и вдовам погибших героев были назначены достойные пенсии. Священники полтавских церквей были пожалованы деньгами на церковные нужды и шёлковыми материями для новых облачений.

Празднества под Полтавой закончились 29 июня пышным обедом в честь дня именин царя Петра I в огромном шатре, где сидели вместе и русские и шведские генералы. В тот же день царь Петр отправил в Петербург свою знаменитую реляцию о полтавской победе (Приложение 1). Карл XII отправил первое донесение о полтавском сражении только через два месяца (Приложение 2). Начиналась другая, послеполтавская эпоха. Теперь судьбы России, Украины, Швеции, Польши, да, собственно, и всей Европы определялись в значительной мере усилением московского государства, превращавшегося в Российскую империю.

ГЛАВА 9

БЕГСТВО И ЭМИГРАЦИЯ ПОБЕЖДЕННЫХ

Капитуляция Левенгаупта

Еще не дожидаясь конца битвы, и Карл и Мазепа уже знали куда бежать. Путь был только один – на юг, в турецкие владения. Их спасло от позорного плена только то, что Петр на радостях забыл отправить за ними погоню. Только вечером победного дня Петр I спохватился и послал вдогонку за Карлом и Мазепой генерал-поручиков М. Голицына и Р. Боура, а еще через день, 28 июня – князя А. Меншикова. За это время остатки шведской армии с остатками артиллерии брали по направлению к Переволочне. Рано утром, 28 июня, шведы пришли в Новые Сенжары, где королю перевязали рану. И тут стало известно о близкой погоне. Беглецы теперь уже во весь опор скакали к Переволочне, куда прибыли вечером 29 июня. Но там их ожидало горькое разочарование: еще во время разгрома Чертомлыцкой Сечи русские отряды полковника Яковлева опустошили этот важный пункт в месте слияния Ворсклы и Днепра. Более того, царь Петр в целях предотвращения бегства шведского войска на юг за несколько дней до битвы велел убрать все плавучие средства, а сам город окончательно разрушить. Когда Карл и Мазепа прибыли в Переволочну – там не было ни людей, судов, ни паромов, все было развалено и разрушено: переправляться через Днепр было не на чем. И тут разыгрался последний акт Полтавской катастрофы.

Первыми в Переволочну прибыли Мазепа со своими старшинами и запорожскими казаками. В его небольшом обозе были еще значительные богатства: несколько мешков серебра и два бочонка золота, а также другие драгоценности. В 4 часа пополудни 29 июня Мазепа в сопровождении ближайшего окружения стал переправляться с левого на правый берег Днепра, используя для этого найденные лодки. Во время переправы у Филиппа Орлика потонуло 30 возов с серебром и деньгами. Народная молва

до сих пор хранит миф о том, что когда от перегрузки лодки начали тонуть, Мазепа приказал бросать деньги за борт, выбросив в Днепр "почти три доли" увезенного богатства. Вместе с Мазепой переправилась и часть запорожских козаков.

Вскоре к Переволочне прибыли первые части бежавшего шведского войска. Они стали переплавляться через реку с помощью досок от разломанных обозных телег. Запорожские казаки, имевшие опыт подобных переправ, переплывали Днепр на лошадях, оказывая помощь не умеющим плавать шведам.

Раненый Карл с остатками генералитета и в сопровождении охраны прибыл к Переволочне только поздно вечером 29 июня. В условиях нехватки времени, ощущая за своей спиной неминуемую смерть или позорный плен, королевское окружение начало готовиться к переправе. Однако сам король еще бодрился: он уверял Гилленкрова в том, что даже те остатки шведской армии, которым удалось вырваться из-под Полтавы, как только увидят его верхом на лошади, то "*станут сражаться так же храбро, как и прежде*". На что Гилленкрок честно отвечал: "*Нет, ваше величество если неприятель явится, то многие наши солдаты или положат оружие, или бросятся в воду, чтобы спасти свою честь*". Генералы стали уговаривать короля немедленно принять решение бежать. Возник вопрос: через какую реку переправляться: менее широкую Ворсклу или через Днепр? Король, превозмогая боль от полученной раны, изображал из себя героя и ни за что не соглашался покинуть армию на произвол судьбы. Короля все же уговорили бежать, рисуя ему мрачные картины его плена и последствия этого несчастья для Швеции. Карл разделил войско на две части, одних (около 2000 человек) он брал с собой, других – более чем 16 тысячный отряд – оставлял на левом берегу Днепра под командованием генерала Левенгаупта. Перед отбытием Карла Левенгаупт попросил короля позаботиться о его семействе в случае его смерти. Карл обещал в обмен на обещание Левенгаупта исполнить в

точности его приказание " *сохранить в целости войско и перейти в татарскую степь*".

К вечеру началась переправа основной части шведского войска, отобранного королем. Они переправлялись на паромах, сколоченных из обнаруженного строевого леса. И тут опять шведов выручили запорожцы, они, как пишет Н.А. Костомаров " ... *приготавляли веревки, один конец вправляли в паром, а другой держали в руках, и даже брали в зубы, и таким образом, плывя верхом на своих лошадях, перетащили союзников на другой берег*". Переправа закончилась поздним вечером. Настала очередь короля: в ночь на 30 июня в карете, поставленной на две связанные паромные лодки, Карла XII переправили на правый берег Днепра.

А утром 1 июля 1709 года к Переволочне прискакала погоня. В это время генерал Левенгаупт уже без всякой надежды на спасение стоял на берегу Ворсклы с более 16 тысячами измощденных, деморализованных шведских солдат и тремя тысячами мазепинских казаков. Там их и настиг отряд князя А. Меншикова. Понимая свою обреченность, одни группы шведских солдат стали разбегаться в разные стороны, другие – сдаваться в плен, перебегая к русским. Запорожские казаки предпочитали либо бросаться в Ворскулу, либо драться до конца, поскольку у них не было ни малейших шансов быть прощенными. Они не сомневались в том, что их ожидает позорная смерть. Меншиков направил к окруженным со всех сторон шведам и казакам парламентария в сопровождении барабанщика с требованием немедленно положить оружие и сдать припасы, кроме платья и личного имущества. Однако это не относилось к запорожским казакам.

У шведов был выбор: либо выполнить ультиматум Меншикова, либо погибнуть. Левенгаупт собрал командиров и предложил им ответить на вопрос: как поступить. В таком плачевном положении шведская армия никогда еще не находилась, поэтому вначале возникло замешательство. Полковники сделали то, что никогда не делали на протяжении всех войн с участием шведского войска. Они стали спрашивать у солдат их решения:

продолжать сражаться или сдаться? Выразила готовность драться только небольшая часть войска, однако большинство было просто деморализовано. Но и русский отряд, достигший Перевалочную, был крайне уставшим. Тогда русские военачальники разыграли целый военный спектакль: Меншиков приказал для устрашения противника бить в барабаны, а князь М. Голицын поставил позади войска конницу с солдатами, чтобы у шведов создалось впечатление, что на них идет вся армия.

В результате, шведы приняли общее решение – капитулировать, хотя позже в своих воспоминаниях некоторые генералы и офицеры обвиняли Левенгаупта в сдаче армии, мотивируя тем, что они были еще в состоянии сопротивляться. Левенгаупт успел лишь сжечь королевский архив. Договор о капитуляции был подписан обеими сторонами, – остатки шведской армии сдались.

Разоружение 16-тысячной шведской армии под Переволочной происходило в лагере русских войск. Душераздирающую для шведского сердца церемонию сдачи ярко описана Энглундом Петером. Шведской пехоте предстояло складывать оружие и знамена перед русским гвардейским полком. Первой шла лейб-гвардия Карла XII. Пехотинцы отдавали честь мушкетами и опускали их на землю, после чего снимали с себя шпаги и патронные сумки. Эскадроны шведских кавалеристов, проходя вдоль строя русских драгун, бросали наземь свои литавры, штандарты, шпаги, палаши и карабины. По мере прохождения полков груда оружия, штандартов и амуниции росла, превращаясь в гору. Многие солдаты плакали...

Позднейшие исследования уточнили количество сдавшихся шведов: их было 16 264 человек. И это против 9 000 солдат князя Меншикова! Пораженный этим известием английский посол в Москве доносил в Лондон: "...вопреки всем ожиданиям у неприятеля была еще армия, около 15 тысяч человек, отборные части, больше всего — кавалеристы... они сдались в плен и в тот же день сдали все свое оружие, артиллерию, амуницию, полевую казну, канцелярию, литавры, знамена, флаги, барабаны — генерал-

лейтенанту Боуру... За немногими беглецами послано преследование, которое уже настигло их и перебило на месте двести человек, а сотню взяло в плен. Таким-то образом вся вражеская армия, столь прославленная молвой на весь свет, стала добычей его царского величества, ничто от нее не спаслось, кроме одной тысячи приблизительно кавалеристов, которые бежали вместе с королем. Может быть, в истории не было еще примера такой многочисленной регулярной армии, покорно подчинившейся подобной участи'. Правда, среди 16 тысячного войска 5-6 тысяч были непригодны к бою, поскольку были либо ранены, либо нездоровы, так что боеспособных оставалось около 10 тысяч солдат.

В тот же день, 1 июля в Переяловочну прибыл царь Петр, который распорядился выдать провиант пленным шведам и поставить их на довольствие. Расспросив Левенгаупта о судьбе короля и Мазепы, он приказал бригадиру Кропотову и князю Волконскому скакать вслед за беглецами по разным дорогам. Потом Петр возвратился в Полтаву. Печальной была судьба более двухсот захваченных запорожских казаков. Тех, кто не успел или не решился броситься в волны Днепра, ожидала жестокая расправа. Одних запорожцев колесовали, других, обнаруженных позднее, поскольку они успевали надеть на себя шведские мундиры, немилосердно кололи штыками. Многих оковывали и отправляли в Сибирь. Несколько тысяч простых казаков явились с повинной к царю и были прощены. Однако Петр лишил их казацкого звания, приказал перевести в посполитые и разместить по разным малороссийским селам и деревням.

Бегство побежденных. Смерть Мазепы

Страдающий от раны шведский король благополучно перебрался на правый берег Днепра и пересел в свою повозку. Опустошающие душу чувства унижения, безысходности и страха повергли грозу европейских государств в отрешенное состояние. Он молча смотрел на бескрайнюю степь, залитую нещадно палившим солнцем, которая в те времена представляла

собой безлюдное пространство. Еще в более удручающем состоянии ехал в своей карете бывший гетман Украины Иван Степанович Мазепа. Его покоевый Григорий Новгородец после показывал на следствии: "*Мазепа часто в великой скорби и туче бывають, а временем с плачем и великим вздоханием нарекает свое безумие, что надеялся, что Украина от него не отступит*". Мазепа большей частью лежал на подушках, страдая не только от томительного страха перед возможной погоней, но и от обострившейся подагры.

Шведы страдали от жажды, голода, ночного холода и дневной жары. Знание степи бежавших с ними запорожцев изумляли шведов, если бы не запорожцы, "варяги" погибли бы в безлюдной степи, не найдя дорогу к Очакову или другому более или менее населенного пункту. Путь нескольких тысяч беглецов описан в "Истории запорожских казаков" Д. Яворским: "*Переправившись через Днепр, беглецы взяли сперва направление прямо к западу, на теперешнее селение Шведское при речке Омельник, и Хорошево, при речке того же имени, и на город Александрию; потом, перейдя через вершину Ингульца, повернули на юго-запад по водоразделу между Ингульцом и Ингулом и так, постепенно уклоняясь от Ингульца к Ингулу, двигались до нижнего течения Буга На 25 верст ниже устья Ингула, у теперешней д. Федоровки (Святотроицкого), беглецы остановились лагерем и потом приблизились к самому Бугу.*".

К Бугу шведы и мазепинцы подошли 6 июля. Здесь их уже ждали турецкие суда с присланными турецкими запасами. Еще ранее, на полпути до Буга Карл по совету Мазепы выслал вперед польского генерала Понятовского и своего секретаря Клинковстрема к коменданту очаковской крепости с приказом известить местного пашу об их скором прибытии и подготовить суда для переправы через Буг. Однако паша не спешил принять шведских представителей и согласился на это только на следующий день после их прибытия, предварительно дождавшись мзды в 2000 дукатов. Только тогда очаковский паша пообещал, что поможет королю в переправе

через Буг, прислав для этого пять судов с запасами продовольствия. С обнадеживающим известием посланцы возвратились к Карлу.

Переправа началась 7 июля, после того как шведские солдаты, изголодавшись за время пути, насытились, покупая у турецких купцов еду за любые деньги. Однако тут же выяснилось, что вместо обещанных пяти судов очаковский паша прислал только одно – для короля и его ближайшего окружения. Новые переговоры ни к чему не привели. Оказавшись в отчаянном положении, шведы и казаки начали упрашивать купцов, чтобы те перевезли их, обещая заплатить. Но и купцы не шли на это, ссылаясь на запрет паши. Кончилось тем, что когда король с Мазепой и ближайшим окружением зашли на одно судно, оставшиеся шведы начали садиться на другой корабль. После небольшой перебранки с бряцанием оружия, шведам удалось фактически захватить корабли, турки даже помогали им, поскольку им было заплачено по два червонца за каждого человека. Большинство же запорожцев переплавлялись, держась за хвосты своих лошадей. Однако около тысячи шведов и запорожцев не успели переправиться, поскольку к месту переправы примчался отряд князя Г. Волконского. Большинство запорожских казаков сумело убежать в бескрайнюю степь, часть шведов утонула, бросившись в реку, часть спаслась, спрятавшись в плавнях, около пятисот шведов было схвачено и тем же путем доставлено обратно.

Далее Карл и Мазепа двинулись в Бендера. И снова все страдали от летней жары и жажды, двигаясь по безлюдным просторам,. 11 июля король послал с немцем Нейгебауэром письмо турецкому султану, в котором просил убежища и помохи в возвращении в Швецию через Польшу. 12 июля из Бендер прибыл представитель сираскирского паши с подарками и приглашениями в Бендера. И еще почти три недели путники провели в знойной аккерманской степи, но уже в довольно сносных условиях, благодаря присланным подаркам. Только 1 августа шведский король и бывший гетман прибыли в Бендера. Здесь старому, почти умирающему Мазепе, пришлось пережить еще немало горьких часов.

Царь Петр желал во что бы то ни стало заполучить Мазепу. Добиваясь этой цели, он слал письма турецкому султану. Русский посол в Константинополе П.А. Толстой предлагал великому муфтию взятку в 300 000 талеров за содействие к выдаче Мазепы. Петр обратился к самому Карлу с подобной просьбой-требованием, задержав с этой целью шведского генерала Мардефельда, присланного Карлом к Петру для ведения переговоров. Он отпустил Мардефельда и бывшего в пленау королевского секретаря Цедергельма, которые 5 августа прибыли в Бендераы с устным предложением мира на следующих условиях: Швеция уступает России всю Ингию, Карелию с городом Выборгом, Эстляндию с городом Ревелем и Лифляндию, признает Августа польским королем и выдаст царю бывшего гетмана Мазепу. Карл, разумеется, отказался от таких, по его мнению, позорных условий. В связи с этим, царь Петр заметил, он, Карл, после капитуляции Августа II, добился выдачи своего врага Паткуля.

Карл XII и Мазепа жили в Бендерах, запорожцы – в селе Варницы. Шведский король остался верен себе и сразу же начал готовить свое войско для продолжения войны, хотя в самой Швеции были категорически против такой авантюрной политики. После полтавского поражения Швеция перестала быть мощной державой, способной внушать страх своим соперникам за влияние на европейском континенте. Для запорожцев, оказавшихся вдали от родных мест, эмиграция оказалась крайне тяжелой. Полностью деморализованные, они остались без средств к существованию и без всякой надежды на какие-либо изменения к лучшему. Все рухнуло, и виновником своего несчастья они считали исключительно Мазепу. Возникли споры по поводу тех денег и ценностей, которые бывший гетман сумел вывезти и сохранить. Казаки требовали поделить эти деньги, но Мазепа противился, утверждая, что его богатства пригодятся для дальнейшей борьбы за освобождение Украины. Часть старшины даже пошла на открытый конфликт с бывшим гетманом: бывшие соратники пытались завладеть сокровищами Мазепы, а его самого отправить к царю с целью получения для

себя прощения. Угроза была настолько сильна, что Мазепу спасло только вмешательство адъютанта шведского короля поляка Станислава Понятовского. Часть мазепинской старшины планировала обратиться к молдавскому господарю, чтобы он ходатайствовал перед царем об их прощении. Раздосадованный Мазепа разорвал с ними, и они оставив его, переехали в Яссы. Испортились отношения у Мазепы и с верным Орликом. В своем письме митрополиту Яворскому Орлик пишет: "*Войнаровский, по указу его, Мазепы, не только мене оскорбил, но и на житие моем настоевал, а я жалостно ему выговаривал: "Такое ли есть за верность мою награждение?"*" На что Мазепа раздраженно ответил: "*Если бы ты мне не был верен, то також бы погибл, як и Кочубей*". После этого Орлику ничего не оставалось, как тоже покинуть Мазепу и уехать в Яссы. Мазепа остался совсем один.

Карл по просьбе Мазепы прислал к нему Густава Солдана, знавшего латинский язык и славянские наречия и ведавшего украинскими делами в королевской канцелярии. Он пришел к умирающему Мазепе, который обрадовался его приходу и попросил его произвести опись всего оставшегося имущества. Сумма, насчитанная Солданом, оказалась внушительной – 160 тысяч червонцев, что впоследствии стало предметом торга и распри между его наследниками. Солдан заинтересовался шкатулкой с документами, хранившимися у Мазепы, но тот отказался показать ее содержимое. По легенде, он сжег документы, сказав Солдану, что среди этих документов есть такие, что могут стоить головы многим сильным мира сего. До 21 августа Мазепа сохранял память и борость духа, хотя обострившаяся болезнь окончательно подорвала его здоровье. Жизнь подходила к концу. Вечером того дня ему стало совсем плохо, он потерял память и метался в бреду. При нем находились православный священник, племянник Андрей Войнаровский, Филипп Орлик и Густав Солдан. Весть о близкой кончине старого гетмана распространилась по всему городу, и к дому, где жил Мазепа, стали собираться казаки, шведы, поляки и турки. Прибыл проститься с союзником и шведский король Карл XII с представителями Англии и Голландии. Но

Мазепа так и не пришел в себя. Смерть украинского гетмана наступила в 10 часов вечера 21 августа 1709 года, когда над Бендерами разразился страшный ливень, продолжавшийся всю ночь...

На похороны собрались все, забыв старые и новые обиды. Молча возле дома стояли шведские генералы и офицеры, казацкие и запорожские полковники, простые казаки, просто жители города. Похоронную карету с телом гетмана везли шесть белых коней, впереди шли королевские сурмачи и барабанщики, исполнявшие похоронный марш. За гробом, покрытым красным оксамитом и золотыми галунами, несколько человек несли гетманские клейноды. Дальше шли гетманцы и запорожцы с оголенными саблями и наклоненными знаменами. На похороны явился и Карл XII в сопровождении приближенных особ. Замыкали шествие женщины – родственницы казаков, разделивших с ними все трудности и несчастья последнего года. Они, по украинскому обычаю, громко голосили по покойному. Тело было временно похоронено в сельской церкви села Варницы. Позже оно было перезахоронено в кирпичном склепе церкви в кафедральном соборе Святого Юрия в городе Галац на Дунае.

Эхо победы

А в России весь год продолжались празднества по случаю полтавской победы. 10 июля царь Петр I присутствовал на торжественном молебне в киевском Софийском соборе, где префект Киевской академии Феофан Прокопович держал речь, прославляющую значение победы и личную роль Петра I. Впервые в практике проповедей церковный иерарх обращался к царю как к живому человеку и говорил о живом деле: "*Пресветлейший и великолдержавнейший всероссийский монарх и преславный войск свейских победителю, кое иное дать тебе приветствие и что большее в дар гостинный имамы принести тебе?*" А далее последовал рассказ о полтавском сражении, об измене Мазепы, о разгроме шведского войска. Царь в изумлении и упоении слушал слова украинского иерарха: "*«Супостат, воистинну таковый,*

от якового непобежденному токмо быти великая была бы слава – что же такого победити, и победити тако преславно и тако совершенно!... Ты не только посыпал полки на брань, но сам стал противо супостата, сам на первые мечи и копия устремился". Речь Прокоповича произвела на царя Петра самое благоприятное впечатление, и он немедленно приказал напечатать ее на латинском и русском языках. Впоследствии он приблизил Феофана к себе и тот сделался ближайшим помощником царя в проведении церковной реформы и пропагандистом петровских преобразований.

Тем временем отголоски полтавской битвы разносились по всей Европе. После Киева царь отправился в Польшу. К нему навстречу бросились те, кто еще несколько лет назад либо отказывали ему в помощи, либо предали. Отрекшийся от польской короны после известия о поражении шведов Станислав Лещинский и шведский генерал Крассау под напором осмелевшего коронного гетмана Сенявского бежали в Померанию. Царь направился в город Торунь, где его со страхом и надеждой ждал Август II. Туда же спешили поздравить Петра с победой представитель прусского короля и чрезвычайный посол датского короля. 26 сентября в полумиле от города русского царя встречал Август II и польский сенат в полном составе. Еще ранее Петр объявил его законным королем и тот с саксонской армией вступил в Польшу и разослал манифест, в котором представил свое прежнее отречение вынужденным и поэтому недействительным. Не простив Мазепу и даже изготовив специально для него в надежде поймать "Орден Иуды", царь простил Августу II его отречение и переход к Карлу и поздравил с восстановлением прав на польский престол. Начались торжественные встречи, артиллерийские салюты, заверения в вечной дружбе и ежедневные обильные возлияния. В одном из писем Петр пишет: "*Мы здесь с господами поляками непрерывно на конференциях о делах Ивашки Хмельницкого бываем*". Польские вельможи один за другим переходили на сторону Августа II.

В октябре Петр отправился в Мариенверден, где вел переговоры с прусским королем Фридрихом I, завершившиеся созданием нового оборонительного союза. В том же месяце был заключен формальный союз между Россией, Данией, польским королем Августом II и Пруссией с прямой целью продолжения войны против Швеции, – Северный союз был восстановлен.

Изумленная Европа со смешанным чувством восторга и страха смотрела на появление на востоке мощной армии, которая оказалась способной разгромить непобедимых шведов. Герцог Луи Сен-Симон, вельможа французского короля Людовика XIV писал в те дни: *"1709 год принес полное изменение положения на севере: упадок, чтобы не сказать уничтожение Швеции, которая так часто приводила в трепет весь север и не раз заставляла дрожать империю и австрийский дом, и необычайное возвышение другой державы, доселе известной лишь по названию и никогда не влиявшей на другие страны, за исключением своих ближайших соседей"*. В европейских дворах смех по поводу позорного поражения под Нарвой быстро сменился после Полтавы возгласами восхищения. Царь пребывал на гребне славы.

А 21 декабря 1709 года в Москве года состоялся грандиозный марш победы. Академик Е. Тарле так описывает триумфальное шествие. Первым по улицам древней русской столицы шел Семеновский полк, за ним медленно шагали под стражей шведские генералы, офицеры и нижние чины вместе с артиллерией и знаменами, захваченными только под Лесной и Полтавой. Огромные толпы москвичей часами стояли на улицах и площадях города, глядя на невиданное историческое зрелище. Перед их любопытными взорамишли те, кто еще совсем недавно грозились вступить в Москву победителями, те, кто открыто заявлял о предстоящем въезде Карла XII в Кремль. Замыкала эту первую часть шествия рота Преображенского полка. За этой ротой следовала вторая категория пленных: взятые под Полтавой и Переволочной офицеры, за ними опять артиллерия, знамена, штандарты. А за знаменами — генерал-адъютанты короля Карла XII, генералы,

полковники, подполковники и майоры. За генералами следовал "королевский двор с высшими и нижними чинами" и королевские носилки с постелью, на которых возили раненого короля во время боя. За носилками — вся оставшаяся в живых часть королевской гвардии, королевская канцелярия (полностью захваченная под Полтавой), а за канцелярией — вся свита Карла: генералы Гамильтон, Штакельберг, Роос, Круус, Крейц, Шлиппенбах. Отдельно шли граф Левенгаупт, фельдмаршал граф Реншильд, первый гофмаршал и первый министр Швеции граф Пипер². За ними ехал Петр, а за ним Преображенский полк во главе с князем А. Д. Меншиковым и князем Г. Долгоруким. Шествие замыкала артиллерия Преображенского полка с телегами боеприпасов.

² Граф Пипер был отправлен в Петропавловскую крепость, где содержался в отдельном деревянном домике.

ЭПИЛОГ

Подробное описание дальнейшей судьбы главных действующих лиц не входит в задачу этой книги. По-разному складывалась судьба победителей и побежденных.

Шведский король Карл XII пережил бурные события в турецких владениях. У турецкого султана и шведского короля были общие интересы. Турки планировали использовать Карла XII для того, чтобы вынудить Петра I пересмотреть условия заключенного еще в 1700 году перемирия. Карл XII, в свою очередь, стремился вовлечь Турцию в войну с Россией, а самому двинуться в Польшу. Карл всеми силами стремился добиться изменения внешнеполитического курса Турции, интригая и подкупая турецких сановников. Недовольный поведением шведского короля султан отдал приказ арестовать Карла XII. В феврале 1713 года 10 тысяч турок и татар атаковали резиденцию короля, который защищался вместе со своими 50 охранниками. Произошла схватка, в которой шведский король мужественно защищался со шпагой в руках. Туркам удалось поджечь дом его пребывания, и Карл был ранен, пленен и перевезен в местечко Дематика около Адрианополя. Отсюда шведский король Карл XII в сопровождении своего адъютанта О.Ф. Дюринга в конце октября 1714 года начал под именем Петера Фриска долгое и трудное путешествие верхом через Болгарию, Румынию, владения Габсбургов и Германию. Наконец, после почти пятнадцатилетнего отсутствия в своем королевстве изможденный и заросший бородой король прибыл в первом часу по полуночи 11 ноября 1714 года в Штральзунд, центр шведской Померании.

Король крайне нуждался в собственной реабилитации, надеясь на военное решение всех проблем. В 1716 году он начал военные действия против Норвегии. После первой неудачной попытки он предпринял вторую, которая состоялась в 1718 году. В ночь на 30 ноября 1718 года, Карл XII, осматривая работы по сооружению осадных траншей и укреплений, был

смертельно ранен пулей, попавшей королю прямо в висок. Историки и специалисты-криминалисты до сих пор спорят был ли Карл XII убит случайной пулей или же он был убит противниками его безудержной экспансивной политики, в результате Швеция лишилась статуса положения великой державы, утратив свои владения на Балтийском море.

Что касается судеб пленных шведов, то они были сосланы в Сибирь, включая обер иunter-офицеров. Однако ни на какую работу их не употребляли, поэтому они должны были кормиться сами, чаще всего, нанимаясь за поденную плату. Около 800 офицеров проживали в Тобольске, зарабатывая себе на жизнь изготовлением игорных карт, вытаскиванием табакерок и других вещей из костей мамонтов, которые сами выкапывали из земли. Известно, что сибирский губернатор князь М.П. Гагарин раздал пленным болем 15 000 рублей, на которые они построили себе лютеранскую церковь.

Царь Петр пережил крупную неудачу буквально через два года в Прутском сражении и был вынужден подписать крайне невыгодный для России мир, перечеркивающий все южные завоевания царя. Северная война после множества мелких и крупных сражений и дипломатической борьбы закончилась подписанием 30 августа 1721 года Ништадтского мира со Швецией, по которому России переходили все земли, завоеванные в ходе войны. Россия, ставшая империей, получила, наконец, долгожданный выход к Балтийскому морю. Северное направление оказалось для Петра более важным, чем южное. Петр I, ставший императором, продолжал свои реформы, таща за собой управлявшуюся Россию, вызывая как искренне восхищение, так и осуждение со стороны потомков. Он пережил смерть своего сына, царевича Алексея, которого отдал на суд и пытки светских чинов за измену. Пережил царь даже измену собственной жены императрицы Екатерины Скавронской, которая ускорила его смерть. Российский император Петр Алексеевич Романов умер 28 января 1725 года.

ХРОНОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Дата	
20 марта 1639 г.	Родился Иван Степанович Мазепа
1663 г.	Мазепа уходит из Польши и остается в Украине
январь 1667 г.	Подписание Андрушовского мира
30 мая 1672 г.	Родился Петр I
1674 г.	Пленение Мазепы запорожцами и освобождение
17 июня 1682 г.	Родился шведский король Карл XII
май 1686 г.	Подписание Вечного мира, раздел Украины
лето 1687 г.	Первый Крымский поход Голицына
1687 г.	Избрание Мазепы гетманом Украины
весна 1689 г.	Второй Крымский поход Голицына
август 1689 г.	Переворот в Москве. Воцарение Петра I
10 сентября 1689 г.	Первая встреча Мазепы с Петром I
лето-осень 1695 г.	Первый Азовский поход Петра I
лето 1696 г.	Второй Азовский поход. Взятие Азова
15 сентября 1697 г.	Избрание польским королем саксонского курфюрста Августа II
ноябрь 1697 г	Коронация Карла XII
1697-1698 г.г.	Великое посольство Петра в Европу
октябрь 1698 г.	Карловицкий конгресс
ноябрь 1699 г.	Заключение Петром союза с саксонским курфюрстом Августом II и датским королем Фридрихом IV против Швеции
февраль 1700 г.	Вторжение Августа II в Лифляндию. Осада Риги
март 1700 г.	Вторжение Дании на территорию княжества Шлезвиг – союзника Швеции
14 июля 1700 г.	Подписание Константинопольского мира России с Турцией
7 августа 1700 г	Нападение Карла XII на Копенгаген. Травендалльский мир с Данией.
8 августа 1700 г.	Объявление Петром войны Швеции
октябрь 1700 г.	Отправка казацких войск под Нарву
18-19 ноября 1700 г.	Разгром русских войск под Нарвой
февраль 1701 г.	Переговоры Петра I и Августа II
декабрь 1701 г.	Нападение запорожцев на караван греческих купцов

1 декабря 1701 г.	Разгром Карлом XII польского войска Огинского
начало 1702 г.	Взятие шведами Курляндии вхождение на территорию Польши
14 мая 1702 г.	Взятие шведами Варшавы
31 июля 1702 г.	Взятие шведами Кракова
Январь 1702 г.	Первая победа российско-казацких войск над шведским генералом Шлиппенбахом
лето 1702 г.	Антипольское восстание полковников Самуся и Искры
17 июля 1702 г.	Поражение шведского отряда от войска Шереметева
11 октября 1702 г.	Взятие Петром I крепости Нотебург
Октябрь 1702 г.	Взятие казаками Миклашевского Быхова
Ноябрь 1702 г.	Захват казаками Белой Церкви
2 мая 1703 г.	Взятие Петром I крепости Ниеншац
май 1703 г.	Первая морская победа русских. Взятие крепостей Ямбург и Копорье.
16 мая 1703 г.	Основание Санкт-Петербурга
июль 1703 г.	Освобождение русскими Ингрии
Октябрь 1703 г.	Протест запорожцев царю против строительства крепости Каменный Затон
май 1704 г.	Поход Мазепы на Правобережье
лето 1704 г.	Арест и ссылка Мазепой полковника Палея
июль 1704 г.	Провозглашение польским королем Станислава Лещинского
13 июля 1704 г.	Взятие русскими Дерпта
13 августа 1704 г.	Взятие русскими Нарвы
19 августа 1704 г.	Подписание союзнического договора между представителями Петра I и Августа II
осень 1704 г.	Поход армии Шереметева и Репнина в Польшу
июль 1705 г.	Поражение войск Шереметева при Гемауэртгофе
сентябрь 1705 г.	Занятие русскими войсками крепостей Митаву и Бауски
лето-осень 1705 г.	Поход Мазепы против сторонников Лещинского
конец июля 1705 г.	Начало Астраханского восстания
13 марта 1706 г.	Взятие Астрахани фельдмаршалом Шереметевым
ноябрь 1705 г.	Взятие Мазепы крепости Замостье
декабрь 1705 г.	Первая встреча Мазепы с княгиней Дольской

3 февраля 1706 г.	Разгром шведами войск Августа II под Фрауштадтом
март-апрель 1706 г.	Отступление русских войск от Гродно
март 1706 г.	Получение Мазепой письма от Дольской
апрель 1706 г.	Разгром шведами русско-казацких отрядов
май 1706 г.	Возвращение Мазепы в Батурино
начало июля 1706 г.	Прибытие Петра I в Киев
15 августа 1706 г.	Закладка новой крепости в Киеве
август 1706 г.	Недовольство казацких старшин притеснениями россиян
август-сентябрь 1706 г.	Форсирование шведами Вислы, вхождение в Силезию
13 сентября 1706 г.	Подписание мира уполномоченными Августа II и Карла XII. Отречение Августа II
18 октября 1706 г.	Разгром русско-казацким войском шведско-польской армии генерала Мейерфельда под Калишем.
осень 1706 г.	Неудачные переговоры посла Матвеева в Англии
конец декабря 1706 г.	Военный совет в Жолкве. Принятие плана "выжженной земли"
апрель 1707 г.	Второй совет в Жолкве. Раздражение Мазепы
апрель-июнь 1707 г.	Отправка Мазепой украинских казаков в распоряжение коронного гетмана Сенявского и фельмаршала Шерemetева
6 июня 1707 г.	Царский Указ о переписи беглых крестьян
16 сентября 1707 г.	Получение Мазепой письма от короля Станислава Лещинского
17 сентября 1707 г.	Признание Мазепы Филиппу Орлику
17 сентября 1707 г.	Первый донос Кочубея на Мазепу
9 октября 1707 г.	Начало восстания Булавина
Ноябрь 1707 г.	Появление Булавина в Запорожье
Ноябрь 1707 г.	Завершение строительства Киевской крепости
1708 год	
Начало января	Передача Заленским Мазепе Универсала короля Станислава
начало января	Второй донос Кочубея на Мазепу
начало января	Переправа шведских войск через Вислу. Начало русского похода
12 января	Указ Петра I о мобилизации

9 мая	Избрание Булавина атаманом Войска Донского
11 февраля	Карл в Сморгонах
18 марта	Карл в Радосовицах
16-14 июня	Переправа шведской армии через Березину
3 июля	Поражение русского войска под Головчиным
6 июля	Смерть Кондратия Булавина. Разгром восстания
16-14 июня	Переправа Карла через Березину
27 июля	Казнь Мазепой Кочубея
29 августа	Первая победа русских под селом Доброе
10 сентября	Бой у деревни Раевка
13 сентября	Принятие решения Карлом XII о походе на Украину
14 сентября	Шведский авангард Лагенкрона двинулся к Стародубу
18 сентября	Шведы расположились у Кричева
21 сентября	Вступление шведских войск на Украину
25 сентября	Шведская армия у села Костеничи
28 сентября	Победа русского войска при деревне Лесная. Разгром обоза Левенгаупта
29 сентября	Шведы достигли г. Кричев
1 октября	Генерал Лагеркрана вблизи Стародуба а Карл вблизи Мглина
10 октября	Карл XII начал движение по стародубской дороге
13 октября	Шереметев, Гольц и Алларт вступили в Погар
13 октября	Карл XII в Рухово. Соединение с Левенгауптом
17 октября	Шведы в миле перед Стародубом
18 октября	Шведы в Понуровке
18 октября	Мазепа посыпает Быстрицкого к Карлу XII
21 октября	Русский генерал Инфлянт в Чернигове
22 октября	Переправа фельдмаршала Шереметева через Десну под Каменем
23 октября	Бегство Мазепы из Батурина
28 октября	Встреча Мазепы с Карлом XII
30 октября	Грамота Петра запорожским казакам
2 ноября	Штурм и падение Батурина
6 ноября	Избрание И.И. Скоропадского гетманом
9 ноября	Анафема Мазепе
21 ноября	Бегство из шведского лагеря Даниила

	Апостола
18 ноября	Шведы в Ромнах
19 ноября	Шведы в Гадяче
20 ноября	Безуспешная попытка шведов овладеть г. Смела
9 декабря	Сожжение шведами г. Недрыгайлов и местечко Терны
18 декабря	Захват Ромен русским генералом Алартом
27 декабря	Оборона г. Веприк против шведов
31 декабря	Захват шведами г. Зеньков
1709 год	
13 января	Штаб-квартира шведов в Зенькове
17 января	Назначение полковника Келина комендантом Полтавы
28 января	Шведы в Опошне
9 февраля	Король выступил к Ахтырке
12 февраля	Шведы в Городне
13 февраля	Король выдвинулся к Коломаку
15 февраля	Бой с полком Альбедиля в Ращевке
15-19 февраля	Снова отход к Опошне
1 марта	Уход запорожцев к Мазепе
3 марта	Король перенес главную квартиру в Будищи
11 марта	Казацкая Рада с посланниками Мазепы
19 марта	Прибытие казацкой депутации к шведам
26 марта	Встреча атамана Гордиенко и Мазепы
27 марта	Аудиенция запорожских казаков с Карлом XII
5 апреля	Начало осады Полтавы. Первый штурм
12 апреля	Бои под Новыми Сенжарами казацко-шведского войска с отрядом русского генерала Рена
28–29-го апреля	Прибытие к Полтаве Карла XII
14-15 мая	Разрушение Яковлевым и Галаганом Чертомлыцкой Сечи
16 мая	Скрытный проход в Полтаву отряда Головкина
1 июня	Бомбардировка Полтавы
4 июня	Приезд в русский лагерь царя Петра
14 июня	Нападение русского генерала Генскина на шведский отряд в Старых Сенжарах
14 июня	Нападение Скоропадского на д. Жуки
15-16 июня	Переправа передовых частей русской армии через Ворсклу
18 июня	Возведение нового русского лагеря

17 июня	Ранение Карла XII в ногу
19-20 июня	Переправа основной русской армии через Ворсклу
21-22 июня	Последние атаки на Полтаву
26 июня, вторая половина дня	Принятие решения об атаке Карлом XII
26 июня, вечер	Подготовка к сражению в русском лагере
26 июня, 11 часов	Приказ Карла XII о выступлении
27 июня	ПОЛТАВСКАЯ БИТВА
28 июня	Торжественный въезд Петра I в Полтаву
29-30 июня	Переправа шведского войска и мазепинцев через Днепр
1 июля	Капитуляция остатков шведской армии под командованием генерала Левенгаупта
7 июля	Переправа через Буг
10 июля	Торжественный молебен в Софийском Соборе по случаю Полтавской победы
21 августа	Смерть Мазепы
26 сентября	Встреча Петра I с Августом II в Польше
октябрь	Восстановление Петром I Северного Союза
21 декабря	Грандиозный марш победы в Москве
30 августа 1721 г.	Окончание Северной войны. Заключение Ништадского мира.
1 декабря 1718 г.	Смерть Карла XII
28 января 1725 г.	Смерть императора Петра I

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андрusяк М. Гетьман Іван Mazepa, як культурний діяч. – К.: AT "Обереги", 1991. – 49 с.

Артамонов В. Позиции гетманской власти и россии на Украине в конце XVII — начале XVIII века // РОССИЯ — УКРАИНА: История взаимоотношений. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН Институт «Открытое общество», 1997.

Борисенко В.Й. Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. –К.: Наукова думка, 1986. –263 с.

Борщак I., Martель P. Іван Mazepa: життя і пориви великого гетьмана. – К.: Вид-во СП "Свенас", 1991. – 136 с.

Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении // http://battles.h1.ru/Poltava_sostav.shtml.

Возгрин В.Е. Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны / Материалы Шестой ежегодной научной конференции (14-16 апреля 2004 г.) Под ред. В.Н. Барышникова. – Санкт-Петербург, 2005.

Воспоминания Константина де Турвиля о походе Карла XII в Россию. // Вопросы истории. –№3. – 1989.

Гилленкрок А. Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось. [Пер. с нем., введ. и примеч. Я. Турунова].— ВОЕННЫЙ ЖУРНАЛ, 1844, № 6, с. 1—105.

Горобец В. Украинско-российские отношения и политико-правовой статус Гетманщины (вторая половина XVII — первая четверть XVIII века) // РОССИЯ — УКРАИНА: История взаимоотношений. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН Институт «Открытое общество». — 1997.

Журавльов Д.В. Мазепа: людина, політик, легенда. — Харків: Фоліо, 2007. — 382 с.

Измайлова Н.В. К вопросу об исторических источниках «Полтавы». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 4—5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939, с. 435—452.

Ключевский В.О. Курс русской истории. — М.: 1958. — Т. IV.

Ковалевская О. Политическая акция И.Мазепы (1708-1709) как составной элемент системного кризиса конца XVII - начала XVIII века // <http://www.mazepa.name/history/aktziya.html>.

Костомаров Н.А. Мазепа. — К.: Издательство "Республика", 1992. — 335 с.

Краснов В.Н., Шитиков Е.А. Регулярный военный флот Петра Великого // <http://www.navy.ru/history/io1.htm?print=Y>.

Крман Д. Итinerарий / Пер. Л.М. Попова, М.И. Цетлин // Вопросы истории, 1976. - № 12. — С. 93-111. — В ст. Шутой В. Е. Малоизвестный источник по истории Северной Войны.

Кротов П.А. «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой (к изучению инженерно-фортификационного обеспечения баталии) // http://www.rchgi.spb.ru/spb/conference_3/krotov.htm.

Крупницький Б. Гетьман Мазепа та його доба. — К.: Україна, 2003. — 240с.

Кудрявцев Н.А. Государево Око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. — СПб.: Нева, 2002.— 594 с.

Лазаревскій А. М. Историческій очеркъ Батурина.
 (1625 — 1760 гг.). // Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца.
 — К., 1892. — Кн. VI. — Отд. II. — С. 105-122.

Ластовський В. Відносини гетьмана І. Мазепи та православної церкви в історіографії // Історичний журнал. - 2005.- №5.- С. 68-79.

Листи Івана Мазепи. 1687-1691. / Упорядник та автор передмови В.Станіславський. – К.: Інститут історії України НАНУ. – Т.1. – 2002. – 480 с.

Листи та накази Петра I-го [Подаються за виданням: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.VIII. (июль-декабрь 1708 г.). — Вып. 1. — Москва-Ленинград, 1948. — 408 с.] // <http://litopys.org.ua/rizne/pisma.htm>

Літопис Самовидця. – Наукова думка, 1971.

Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687-1709. – К.: 1995.

Оглоблін О. Гетьман Іван Мазепа та його доба. – Нью-Йорк, Кїв, Львів, Паріж, Торонто, 2001.

Павленко С. Загибель Батурина 2 листопада 1708 р. – 2-ге вид. – Вид. дім. "КМ Академія", 2008. – 267 с.

Павленко С. Отточення гетмана Мазепи. – К.: Видавничий дім "КМ Академія". – 2004. – 602 с.

Політика русских царей на Україні в першій третині XVIII століття // http://www.world-history.ru/countries_about/579/2222.html.

Полонська-Василенко Н. Історія України: У 2-х томах. – 3-те вид.–К.: Либідь, 1993. –Т.1. –672 с.; Т.2.–608 с.

Рабинович М.Д. Полки петровської армії 1698-1725 Краткий справочник. Под редакцией доктора исторических наук Л. Г. Безкровного. – М.: Издательство "Советская Россия", 1977.

Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе и о казаках вообще. – ІЗБОРНИК "Історія України IX-XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації" М.: 1847 // <http://litopys.org.ua/rigel/rig02.htm>.

Санин Г. Антиосманские войны в 70 — 90-е годы xvii века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // РОССИЯ — УКРАИНА: История взаимоотношений. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН Институт «Открытое общество». – 1997.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. – М.: Издательство "Наука", 1984. – 232 с.

Субтельний О. Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. – К.: Либідь, 1994. – 240 с.

Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 271с.

Тарле Е.В. Северная война. – М.: Издательство Социально-экономической Литературы, 1958 г.

Тельпуховский Б. С. "Полтавская битва". – М.: Военное издательство министерства вооруженных сил СССР , 1947 г. // <http://www.Biografia.Ru>.

Чухліб Т. Перші роки гетьманування Івана Мазепи // <http://www.mazepa.name/history/aktziya.html>.

Широкорад А. Б. Северные войны России. –М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001 // <http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/index.html>.

Шутой В.Е. Народна війнана Україні проти шведських загарбників у 1708-1709 р.р. – К.: Політвидав УРСР, 1951.

Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. — М: Новое книжное обозрение, 1995.

Яворницький Д.І. Історія запорозьких казаків. – Т.3. –.: Наукова думка, 1993.

Яковлева Т.Г. Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией // <http://litopys.narod.ru/vzaimo/vz.htm>

Победа шведов в битве при Нарве, 1700

Худ. Г. Седерстрём

Фузилер

Офицер и сержант

Артиллерия

Офицер

Рис. В. И. Семенова

Штурм крепости Новогиреево 11 октября 1702 года

Худ. А. Е. Коцебу

Сражение под Лесной 28 сентября 1708 года

Худ. Ж.М. Натье, 1717

Бой казаков Харьковского полка со шведами под Веприком

Худ А.Шаховцов

www.rus.in.ua/media/akcii/090311pogoda/1.jpg

Петр I в Полтавской баталии

Худ. И.Г. Таннауер

"Полтава". Петръ I передъ битвой. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Голевинскій (изданіе "НИВА" 1899).

Полтавская баталия

Худ. Каравакк. Л.

Атака шведской конницы

Полтавская баталия 27 июня 1709 г.

Гравюра Н. Ларнессена по оригиналу П.Д. Мартена-Младшего

Полтавское сражение. Второй этап

Увеличить

Полтавское сражение. Немецкая гравюра

Полтавская битва

Худ. Виллевальде Б.П.

Шведы склоняют знамена перед Петром I

Худ. О.Е Коцебу

Худ. Кившенико

Сдача шведских знамен

Мазепа и Карл XII после Полтавского сражения

Картина художника Густава Седерстрёма

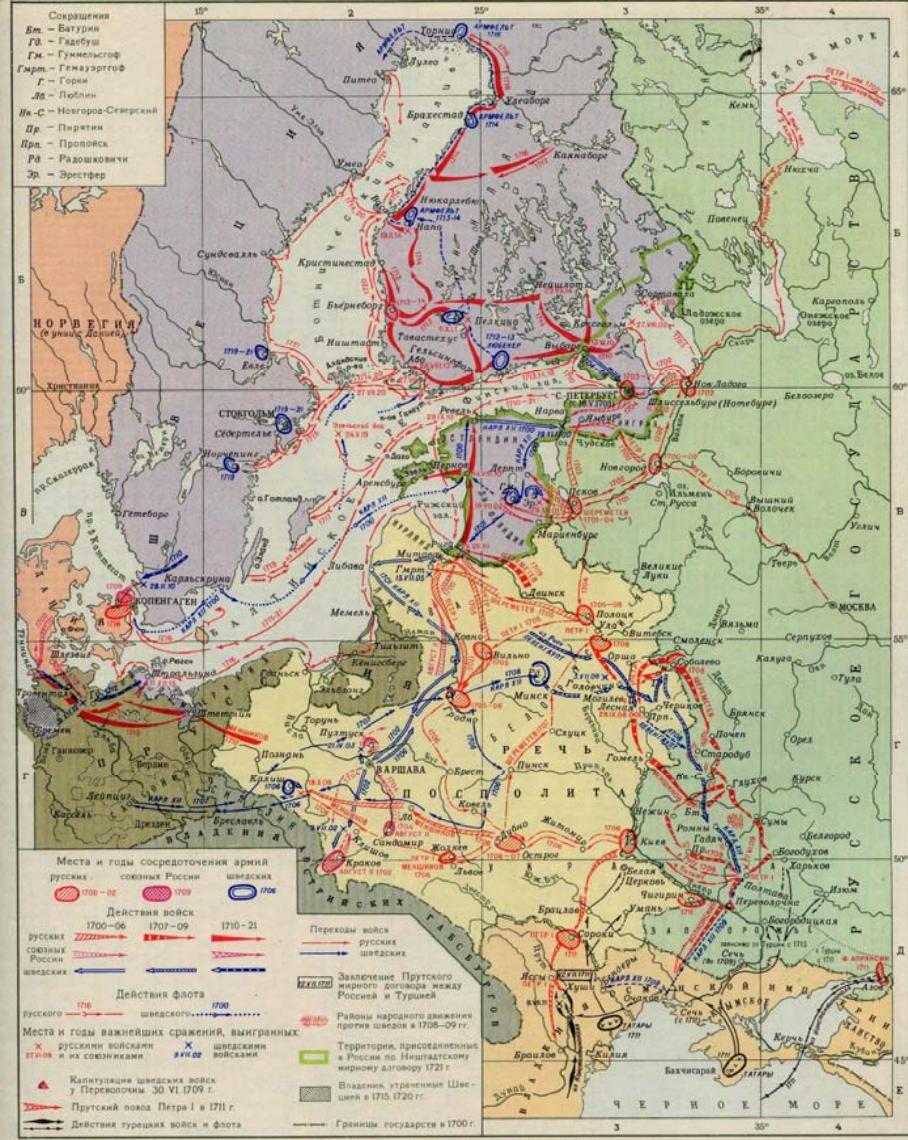
Увеличить

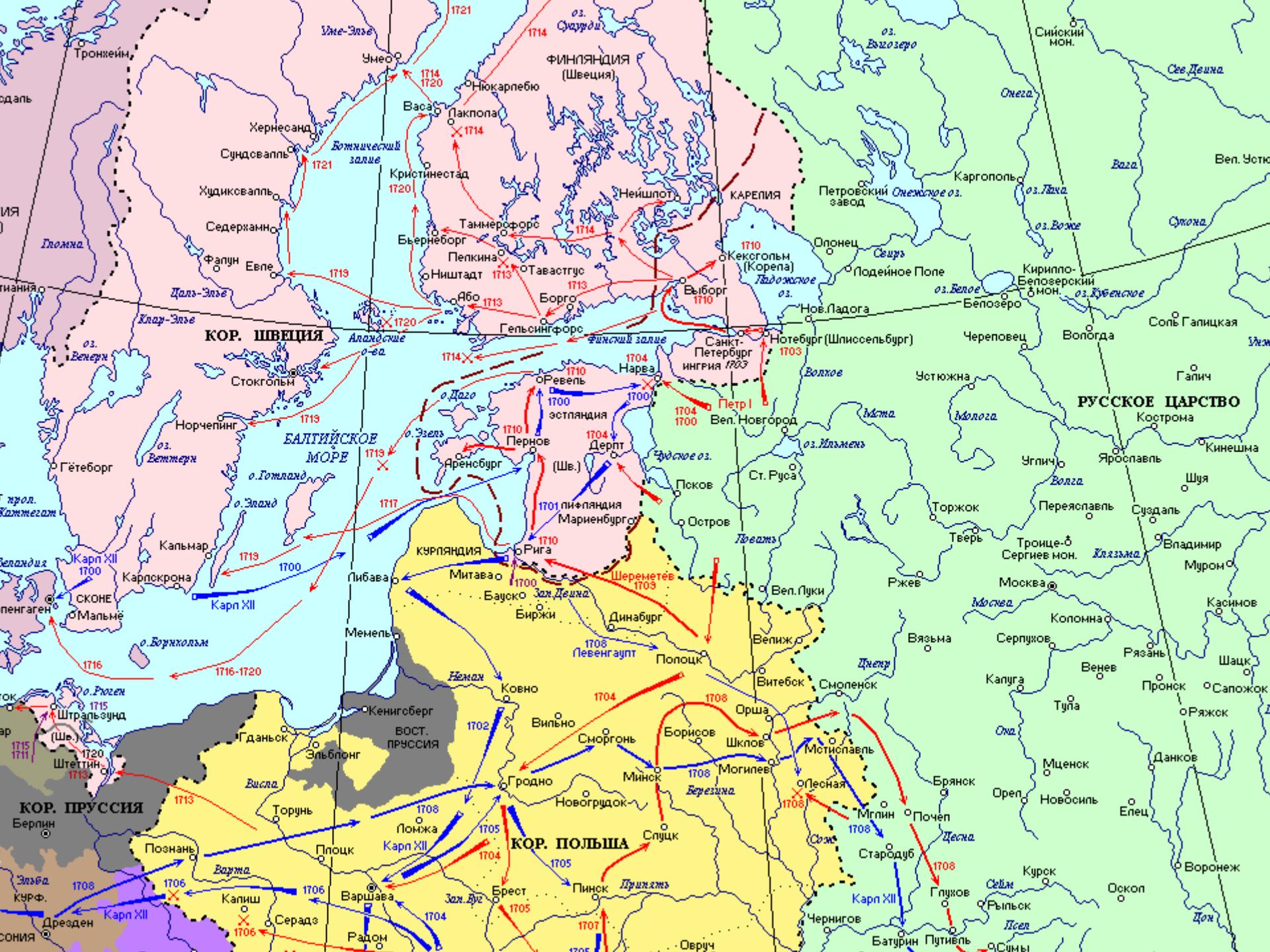
Пленные шведы в Москве

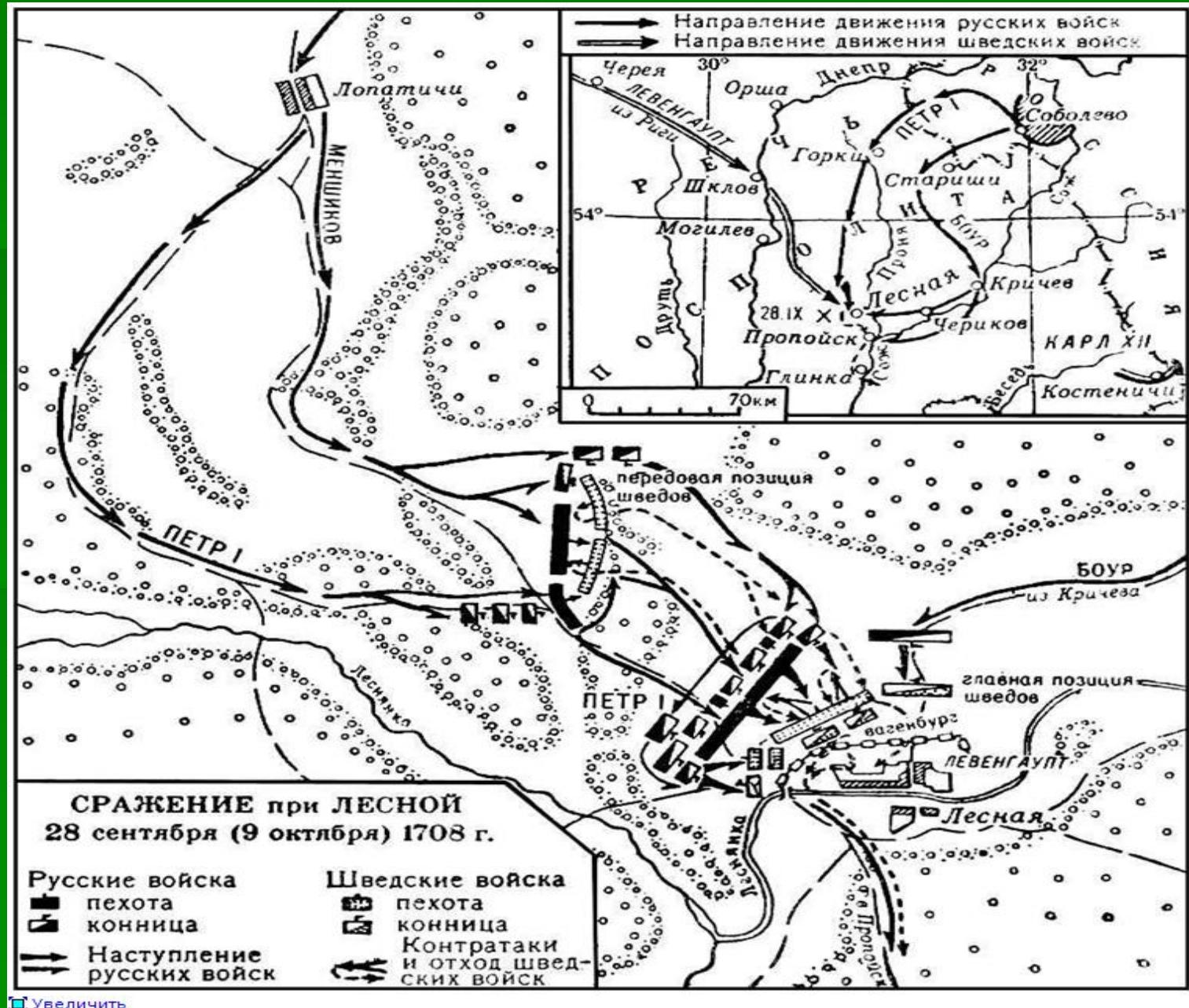

Боевые действия шведской армии. Автор Чернова М.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА 1700-1721 гг.

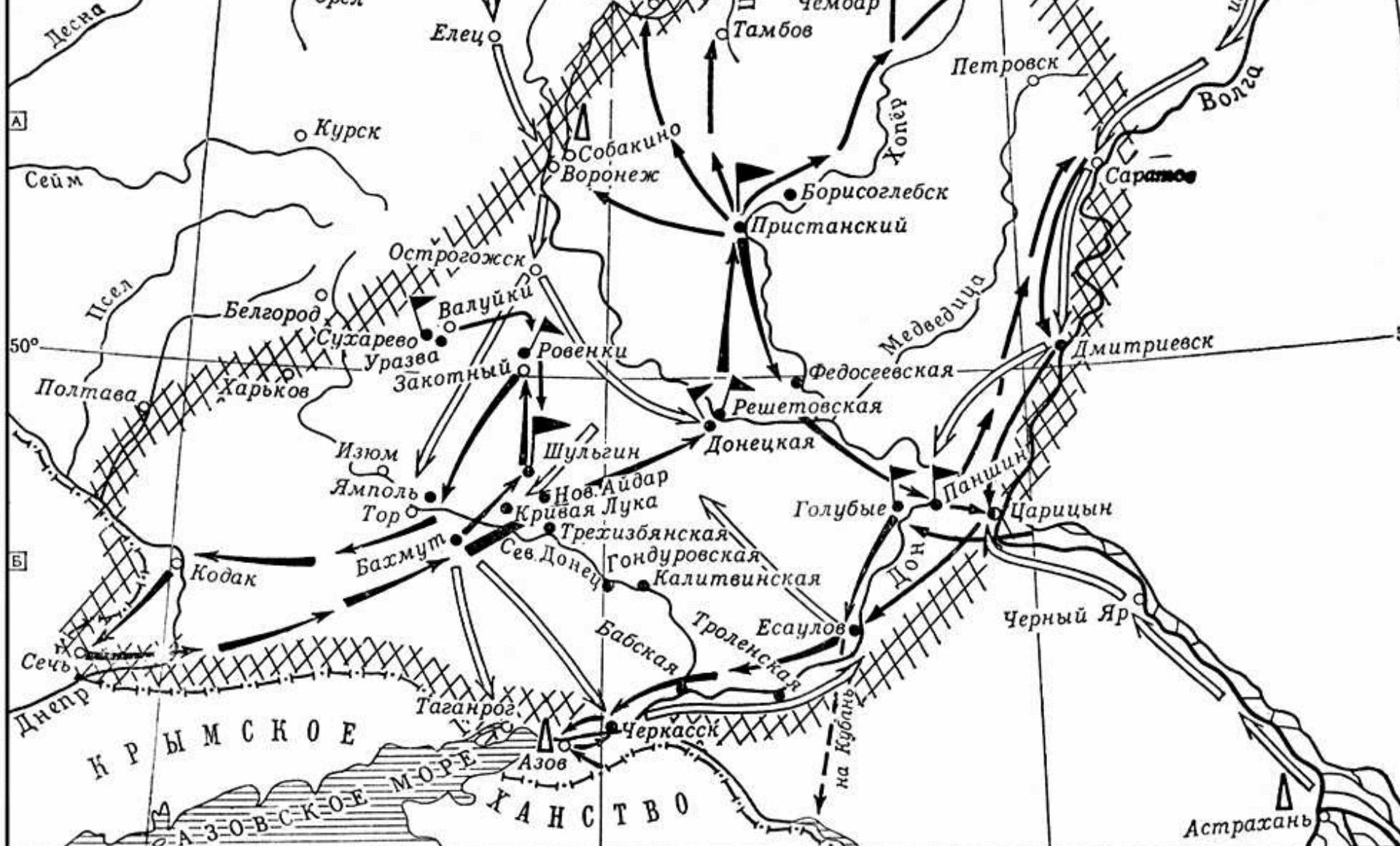

[Увеличить](#)

Боевые действия на Слобожанщине

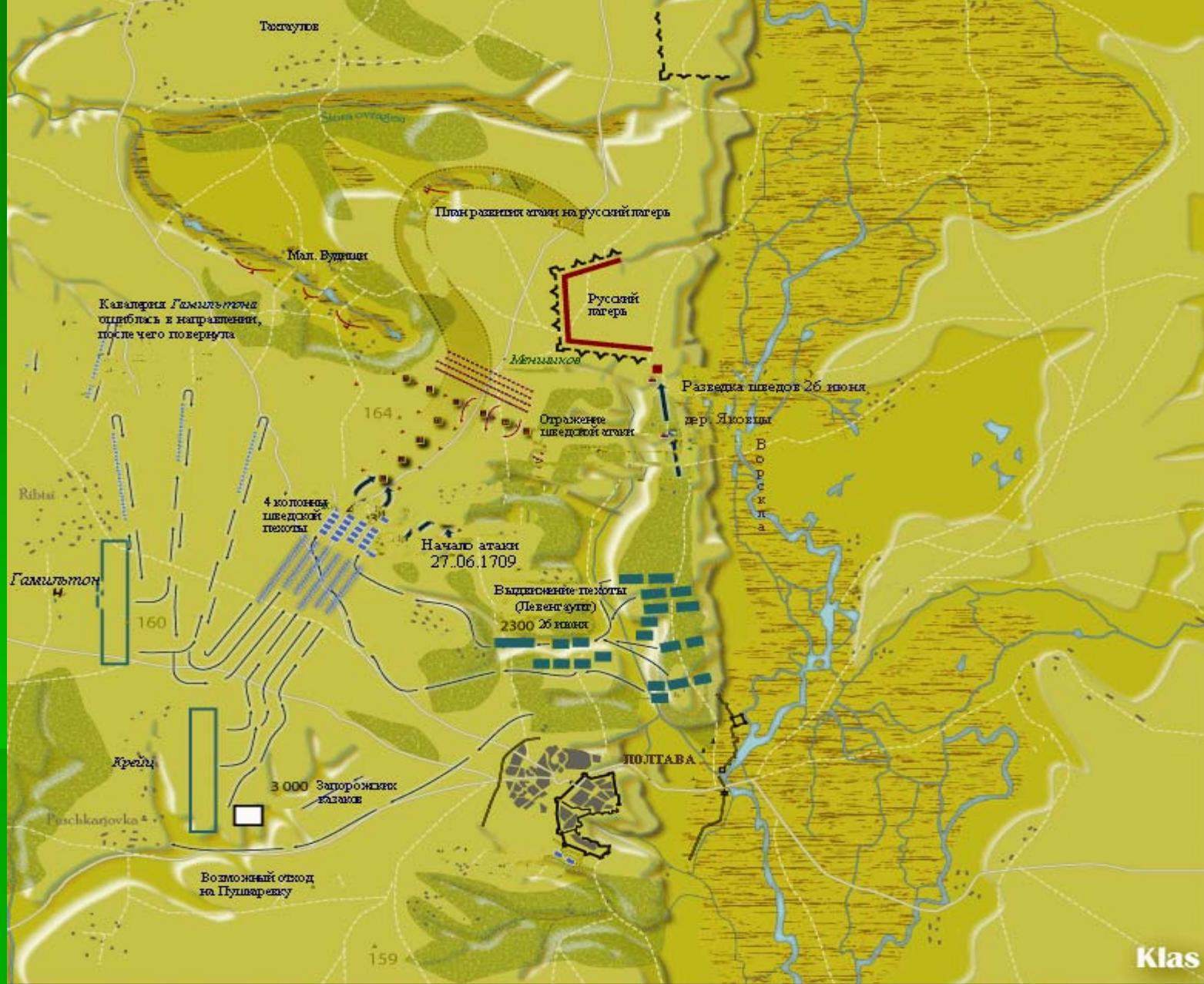

БУЛАВИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1707-1709 гг.

120 0 120 240 км

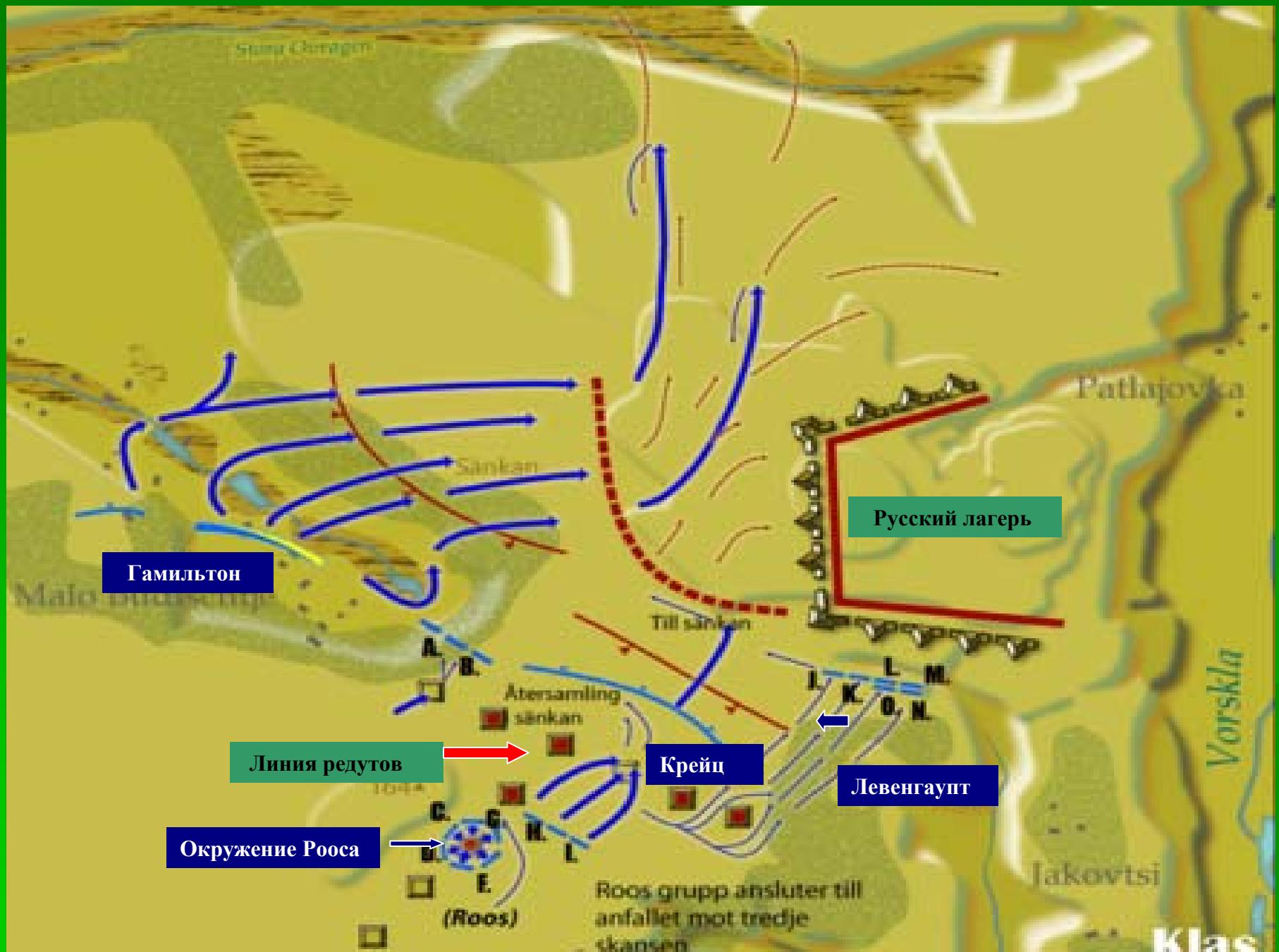
Диспозиция войск перед Полтавским сражением (по Энглунду Петеру)

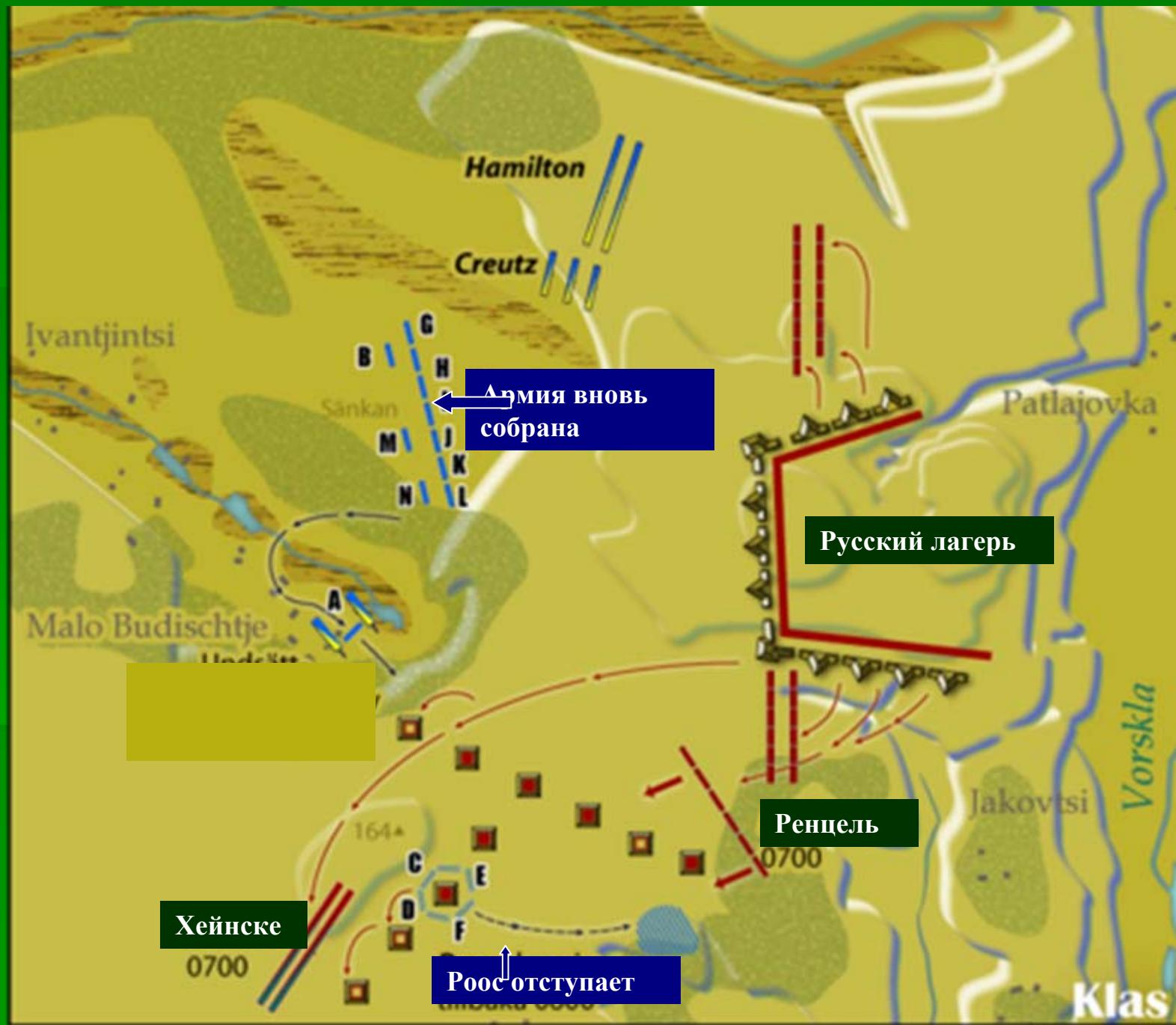
План шведского нападения

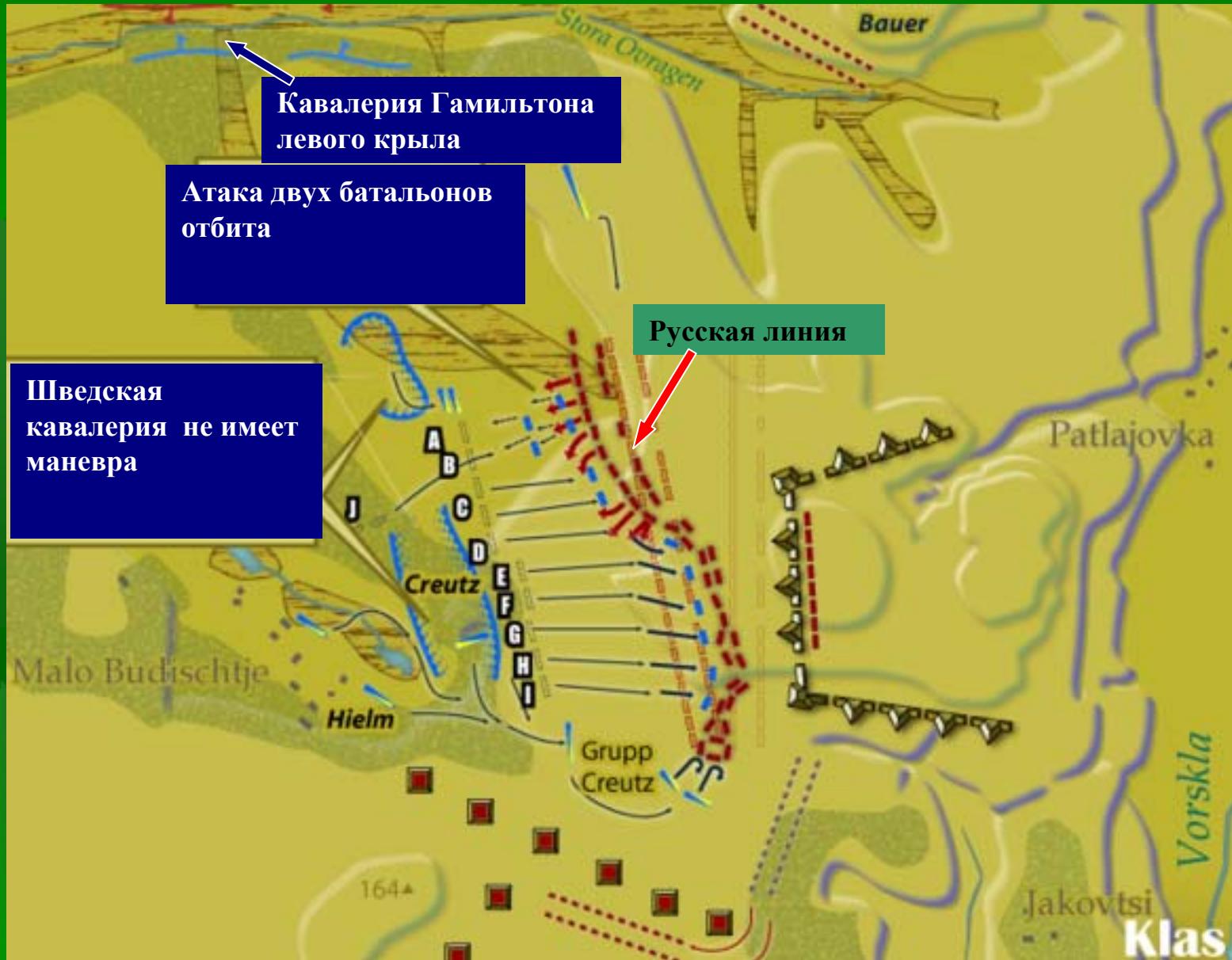
Первый этап битвы

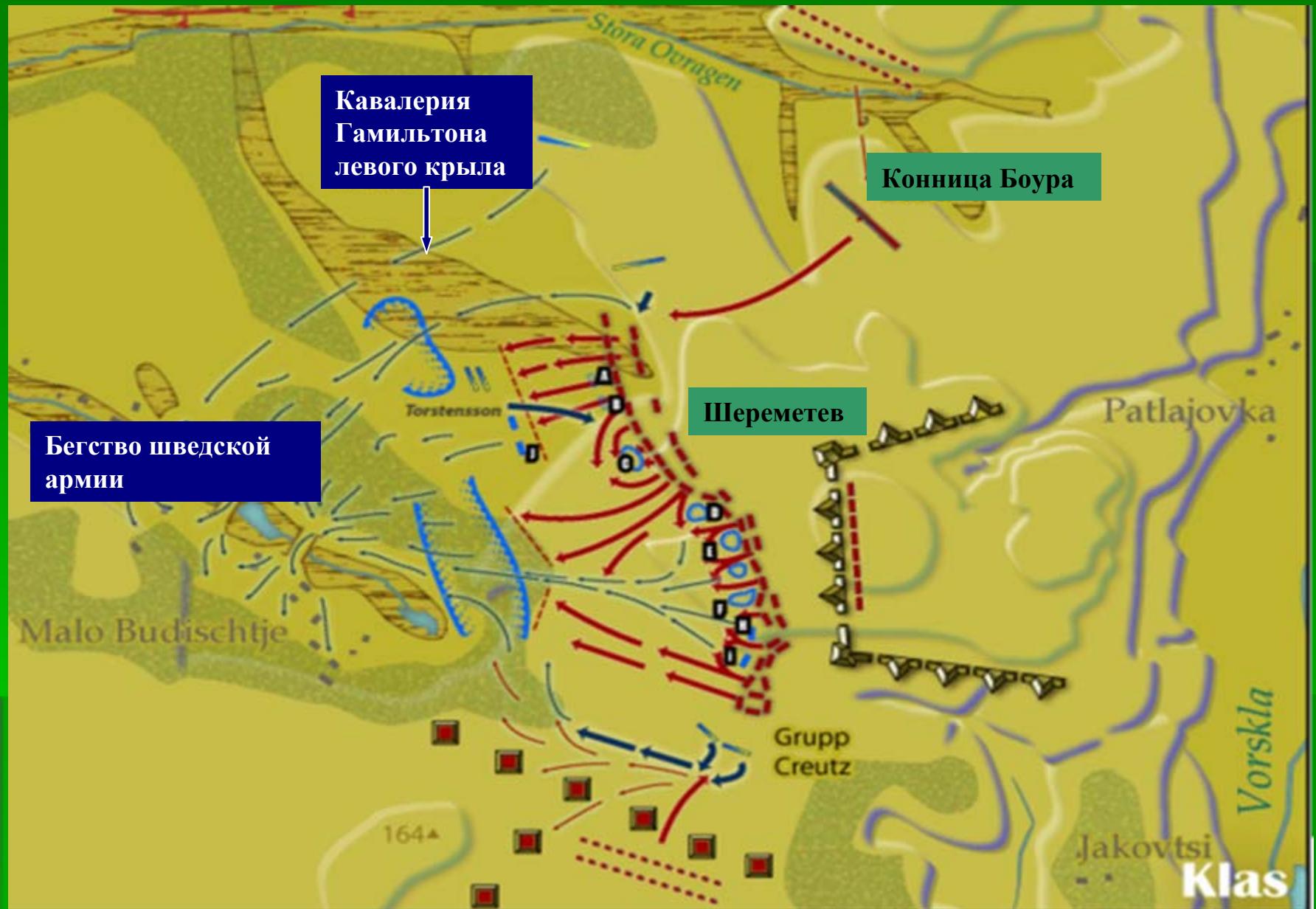
Первый этап битвы. Шведы прорываются через редуты

Как пахарь битва отдыхает. Перед началом второго этапа

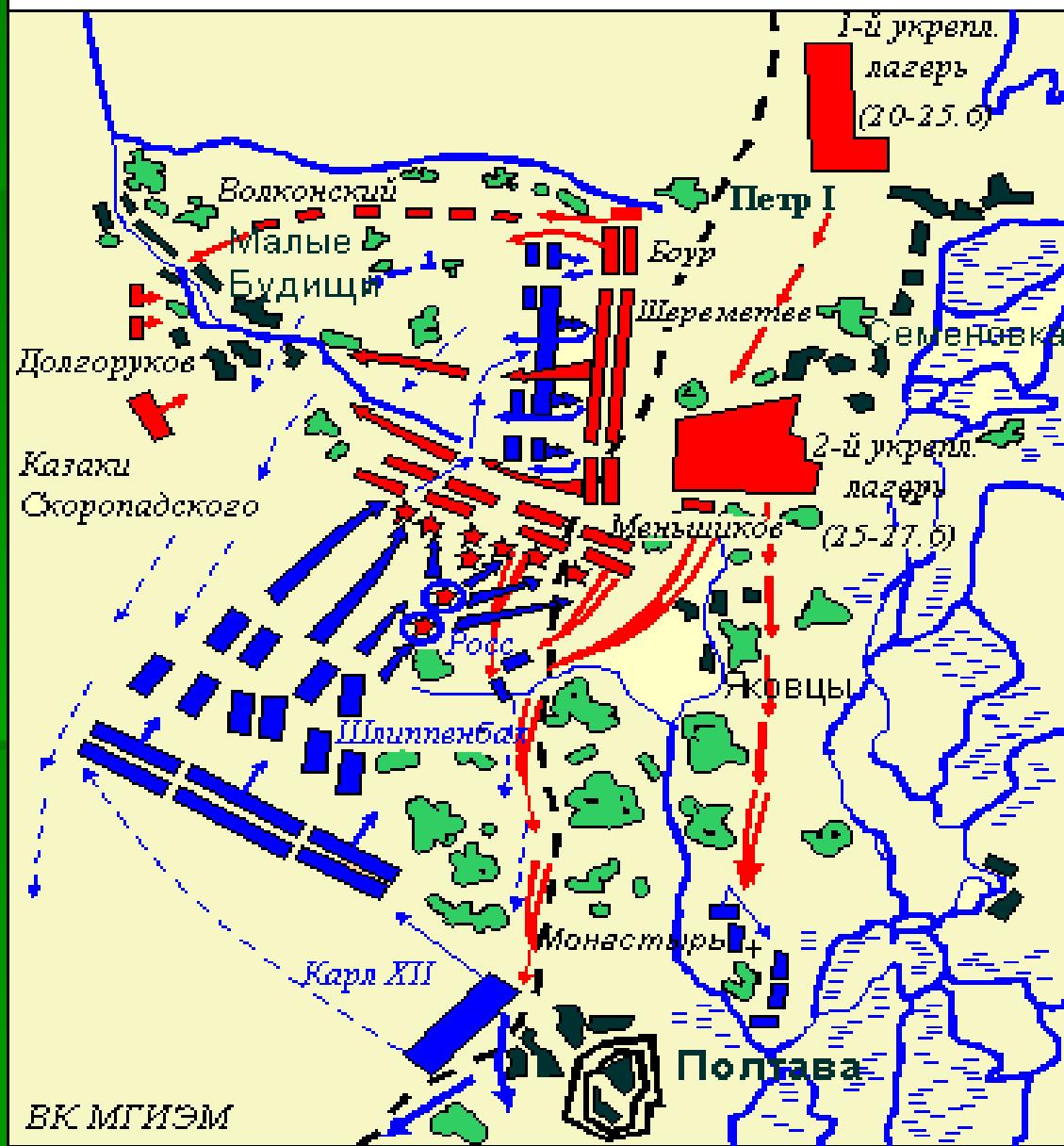

Начало второго этапа. Армии сошлись...

Конец второго этапа. Бегство шведской армии

Полтавское сражение
27 июня (8 июля) 1709 года

Панорама Музея истории Полтавской битвы

Центральное здание музея Полтавской битвы

Мортира

<http://www.battle-poltava.org/rus/museum/gallery/>

Панорама Полтавской битвы

<http://www.battle-poltava.org/rus/museum/gallery/>

Русская пушка

<http://www.battle-poltava.org/rus/museum/gallery/>

Памятный знак на месте редута

Памятник полковнику А. С. Келину, коменданту Полтавы

Памятник шведским воинам

Памятник русским воинам

Свято-Самсониевский храм

• Войны! се пришель часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны
помышлять, что сражаетесь за ПЕТРА но за ГОСУДАРСТВО. ПЕТРУ врученное, за родъ свой, за
отечество, за православную нашу вѣру и ЦЕРКОВЬ. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими
правду и Бога, поборяющаго по васъ; на Того Единаго, яко всесильнаго въ бранѣхъ, уповайте;
а о ПЕТРЪ вѣдайте, что ЕМУ жизнь не дорога, только бы жила РОССІЯ въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего.
• Слова ПЕТРА ВЕЛИКАГО сказанныя войскамъ передъ Полтавскимъ боемъ. •

Табличка на стене Спасо-Самсониевского храма

Барельеф на стэлле «Слава»

Пушки на стэлле «Славы»

Полтавский орел на стэлле «Славы»

Памятник на братской могиле российских воинов

Петръ водружає кресть на братской могилѣ русскихъ воиновъ, погибшихъ въ Полтавскомъ бою.

Место переправы русских войск

Батуринская крепость

Памятникъ на курганѣ на братской могилѣ павшихъ Войновъ въ Полтавскомъ сраженіи въ 1709 году.

Полтава

Полтава.—Poltava. № 1.

Братская могила.

Шведская Могила.

Полтава.

Полтава.— Poltava. № 68.

Памятник Петру I. Успенская церковь.

Monument à Pierre le Grand. Eglise de l'Assomption.

Полтава — Памятникъ побѣды Петра I^{го} и Спасская церковь. № 2

Памятникъ Шведамъ павшимъ въ 1709 г. подъ Полтавой
Сооруженныи Русскимъ Правительствомъ въ 1909 г. (1741)

Полтава — Poltava. № 13.
Памятникъ коменданту Колеску.

Полтава.

Современный видъ памятника Славы (1726).

Памятникъ Шведамъ павшимъ въ 1709 г. подъ Полтавой
сооруженный соотечественниками въ 1909 г. (1742)

Русский царь Петр Алексеевич Романов (1672—1725)

Пётр I Романов (1672 - 1725) -

царь России (1682 - 1725) и император (1721 - 1725). Петр был сыном царя Алексея Михайловича Романова (19.03.1629-29.01.1676) и его второй жены, царицы Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной. В результате длительной и кровопролитной борьбы за власть между семействами Милославских и Нарышкиных Петр смог стать единовластным правителем России только в 1696 году. Одним из первых самостоятельных шагов молодого царя было взятие летом 1696 года крепости Азов и последующая закладка города Таганрога. Петр I инициировал создание российского флота.

После завершения Азовской кампании царь занялся изучением европейского опыта в кораблестроении. В составе Великого посольства, под именем Петра Михайлова, он посетил Голландию, Австрию, Саксонию, Польшу. Петр I изучал корабельное дело, механику, производство бумаги, военное дело. Молодой царь понимал, что для превращения России в современное европейское государство страна должна иметь выход к Балтийскому морю.

Заключив союзный договор с Данией и Саксонией, а также обеспечив нейтралитет Турции, Петр I объявил в 1700 году войну Швеции. Главной целью данной войны был возврат русских земель на побережье Балтийского моря, захваченных Швецией в начале XVI ст. Так началась Великая Северная война, продолжавшаяся 21 год. Первое крупное поражение русской армии русской армии под Нарвой в 1700 году подтолкнуло русского царя к решительным действиям по реформированию армии и смене ее вооружений. Войска были оснащены ружьями с ударно-кремневым замком и штыком, полевая и морская артиллерия получили новые орудия стандартных типов и калибров. Особую роль в создании новой армии по европейскому образцу сыграла реформа системы налогообложения. Как дипломат, Петр I держал под постоянным контролем всю внешнеполитическую деятельность России. Он впервые учредил постоянные дипломатические представительства и консульства за границей, отменил устаревшие формы дипломатического этикета. В ходе войны была создана новая система управления

(гравюра Я. Хофмана, по портрету, художник К. Мюфф. 1717 г.)

государством, основанная на коллегиях, подчиненных непосредственно Сенату. Появилось территориальное разделение государства на губернии. Значительные изменения произошли и в церковной системе; был упразднен патриархат и создан Синод. Существенные изменения произошли в образовании, книгопечатании, начала выходить первая газета "Ведомости", были заложены основы Российской Академии наук. Петр I активно способствовал развитию металлургической, горнодобывающей, текстильной промышленности, что сделало Россию равноправным партнером на европейском рынке. В ходе Великой Северной Войны Петр I сформировался как крупный полководец. Он выдвинул идею мобилизации всех средств ведения войны на суше и на море для обеспечения решающего превосходства над противником и их гибкого использования в зависимости от обстановки.

Победа русской армии в решающем сражении войны - Полтавской битве, привела, в конечном счете, к подписанию выгодного для России Ништадтского мира 1721г., который закрепил за ней бывшие шведские владения в восточной Балтике и способствовал превращению некогда полуфеодальной страны в могущественную европейскую империю.

Усилиями русского царя был заложен фундамент новой столицы Российской империи - Петербурга, города, который строили лучшие архитекторы Европы. В отношении Украины Петр I проводил жесткую политику централизации, которая в итоге привела к уничтожению Запорожской Сечи, ограничению, а впоследствии и полному

уничтожению института гетманства. Сама же Украина на многие годы получила унизительное название Малороссия.

В 1722 году Сенат России присвоил Петру звание императора, а в 1724 году звание императрицы получила вторая жена Петра I Екатерина. Петр I скончался 28 января 1725 года, похоронен в соборе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге.

ПЕТРЪ ВЛАДИМІРЪ
Філіп Супертак (Французський художник)

Король Швеции Карл XII (1682—1718)

Гетман Украины
Иван Степанович Мазепа (1639-1709)

Князь Александр Данилович Меншиков (1673—1729)

Граф Борис Петрович Шереметев

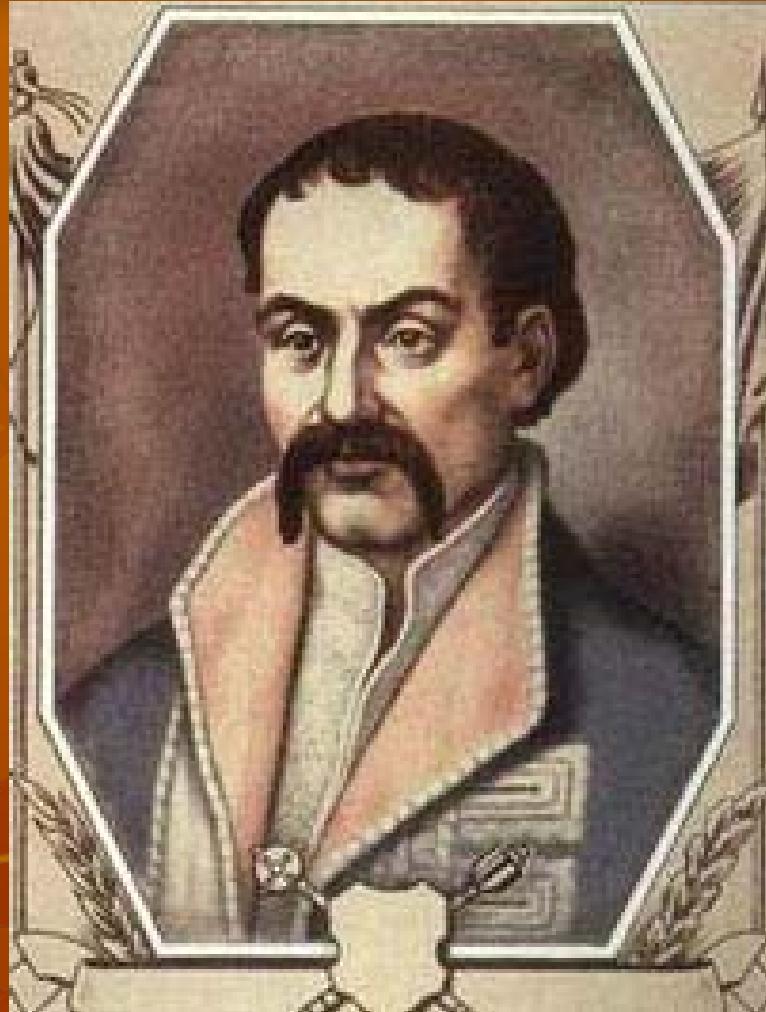
Граф Петр Андреевич Толстой

Граф Яков Виллимович Брюс

Генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей

Генеральный писарь Филипп Орлик (1672—1742)

Гетман Левобережной Украины Иван Ильич Скоропадский в 1708—1722 pp.

Полковник Данило Апостол

Генерал Н. И. Репнин (668-1726)

Шведский генерал А. Л. Левенгаупт (1659-1719)

Шведский фельдмаршал Реншильд К. Г. (1651-1722)

Король Польши Август II Сильный
(ставленник Петра I)

Король Польши Станислав Лещинский
(ставленник Карла XII)

Барон Людвиг Николай фон Алларт (Галлард) (1659-1728) - генерал-аншеф, сподвижник Петра I. Саксонец родом, он долго служил в саксонской армии и в 1700г., по рекомендации короля Августа II, поступил на русскую службу. Прибыв в сентябре 1700г. к армии, находившейся под Нарвою, Алларт был приветливо принят Петром и в тот же день пожалован в чин генерал-лейтенанта. Как искусному инженеру, ему было поручено составить диспозицию и ведомость всего нужного для

осады Нарвы, которые он и представил на другой день. В период осадных действий под крепостью, Алларт, получив "верховную команду в делании апрош, батарей, кетелей и линий", осуществлял надзор за всеми осадными работами; но в самом сражении под крепостью, окончившемся для русских войск полною неудачею, он, вместе с герцогом де Кроа и многими другими начальниками из иностранцев, заподозренными русскими солдатами в измене, вынужден был искать спасения у шведов. До 1705г. Алларт находился в плenу в Швеции, после чего, с доплатой 4000 ефимок, был разменян на коменданта Нарвы, шведского генерала Арведа Горна, и, по освобождении, в 1706г. назначен чрезвычайным послом короля Августа II при Петре I. В том же году, после отречения Августа от польской короны, он снова вступил в русскую службу. Явившись к армии в период гродненской операции, Алларт принял участие во многих действиях против шведов и лично руководил работами по укреплению важных стратегических пунктов Полоцка и Копыси. Получив в 1708г. в командование 3-ю пехотную дивизию, Алларт участвовал с нею в знаменитом полтавском сражении, за что получил высшую награду Российской империи - орден святого Андрея Первозванного. В 1711г. он участвовал в неудачном Прутском походе, а в следующем - принял общее начальство над союзными русскими, польскими и датскими войсками, действовавшими в Померании против крепости Штральзунд. Однако вскоре, при непосредственном участии Александра Меншикова, он был отстранен от командования и, обиженный, вышел в отставку, получив в пожизненную аренду поместье Вольмарсгоф, в Лифляндии. Возвратившись в 1721г. на службу,

Алларт принял командование над войсками, расположенными на Украине, но в апреле 1723г. передал их генералу Голицыну и прибыл в Санкт Петербург. Здесь, 30-го августа 1725 г., Императрица Екатерина I вручила ему орден святого Александра Невского. Вскоре после этого Алларт вышел в отставку в звании генерал-аншефа и поселился в своем имении, где и прожил остаток своих дней. Выделяясь, в ряду современников, своим образованием, Алларт отличался обширными знаниями по инженерным наукам. После него осталась богатая коллекция из 800 планов различных крепостей Европы. Он также известен, как один из первых историков Петра Великого; перевод первого тома неоконченной истории Алларта хранится в рукописи в библиотеке Эрмитажа.

Родион Христианович Баур (Баур) (1667-1717), российский военачальник, один из сподвижников Петра I, генерал от кавалерии (1717г.), активный участник Северной войны 1700 – 1721гг. родился в офицерской семье в Верхней Померании. Свою военную карьеру он начал в армии герцогства Мекленбург-Штрелиц и продолжил позднее в прусской армии. К началу Северной войны он уже имел чин капитана. В августе 1700г. Родион Баур обратился к главнокомандующему шведской армии в

Ингерманландии, генералу от кавалерии Отто Веллингу с

просьбой о приеме в шведскую армию в связи с участием в дуэли, что было наказуемо в прусской армии. Его просьба была удовлетворена, однако уже в сентябре 1700г. под Нарвой, будучи ротмистром шведской армии, Родион Баур перешёл на сторону русских и был принят Петром I на военную службу. Командуя драгунским полком в Прибалтике, в составе войск под командованием генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, он участвовал в боях под Гуммельсгофом, при осаде и взятии крепости Ниеншанц, овладении Дерптом (Тарту) и Нарвой. В июле 1705г. отряд Баура принимал участие в боевых действиях возле столицы Курляндии Митавы (Елгавы). В октябре 1706г. его отряд помог Александру Меншикову разбить шведско-польский корпус генерала Арвига Мардефельта под Калишем. В июне 1707г., после осады, Баур взял крепость Быхов, где находился перешедший на сторону противника польский генерал Казимиш Синицкий и 3000 его войска. За успешно проведенную операцию, во время которой были захвачены 100 пушек, он получил чин генерал-поручика. В 1708г., командуя драгунским отрядом, Родион Баур следил за движением наступавшей шведской армии. После её переправы у Могилёва через Днепр (август 1708г.), он атаковал одну из шведских колонн у деревни Раевка, в результате чего последняя понесла тяжелые потери. Затем, двигаясь за шведами, он осуществил ряд ударов по арьергарду противника. В последующем конница Баура успешно действовала в сражении под Лесной, в результате которого был разгромлен корпус генерала Адама Людвига Левенгаупта. В Полтавской битве 27 июня 1709г. Баур командовал частью

Рудольф Феликс Бауэр (р. 1667 † 1718).

драгунских полков в бою за редуты. Он успешно отразил все атаки шведов, захватив 14 знамён и штандартов. После ранения генерал-лейтенанта Ренне, Родион Баур принял командование над кавалерией правого крыла русской армии. После Полтавской битвы участвовал в преследовании остатков армии противника до Переяловской, завершившемся их сдачей в плен. За отличие в сражении под Полтавой Петр I наградил Баура своим портретом, украшенным бриллиантами, а также земельными владениями. С осени 1709г. Родион Баур командовал кавалерией в армии Шереметева, участвовал в осаде Риги (октябрь 1709г. - июнь 1710г.). С 1711г. с кавалерийским отрядом он вёл боевые действия против шведов в Польше и Дании. В январе 1717г. Родион Христианович Баур принял командование дивизией на Украине, однако вскоре скончался.

Яков Вилимович Брюс (1670-1735) - потомок шотландских королей, сподвижник Петра I, государственный деятель, ученый. В 1683г. был записан в царские потешные. В 1687-1689гг.

принимал участие в Азовских походах Голицына, за что получил поместье. Во время осады Азова в 1696 г. он составил карту земель от Москвы до берегов Малой Азии, которая позднее была напечатана в Амстердаме. В том же году он был произведен в полковники. Из Амстердама, по повелению царя, Яков Брюс был отправлен в Англию изучать математику и астрономию. По возвращении в Россию он занимался астрономией, переводом книг и их изданием. В 1700г. он получил звание генерал-

майора артиллерии. В качестве начальника артиллерии Яков Брюс принимал активное участие в сражениях Северной войны. В битве при деревне Лесной он командовал левым флангом русской армии. В Полтавской битве Яков Брюс успешно командовал всей русской артиллерией, за что был награжден орденом святого Андрея Первозванного. В 1710г. он участвовал в осаде и взятии Риги, в 1711г. сопровождал Петра I в Прутском походе. В 1712г. Яков Брюс участвовал в боевых действиях на севере Германии. В 1711г. он был утвержден в должности генерал-фельдцейхмейстера (главный начальник артиллерии русской армии). В 1718-1719гг. первый министр Яков Брюс возглавлял Российскую делегацию на переговорах со Швецией и в 1721г. успешно заключил Ништадтский мирный договор, который существенно расширил русские владения в Прибалтике. За проявленное мастерство политика и дипломата Петр I пожаловал Якову Брюсу графский титул и поместье из 500 крестьянских дворов. Яков Брюс был начальником Артиллерийского приказа и Инженерной канцелярии; сенатором, начальником Монетной канцелярии и заведующим русским книгопечатным делом. Он известен также как автор первого календаря, изданного в 1709г. Он свободно читал и писал на 8 европейских языках. При его активном участии были составлены первые голландско-русский и русско-голландский словари, отредактированы многие издания по математике, военному делу,

географии. Яков Брюс общался с крупнейшими учеными своего времени: Ньютоном, Лейбницем, Татищевым. После смерти Петра I Брюс вышел в отставку в чине генерал-фельдмаршала (присвоен в 1726г.) и поселился в своей подмосковной усадьбе Глинках, где и скончался 19 апреля 1735 года. Был похоронен в немецкой слободе.

Михаил Михайлович Голицын

(1675-1730), родился в самом конце царствования Алексея Михайловича в семье боярина и курского воеводы Михаила Андреевича Голицына. Имея придворный чин стольника, начал службу с двенадцати лет в "потешных" войсках подрастающего царя Петра барабанщиком Семеновского полка. В 1694г. был произведен в первый свой офицерский чин прапорщика. В Азовских походах за боевые отличия получил чин поручика. В 1698г. под командой Гордона и Шеина под стенами Воскресенского монастыря участвовал в подавлении выступления стрелецких полков. В следующем году в чине капитана сопровождал Петра в морском походе русской эскадры по Азовскому морю. С началом Северной войны Голицын находился в армии и сражался под Нарвой в составе гвардии, отражавшей атаки войск Карла XII на правом фланге, был ранен. В чине подполковника 12 октября 1702г. он командовал отрядом Семеновского полка при штурме крепости Нотебург. За

проявленные доблесть и бесстрашие князь Голицын был награжден поместьями, золотой медалью и чином полковника лейб-гвардии Семеновского полка, даваемым обычно только членам царствующего дома. Отличился Голицын и при осаде Ниеншанца в 1703г., в штурмах Нарвы и Митавы в 1704г. и 1706г. В следующем году он стал командиром дивизии и получил чин генерал-майора. 30 августа 1708г. в

сражении при селе Добром и 28 сентября в битве при Лесной он своими действиями способствовал победе русского оружия, после чего государь, видевший Голицына на поле боя, произвел его в генерал-поручики и наградил своим портретом с бриллиантами. В Полтавском сражении князь командовал гвардией, а затем вместе с А. Д. Меншиковым и кавалерийскими полками Бура и Волконского преследовал отступавшие шведские войска и

принудил их 30 июня 1709г. к сдаче у Переволочны. На следующий год Голицын участвовал в осаде и взятии крепости Выборг, а еще через год участвовал в Прутском походе, чуть не окончившемся трагедией для русской армии. С 1714г. Голицын принял командование войсками в Южной Финляндии. 12 февраля его войска разгромили 8-тысячный отряд шведского генерала Армфельда у деревни Лаппала (Наппо). За эту победу Петр I наградил Михаила Михайловича чином генерал-аншефа. 27 июля 1714г. Голицын участвовал в морском сражении при Гангуте, в котором русские под началом генерал-адмирала Апраксина и самого царя Петра разбили эскадру адмирала Ватранга. В результате побед на суше и на море в 1714г. Финляндия оказалась под контролем России. Ровно через шесть лет, в годовщину Гангутского сражения, произошла морская битва у острова Гренгам. Шведская эскадра (один линейный корабль, четыре фрегата) вице-адмирала Шеблата была наголову разбита русским галерным флотом (61 галера) под командованием Голицына. За эту блестящую победу Петр I пожаловал победителю шпагу и трость, украшенные бриллиантами. После окончания Северной войны князь Голицын командовал войсками в Петербурге, а с 1723г. - войсками в Малороссии. После кончины Петра I императрица Екатерина I пожаловала его чином генерала-фельдмаршала. Уже в царствование императора Петра II он стал сенатором, членом Верховного тайного совета и президентом Военной коллегии. При вступлении на престол Анны Иоанновны Михаил Михайлович Голицын стал терять свое влияние при дворе, был удален от дел и вскоре умер. Он похоронен в Богоявленском монастыре. Михаил Голицын был женат на Евдокии Ивановне Бутурлиной, а вторым браком - на княжне Татьяне Борисовне Куракиной. От этих двух браков родилось одиннадцать дочерей и семеро сыновей, один из которых, Александр, как и отец, стал генерал-фельдмаршалом России.

Князь Михаил Михайлович ГОЛИЦЫНЪ.

Александр Данилович Меншиков (1673-1729), русский государственный и военный деятель, генералиссимус (1727г.). В детстве взят Ф. Я. Лефортом в слуги, затем денщик Петра I. Преданностью и усердием завоевал доверие и расположение царя. С 1693г. бомбардир Преображенского полка, безотлучно находился при Петре I, сопровождая его в поездках по России, в Азовских походах 1695-96гг., в Великом посольстве 1697-1698гг. в Западную Европу. После смерти Лефорта (1699г.) выдвинулся в число ближайших сподвижников Петра I. В 1702г.

был назначен комендантом крепости Нотебург. С 1703г. губернатор Ингерманландии, руководил строительством Санкт-Петербурга и Кронштадта. В 1704г. произведён в генерал-майоры. Во время Северной войны 1700-1721гг. Меншиков командовал крупными силами пехоты и конницы, вырос в крупного военачальника, отличался в осаде и штурме многих крепостей, проявлял бесстрашие и хладнокровие, тактическое мастерство и инициативу. В 1705г. руководил боевыми

1709г., где командовал сначала авангардом, а затем левым флангом русской армии. Ещё до ввода в сражение главных сил Меншиков разгромил отряд генерала Шлиппенбаха и взял его в плен. Затем разбил корпус генерала Рооса, существенно ослабив

тем самым армию Карла XII, что во многом предрешило победу русских войск. Преследуя отступавшую от Полтавы шведскую армию, Меншиков настиг её у Переялочной на Днепре и 30 июня 1709г. принудил капитулировать. За победу под Полтавой был произведён в фельдмаршалы. В 1709-13гг. командовал русскими войсками во время боевых действий в Польше, Курляндии, Померании и Гольштейне. С 1714г. управлял отвоёванными у шведов землями, вошедшими в состав Русского государства, ведал сбором государственных доходов, в 1718-24гг. и 1726-27гг. президент Военной коллегии. С 1714г. постоянно находился под следствием за многочисленные злоупотребления и хищения. Лишь заступничество Петра I спасало его от суда. После смерти Петра I, опираясь на гвардию, 28 января 1725г. оказал решающую поддержку Екатерине I в утверждении на престоле и в годы её царствования был фактически правителем России. 25 мая 1727г. обручил свою дочь Марию с внуком Петра I - Петром П. Однако в борьбе за укрепление личной власти не сумел найти поддержки в гвардии и пресечь влияние на Петра II враждебных ему представителей старой аристократии - князей Голицыных и Долгоруких. 8 сентября 1727г. Меншиков был обвинён в государственной измене, хищении казны и вместе с семьёй сослан в Берёзов, где и умер 12 ноября 1729г.

Александр Данилович
Меншиковъ.

Карл Эвальд Ренне (Ренн, Рен)

(1663-1716), представитель баронского рода из епископства Бременского (позднее предки переехали в Лифляндию), русский генерал от кавалерии (1709), сподвижник Петра Великого, участник Северной войны и Прутского похода. На службу в русскую армию был принят в 1702г. по договору, который заключил с ним князь Григорий Долгорукий. В 1703г. Ренне получил звание полковника и 7 июля 1703г. участвовал в разгроме шведского отряда под командованием генерала Абрахама Крониорта недалеко от

только что основанного Санкт Петербурга. Командовал полком, названным "Полк Ренне", был назначен первым комендантом Санкт Петербурга. В мае 1704г. был произведен в генерал-майоры, принимал участие во взятии Нарвы и Дерпта, разбил шведское войско генерала Шлиппенбаха, посланное Карлом XII на помощь осажденным в Нарве и Дерпте. В 1705г. Ренне находился в Польше и в Курляндии, в том же году он получил чин генерал-поручика кавалерии. В октябре 1706г. 3000-ый авангард армии князя Александра Меншикова, под командованием Карла Эвальда Ренне, напал на 13000-ый отряд графа Потоцкого в Виндаве (Польша) и обратил его в бегство. 3 июля 1708г. Ренне участвовал в неудачной для русской армии битве возле деревни Головчино. 6 июля 1708г. Карл Эвальд Ренне принял участие в военном совете в г. Шклов, на котором было решено отвести русскую армию в район Горки, Соболево. 10 февраля 1709г. Ренне, вместе со своим отрядом в 10 драгунских полков, успешно отразил нападение отряда под командованием Карла XII на город Краснокутск, причем во время этого сражения шведский король едва не попал в плен. 12 апреля 1709г. отряд Ренне, состоявший из нескольких драгунских полков, атаковали подразделения шведского генерала Круза, значительно превосходившие его по численности, однако Ренне отбил это нападение и отеснил неприятеля за Ворсклу. В Полтавской битве 27 июня 1709г. генерал-лейтенант Ренне командовал левым крылом русских войск, однако получил ранение и передал командование генералу Бауру. После битвы (10 июля) он был награжден чином полного генерала от кавалерии. В 1711г. Ренне был в Риге,

откуда в феврале был отправлен в Польшу. Во время Прутского похода, Ренне провел успешную осаду турецкой крепости Браилов, вынудив гарнизон крепости капитулировать 14 июля 1711г. За это Петр I наградил его орденом Святого апостола Андрея Первозванного. С 1711г. по 1715г. Карл Эвальд Ренне командовал дивизией на Украине. В июне 1716г. он был послан в Польшу для усмирения конфедератов, но 29 декабря 1716г. умер в г. Гродно.

Аникита Иванович Репнин

(1668-1726), генерал-фельдмаршал. В 16 лет Аникита Репнин был определен стольником к Петру. При учреждении юным царем в 1685г. "потешных" войск в селе Преображенском близ Москвы Репнин получил чин поручика, а через два года произведен в подполковники. Подавление мятежа стрельцов и отстранение Петром от власти сестры Софьи вывели Репнина вместе с другими убежденными сторонниками царя на арену активной деятельности.

Во время первого Азовского похода Петра (1695г.) Репнин отличился, захватив у турок две береговые башни с 32 пушками, во втором походе под Азов (1696г.), командуя фрегатом, участвовал во взятии этой крепости, давшей России выход к южным морям. В 1700г. Петр произвел 32-х летнего Репнина в генералы от пехоты - чин, соответствовавший генерал-аншефу. В 1701г. он с 19 полками двинулся в Лифляндию, где вошел под командование фельдмаршала Бориса Шереметева. Полки Репнина приняли участие в осаде и взятии Нотебурга, в овладении Ниеншанцем и Нарвой. Летом 1708г. русская армия, против которой двинулись главные силы Карла XII, при отступлении заняла позицию у села Головчино (неподалеку от Могилева). В ночь на 3 июля шведские полки, форсировав реку вброд, атаковали дивизию генерала Репнина, находившуюся в центре позиции русских войск, и после двухчасового упорного боя опрокинули ее. Это повлекло за собой общее отступление русской армии. Рассерженный Петр повелел разжаловать Репнина в солдаты. В сражении под Лесной (1708) князь Репнин действовал как рядовой воин. После выигранного сражения Петр восстановил Репнина в генеральском звании и должности начальника дивизии. В Полтавском сражении 27 июня 1709г., во многом предопределившем исход войны со шведами, Репнин командовал двенадцатью пехотными полками в центре позиции, за свои действия и победу он был удостоен от царя высшей награды - ордена святого Андрея Первозванного. Вскоре после Полтавы Петр приказал князю с его дивизией передвинуться к южным границам для наблюдения за движением крымских татар и турок, а также за порядком в казачьих войсках. 4 июля 1710г., после капитуляции гарнизона Риги, Репнин первым вошел в город с несколькими полками. После этого он

был назначен генерал-губернатором Риги и начальником войск, расположенных в ее окрестностях. В 1712 - 1718гг. Репнин принимал участие в боевых действиях в Померании (взятие Фридрихштадта и Гессингена), Курляндии и Польше. По возвращении в Ригу он исполнял обязанности генерал-губернатора Лифляндии. В 1724г. князь был назначен президентом Военной коллегии с сохранением рижского губернаторства. 7 мая, в день провозглашения Петром своей жены Екатерины императрицей, заслуженный генерал удостоился чина фельдмаршала. Когда после смерти Петра усилиями Меншикова на престол взошла Екатерина, Аникита Иванович, не желая участвовать в интригах, вернулся к губернаторству в Риге, где скончался 3 июля 1726г. на 58-м году жизни.

Борис Петрович Шереметев
(1652-1719) - военный деятель, дипломат. Родился в старинной боярской семье. В 13 лет был назначен в комнатные стольники. В 1682г. получил боярский титул. Проявил себя на военном и дипломатическом поприщах. В 1686г. участвовал в заключении "Вечного мира" в Москве с Речью Посполитой, а затем был поставлен во главе посольства, отправленного в Варшаву для ратификации заключенного мира. Вернувшись в Россию, Шереметев получил командование над войсками, дислоцированными в Белгороде и Севске, для охраны границ державы от крымских набегов.

Служба вдали от Москвы позволила Шереметеву не делать выбора во время борьбы за власть между царевной Софьей и Петром I. В 1695г. он участвовал в первом Азовском походе Петра I. В 1697-1699гг. Шереметев совершил путешествие по Западной Европе, выполняя дипломатические поручения Петра I. Во время Северной войны 1700-1721гг. проявил себя медлительным, осторожным, но талантливым полководцем, заслужившим доверие Петра I. После поражения под Нарвой (1700) Шереметев был направлен в Восточную Прибалтику. В 1701г. у мызы Эрестфер Шереметев нанес шведам поражение, за что был награжден орденом Андрея Первозванного и пожалован чином генерал-фельдмаршала. В 1702г. Шереметев победил шведов при селении Гуммельсгофе, в 1703г. взял города Вольмар, Мариенбург и Нотебург, переименованный в Шлиссельбург; в 1704г. овладел Дерптом. За

подавление мятежа стрельцов в Астрахани в 1705-1706гг.

Шереметев был первым в России удостоен графского титула. В Полтавском сражении Шереметев играл скромную роль, но заслужил одобрение Петра I. В 1709-1710гг. после осады взял Ригу и, отпраздновав недолгий триумф, был отправлен в неудачный для русской армии Прутский поход. В 1712г. Шереметьев заявил Петру I о своем желании постричься в монахи Киево-Печерской лавры, но получил отказ. В 1715г. Шереметев назначен командующим русским экспедиционным корпусом в Померании и Мекленбурге для совместных действий с прусским королем против шведов. В 1717г. он возвратился в

Москву и после тяжелой болезни скончался. В завещании Шереметев просил похоронить его в Киево-Печерской лавре, но Петр I приказал похоронить Шереметева в Александро-Невской лавре.

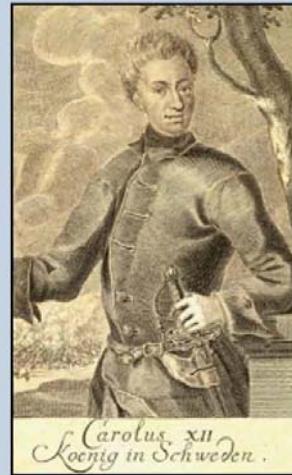
Карл XII (1682-1718), король Швеции (1697 - 1718) родился 17 июня 1682 г. в Стокгольме. Его отцом был король Швеции Карл XI и дочь короля Дании Фредерика III Ульрика Элеонора.

Четверо его младших братьев умерли в младенчестве. Отец, который с детских лет оказывал большое влияние на сына, рано обучил его верховой езде, охоте и фехтованию. Позднее, специально отобранные учителя обучили будущего короля военным наукам, иностранным языкам, юриспруденции, математике, древнегреческой литературе и истории.

Воспитанный в духе преданности принципам абсолютной монархии, Карл унаследовал престол от отца, умершего в 1697 году и сам провозгласил себя королем, отказавшись от регентства и самостоятельно надев на себя корону монарха. Первые годы его правления были достаточно беззаботными, однако все это закончилось в 1700 году, когда молодой и амбициозный российский царь Петр I заключил военный союз с Данией, Польшей и Саксонией с целью отобрать у Швеции ее владения на побережье Балтийского моря.

Объявление Россией войны Швеции стало началом Великой Северной войны, которая длилась 21 год. Приобретенный еще в юношеские годы военный опыт помог молодому монарху легко вывести из войны Данию (Травентальский договор 1700г.), затем он обратил свое внимание на Польшу-Саксонию. После первого крупного поражения русской армии под Нарвой в 1700 году Карл XII отказался преследовать своего основного врага и на долгие 7 лет увяз в мелких сражениях на европейском театре военных действий.

В 1706 году он вынудил польского короля Августа II отказаться от трона и подписать Альтранштадский мирный договор, после чего на его место был посажен ставленник Карла XII Станислав Лещинский. Русская кампания была начата только в 1707 году, когда армия Петра I уже имела определенный боевой опыт и современное вооружение. План Карла XII нанести непосредственный удар на Москву пришлось изменить в связи с резким ухудшением снабжения армии и применяемой русскими тактикой "выжженной земли". Отряд генерала Левенгаупта, который должен был доставить продовольствие и порох для шведской армии, был разбит русскими под деревней Лесной. Король принял решение повернуть на юг, и в апреле 1709 года

его армия подошла к Полтаве.

27 июня 1709 года здесь состоялась решающая битва Великой Северной войны. После сокрушительного поражения шведская армия была вынуждена отступить на юг к Днепру. В районе Переяславской Русской армии настигла отступающего противника и вынудила его сдаться. В плен попало более 16 тысяч воинов армии Карла XII; сам король с небольшим отрядом переправился через Днепр и нашел убежище в Османской империи. Статус почетного гостя вскоре был изменен на статус пленника.

Находясь далеко от Швеции, король активно управлял страной, реформировал систему налогообложения, требуя выделения финансовой поддержки для нужд армии. Вследствие этого Швеция была доведена до нищенского состояния, росло также недовольство политикой монарха.

В 1714г. Карл XII смог покинуть Турецкую империю и, проведя год в Штральзунде, вернулся в Швецию в 1715 году. За это время Россия сумела расширить антишведскую коалицию, приняв в нее Бранденбург и Ганновер. Потеряв свои балтийские провинции, Финляндию и владения в Германии, король, тем не менее, отказывался подписать мирный договор с Россией. Следствием этого стало перенесение центра военных действий на Балтику. Во многих морских сражениях того времени возмужавший флот России наносил сокрушительные поражения шведскому флоту.

В 1716 году Карл XII предпринял безуспешную попытку напасть на Норвегию. Во время повторной кампании 30 ноября 1718 года, находясь в осадных траншеях возле норвежской крепости Фредрикстен, шведский король был убит. Пуля попала ему в голову, а вопрос о том, было это убийство или шальная пуля, выпущенная из крепости, до сих пор является предметом горячих споров историков. Тело убитого монарха было доставлено в Стокгольм и похоронено в усыпальнице шведских монархов в церкви Риддархольмскиркан (Riddarholmskyrkan). Карл XII умер неженатым и бездетным. Шведский престол, по решению Риксдага, наследовала его сестра Ульрика Элеонора.

Август II, Король Польский и курфюрст Саксонский (Август II Сильный). Родился 12 мая 1670 г. в Дрездене, умер 1 февраля 1733 г. в Варшаве. Курфюрст Саксонии (1694 – 1733) и Король Польши (1697 – 1706, 1709 – 1733). Отец – курфюрст Саксонии Иоганн Георг III, мать – датская принцесса Анна София. После смерти в 1694 г. старшего брата Иоганна Георга IV Август стал курфюрстом Саксонии под именем Фредерика Августа II. После смерти короля Польши Яна III Собецкого и перехода в католицизм, в 1697 г. Август был избран королем Польши.

Недюжинная физическая сила, позволявшая ломать подковы, снискала ему прозвища "Сильный", "Саксонский Геркулес" и "Железная рука". Много лет армия Августа принимала участие в войнах Священной Лиги против Османской Империи. Победа в битве при Подхайце (1698 г.) вынудила турок подписать мирный договор (Карловицы 1699 г.), по которому к Польше отошли Подolia и Каменец Подольский. После смерти короля Швеции Карла XI в 1697 г., на престол взошел его 15-летний сын Карл. В этих условиях Россия, Дания и Польша-Саксония решили сформировать военный союз с целью отвоевать у Швеции земли, которые были захвачены ею в XVI столетии. После подписания мирного договора с Османской Империей русский царь Петр I объявил войну Швеции. Так началась Великая Северная война, длившаяся 21 год.

Молодой шведский царь Карл XII быстро сумел доказать, что является достойным наследником шведских королей-воинов: Карла X и Карла XI. Проведя быстротечную кампанию против Дании, он сумел быстро вынудить ее выйти из войны и разорвать связи с антишведским альянсом. Далее последовал разгром русской армии под Нарвой, после чего шведский монарх направил все свои силы на борьбу с Польшей, ставя своей целью свержение Августа II. Карл XII одержал победы над саксонскими войсками в битвах при Риге (1701), Клисовой (1702), Пуллицке (1703), Лемберге (Львов) (1704), Гродно (1705), Фрауэнштадте (1706). Осенью 1706 Карл XII вторгся в Саксонию и захватил ее столицу – Дрезден. Август II был вынужден подписать Альтранштадтский мир, лишивший его польского престола и

союза с Россией. Пользуясь тем, что шведская армия на несколько лет увязла в многочисленных стычках с саксонцами, Петр I провел существенную реорганизацию армии и перевооружил ее.

Битва под Полтавой ознаменовала гибель шведской империи и рождение империи российской. В 1709 году при помощи России Август II вернул себе польский трон. Ему не удалось вернуть времена абсолютной монархии в польско-литовском государстве, ввиду активной оппозиции дворянского сословия. В 1712 году царь Петр I вручил ему высшую награду России – орден Святого Апостола Андрея Первозванного. Вскоре Польша оказалась в полной зависимости от Российской империи. Во время правления Августа II столица Саксонии Дрезден превратился в единый архитектурный ансамбль в стиле барокко. Шедевры мировой живописи украшали стены многочисленных замков, построенных по повелению короля. По заказу Августа художник-ювелир Иоганн Динглингер создал уникальную по своей красоте и стоимости коллекцию ювелирных изделий. Он основал производство **Фарфора** в Дрездене и Майсене. Август II умер в 1733 году. Его старший сын унаследовал польский престол как король Август III.

Фредерик IV (*1671— †1730)

— король Дании и Норвегии с 1699 года. Сын датского короля Кристиана V и Шарлоты Амалии Гессен-Кассельской. Происходил из династии Ольденбургов.

Большую часть правления Фредерика IV Дания участвовала в Северной войне (1700—1721) против Швеции. Вторжение датских войск на территорию Гольштейна в первый год войны закончилось высадкой 7 августа 1700 года шведского десанта около Копенгагена, после чего был заключён Травендалльский мир, а Дания вышла из антишведской коалиции. В 1709 году, после поражения Швеции в Полтавской битве, Дания опять вступила в войну. Фредерик IV командовал датскими войсками при сражении у Гадебуша 10 декабря 1712 года, в котором шведская армия разбила датско-саксонское войско. В январе 1713 года русская армия пришла на помощь и разбила шведов в Гольштейне. Однако вернуть потерянные территории в южной Швеции Дания уже не смогла. После поражения шведского союзника герцогства Гольштейна-Готторпского, в Шлезвиг-Гольштейне вновь стала доминировать Дания.

Самым важным достижением Фредерика IV во внутренней политике была реформа, отменившая в 1702 году крепостное право. Однако в 1733 году крепостничество было восстановлено вновь, а все результаты реформы — ликвидированы. Благие намерения Фредерика IV были парализованы отчасти его неподготовленностью, отчасти продолжительной войной, вызвавшей крайнее отягощение народа рекрутчиной и налогами. Полученное им образование далеко не соответствовало его назначению; он плохо писал и по-датски и по-немецки. Слабость подготовки к деятельности правителя до некоторой степени сглаживалась благодаря его природному уму, прекрасной памяти и необычайному трудолюбию.

Фредерика IV считали человеком ответственным и трудолюбивым, часто его представляют как самого интеллектуального из монархов Дании. Хотя он и не увлекался академической наукой, тем не менее, покровительствовал искусству и архитектуре. Его главные слабости были, вероятно, любовь к удовольствиям и страсть к женщинам. Фредерик IV —

единственный датский король-двоежёнец. 5 декабря 1695 года он женился на Луизе Мекленбург-Гюстовской. Не разведясь с первой женой, 26 июня 1712 года он выкрад 19-летнюю графиню Анну Софию Ревентлов и тайно женился на ней, даровав ей титул герцогини Шлезвига. Спустя три недели после смерти королевы Луизы он повторно женился на Анне Софии в Копенгагене 4 апреля 1721 года и официально объявил её королевой. Фредерик IV похоронен в соборе города Роскилле.

Хуго Юган Гамильтон(1668-1748), барон, фельдмаршал. Сын ирландского архиепископа Малкольма Гамильтона (1635-99) и Катарины Макелер. В 1681г. в чине фельдфебеля он был причислен к шведскому полку Ельсборг, однако свою военную карьеру он начал во французской армии, с которой он участвовал в осаде и взятии крепости Намур и битве при Стенберке. После этого он продолжил службу в голландской армии и принял участие в битве при Нирвиндене (1693). Далее Хуго Гамильтон возвращается в Швецию и поступает на службу в армию Карла XII. В октябре 1700г. он прибыл в порт Пернау (Эстония). В битве под Нарвой (1700г.) он участвовал уже в звании подполковника, а в битве под Клишовом (1702г.) – в качестве полковника. После этого, в составе корпуса под командованием генерала Карла Реншильда, Гамильтон принимал участие в обороне Варшавы. В Польше Гамильтон сильно заболел и был вынужден вернуться в Швецию для лечения, однако уже через несколько месяцев он возвращается в действующую армию и принимает участие в битве при Фрауштадте (1706). В 1707г. его решила посетить жена Катарина Фалькенберг чтобы показать отцу сына, которого тот еще не видел, однако в г. Штеттин (Щецин) она неожиданно умерла. Несмотря на постигшее Гамильтона горе, он принял решение остаться в армии. В 1708г. он находился на Украине и в чине генерал-майора командовал Остготским кавалерийским полком. Он принимал участие в январском сражении 1709г. на реке Ворскле и Полтавской битве 27 июня 1709г. В Полтавской битве Хуго Гамильтон командовал кавалерией левого фланга шведской армии и был взят в плен. В начале июля 1709г. он вместе с Бернтом Стакелбергом, Карлом Реншильдом, Карлом Крейцем и некоторыми другими высокопоставленными офицерами Карла XII был помещен в крепость Ораниенбург, где находился до начала зимы, после чего был перевезен в Москву, где 21 декабря прошел по улицам столицы вместе с другими военнопленными шведами. Некоторое время после этого Гамильтон находился в Москве, где вместе с графом Пипером работал в Союзе Шведских военнопленных в России, который оказывал посильную помощь пленным воинам Карла XII. С 1715г. он находится в Казани. После подписания

Ништадтского мира (1721) Хамильтон вернулся в Швецию в 1722г., проведя таким образом более 12 лет в русском плену. По возвращении домой, уже в чине генерала, он принял командование Восточно-Готским кавалерийским полком и жил в своем поместье Туна возле города Линчепинг. В июле 1723г. он женился на Анне Флеминг. В 1734г. он был произведен в фельдмаршалы. В октябре 1742г. Хуго Гамильтон назначен председателем высшего военного трибунала, расследовавшего действия Карла Эмиля Левенгаупта и Хенрика Магнуса фон Будденброка, приведшие к окружению 17-тысячной шведской группировки возле Гельсингфорса (Хельсинки). В феврале 1743 г. суд приговорил обвиняемых к казни через обезглавливание, лишению всех достоинств и имущества. Хуго Гамильтон умер 9 января 1748г. в своем поместье Туна. Вместе со своей второй супругой Анной Флеминг, умершей в 1735г. он был похоронен в усыпальнице церкви в г. Бьорклинге (земля Упланд).

Адам Людвиг Левенгаупт (1659-1719), генерал шведской армии, граф был высокообразованным и глубоко религиозным аристократом, который в начале своей карьеры надеялся добиться успехов на дипломатическом поприще. Он получил высшее образование, закончив университеты Лунда (1671), Упсалы (1675) и Ростока (1680). Однако, столкнувшись с проблемами продвижения по службе, он принял решение сменить род занятий и перейти на военную службу. Он проходил контрактную службу в баварской армии, которая сражалась с

Турцией (1685) и датской армии (1686 – 1698), после чего в чине полковника вступил в ряды армии Карла XII. Это произошло накануне начала Северной войны (1700-1721гг). Получив определенную самостоятельность в управлении подчиненными частями, он проявил себя как надежный и трезво мыслящий командир, лишенный, однако, той военной фантазии, которая была присуща Карлу XII. В 1703г. в звании генерал-майора инфanterии он был назначен губернатором Курляндии. В 1706г. он уже имел звание генерала от инфanterии и занимал должность губернатора Риги, удерживая шведскую Ливонию во власти своего короля. Как командир, он отличался осмотрительностью и заботой о своих подчиненных. Корпус Левенгаупта, который должен был двигаться от Риги на соединение с основными силами шведской армии, а также доставить большие запасы продовольствия и амуниции для основной армии, был разбит российскими войсками у деревни Лесной 28 сентября 1708г., что стало прелюдией к дальнейшей катастрофе, постигшей шведскую армию в битве под Полтавой 27 июня 1709г. Во время самой битвы Левенгаупт был нездоров, что

сказалось на управлении им всеми пехотными частями шведской армии. Кроме того, у него сложились очень сложные взаимоотношения с фельдмаршалом Карлом Реншильдом, которому король передал всю полноту власти над шведской армией в Полтавской битве, что не могло не повлиять на исход решающего сражения Великой Северной войны. После битвы Левенгаупт руководил отступлением остатков шведской армии к Переволочной на Днепре, где он принял решение сдаться на милость победителя, чтобы избежать бесполезного кровопролития. Находясь в плену, он жил в Москве, где и умер в 1719г.

Карл Густаф Реншельд (1651-1722)

- шведский фельдмаршал, граф, сподвижник короля Карла XII. Родился 6 августа 1651 г. в Германии в городе Грейфсвальде. Его отец Герд Антонисон

Кевенбрингк служил в департаменте государственных сборов, а затем в правительстве. После получения дворянского звания в 1639 г. он принял фамилию Реншельд. Карл Реншельд обучался в университете г. Лунд под руководством Самуэля Пуфендорфа, известного немецкого юриста, историка и философа. В 1673 г. он поступил на контрактную службу в Нерке-Вермландский полк. С 1676 г.

Реншельд - поручик гвардии. Во время Сконской войны с Данией (1676-1679 гг.) он отличился в сражениях при Хальмстаде, Лунде и Ландскруне. В 1677 г. Карл Реншельд становится подполковником Лейб-гвардейского конного полка королевы матери, а после окончания войны участвует в реорганизации системы шведских военных поселений - индельты. В 1691 г. он отправился служить в Нидерланды, где участвовал во франко-голландской войне (1688-1697 гг.). После возвращения на родину 9 мая 1693 г. Реншельд в звании полковника служит в Северо-Сконском кавалерийском полку. В 1696 г. он получает чина генерал-майора, а в 1698 г. его производят в генерал-лейтенанты и назначают генерал-губернатором Сконе. В том же году он получает титул барона. С началом Северной войны Реншельд становится ближайшим советником Карла XII по военным вопросам. В 1700 г. он принимал участие в высадке шведских войск на датский остров Зеландия и сражении под Нарвой, в ходе которого командовал левым флангом. Во время польской кампании Реншельд командовал вспомогательными корпусами, действовавшими во взаимодействии с главной армией. 17 апреля 1703 г. Карл Реншельд был произведён в генералы от кавалерии. В 1705 г. ему было поручено командование армией, которая должна была прикрывать Польшу с запада, пока Карл XII двигался маршем на Варшаву и Гродно. За свои заслуги 27 декабря 1705 г. он был назначен королевским советником и произведен в фельдмаршалы. 3 февраля 1706 г. Реншельд нанес

поражение саксонскому генералу от инфантерии графу Иоганну Матиасу фон Шулленбургу при Фрауштадте и заставил Саксонию заключить сепаратный мир. 21 июня 1706 г. он получил графский титул. В 1707-1709 гг. Реншельд принимал участие в Российской кампании Карла XII. В битве под Полтавой (27 июня 1709 г.) он командовал шведской армией вместо раненого короля, однако, потерпев сокрушительное поражение от русской армии, попал в плен. Во время своего продолжительного пребывания в плену вместе с первым министром графом Пипером, несмотря на существовавшую между ними неприязнь, помогал нуждавшимся в помощи шведским военнопленным. В июле 1718 г. Карл Реншельд был обменян на захваченного в 1700 г. у крепости Нарва генерала Автонома Михайловича Головина и в том же году принял участие в походе Карла XII в Норвегию, который оказался последним для шведского монарха. После окончания Северной войны Карл Реншельд был членом Королевского Совета. В январе 1722 г. во время поездки в замок Кунгсёэр Карл Густав Реншельд заболел и через два дня умер.

Карл Густаф Роос (1655–1722), генерал-майор, сподвижник шведского короля Карла XII. Родился 25 декабря 1655г. в Вестерготланде в семье кавалерийского майора Густава Эриксона Рооса и Кристины Свинхуфвуд. Военную службу начал в 1674г. в немецкой армии в качестве добровольца полка под командованием фельдмаршала де Гранкса. Вместе с этим полком он участвовал во многих сражениях Франко-Голландской войны 1672–1678гг. В 1675г. Роос участвовал во взятии немецкой крепости Триер, захваченной французскими войсками, а через год – в осаде крепости Филипсбург. После возвращения в Швецию, Карл Густав Роос в звании второго лейтенанта служил в кавалерийском полку королевы-матери Хедвиги Элеоноры. В 1678г. он, в звании лейтенанта, служит в полку Лейб-гвардии, а в 1686г. Карл Роос – майор Скараборгского полка. В 1696г. Карл Роос – подполковник пехотного полка под командованием генерал-майора от инфантерии Эрика Соопа, дислоцированного в Риге. В 1701 – 1722гг. Карл Роос – командир Нерке-Верmlandского полка (несмотря на то, что с 1709г. по 1722г. он находился в плену). После Польской кампании 1705г. ему было присвоено дворянское звание и чин генерал-майора. В битве под Нарвой (1700г.) он проявил мужество и героизм, атакуя с небольшим отрядом передовые русские укрепления возле крепости. В дальнейшем он сопровождал короля Карла XII во многих сражениях русской кампании, среди которых бой у Клиссова (9 июля 1702г.), битва при Фрауштадте (13 февраля 1706), столкновение у села Малятице (31 августа 1708г.), Полтавская битва (27 июня 1709). В Полтавской битве под командой генерал-майора Карла Рооса находилась одна из четырех пехотных колонн, которая понесла серьезные потери во время сражения у русских редутов. В результате потери контроля над подчиненными частями, батальоны Рооса оказались оторванными от основной армии. Это обстоятельство удачно использовал Петр I, направив на отрезанные шведские части пять батальонов пехоты и пять кавалерийских полков под общим командованием князя Александра Меншикова, которые нанесли им сокрушительное поражение. Остатки колонны Рооса сдались в плен в одном из оставленных шведами шанцев возле крепости Полтава. Вместе с

остальными пленными Роос прошел по улицам русской столицы после торжественного въезда Петра I в Москву. После этого он был отправлен в Казань, где находился до своего освобождения после подписания Ништадтского мирного договора 1721г., положившего конец Северной войне. В 1722г., по дороге домой генерал-майор Карл Густав Роос скончался в городе Обо.

Аксель Спарре (1652-1728), граф, фельдмаршал, художник. Сын Акселя Карлсона Спарре (губернатора Готланда (1650) и Остерготтланда (1654)) и Маргарет Оксеншерна, Аксель Спарре родился 9 января 1652г. в г. Висбю. В двадцатилетнем возрасте он начал свою военную карьеру, поступив на службу в голландскую армию. Участвовал во франко-голландской войне (1672-1675гг.). После перехода на службу в шведскую армию Спарре участвовал в войне Дании против Швеции за землю Сконе (1676-1679гг.). В 1676г. он

получил звание капитана гвардии, а в 1677г. Аксель Спарре - подполковник Нерке-Вермландского полка. Будучи преданным кронпринцу Карлу, Аксель Спарре содействовал принятию риксдагом в 1697г. решения о досрочном признании молодого наследника престола совершеннолетним и провозглашении его королем Карлом XII. В 1699г. Спарре получил звание полковника и был назначен командиром Вермландского полка, с которым он присоединился к армии Карла XII сразу после битвы под Нарвой (1700). В 1705г. он получил звание генерал-майора. Спарре проявил себя смелым воином в битвах при Клишове (1702г.) и Фрауштадте (1706). Начиная свою русскую кампанию, Карл XII был настолько уверен в победе, что обещал Акселю Спарре должность московского губернатора. В Полтавской битве 27 июня 1709г. Аксель Спарре командовал одной из четырех колонн шведской пехоты, которая атаковала русские редуты. В дальнейшем он безуспешно пытался спасти пехотные части генерала Роза от окружения и уничтожения. После поражения шведов в Полтавской битве, генерал-майор Спарре сопровождал короля с небольшим отрядом от Переяславской на Днепре до Турецкой империи. В 1710 он получил звание генерал-лейтенанта. Спарре участвовал в кровопролитном столкновении отряда короля с турками в феврале 1713, несколько дней находился с Карлом XII в турецком плена. Аксель Спарре был достаточно талантливым портретистом, хотя и не имел соответствующего образования (портрет Карла XII его кисти, написанный в 1712 году, хранится в Грипсхольмской художественной галерее Швеции). Карл XII любил Спарре за чувство юмора и веселый нрав. Перед тем как покинуть шведский лагерь под Бендерами, Карл XII передал Акселю Спарре все полномочия на командование оставшимися шведскими воинами в количестве более чем 1000 человек. Это

Аксель Юлленкрук

(Юленкрок, Гилленкрок) (1665–1730), шведский генерал, барон. Родился в г. Або в семье асессора Андерса Крука (после получения дворянского титула - Юлленкрука) и Марии Мумс. В возрасте 18 лет был принят на службу в лейб-гвардию и сделал достаточно быструю карьеру: в 1686 он уже был командиром роты в чине капитана. Для совершенствования в военном деле, в 1688 году Юлленкрук поступил на службу во французскую армию, где прослужил 7 лет. Он участвовал во многих сражениях, среди них осада крепостей Намур, Турнэ, Шарлеруа и Диксмюде, бомбардировка крепостей Шарлеруа и Брюссель, а также битвы при Стенкеркене и Сен-Дени. В 1701г. он был произведен в майоры. В начале Северной войны Аксель Юлленкрук участвовал в высадке шведской армии на остров Зеланд. Наибольшую известность он заслужил как генерал-квартирмейстер Карла XII. Он отвечал за оперативное планирование наступательных операций, а его коллекция карт и описаний местности использовалась Карлом XII для подготовки военных кампаний в Польше и России. Во время боевых действий в Курляндии в 1703г. Юлленкрук стал генерал-квартирмейстер-лейтенантом (*generalkvartermästare-löjtnant*). После поражения шведской армии в Полтавской битве 27 июня 1709г. Юлленкрук следовал за королем в Ottomanскую империю (Бендеры). Оттуда он был послан с небольшим отрядом, в составе которого кроме 300-400 шведов было около 900 запорожцев, к польской границе для установления связи со шведским войском под командованием генерала Крассова, которое дислоцировалось в Польше. Однако в городе Черновцы (Подконтрольная Ottomanской порте Молдавия) он был атакован превосходящими силами русского отряда и капитулировал 24 сентября 1709 года. Иное мнение относительно этого задания высказал фортификационный капитан Шульц, который в 1723 году в своем рапорте в депутатскую комиссию по обороне шведского парламента писал, что целью данной операции Юлленкрука было настроить турков против русских путем совершения диверсий на турецкой территории. Согласно договору о капитуляции, пленные шведские офицеры были доставлены во внутренние районы России. Юлленкрук находился

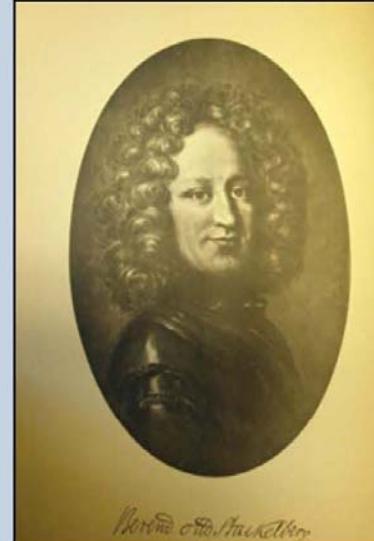
в Москве в очень тяжелых условиях, что привело к появлению признаков душевной болезни. (Март 1712г.). Позднее он, как и многие другие пленные офицеры был увезен из Москвы. Место, куда его направили, Юлленкрук называл Воскресенский. В 1722г. он вернулся в Швецию, получил звание генерал-лейтенанта и был назначен губернатором Гетеборга и земли Бохус (с 1723г. и до конца жизни). Аксель Юлленкрук умер в своем поместье Свенсторп 17 сентября 1730г. В 1932г. его именем была названа одна из улиц Гетеборга.

Карл Густаф Крейц (1660-1728), барон, генерал от кавалерии, один из наиболее опытных командиров шведской кавалерии, принимал участие в 16 битвах. Родился в Текхаммере (земля Сёдерманланд) в семье генерала Лоренца Крейца (1615-1676) и Элизы Дюваль. В возрасте десяти лет был принят в пажи ко двору короля Карла XI. Позднее, в чине лейтенанта-капитана Карельского кавалерийского полка, участвовал в войне с Данией 1677-79гг. В 1682г. получил звание лейтенанта, в 1691г. - капитана, служил в лейб-гвардии кавалерийском полку. Во время правления Карла XII (1682-1718гг.), сделал стремительную военную карьеру, отличившись во многих сражениях. К началу русской кампании Карла XII (1708г.) Карл Густаф Крейц уже имел чин генерал-майора кавалерии, который был ему присвоен за успешные боевые действия на Балтике и в Польше-Саксонии. В Полтавской битве он командовал всей кавалерией правого фланга шведской армии. После поражения отступал к Переяловской на Днепре, где, вместе с 16 тысячами воинов и 5 тысячами гражданских, был взят в плен. По имеющимся данным, он и его сын Лоренц (1690-1733), который также попал в плен к русским, находились в Тобольске. После смерти первого министра Карла XII графа Карла Пипера, который возглавлял союз шведских военнопленных в России, Карл Крейц занял его место. После подписания Ништадтского мирного договора (1721г.) Крейц вернулся в Швецию в 1722г. Он получил звание генерала и принял новый лейб-гвардии кавалерийский полк, созданный взамен погибшего под Полтавой. Карл Крейц был женат на Софии Кристине Нат Ок Даг (Sofia Kristina Natt och Dag), дочери советника департамента государственных сборов Густава Перссона. Посредством данного брака он получил поместье Текхаммар недалеко от Нючепинга. Когда в 1733г. умер их сын Лоренц, поместье перешло к его сестре Беате и ее мужу Фредерику Розенхану. Они перенесли останки Карла Густафа Крейца и его супруги Софии из церкви Риддархольм в Стокгольме в церковь Хусбю-Оппунда в Сёдерманланде. Особый интерес для историков представляют письма Карла Густафа Крейца к его супруге Софии, в которых описан ход боевых действий во время российской кампании Карла XII.

Барон Берннт Отто

Стакельберг (1662-1734), фельдмаршал и лорд из династии Халлинап (Hallinap), родился 14 марта 1662г. в Ревеле (теперь Таллин) в семье Вальтера фон Стакельберга и Елены фон Левен (Ливе). В 1685г. Берннт Стакельберг начал свою военную службу в качестве волонтера датской гвардии, затем он служил во французской армии в звании капитана. С началом Северной войны (1700-1721) барон Берннт Стакельберг получил должность адъютанта последнего шведского генерал-губернатора Ингрии и Карелии графа Отто Веллингка (1649-1708). В 1701г., в звании

Портрет отца Михаила

первого лейтенанта, он сражался в армии генерала Вольмарса Антона фон Шлиппенбаха против русских в Ливонии. В сражениях у мызы Рауге (1701г.) и Казариц (1701г.), которые были успешными для шведской армии (хотя и не имели большого стратегического значений) Берннт Стакельберг командовал шведской артиллерией. 11 марта 1702г. он был назначен командиром Бьёрнеборгского пехотного полка (бригада Пори), основанного в 1626г. королем Швеции Густавом II Адольфом. В 1704г. Берннт Стакельберг в звании полковника служил в армии генерала Адама Людвига Левенгаупта. Он принимал участие в сражении под Якобштадтом (1704г.), в котором он командовал левым флангом шведской пехоты. В битве при Гемауэртгофе (1705г.) между корпусом Левенгаупта и русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева Берннт Стакельберг командовал авангардом шведской пехоты. В 1706г. он получил звание генерал-майора. В битве при деревне Лесной (1708г.), которая во многом предопределила поражение шведской армии под Полтавой, Стакельберг командовал одной из пехотных колонн. В этой битве, которая сопровождалась сильным снегом вперемешку с дождем, почти половина 16-тысячного шведского корпуса попала в плен, и около 1000 воинов было убито. В Полтавской битве 27 июня 1709г. генерал-майор Берннт Стакельберг командовал одной из четырех колонн пехоты, которые рано утром начали наступление на русские редуты. Он попал в плен одним из первых, как только русская армия начала охватывать противника

на правом фланге. Вместе с другими пленными шведскими офицерами Берннт Стакелберг участвовал в торжественном въезде царя Петра I в Москву 21 декабря 1709г. Он находился в русском плену почти 13 лет и был освобожден только после подписания Ништадтского мирного договора в 1721г. В 1722г. Стакельберг был назначен главнокомандующим шведскими войсками, дислоцированными в Финляндии. Одновременно он выполнял обязанности командира полка земли Обо (Åbo). Грамотой королевы Швеции Ульрики-Элеоноры, от 31 июня 1727г., за многолетнюю верную службу, генерал-лейтенант Берннт Отто Стакельберг был возведен в баронское достоинство с правом передачи его по наследству. В том же году ему было присвоено звание генерала-фельдмаршала. Берннт Отто Стакельберг был женат на баронессе Маргарете Элизабет Мейдель (1696г.). Скончался в г. Обо 29 августа 1734г.

Карл Густаф Реншельд (1651-1722) - шведский фельдмаршал, граф, сподвижник короля Карла XII. Родился 6 августа 1651г. в Германии в городе Грейфсвальде. Его отец Герд Антонисон Кевенбрингк служил в департаменте государственных сборов, а затем в правительстве. После получения дворянского звания в 1639г. он принял фамилию Реншельд. Карл Реншельд обучался в университете г. Лунд под руководством Самуэля Пуфендорфа, известного немецкого юриста, историка и философа. В 1673г. он поступил на контрактную службу в Нерке-Верmlandский полк. С 1676г. Реншельд - поручик гвардии. Во время Сконской войны с Данией (1676-1679гг.) он отличился в сражениях при Хальмстаде, Лунде и Ландскруне. В 1677г. Карл Реншельд становится подполковником Лейб-гвардейского конного полка королевы-матери, а после окончания войны участвует в реорганизации системы шведских военных поселений - индельты. В 1691г. он отправился служить в Нидерланды, где участвовал во франко-голландской войне (1688-1697гг.). После возвращения на родину 9 мая 1693г. Реншельд в звании полковника служит в Северо-Сконском кавалерийском полку. В 1696г. он получает чина генерал-майора, а в 1698г. его производят в генерал-лейтенанты и назначают генерал-губернатором Сконе. В том же году он получает титул барона. С началом Северной войны Реншельд становится ближайшим советником Карла XII по военным вопросам. В 1700г. он принимал участие в высадке шведских войск на датский остров Зеландия и сражении под Нарвой, в ходе которого командовал левым флангом. Во время польской кампании Реншельд командовал вспомогательными корпусами, действовавшими во взаимодействии с главной армией. 17 апреля 1703г. Карл Реншельд был произведен в генералы от кавалерии. В 1705г. ему было поручено командование армией, которая должна была прикрывать Польшу с запада, пока Карл XII двигался маршем на Варшаву и Гродно. За свои заслуги 27 декабря 1705г. он был назначен королевским советником и произведен в фельдмаршалы. 3 февраля 1706г. Реншельд нанес

поражение саксонскому генералу от инfanterии графу Иоганну Матиасу фон Шуленбургу при Фрауштадте и заставил Саксонию заключить сепаратный мир. 21 июня 1706г. он получил графский титул. В 1707-1709гг. Реншельд принимал участие в Российской кампании Карла XII. В битве под Полтавой (27 июня 1709г.) он командовал шведской армией вместо раненого короля, однако, потерпев сокрушительное поражение от русской армии, попал в плен. Во время своего продолжительного пребывания в плену вместе с первым министром графом Пипером, несмотря на существовавшую между ними неприязнь, помогал нуждавшимся в помощи шведским военнопленным. В июле 1718г. Карл Реншельд был обменян на захваченного в 1700г. у крепости Нарва генерала Автонома Михайловича Головина и в том же году принял участие в походе Карла XII в Норвегию, который оказался последним для шведского монарха. После окончания Северной войны Карл Реншельд был членом Королевского Совета. В январе 1722г. во время поездки в замок Кунгсёэр Карл Густав Реншельд заболел и через два дня умер.